

COMPARATIVE POLITICS RUSSIA

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

2019 Т.10 № 1

В номере:

ИНФОРМАЦИОННО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА
В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

ВЫСШАЯ
АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ (ВАК)
при Министерстве образования и науки

В соответствии с решением **Высшей аттестационной комиссии** Министерства образования и науки Российской Федерации журнал включен в перечень **ведущих рецензируемых научных журналов** и изданий, в которых должны быть опубликованы научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по отраслям 23.00.00 – Политология и 07.00.00 – Исторические науки и археология.

**Журнал включен в следующие
международные библиографические базы данных:**

WEB OF SCIENCE™ CORE COLLECTION
– **EMERGING SOURCES
CITATION INDEX**

РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС
НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ
Science Index

**ULRICH'S
PERIODICALS DIRECTORY™**

BASE

Интелпрос
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ РОССИЯ

OCLC
WorldCat®

Crossref

DOAJ DIRECTORY OF
OPEN ACCESS
JOURNALS

CYBERLENINKA

Google™
Scholar

**J-Gate
INDEXED**

OPEN ARCHIVES

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА COMPARATIVE POLITICS RUSSIA

2019 • Т.10 № 1

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-28335 от 8 декабря 2009 г.
и Эл №ФС77-63932 от 09.12.15 (онлайн)

Издано при
поддержке
фонда
развития
МГИМО

Международный редакционный и консультационный совет

Главный редактор

А.Д. Воскресенский,
д.полит.н., д.философии
(Манчестерский университет), профессор

Заместитель главного редактора

Е.В. Колдунова, к.полит.н., доц.

Ответственный секретарь

Д.А. Кузнецов

Т.А. Алексеева, д.ф.н., проф., заслуженный деятель
науки РФ, МГИМО МИД РФ,
Москва, Россия

О.Н. Барабанов, д.полит.н., проф.,
МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

В.Я. Белокрешицкий, д.и.н., проф., Институт
востоковедения РАН, Москва, Россия

О.В. Гаман-Голутвина, д.полит.н., проф.,
МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

В.В. Гриб, д.ю.н., проф., Издательская группа
«Юрист», Москва, Россия

Айше Дитрих, проф., Ближневосточный
технический университет, Анкара, Турция

Александр Жебит, проф., Федеральный
университет Рио-де-Жанейро, Рио-де-Жанейро,
Бразилия

В.И. Журавлева, д.и.н., проф., РГГУ, Москва, Россия

Клаус Зегберс, проф., Свободный университет
Берлина, Берлин, Германия

Чарльз Зиглер, проф., Университет Луисвилла,
Луисвилл, США

Акихиро Ивасита, проф., Университет Хоккайдо,
Саппоро, Япония

М.В. Ильин, д.полит.н., проф., НИУ ВШЭ,
Москва, Россия

В.Г. Ледаев, д.ф.н., д. философии (Манчестерский
университет), проф., НИУ ВШЭ, Москва, Россия

М.М. Лебедева, д.полит.н., проф., заслуженный
работник высшей школы РФ, МГИМО МИД РФ,
Москва, Россия

С.И. Лунев, д.и.н., проф., МГИМО МИД РФ,
Москва, Россия

Редакционная коллегия выпуска

Е.В. Колдунова

А.В. Ломанов

В.Г. Ледаев

Д.А. Кузнецов

Ответственный секретарь онлайн версии

И.Ю. Окунев, к.полит.н., доц.

В.В. Михеев, д.э.н., проф., академик РАН,
ИМЭМО РАН, Москва, Россия

О.В. Павленко, к.и.н., доц., РГГУ, Москва, Россия

Е.И. Пивовар, д.и.н., проф., член-корреспондент
РАН, РГГУ, Москва, Россия

Е.В. Попов, LL.M.(Университет Эссекса), к.ю.н.,
доц., МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Ли Син, проф., Пекинский педагогический
университет, Пекин, Китай (КНР)

В.Д. Соловей, д.и.н., проф., МГИМО МИД РФ,
Москва, Россия

Л.В. Сморгун, д.полит.н., проф., СПбГУ, Санкт-
Петербург, Россия

М.В. Стрежнева, д.полит.н., д. философии
(Манчестерский университет), проф., ИМЭМО РАН,
Москва, Россия

Д.В. Стрельцов, д.и.н., проф., МГИМО МИД РФ,
Москва, Россия

Анн де Тингс, проф., Сьянс По, Париж, Франция

Алишер Файзуллаев, проф., Университет мировой
экономики и дипломатии Узбекистана, Ташкент,
Узбекистан

Чжао Хуаиэн, проф., Фуданьский университет,
Шанхай, Китай (КНР)

Т.А. Шаклеина, д.полит.н., проф., МГИМО МИД
РФ, Москва, Россия

А.Ю. Шутков, д.и.н., проф., МГУ имени
М.В. Ломоносова, Москва, Россия

И.Н. Тимофеев, к.полит.н., доц., РСМД, Москва,
Россия

У Юйшань, проф., Академия Синика, Тайбэй,
Китай, Тайвань

Журнал основан в 2009 г.
С начала издания – №34

Центр подписки:
+7(495) 617-18-88 (многоканальный)
Адрес редакции:
115035, Москва, Космодамианская наб.,
д. 26/55, стр. 7
Тел.: +7(495) 953-91-08
E-mail: avtor@lawinfo.ru;
http: www.lawinfo.ru

Печать офсетная
Усл. печ. л. 23,0
Общий тираж 3000 экз.
Цена свободная
Подписано в печать 24.12.2018
Выход из печати: 27.12.2018
ISSN – 2221-3279
ISSN (online) – 2412-4990

Точка зрения авторов может не
совпадать с точкой зрения редакции

© Воскресенский А.Д., эмблема, 2019
© Воскресенский А.Д., 2019
© Сравнительная политика, 2019
© Издательская группа «Юрист», 2019

COMPARATIVE POLITICS RUSSIA СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

2019 • Vol. 10 № 1

Mass Media Registration Certificates: PI №FS77-28335 of Dec.8, 2009 &
EL №FS77-63932 of Dec.9, 2015(online)

Published
with support
of MGIMO
Endowment
Foundation

Editorial and International Consultative Board

Editor-in-Chief / Founder

Alexei D. Voskressenski, Doctor of Political Science, PhD (University of Manchester), PhD (Institute of Far Eastern Studies), Professor

Deputy Editor-in-Chief

Ekaterina V. Koldunova, Candidate of Political Science, Associate Professor

Executive Secretary *Denis A. Kuznetsov*

Editorial Board of the Issue

Ekaterina V. Koldunova

Aleksandr V. Lomanov

Valery G. Ledyayev

Denis A. Kuznetsov

Executive Secretary (online version)

Igor Yu. Okunev, Candidate of Political Science, Associate Professor

Tatiana A. Alekseeva, Doctor of Philosophy, Professor, Distinguished Researcher of the RF, MGIMO University, Moscow, Russia

Oleg N. Barabanov, Doctor of Political Science, Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

Viacheslav Ya. Belokrenitsky, Doctor of History, Professor, Institute for Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

O.V. Gaman-Golutvina, Doctor of Political Science, Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

Vladislav V. Grib, Doctor of Law, Professor, Publishing Group "Yurist", Moscow, Russia

Ayşe Dietrich, Professor, Middle East Technical University, Ankara, Turkey

Alexander Zhebit, Professor, Federal University of Rio de Janeiro, Rio de Janeiro, Brazil

Viktoria I. Zhuravleva, Doctor of History, Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Klaus Segbers, Professor, Free University of Berlin, Berlin, Germany

Charles E. Ziegler, Professor, University of Louisville, Louisville, USA

Akihiro Iwashita, Professor, University of Hokkaido, Sapporo, Japan

Michail V. Il'in, Doctor of Political Science, Professor, Higher School of Economics, Moscow, Russia

Marina M. Lebedeva, Doctor of Political Science, Professor, Distinguished Lecturer of Russian Higher School, MGIMO University, Moscow, Russia

Sergey I. Lunev, Doctor of History, Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

Vasily V. Mikheev, Doctor of Economics, Member, Russian Academy of Sciences, Institute of World Economy and International Relations, Moscow, Russia

Olga V. Pavlenko, Candidate of History, Associate Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Efim I. Pivovarov, Doctor of History, Professor, Corresponding Member, Russian Academy of Sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Evgeny V. Popov, Candidate of Law, LL.M (University of Essex), Associate Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

Li Xing, Professor, Beijing Normal University, Beijing, P.R. China

Valery D. Solovej, Doctor of History, Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

Leonid V. Smorgunov, Doctor of Political Science, Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Marina V. Strezhneva, Doctor of Political Science, PhD (University of Manchester), Professor, Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Dmitry V. Strel'tsov, Doctor of History, Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

Anne de Tinguy, Professor, Sciences Po, Paris, France

Alisher Faizullaev, Professor, University of World Economics and Diplomacy of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan

Zhao Huasheng, Professor, Fudan University, Shanghai, P.R. China

Tatiana A. Shakleina, Doctor of Political Science, Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

Andrey Yu. Shutov, Doctor of History, Professor, Moscow State University, Moscow, Russia

Ivan N. Timofeev, Candidate of Political Science, Associate Professor, Russian International Affairs Council, Moscow, Russia

Yu-Shan Wu, Professor, Institute of Political Science, Academia Sinica, Taipei City, Taiwan, China

Established in 2009
No.34 since 2010

Subscription Centre:

+7(495)617-18-88 (multichannel)
Editorial Office Address:
Bldg. 7, 26/55 Kosmodamiyanskaya
Emb., Moscow, 115035
Phone: +7(495)953-91-08
E-mail: avtor@lawinfo.ru
www.lawinfo.ru

Offset printing
Conventional printing sheet – 23,0
Circulation: 3000 copies
Free-market-price
Passed for printing 24 December 2018
Printed: 27 December 2018
ISSN – 2221-3279
ISSN (online) – 2412-4990

*Authors' point of view may not
coincide with that of the Editorial
staff*

© Voskressenski A.D., logo, 2019
© Voskressenski A.D., 2019
© Comparative Politics, 2019
© Publishing Group "Yurist", 2019

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ И ИНСТИТУТОВ

М.Л. Горбунова, М.Л. Горбунов.

Неформализованные межгосударственные институты глобального управления: репрезентативность и потенциал воздействия

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ГЕОПОЛИТИКА

А.В. Юрковский, И.А. Кузьмин. Конституционно-правовая охрана как неотъемлемый элемент конституционализма

А.В. Малько, О.Л. Солдаткина. Информационно-правовая политика в современном обществе: сравнительный анализ

Р.В. Болгов. Деятельность ООН в области информации и международные аспекты информационной безопасности России

Evgeny A. Markov. The Origins and Traditions of the Information Policy in Russia

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ДИСКУССИИ

Н.С. Розов, В.В. Цыганков. Закономерности в смуте: сравнительно-политологический анализ революционной волны 1848-1849 гг. в Австрийской империи

А.В. Коротаев, С.В. Цирель, С.Э. Билюга. Коррупция, ценности и попытки насильственных изменений государственной власти в странах с различным уровнем ВВП на душу населения: опыт количественного компаративного и корреляционного анализа

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛОКАЛЬНОГО ОПЫТА

А.В. Новиков. Сравнительный анализ террористической тактики политического убийства и терактов смертников

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ЗАМЕТКИ

Е.В. Пименова. «Трансатлантический мост» под ударом: чем обернется кризис в отношениях ФРГ и США

COMPARATIVE ANALYSIS OF CONCEPTS AND INSTITUTIONS

5 Mariia L. Gorbunova, Mikhail L. Gorbunov. Informal Institutions of Global Governance: the Representativeness and Potential for Impact

COMPARATIVE POLITICS AND GEOPOLITICS

23 Alexey V. Yurkovski, Igor' A. Kuzmin. Constitutional and Legal Protection as an Integral Part of Constitutionalism

42 Aleksandr V. Mal'ko, Oksana L. Soldatkina. Information Legal Policy in the Modern Society: Comparative Analysis

59 Radomir V. Bolgov. UN Activities in the Field of Information and International Aspects of Russian Information Security

70 Evgeny A. Markov. The Origins and Traditions of the Information Policy in Russia

DISCUSSION

81 Nikolai S. Rozov, Vladislav V. Tsygankov. Regularities in Disturbance: Comparative Political Analysis of the Revolutionary Wave 1848-1849 in the Austrian Empire

98 Andrey V. Korotayev, Sergey V. Tsirel, Stanislav E. Bilyuga. Corruption, Human Values and Attempts of Violent Changes of Government in Countries with Various Levels of Per Capita GDP: A Comparative Quantitative Analysis

COMPARATIVE ANALYSIS OF LOCAL CASES

124 Andrei V. Novikov. Comparative Analysis of Terrorist Tactics of Political Assassination and Suicide Attacks

RESEARCHERS' NOTES

148 Evgenia V. Pimenova. The Transatlantic Bridge Facing the Challenge: How Can the USA and Germany Overcome the Bilateral Crisis

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Gunay K. Melikli. Political Aspects of the Civil Society and Rule of Law Formation in Contemporary Azerbaijan

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Г.Р. Суфиянова, Е.О. Зудова. Социальные сети и политика

А.Д. Воскресенский. Новые международные отношения – какие они?

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Международная конференция по политике Китая в Азии (г. Пуатье, Франция)

Нишаньский форум мировых цивилизаций

Научная конференция «Изменяющаяся геополитическая ситуация в Индо-Тихоокеанском регионе: вызовы и перспективы» в Индийском Институте Объединенных родов войск

МГИМО-Университет и журнал «Сравнительная политика» развивают научное и культурное сотрудничество с Австралией

НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ

La Chine et L'Asie. Preface de Jean-Pierre Raffarin. Paris: Ginko Editeur, 2018

Журнал «Ценности и смыслы»

ПАРТНЕРЫ

Deutsche Welle

HIPSIR

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

157 Gunay K. Melikli. Political Aspects of the Civil Society and Rule of Law Formation in Contemporary Azerbaijan

REVIEWS

165 Gulnur R. Sufiyanova, Ekaterina O. Zudova. Social Networks and Politics

168 Alexei D. Voskressenski. New International Relations – What Are They?

ACADEME

176 International Conference on China's Policy in Asia (Poitiers, France)

177 Nishan Forum of World Civilizations

177 Conference "Evolving Geopolitics in Indo-Pacific Regions; Challenges and Prospects" in the United Service Institute of India

178 MGIMO University and the Journal "Comparative Politics Russia" in Australia

ON THE BOOKSHELF

180 La Chine et L'Asie. Preface de Jean-Pierre Raffarin. Paris: Ginko Editeur, 2018

181 Journal "Values and Meanings" (*Tsennosti i Smysly*)

OUR PARTNERS

182 Deutsche Welle

182 HIPSIR

GUIDE FOR THE AUTHORS

НЕФОРМАЛИЗОВАННЫЕ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ: РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТЬ И ПОТЕНЦИАЛ ВОЗДЕЙСТВИЯ

Мария Лавровна Горбунова

*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им.Н.И.Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия*

Михаил Лаврович Горбунов

*МЦИ Волго-Вятского ГУ Банка России,
Нижний Новгород, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 21 января 2017 <i>Отправлено на редактирование:</i> 24 сентября 2018 <i>Принята к печати:</i> 5 ноября 2018</p>	<p>Аннотация: В исследовании проводится сравнение роли «Группы семи», «Группы двадцати» и БРИКС, объединяющих ведущие государства мира, в системе глобального управления на основе оценки репрезентативности и потенциала воздействия данных неформализованных межгосударственных объединений на остальные страны мира на основе сравнительного анализа ряда социально-экономических показателей стран, участвующих в данных межгосударственных инициативах клубного типа. Актуальность исследования связана с тем, что данные институты представляют собой определенный противовес ведущим формальным универсальным международным организациям, функционирующим на постоянной основе, в первую очередь ООН. Путем двухуровневой оценки консолидированности участников рассмотренных многосторонних институтов высшего уровня авторы пришли к следующим основным выводам: «Группа семи» и «Группа двадцати» обладают лучшим потенциалом реализации общих экономических проектов и инициатив; анализ связности макрорегионов принадлежности стран-участниц ведущих неформализованных объединений мира показал для большинства из них низкий общий уровень эффективного потенциала реализации совместных проектов. Таким образом, в настоящее время многосторонние институты высшего уровня являются подлинно «клубными», так как способны обеспечить лучшее совместное решение проблем инсайдеров; трехкратное увеличение количества участников при формировании «Группы двадцати» практически не приводит к росту географии воздействия неформализованных институтов на остальные страны; группа БРИКС обладает наименьшим потенциалом эффективной реализации совместных инициатив из-за того, что уровень консолидированности участников объединения менее 10%, и только КНР принадлежит к хорошо экономически связанной Восточной Азии; Бразилия, Россия и ЮАР являются лидерами перспективных макрорегионов с уровнем связности более 15%.</p>
<p>Об авторах: <i>Горбунова М.Л.</i>, д.э.н., доцент, заведующий кафедрой мировой экономики и региональных рынков, Институт экономики и предпринимательства, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского e-mail: gorbunova@iee.unn.ru <i>Горбунов М.Л.</i>, заместитель начальника отдела сопровождения учетно-операционной системы МЦИ Волго-Вятского ГУ Банка России e-mail: 22gorbunovml@cbr.ru</p>	
<p>Ключевые слова: многосторонние институты высшего уровня; БРИКС; Группа семи; Группа двадцати; макрорегионы; экономическая консолидированность (связность)</p>	

Введение

Кризисные явления мировой экономики приобрели подлинно глобальный характер в том смысле, что ставят вопрос о необходимости эффективного объединения усилий многих стран мира для поиска решений возникающих проблем. Очевидно, что существующая система международных организаций: универсальных как ООН и относительно специализированных как ГАТТ (неудачная попытка основания Международной торговой организации, трансформировавшаяся в 1990-гг. в ВТО) и МВФ – принципы функционирования которых заложены еще в 40-50-е гг. – не отвечает турбулентной динамике современных политических, социальных и экономических отношений между странами. Одной из относительно недавних тенденций трансформации системы международных отношений является распространение неформализованных структур, объединяющих ведущие страны мира, в первую очередь речь идет о БРИКС и «Группе двадцати», являющихся аналогами созданной в кризисные 70-е гг. «Группы семи/восьми»¹.

Первые шаги данных институций ставят много исследовательских задач: о выявлении особенностей и анализе устойчивости механизма функционирования объединений, их возможной интеграции и взаимодействии с существующими международными организациями; уровне эффективности с точки зрения решения глобальных проблем, их инклюзивности и репрезентативности.

Основная цель исследования состоит в оценке потенциала воздействия рассматриваемых групп стран на остальной мир, поскольку эти неформализованные объединения во многом созданы для решения глобальных экономических проблем в режиме *ad hoc*, и, по мнению их идеологов, должны обеспечивать большую скорость и эффективность принятия решений, чем традиционные бюрократизированные международные формальные институты.

Для достижения поставленной цели авторы статьи полагают целесообразным про-

вести оценку внутренней и внешней консолидированности объединений, перенося на исследование межгосударственных определений клубного типа методологию, типичную для изучения процессов региональной межстрановой интеграции. Предполагается, что высокая степень экономической связности (*connectivity*) положительно коррелирует с возможностями реализации общей модели развития в рамках объединений, что в контексте многосторонних институтов высшего уровня означает возможность дальнейшей трансляции и имплементации согласованных и публично заявленных антикризисных инициатив другими странами. При этом внутренняя консолидированность, по мнению авторов, определяет возможность выработки единой модели развития в рамках объединений, в то время как внешняя – позволяет транслировать управляющее воздействие на третьи страны.

Многосторонние институты высшего уровня: подходы к оценке роли в современной системе международных отношений

Механизмы функционирования неформализованных межгосударственных объединений ведущих стран мира, основанных на периодических встречах (саммитах) их лидеров, сходны между собой. Сравнительно недавно начавшийся генезис «Группы двадцати» и БРИКС – неформализованных структур, объединяющих ведущие страны мира – обусловлен, прежде всего, необходимостью включения стран с развивающимися рынками (*emerging markets*) в механизм решения глобальных экономических проблем и принятия антикризисных решений. По мнению В.В. Пановой², как и 1970-е годы (период, когда была создана «Группа семи»), современный этап характеризуется затяжным мно-

² Панова В.В. О пользе «клубных механизмов»: Группа семи и БРИКС в сравнительной перспективе // Международные процессы. – 2012. – Т. 10. № 29. – С. 101-109. [Panova, V.V. O pol'ze «klubnyh mekhanizmov»: Gruppy semi i BRIKS v sravnitel'noj perspektive (The Benefits of “Club Arrangements”: The Group of Seven and the BRICS in a Comparative Perspective) // *Mezhdunarodnye processy*, 2012, Vol. 10 (29), pp. 101-109.]

¹ Далее в тексте и расчетах авторы полагают использовать в отношении данного объединения название «Группа семи».

гофазовым кризисом в сфере экономики и валютно-финансового регулирования. Кроме этого, показательно, что создание «Группы двадцати» инициировано «Группой семи», в то время как саммиты БРИКС начали проводиться в период участия лидеров Российской Федерации во встречах руководителей развитых стран – «Группе восьми». Таким образом, имеет место прямая репликация клубного формата взаимодействия ведущих стран мира. Другой причиной формирования

рассматриваемых объединений является то, что существующая система международных организаций характеризуется и критикуется за излишнюю бюрократизацию, низкую эффективность и медлительность в принятии решений, которые в определенном смысле стали жертвой репрезентативности и формализации процедур выработки консенсуса. Сопоставление базовых параметров многосторонних институтов высшего уровня представлено в *Таблице 1*.

Таблица 1

Общая характеристика «Группы семи», «Группы двадцати» и БРИКС

Группа стран	Дата первого саммита	Участники (в алфавитном порядке)	Цели объединения
«Группа семи» (с 2002 г. по 2014 г. существовала в формате «Группы восьми» с участием РФ)	1975 г. (возникла как «Группа шести», с 1976 г. включает Канаду)	Германия, ЕС, Италия, Канада, Соединенное Королевство, США, Франция, Япония	Обмен мнениями о ситуации в мировой экономике, общих экономических проблемах, их гуманитарных, политических и социальных последствиях и планах по их преодолению, активизация усилий для более тесного международного сотрудничества и конструктивного диалога между всеми странами, преодолев различия в уровнях экономического развития, степени обеспеченности ресурсами и политических и социальных системах*
«Группа двадцати» (идея возникла в рамках саммита «Группы семи» в Кельне)	1999 г., первый официальный саммит состоялся в 2008 г.	Австралия, Аргентина, Бразилия, Германия, ЕС, Индия, Индонезия, Италия, Канада, Китай, Мексика, Республика Корея, Россия, Саудовская Аравия, Соединенное Королевство, США, Турция, Франция, Южно-Африканская Республика, Япония	Международная кооперация по финансовым и экономическим вопросам
БРИКС	2009	Бразилия, Индия, Китай, Россия, Южно-Африканская Республика	Развитие последовательного, активного, прагматичного, открытого и транспарентного диалога и сотрудничества, которые служат не только общим интересам стран с формирующимися рыночными экономиками и развивающихся стран, но и строительству гармоничного мира, в котором были бы обеспечены прочный мир и общее процветание***

* Декларация первого саммита «Группы шести» (Франция, Рамбуйе, 1975 г.). Режим доступа: <http://www.g8.utoronto.ca/summit/1975rambouillet/communiqu.html>

** Официальный сайт «Группы двадцати». Режим доступа: https://www.g20.org/Webs/G20/EN/G20/FAQs/faq_node.html

*** Декларация первого саммита БРИКС (Россия, Екатеринбург, 2009 г.) / Национальный комитет по исследованию БРИКС. Режим доступа: <http://www.nkibrics.ru/pages/summit-docs>

Table 1. General characteristics of the «Group of Seven», «G20» and BRICS

Источник: составлено авторами на основе деклараций «Группы семи», БРИКС и сайта «Группы двадцати»

Указанные объединения ведущих стран мира получили название «многосторонних институтов высшего уровня»,

которые «характеризуются ограниченным членством, относительно низким уровнем бюрократии, гибкостью форматов взаимо-

действия, опорой на принципы консенсуса в принятии решений и добровольности их исполнения»³. Основу их функционирования составляют саммиты – «регулярные встречи глав государств и правительств, направленные на координацию позиций по широкому кругу вопросов международной, региональной и национальной политики, в рамках которых происходят формирование перечня коллективных действий, выработка общих решений, подразумевающих принятие определенных обязательств в целях реализации глобального управления и решения задач политического управления на национальном уровне»⁴.

В существующей системе неформализованных организаций существуют не только институты глобального уровня: «Группа семи», «Группа двадцати» и БРИКС – но и регионального – форум Азиатско-Тихоокеанского сотрудничества (АТЭС), Лига арабских государств (ЛАГ) и др. Такие образования возникают на основе базового взаимопонимания среди нескольких государств, далее на основе общих принципов и правил появляются форматы взаимодействия, отличающиеся низкой правовой и организационной закрепленностью; затем, по мере развития, механизмы отношений приобретают более институциональный (формализованный) характер – создаются специфические нормы по отдельным направлениям взаимодействия⁵.

М. Ревизорский полагает, что в совокупности рассматриваемая группа глобальных многосторонних институтов: «Группа семи/восьми» – «Группа двадцати» – БРИКС – формируют триаду сетевого типа, объединяющую представителей западного и незападного мира⁶, которая в рамках концепции «супертриады экономического управления» приходит на смену традиционным системам: «экономической триаде» (США – ЕС – Япония) и «институциональной триаде» (МВФ – Всемирный банк – ВТО). В таком контексте БРИКС является полюсом триады, уравновешивающим «Группу семи/восьми», и поэтому свидетельствует о том, что отношения рассматриваемой группы стран с лидерами развитого мира могут осуществляться не только в режиме кооперации, но и в рамках противодействия прозападной модели глобального управления и сопровождаться системными противостояниями и конфликтами, порождаемыми ее несоответствием распределению сил в мировой экономике и неэффективностью.

Все эти структуры – «Группа семи», «Группа двадцати» и БРИКС – имеют общую логику построения и функционируют на основе сходных принципов неформального характера. По мнению Джона Киртона, существует шесть условий успешного функционирования многосторонних неформализованных межгосударственных институтов высшего уровня:

– относительное равенство участников и их потенциалов;

razvitija BRICS posle sammita v Fortaleze: politiko-jekonomicheskoe polozhenie stran-uchastnic (Prospects for the Development after the BRICS Fortaleza's Summit: Political and Economic Situation in the Member Countries) // *Gosudarstvennoe upravlenie. Jelektronnyj Vestnik*, 2014, No. 46, pp. 226-258.]

⁶ Ревизорский М. «Группа семи/восьми» – «Группа двадцати» – БРИКС: новая триада в глобальном управлении? // *Вестник международных организаций*. – 2015. – Т. 10 (4). – С. 29-48. [Revizorskiy, M. «Gruppa semi/vos'mi» – «Gruppa dvadcati» – BRIKS: novaja triada v global'nom upravlenii? («Group of Seven / Eight» – «Group of Twenty» – the BRICS: New Triad in Global Governance?) // *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij: obrazovanie, nauka, novaja jekonomika*, 2015, Vol. 10 (4), pp. 29-48.]

³ Ларионова М.В., Рахмангулов М.Р., Шелепов А.В. Что влияет на исполнение обязательств «Группы двадцати» и БРИКС: сравнительный анализ // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. – 2016. – Т. 11, № 3. – С. 99-131. [Larionova, M.V.; Rahmangulov, M.R.; Shelepov, A.V. Chto vlijaet na ispolnenie objazatel'stv «Gruppy dvadcati» i BRIKS: sravnitel'nyj analiz (What Affects the Performance Obligations taken by «Group of Twenty» and the BRICS: A Comparative Analysis) // *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij: obrazovanie, nauka, novaja jekonomika*, 2016, Vol. 11 (3), pp. 99-131.]

⁴ Ibid.

⁵ Гиакagliни Ф.Д.В. Перспективы развития БРИКС после саммита в Форталезе: политико-экономическое положение стран-участниц // *Государственное управление. Электронный вестник*. – 2014. – № 46. – С. 226-258. [Giakaglini, F.D.V. Perspektivy

- ограниченное участие;
- общие принципы;
- твердый политический контроль;
- осознание взаимозависимости и общей уязвимости в условиях глобализации⁷.

На основе этой совокупности условий довольно сложно сравнивать потенциал успешности рассматриваемых неформальных объединений стран, так как «Группа двадцати» выглядит более сбалансированной по составу участников по сравнению с «Группой семи» и БРИКС, в которых доминируют США и КНР. В то же время «Группа двадцати» выглядит более разнородной с точки зрения разделяемых участниками ценностей и принципов, заложенных в политические культуры и экономические институты.

Итогом обзора теории многосторонних институтов высшего уровня, выполненного М.В. Ларионовой в работе «Оценка эффективности взаимодействия международных институтов в процессе глобального управления», является вывод о том, что неформализованные межгосударственные многосторонние институты высшего уровня используют три формы участия в существующей системе глобального управления: «каталитическое воздействие» (стимулирование или поддержка изменений и реформирования международных организаций), «стержневое (определяющее) влияние на существующую систему» (определение нового направления действий для других организаций) и «параллельное управление» (создания собственных механизмов)⁸. По мнению авторов, поскольку многосторонние

институты высшего уровня представляют ведущие страны мира, существует и четвертый способ воздействия, подразумевающий, что лидеры прямо или косвенно транслируют принятые решения с глобального уровня на региональный. Это также подтверждается мнением А.Д. Воскресенского о том, что региональные процессы могут оказывать влияние или переформатировать глобальные, а региональное понимание мировых процессов может выдаваться за глобальные или альтернативные глобальным⁹. В условиях кризиса и необходимости структурных преобразований мировой экономики в аналитический контекст возвращается идея развивающегося регионализма, политики экономической кооперации, координации и интеграции между странами, направленной на ускорение темпов развития как самих участников, так и географического региона их принадлежности в целом¹⁰. Данный механизм вмешательства в экономику основан на предположении, что стран-соседи, обладая общей региональной идентичностью, помогая друг другу, смогут достигнуть более высоких темпов развития, чем действуя по отдельности¹¹. С точки зрения развития данного предположения, представляет исследовательский интерес сравнение возможностей эффективного участия рассматриваемой триады неформализованных многосторонних (межгосударственных) инициатив в глобальном управлении за счет воздействия на макрорегионы их стран-участниц.

⁷ Kirton, J. *Canadian Foreign Policy in a Changing World*. Thompson Nelson, 2007. 562 p.

⁸ Ларионова М.В. Оценка эффективности взаимодействия международных институтов в процессе глобального управления // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. – 2016. – Т. 11. № 1. – С. 126-152. [Larionova M.V. *Ocenka jeffektivnosti vzaimodejstvija mezhdunarodnyh institutov v processe global'nogo upravlenija* (Evaluation of the Efficiency of Interaction of International Institutions in the Process of Global Governance) // *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij: obrazovanie, nauka, novaja jekonomika*, 2016, Vol. 11 (1), pp. 126-152.]

⁹ Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // *Сравнительная политика*. – 2012. – Т. 3. № 2 (8). – С. 30-58. [Voskressenski, A.D. *Koncepcii regionalizacii, regional'nyh podsystem, regional'nyh kompleksov i regional'nyh transformacij v sovremennyh mezhdunarodnyh otnoshenijah* (Concepts of Regionalization, Regional Subsystems, Regional Systems and Regional Transformations in Contemporary International Relations) // *Comparative Politics Russia*, 2012, Vol. 3. No. 2 (8), pp. 30-58.]

¹⁰ Sloan, J. The Strategy of Developmental Regionalism: Benefits, Distribution, Obstacles, and Capabilities // *Journal of Common Market Studies*, 1971, Vol. 10, Iss.2, pp. 138-162.

¹¹ Ibid.

Существуют определенные отличия в изучении каждой из неформализованных групп, несмотря на принципиальное сходство аспектов их целеполагания и организации. «Группа семи» сформировалась в 1970-е гг. и в настоящее время исследуется незначительно, главным образом в привязке к «Группе двадцати». В работах подчёркивается преемственность и взаимосвязанность институций в решении глобальных финансово-экономических проблем¹²: таким образом, косвенно поставлен вопрос о недостаточной репрезентативности «Группы семи» в контексте глобального управления. Кроме того, К. Энгельбрект¹³ указывает, что в период участия России в группе – существования в формате «Группы восьми» – к сугубо экономической повестке добавились вопросы обеспечения нетрадиционной безопасности, среди которых – терроризм, контрабанда оружия, торговля наркотиками и др.¹⁴, и эта неэкономическая проблематика вошла в повестку «Группы двадцати».

В отношении «Группы двадцати» наиболее часто изучаются ее возможности в сфере противодействия кризисным явлениям в мировом хозяйстве. В частности, А. Бенасси-Кер,

Р. Кумар, Дж. Пизани-Ферри, Дж. Фриеден, Д. Винес¹⁵ подчеркивают, что возникновение «Группы двадцати» тесно связано с глобальными внешними дисбалансами, возникшими между развитыми и развивающимися странами в торгово-инвестиционных отношениях, преодоление которых не может быть достигнуто самостоятельно развитыми странами в рамках существующей мировой финансовой системы. Турецкие исследователи С. Текер и А.Х. Юксель¹⁶, обобщая массив исследований по «Группе двадцати», делают вывод о том, что несмотря на значительную репрезентативность «Группы двадцати» в терминах мирового ВВП, существуют риски неэффективности исполнения обязательств, зафиксированных в коммюнике группы, обусловленные изначальной ориентацией на решение проблемы развитых стран, которые и создали данное образование в своих интересах.

Особенностями работ, посвященных БРИКС, является то, что данная группа стран исследуется в первую очередь с геополитических позиций – как блок, объединяющий новые или восходящие мировые сверхдержавы¹⁷, причем устойчивость данной неформальной институции *a priori* подвергается сомнению. Многие авторы, сравнивая экономические и политические характеристики участников данной группы, обращают внимание на неоднородность и противо-

¹² Bénassy-Quéré, A.; Kumar, R.; Pisani-Ferry, J. The G20 is not Just a G7 with Extra Chairs, La Lettre du CEPII, CEPII Research Center, 2009, Iss. 292; Engelbrekt, K. Mission Creep? The Nontraditional Security Agenda of the G7/8 and the Nascent Role of the G-20 // *Global Governance*, 2015, Vol. 21 (4), pp. 537-556; Vines, D. Cooperation between Countries to Ensure Global Economic Growth: a Role for the G20? // *Asian-Pacific Economic Literature*, 2015, Vol. 29, Iss.1, pp. 1-24.

¹³ Engelbrekt, K. Mission Creep? The Nontraditional Security Agenda of the G7/8 and the Nascent Role of the G-20 // *Global Governance*, 2015, Vol. 21 (4), pp. 537-556.

¹⁴ Триведи Р. Нетрадиционные угрозы безопасности в Центральной Азии с точки зрения сравнительное региональной перспективы // Сравнительная политика. – 2011. – Т. 2. № 4 (6). – С. 109-123. [Trivedi, R. Netradicionnye ugrozy bezopasnosti v Central'noj Azii s točki zrenija sravnitel'noe regional'noj perspektivy (Non-traditional Security Threats in Central Asia from the Point of View of a Comparative Regional Perspective) // *Comparative Politics Russia*, 2012, Vol. 2. No. 4 (6), pp. 109-123.]

¹⁵ Bénassy-Quéré, A.; Kumar, R.; Pisani-Ferry, J. The G20 is not Just a G7 with Extra Chairs, La Lettre du CEPII, CEPII Research Center, 2009, Iss. 292.

¹⁶ Teker, S.; Yuksel, A.H. G20: On Behalf of the Rest? *Procedia Economics and Finance* 38 – Istanbul Conference of Economics and Finance, ICEF 2015, 22-23 October 2015, Istanbul, Turkey, pp. 219-223.

¹⁷ Cheng, H.F.; Gutierrez, M.; Mahajan, A.; Shachmurove, Y.; Sharokhi, M. A future global economy to be built by BRICs // *Global Finance Journal*, 2007, Vol. 18, pp.143-156; Jacobs, L.M.; Van Rossem, R. The BRIC Phantom: A Comparative Analysis of the BRICs as a Category of Rising Powers // *Journal of Policy Modeling*, 2014, Vol. 37, pp. 47-66; Radulescu, I.G.; Panaita, M.; Voicab, C. BRICS Countries Challenge to the World Economy New Trends / *Procedia Economics and Finance* 1st International Conference 'Economic Scientific Research – Theoretical, Empirical and Practical Approaches', ESPERA, 2014, Vol. 8, pp. 605-613.

речивость интересов взаимодействующих стран, что потенциально создает проблемы функционирования института. В некоторых исследованиях подчёркивается альтернативность идей БРИКС существующим принципам миропорядка прозападного толка. Так, У. Робинсон указывает на особую модель капитализма стран БРИКС, опирающуюся на сильное государственное участие¹⁸, в то время как Ф. Мельничук подчеркивает их общую ценностную ориентированность на развивающую-многополярную повестку системы глобального управления¹⁹. Дж. И. С. Ченг прямо указывает на политическую, а не только финансово-экономическую ориентированность БРИКС, отличающую данное объединение от «Группы двадцати»²⁰, в повестке которой неэкономическая повестка в настоящее время слабо акцентирована.

Для целей данного исследования показательны работы Х.Ф. Ченга, М. Гутierrez, И. Шачмурова и М. Шароки и Дж. Вилсона²¹, в которых впервые при анализе многостороннего института высшего уровня появляется проблематика влияния и взаимодействия подобных образований на не участвующие стран, которые представляют «остальной мир». В работе Х.Ф. Ченга, М. Гутierrez, И. Шачмурова и М. Шароки²² общие экономические и деловые показатели БРИК сравниваются не только друг с другом, но и аналогичными средними показателями региона принадлежности страны, при этом примечательно, что страны-участницы

данной группы не во всем являются лидерами своих регионов. Данные выводы косвенно ставят под сомнение целесообразность и уместность влияния стран БРИК на соседние государства. Дж. Д. Вилсон²³ указывает стремление данной группы стран к ресурсной дипломатии, что при неблагоприятной конъюнктуре рынков сырья может превратиться из силы в слабость.

В ходе сравнительного анализа рассматриваемых многосторонних институтов высшего уровня традиционно сопоставляется мощь на основе оценки их политического – исследования А.В. Виноградова, Л. Сина, Р.С. Чукова, Л.М. Джакоба и Р. Ван Россема²⁴ – и экономического потенциала – работы Е.М. Астахова, Е.В. Колдуновой, Я.В. Лексютинной, В.В. Пановой, Г.Д. Толорая и Р.С. Чукова²⁵ – чаще всего

²³ Wilson, J.D. Resource Powers? Minerals, Energy and the Rise of the BRICS // *Third World Quarterly*, 2015, Vol. 36 (2), pp. 223-239.

²⁴ Виноградов А.В. Диалоговый формат БРИКС и его роль в становлении многополярного мира // Сравнительная политика. – 2014. – Т. 5. № 1 (14). – С. 47-52. [Vinogradov, A.V. Dialogovyy format BRIKS i ego rol' v stanovlenii mnogopoljarnogo mira (The Interactive Format of BRICS and its Role in the Multipolar World Formation) // *Comparative Politics Russia*, 2014, Vol. 5. № 1 (14). pp. 47-52.]; Ли Син. Усиление роли G20: трансформация мирового порядка и внешняя политика Китая // Сравнительная политика. – 2012. – Т. 3. № 1 (7). – С. 23-27. [Li Xing, L. Usilenie roli G20: transformacija mirovogo porjadka i vneshnjaja politika Kitaja (Strengthening the Role of the G20: The Transformation of the World Order and China's Foreign Policy) // *Comparative Politics Russia*, 2012, Vol. 3. No. 1 (7), pp. 23-27.]; Чуков Р.С. Перспективы глобальной институционализации в мировой политике: пример G7 и G20 // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2015. – № 5. – С. 21-25. [Chukov, R.S. Perspektivy global'noj institucionalizacii v mirovoj politike: primer G7 i G20 (Prospects for the Global Institutionalization of World Politics: the Example of the G7 and the G20) // *Nauchnoe obozrenie. Serija 2: Gumanitarnye nauki*, 2015, No. 5, pp. 21-25.]; Jacobs, L.M.; Van Rossem, R. The BRIC Phantom: A Comparative Analysis of the BRICS as a Category of Rising Powers // *Journal of Policy Modeling*, 2014, Vol. 37, pp.47-66.

²⁵ Астахов Е.М. БРИКС: перспективы развития // Вестник МГИМО Университета. – 2016. – № 1 (46). – С. 42-50. [Astahov, E.M. BRIKS:

¹⁸ Robinson, W.I. The Transnational State and the BRICS: a Global Capitalism Perspective // *Third World Quarterly*, 2015, Vol. 36 (1), pp. 1-21.

¹⁹ Mielniczuk, F. BRICS in the Contemporary World: Changing Identities, Converging Interests // *Third World Quarterly*, 2013, No. 34, pp. 6, 1075-1090.

²⁰ Cheng, H.F.; Gutierrez, M.; Mahajan, A.; Shachmurove, Y.; Sharokhi, M. A Future Global Economy to be Built by BRICs // *Global Finance Journal*, 2007, Vol. 18, pp.143-156.

²¹ Ibid; Wilson, J.D. Resource Powers? Minerals, Energy and the Rise of the BRICS // *Third World Quarterly*, 2015, Vol. 36 (2), pp. 223-239.

²² Cheng, H.F.; Gutierrez, M.; Mahajan, A.; Shachmurove, Y.; Sharokhi, M. A Future Global Economy to be Built by BRICs // *Global Finance Journal*, 2007, Vol. 18, pp.143-156.

«Группы семи» и БРИКС, сопоставимых по численности.

Авторам представляется интересной исследовательская гипотеза Р. Такура²⁶, который прямо ставит вопрос о том, насколько репрезентативны страны БРИКС как представители Глобального Юга. Оценивая абсолютные показатели социально-

perspektivy razvitija (BRICS: Developmental Prospects) // *Vestnik MGIMO Universiteta*. 2016, No. 1 (46), pp. 42-50.]; Колдунова Е.В. Роль стран БРИКС в глобальном управлении // *Сравнительная политика*. – 2014. – Т. 5. № 1 (14). – С. 60-64. [Koldunova, E.V. Rol' stran BRIKS v global'nom upravlenii (The Role of the BRICS in the Global Governance) // *Comparative Politics Russia*, 2014, Vol. 5. No. 1 (14), pp. 60-64.]; Лексютина Я.В. Роль БРИКС в стимулировании парадигмального сдвига в глобальном экономическом управлении // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. – 2014. – Т. 10. № 1. – С. 113-125. [Leksjutina, Ja.V. Rol' BRIKS v stimulirovanii paradigmal'nogo sdviga v global'nom jekonomicheskom upravlenii (The Role of the BRICS in Stimulating the Paradigm Shift in Global Economic Governance) // *Politicheskaja jekspertiza: POLITEKS*, 2014, Vol. 10 (1), pp. 113-125.]; Панова В.В. О пользе «клубных механизмов»: Группа семи и БРИКС в сравнительной перспективе // *Международные процессы*. – 2012. – Т. 10. № 29. – С. 101-109. [Panova, V.V. O pol'ze «klubnyh mehanizmov»: Gruppy semi i BRIKS v sravnitel'noj perspektive (The Benefits of “Club Arrangements”: The Group of Seven and the BRICS in a Comparative Perspective) // *Mezhdunarodnye processy*, 2012, Vol. 10 (29), pp. 101-109.]; Толорая Г.Д., Чуков Р.С. Рассчитывать ли на БРИКС? // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. – 2016. – Т. 11. № 2. – С. 97-112. [Toloraja, G.D.; Chukov, R.S. Rasschityvat' li na BRIKS? (Should We Trust in the BRICS?) // *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij: obrazovanie, nauka, novaja jekonomika*, 2016, Vol. 11 (2), pp. 97-112.]; Jacobs, L.M.; Van Rossem, R. The BRIC Phantom: A Comparative Analysis of the BRICS as a Category of Rising Powers // *Journal of Policy Modeling*, 2014, Vol. 37, pp. 47-66.; Radulescu, I.G.; Panaita, M.; Voicab, C. BRICS Countries Challenge to the World Economy New Trends / *Procedia Economics and Finance 1st International Conference 'Economic Scientific Research – Theoretical, Empirical and Practical Approaches'*, ESPERA, 2014, Vol. 8, pp. 605-613.

²⁶ Thakur, R. How Representative are BRICS? // *Third World Quarterly*, 2014, No. 35, pp. 1791-1808.

экономического развития (население, ВВП, ВВП на душу населения, внешнюю торговлю товарам и услугами, средние темпы роста) и военной мощи (численность вооруженных сил и величина оборонных расходов), а также положение стран в рейтинге по указанным параметрам, исследователь не приходит к однозначному ответу на поставленный им вопрос. С одной стороны, страны БРИКС не являются репрезентативными представителями развивающегося мира, в первую очередь из-за значительного масштаба их экономического и военного потенциала, а также более высокого уровня развития. Кроме того, они внутренне разнородны. С другой стороны – их объединяет довольно сильное единство на внешнеполитической арене, если судить, например, по голосованию в ООН и наличию общего интереса в реформировании системы глобального экономического управления²⁷.

В данном исследовании предполагается развивать идею репрезентативности не в экономическом, а в географическом смысле на основе оценки регионального потенциала влияния ведущих стран мира, чьи неформальные саммиты направлены, главным образом, на решение первоочередных, наиболее острых глобальных хозяйственных проблем.

Оценка внутренней и внешней консолидированности многосторонних институтов высшего уровня и макрорегионов принадлежности их участников

Методология исследования. В ходе исследования был применен комплексный сравнительный анализ многосторонних институтов высшего уровня, главным образом на базе статистических показателей, используемых для характеристики интеграционных объединений. Во многих исследованиях эффективности функционирования многосторонних институтов высшего уровня применяются подходы, характерные для оценки интеграции – так, например, Е.А. Сидорова и О. Штункель²⁸ оценивают торговую зави-

²⁷ Ibid.

²⁸ Сидорова Е.А. Интеграционно-инвестиционный потенциал БРИКС // *Мир экономики и управле-*

Макрорегионы «Группы семи»,
«Группы двадцати» и БРИКС

Страна(-ы)- участницы группы	Макрорегион	Другие участники
Группа семи		
Германия, Франция	Западная Европа	Австрия, Бельгия, Лихтенштейн, Люксембург, Монако, Нидерланды, Швейцария
Италия	Южная Европа	Албания, Андорра, Босния и Герцеговина, Хорватия, Гибралтар, Греция, Ватикан, Мальта, Черногория, Португалия, Сан-Марино, Сербия, Словения, Испания, Бывшая Югославская Республика Македония
Канада, США	Северная Америка	Бермудские острова, Гренландия, Сен-Пьер и Микелон
Соединенное Королевство	Северная Европа	Аландские острова, Нормандские острова, Дания, Эстония, Фарерские острова, Финляндия, остров Гернси, Исландия, Ирландия, остров Мэн, остров Джерси, Латвия, Литва, Норвегия, остров Сарк, острова Шпицберген и Ян-Майен, Швеция
Япония	Восточная Азия	Китай, Гонконг (специальный административный район Китая), Макао (специальный административный район Китая), Корейская Народно-Демократическая Республика, Монголия, Республика Корея
Группа двадцати		
Австралия, Новая Зеландия	Австралия и Новая Зеландия (Океания)	Норфолкские острова
Аргентина, Бразилия	Южная Америка	Боливия, Чили, Колумбия, Эквадор, Фолклендские (Мальвинские) острова, Французская Гвиана, Гайана, Парагвай, Перу, Суринам, Уругвай, Венесуэла
Германия, Франция	Западная Европа	Австрия, Бельгия, Лихтенштейн, Люксембург, Монако, Нидерланды, Швейцария
Индия	Южная Азия	Афганистан, Бангладеш, Бутан, Иран, Мальдивские острова, Непал, Пакистан, Шри-Ланка
Индонезия	Юго-Восточная Азия	Бруней-Даруссалам, Камбоджа, Лаосская Народно-Демократическая Республика, Малайзия, Мьянма, Филиппины, Сингапур, Таиланд, Восточный Тимор, Вьетнам
Италия	Южная Европа	Албания, Андорра, Босния и Герцеговина, Хорватия, Гибралтар, Греция, Ватикан, Мальта, Черногория, Португалия, Сан-Марино, Сербия, Словения, Испания, бывшая югославская Республика Македония
Канада, США	Северная Америка	Бермудские острова, Гренландия, Сен-Пьер и Микелон
Китай, Республика Корея, Япония	Восточная Азия	Гонконг (специальный административный район Китая), Макао (специальный административный район Китая), Корейская Народно-Демократическая Республика, Монголия, Республика Корея
Мексика	Центральная Америка	Белиз, Коста-Рика, Сальвадор, Гватемала, Гондурас, Никарагуа, Панама
Россия	Восточная Европа	Беларусь, Болгария, Чехия, Венгрия, Польша, Молдова, Румыния, Словакия, Украина
Саудовская Аравия, Турция	Западная Азия	Армения, Азербайджан, Бахрейн, Кипр, Грузия, Ирак, Израиль, Иордания, Кувейт, Ливан, Оман, Катар, Государство Палестина, Сирийская Арабская Республика, Объединенные Арабские Эмираты, Йемен
Соединенное Королевство	Северная Европа	Аландские острова, Нормандские острова, Дания, Эстония, Фарерские острова, Финляндия, остров Гернси, Исландия, Ирландия, остров Мэн, остров Джерси, Латвия, Литва, Норвегия, остров Сарк, острова Шпицберген и Ян-Майен, Швеция
Южно-Африканская Республика	Южная Африка	Ботсвана, Лесото, Намибия, Свазиленд

Страна(-ы)- участницы группы	Макрорегион	Другие участники
БРИКС		
Бразилия	Южная Америка	Боливия, Чили, Колумбия, Эквадор, Фолклендские (Мальвинские) острова, Французская Гвиана, Гайана, Парагвай, Перу, Суринам, Уругвай, Венесуэла
Индия	Южная Азия	Афганистан, Бангладеш, Бутан, Иран, Мальдивские острова, Непал, Пакистан, Шри-Ланка
Китай	Восточная Азия	Гонконг (специальный административный район Китая), Макао (специальный административный район Китая), Корейская Народно-Демократическая Республика, Монголия, Республика Корея
Россия	Восточная Европа	Беларусь, Болгария, Чехия, Венгрия, Польша, Молдова, Румыния, Словакия, Украина
Южно-Африканская Республика	Южная Африка	Ботсвана, Лесото, Намибия, Свазиленд

Table 2. G7, G20 and BRICS Macroregions
 Источник: составлено авторами на основе классификации ООН*

* Состав макрогеографических (континентальных) регионов, географических субрегионов и других экономических и прочих групп стран. *Composition of macro geographical (continental) regions, geographical sub-regions, and selected economic and other groupings.*

симость БРИКС. Для сравнения многосторонних неформализованных объединений авторы дополняют подход, использованный в работе Л.З. Зевина²⁹, опирающийся, с одной стороны, на базовые показатели репрезентативности рассматриваемых групп стран – доли в мировом населении и ВВП, а с другой – на измерение уровня консолидированности (связанности) или экономической «плотности» (*connectivity*) территории, измеряемой как отношение межстранового экспорта группы к общему объему вывоза. Показатель рассчитывается как для непосредственных участников многосторонних институтов высшего уровня, так и для макрорегионов, к которым они принадлежат.

Таким образом, объектом исследования являются как группы стран, формирующих многосторонние институты высшего уровня,

так и макрорегионы их принадлежности в соответствии с классификацией ООН³⁰ (См. Табл. 2).

Базовая статистическая оценка репрезентативности многосторонних институтов высшего уровня и макрорегионов принадлежности их участников на основе общих демографических и экономических показателей представлена в Табл. 3 и Табл. 4.

ния. – 2016. – Т. 16. № 2. – С. 111-122. [Sidorova, E.A. Integracionno-investicionnyj potencial BRIKS (The BRICS Integration and Investment Potential) // *Mirovaja ekonomika i upravlenija*, 2016, Vol. 16 (2), pp. 111-122.]; Stuenkel, O. The G7 and BRICS in the Post-Crimea World Order // *Russia in Global Affairs*, 2015, Vol. 13, No. 2, pp. 128-138.

²⁹ Зевин Л.З. Мегарегионы в глобализирующемся хозяйстве // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2016. – Т. 60. № 8. – С. 26-33. [Zevin, L.Z. Megaregiony v globalizirujushhemsja hozjajstve (Mega-regions in a Globalized Economy) // *Mirovaja ekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*, 2016, Vol. 60 (8), pp. 26-33.]

³⁰ Состав макрогеографических (континентальных) регионов, географических субрегионов и других экономических и прочих групп стран. *Composition of macro geographical (continental) regions, geographical sub-regions, and selected economic and other groupings.* Mode of access: <http://unstats.un.org/unsd/methods/m49/m49regin.htm>

Таблица 3

Динамика «Группы семи»,
«Группы двадцати» и БРИКС в населении мира, %

Группа стран	Участников				С учетом макрорегионов			
	2000	2005	2010	2015	2000	2005	2010	2015
Группа семи	11,43	11,05	10,69	10,32	35,97	34,83	33,67	32,48
Группа двадцати	63,62	62,80	61,85	60,82	85,08	84,30	83,35	82,29
БРИКС	43,98	43,52	42,87	42,16	59,28	58,64	57,79	56,93

Table 3. Dynamics of the Group of Seven, the Group of Twenty and BRICS in the World's Population, %

Источник: расчеты авторов по данным Всемирного банка
(World Data Bank. Режим доступа: <http://data.worldbank.org>),
с учетом пропусков данных по отдельным странам

Таблица 4

Динамика «Группы семи», «Группы двадцати» и БРИКС в мировом ВВП (по ППС), %

Группа стран	Участников				С учетом макрорегионов			
	2000	2005	2010	2015	2000	2005	2010	2015
Группа семи	44,40	40,53	34,41	31,31	61,07	59,35	56,55	55,73
Группа двадцати	73,24	72,69	72,42	73,15	93,80	93,43	93,10	91,35
БРИКС	18,46	21,93	27,60	31,34	35,21	38,06	42,85	43,66

Table 4. Dynamics of the G7, G20 and BRICS in Global GDP (PPP), %

Источник: расчеты авторов по данным Всемирного банка
(World Data Bank. Режим доступа: <http://data.worldbank.org>),
с учетом пропусков данных по отдельным странам

Очевидно, что из рассматриваемых многосторонних институтов высшего уровня наибольший удельный вес в мировой экономике и мировом населении характеризует «Группу двадцати», что связано с большим количеством участвующих стран. По мнению авторов, показательно то, что для «Группы семи» и «Группы двадцати» характерно преобладание экономического потенциала над демографическим, в странах БРИКС – наблюдается противоположная ситуация. Ожидается, что удельный вес в мировой экономике и мировом населении участников «Группы семи» и макрорегионов, к которым они принадлежат, сокращается, хотя темп сокращения замедлился, в первую очередь из-за того, что в Восточную Азию – макрорегион принадлежности Японии – входит Китай. В этом смысле участники и макрорегионы, относящиеся к БРИКС, демонстрируют противоположную динамику – рост удельного веса при замедлении его темпов. Скорее всего, именно с этими противоположными трендами связана устойчивая, с тенденцией к небольшому сокращению, динамика рассматриваемых социально-экономических показателей «Группы двадцати».

В Таблице 5 дана оценка консолидированности участников многосторонних институтов высшего уровня. Превышение объединением стран порогового значения связанности в 25% означает заинтересованность стран в поддержании и развитии стабильных отношений³¹. По данному показателю, «Группа семи» и «Группа двадцати» обладают потенциалом реализации совместных, пусть и не обязательных к исполнению инициатив. Уровень консолидированности группы БРИКС находится на низком уровне, хотя демонстрирует скорее положительную динамику.

В Таблице 6 представлены расчеты уровня консолидированности (экономической «плотности») макрорегионов принадлежности стран-участниц многосторонних неформализованных объединений.

³¹ Зевин Л.З. Мегарегионы в глобализирующемся хозяйстве // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – Т. 60. № 8. – С. 26-33. [Zevin, L.Z. Megaregiony v globalizirujushhemsja hozjajstve (Mega-regions in a Globalized Economy) // *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*, 2016, Vol. 60 (8), pp. 26-33.]

Таблица 5

Уровень консолидированности непосредственных участников
«Группы семи», «Группы двадцати» и БРИКС, %

Многосторонний институт высшего уровня	2000	2005	2010	2015
Группа семи	48,02	43,14	36,68	37,56
Группа двадцати	65,66	62,72	61,42	62,78
БРИКС	3,54	5,35	8,26	7,54

Table 5. The level of Consolidation of the Direct Participants of the Group of Seven, the Group of Twenty and BRICS, %
Источник: расчеты авторов по Базе данных торговой статистики ООН (UN Comtrade Database).
Режим доступа: <https://comtrade.un.org>, с учетом пропусков данных по отдельным странам

Таблица 6

Уровень консолидированности макрорегионов принадлежности участников
«Группы семи», «Группы двадцати» и БРИКС, %

Макрорегион	Страна(-ы)-участницы группы	2000	2005	2010	2015
Группа семи					
Западная Европа	Германия, Франция	39,21	37,89	37,77	34,17
Южная Европа	Италия	16,49	18,43	17,63	15,61
Северная Америка	Канада, США	39,57	40,64	32,39	31,06
Северная Европа	Соединенное Королевство	22,20	22,96	22,64	20,04
Восточная Азия	Япония	29,27	34,39	33,48	32,52
Группа двадцати					
Австралия и Новая Зеландия (Океания)	Австралия	8,44	9,01	5,96	5,45
Южная Америка	Аргентина, Бразилия	22,53	18,26	19,52	19,85
Западная Европа	Германия, Франция	39,21	37,89	37,77	34,17
Южная Азия	Индия	2,91	5,37	5,75	7,33
Юго-Восточная Азия	Индонезия	22,98	25,11	25,12	24,13
Южная Европа	Италия	16,49	18,43	17,63	15,61
Северная Америка	Канада, США	39,57	40,64	32,39	31,06
Восточная Азия	Китай, Республика Корея, Япония	29,27	34,39	33,48	32,52
Центральная Америка	Мексика	2,84	3,48	4,41	3,92
Восточная Европа	Россия	21,28	21,59	22,18	19,63
Западная Азия	Саудовская Аравия, Турция	5,58	19,63	9,18	10,97
Северная Европа	Соединенное Королевство	22,20	22,96	22,64	20,04
Южная Африка*	Южно-Африканская Республика	3,65	3,04	14,73	15,25
БРИКС					
Южная Америка	Бразилия	22,53	18,26	19,52	19,85
Южная Азия	Индия	2,91	5,37	5,75	7,33
Восточная Азия	Китай	29,27	34,39	33,48	32,52
Восточная Европа	Россия	21,28	21,59	22,18	19,63
Южная Африка	Южно-Африканская Республика	3,65	3,04	14,73	15,25

* Здесь и далее в базе данных торговой статистики ООН (UN Comtrade Database) отсутствуют данные по экспорту ЮАР в регион в 2000 и 2005 году.

Table 6. The Level of Consolidation of Macroregions of the Membership of the G7, G20 and BRICS Members, %
Источник: расчеты авторов по данным База данных торговой статистики ООН (UN Comtrade Database). Режим доступа: <https://comtrade.un.org>
с учетом пропусков данных по отдельным странам

Исходя из проведенных расчетов, потенциалом развивающего регионализма, понимаемого в данном случае, как механизм,

позволяющий транслировать инициативы с глобального уровня на региональный об- ладают: в «Группе семи»: Западная Евро-

па (представители – Германия и Франция), Северная Америка (представители – США и Канада), Восточная Азия (Япония); в «Группе двадцати»: Западная Европа, Северная Америка, Восточная Азия (представители – Китай вместе со специальными административными районами Гонконгом и Макао и Япония), Юго-Восточная Азия (представитель – Индонезия); в БРИКС: Восточная Азия (представитель – КНР и ее специальные административные районы Гонконг и Макао). В Таблице 7 и Таблице 8 представлены показатели удельного веса макрорегионов принадлежности участников

многосторонних институтов высшего уровня после корректировки на оценку связанности, проведенной в исследовании.

По итогам сравнения показателей, можно сделать вывод о том, что «клубные» механизмы, в первую очередь, способствуют совместному решению проблем своих участников, в то время как потенциал дальнейшей трансляции антикризисных и трансформационных импульсов на акторов мирового хозяйства, находящихся за пределами объединений, – умеренный и в целом совпадает с ареалом воздействия стран «Группы семи»

Таблица 7

Динамика «Группы семи», «Группы двадцати» и БРИКС в населении мира, %

Группа стран	С учетом всех макрорегионов				С учетом макрорегионов, преодолевших порог связанности			
	2000	2005	2010	2015	2000	2005	2010	2015
Группа семи	35,97	34,83	33,67	32,48	32,16	31,16	30,11	29,08
Группа двадцати	85,08	84,30	83,35	82,29	40,72	39,78	38,70	37,68
БРИКС	59,28	58,64	57,79	56,93	24,02	23,23	22,39	21,57

Table 7. Dynamics of the Group of Seven, the Group of Twenty and BRICS in the World's Population, %

Источник: расчеты авторов по данным Всемирного банка

(World DataBank. Режим доступа: <http://data.worldbank.org/>), с учетом пропусков данных по отдельным странам

Таблица 8

Динамика «Группы семи», «Группы двадцати» и БРИКС в мировом ВВП (по ППС), %

Группа стран	С учетом всех макрорегионов				С учетом макрорегионов, преодолевших порог связанности			
	2000	2005	2010	2015	2000	2005	2010	2015
Группа семи	61,07	59,35	56,55	55,73	49,77	48,88	47,50	47,93
Группа двадцати	93,80	93,43	93,10	91,35	55,28	54,65	53,58	54,46
БРИКС	35,21	38,06	42,85	43,66	16,65	18,25	21,07	23,48

Table 8. Dynamics of the G7, G20 and BRICS in global GDP (PPP), %

Источник: расчеты авторов по данным Всемирного банка

(World DataBank. Режим доступа: <http://data.worldbank.org/>), с учетом пропусков данных по отдельным странам

Заслуживает внимания и второй ряд макрорегионов, уровень консолидированности которых составляет 15-25% и включает в себя: в «Группе семи» – Южную Европу (представитель – Италия), Северную Европу (представитель – Соединенное Королевство); в «Группе двадцати»: Южную Африку (представитель – ЮАР), Южную Америку (представители – Аргентина и Бразилия), Восточную Европу (представитель – Россия), – Южную Европу, Северную Европу; в БРИКС уже упоминавшихся ранее – Юж-

ную Африку, Южную Америку, Восточную Европу.

По итогам исследования можно сделать следующие выводы. Во-первых, демографическая репрезентативность многосторонних институтов высшего уровня как самих участников, так и макрорегионов их принадлежности демонстрирует в анализируемый период тенденцию к небольшому сокращению. Экономический потенциал участников и макрорегионов в мировой экономике демонстрирует разнонаправленные

тенденции: роль «Группы семи» сокращается, роль БРИКС растет, «Группы двадцати» – относительно устойчива. Исключение составляет Южная Европа – референсный макрорегион для Группы семи» и «Группы двадцати» – степень консолидированности которой ниже 25%, что, по мнению авторов, коррелирует с наличием и трудностью преодоления финансово-экономических проблем странами, входящими в ее состав: Италией, Испанией, Грецией и пр. Во-вторых, потенциалом лучшей реализации общих экономических проектов и инициатив обладают «Группа семи» и «Группа двадцати», чей уровень консолидированности (объем взаимной торговли) высок. Как показали расчеты, БРИКС для достижения подобного уровня требуется трехкратное увеличение объемов межстрановой торговли. В-третьих, анализ экономической «плотности» (*connectivity*) макрорегионов принадлежности стран-участниц ведущих неформализованных объединений мира показал для большинства из них низкий общий уровень эффективного потенциала реализации совместных проектов.

Таким образом, по мнению авторов, проявилась «клубная» природа многосторонних институтов высшего уровня, которая обеспечивает лучшее совместное решение проблем инсайдеров, а не аутсайдеров. В-четвертых, наблюдается практически полное совпадение макрорегионов, обладающих потенциалом эффективных реципиентов импульсов системы глобального управления, в «Группе семи» и «Группе двадцати». Это может являться следствием того, что макрорегионы Глобального Юга в целом менее консолидированы, например, по причине сырьевой специализации или участия в глобальных цепочках создания стоимости, ориентированных на страны (прежде всего, Запада), находящиеся за пределами рассматриваемых субрегионов. Показательна в этом случае высокая консолидированность Юго-Восточной Азии, включающей в себя Бруней-Даруссалам, Индонезию (региональный лидер макрорегиона), Камбоджу, Лаосскую Народно-Демократическую Республику (ЛНДР), Малайзию, Мьянму, Филиппины, Сингапур,

Таиланд, Восточный Тимор, Вьетнам, большинство из которых входят в Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) – одно из наиболее давно существующих интеграционных объединений в Азии. Кроме того, в данный макрорегион входит ряд развивающихся государств первого (Сингапур) и второго (Малайзия, Таиланд) поколения, что говорит о прогрессивности, эффективности и привлекательности региональной модели развития. В-пятых, несмотря на то, что группа БРИКС обладает наименьшим потенциалом эффективной реализации совместных инициатив из-за того, что уровень консолидированности участников составляет менее 10%, и только КНР и ее специальные административные районы принадлежит к экономически связанному региону – Восточной Азии; Бразилия, Россия и ЮАР в определенном смысле «организуют вокруг себя» перспективные регионы с уровнем связности более 15%. Показательно, что макрорегион Восточная Европа обладает большей консолидированностью, чем Евразийский экономический союз (ЕАЭС), уровень связности которого составляла 9,82% в 2015 г.³², что говорит о необходимости совершенствования стратегии РФ в направлении привлечения новых участников в продвигаемые интеграционные проекты. Кроме того, на этом фоне еще более обоснованными и уместными выглядят успехи валютно-финансового, а не торгового взаимодействия стран БРИКС.

Данное исследование ставит ряд вопросов об уместности использования в качестве методологического подхода к анализу многосторонних институтов высшего уровня и макрорегионов принадлежности их участников двухуровневой оценки экономической связности. Представляется, что несмотря на то, что, во-первых, межгосударственные неформализованные институты трансрегиональны по своей природе, а, во-вторых, оценка уровня консолидированности проводится только на основе анализа торговых потоков, данное исследование расширяет систему научных представлений об устой-

³² Расчеты авторов по базе данных торговой статистики ООН. UN Comtrade Database. Режим доступа: <https://comtrade.un.org/>

чивости и перспективах функционирования данных образований. Добавление нового направления участия многосторонних институтов высшего уровня в существующей системе глобального управления – способности их воздействия на не участвующие в них страны – к трем, ранее выявленным: «каталитическому воздействию», «определяющему влиянию» и «параллельному управлению» – также представляется заслуживающим дальнейшего изучения, так как данное исследование позволило указать на уязвимые места рассмотренных многосторонних институтов высшего уровня в контексте их репрезентативности и потенциала трансляции управляющего воздействия на остальной мир.

Выводы

В исследовании проведен сравнительный анализ некоторых аспектов репрезентативности многосторонних институтов высшего уровня: «Группы семи», «Группы двадцати», БРИКС. Исследование, в целом, подтвердило обоснованность расширения количества и круга участников подобных инициатив за счет представителей развивающегося мира на фоне падения роли ведущих стран Запада в мировом хозяйстве и населении мира. На первый взгляд, формирование «Группы двадцати» представляется более оправданным и перспективным, чем создание БРИКС, из-за большего удельного веса в мировом хозяйстве и высокого уровня общего консолидированности (экономической связности), что позволяет осуществлять глобальное экономическое проектирование и продвигать антикризисные проекты большему количеству стран. Однако, при оценке консолидированности на уровне макрорегионов принадлежности ведущих стран мира, входящих в рассматриваемые многосторонние неформализованные группировки, выявлено, что большая часть высоко консолидированных референтных макрорегионов «Группы семи» и «Группы двадцати» совпадает (дополнительным консолидированным регионом «Группы двадцати» является только Юго-Восточная Азия). Таким образом, с точки зрения трансляции управляющих им-

пульсов глобального управления с высшего уровня на мегарегиональный не существует принципиальных различий между «Группой семи» и «Группой двадцати», несмотря на то, что потенциал воздействия последней с учетом макрорегионов охватывает более 80% населения земного шара и 90% мирового хозяйства. Это связано с тем, что развивающиеся страны, находящиеся в макрорегионах, отличающих «Группу двадцати» от «Группы семи», являются традиционно менее открытыми в торговом отношении, чем развитые страны, что в рамках данного исследования может означать недооценку потенциала их развивающего регионализма – эффективной реализации общего пути – из-за особенностей применяемого показателя. Таким образом, представляется необходимым поиск дополнительных параметров оценки потенциальной эффективности регионального взаимодействия, например, связанных с динамикой развития социально-экономических систем или инвестиционным процессом.

Литература:

- Астахов Е.М.* БРИКС: перспективы развития // Вестник МГИМО Университета. – 2016. – № 1 (46). – С. 42-50.
- Виноградов А.В.* Диалоговый формат БРИКС и его роль в становлении многополярного мира // Сравнительная политика. – 2014. – Т. 5, № 1 (14). – С. 47-52.
- Воскресенский А.Д.* Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. – 2012. – Т. 3, № 2 (8). – С. 30-58.
- Гиаккалини Ф.Д. В.* Перспективы развития БРИКС после саммита в Форталезе: политико-экономическое положение стран-участниц // Государственное управление. Электронный вестник. – 2014. – № 46. – С. 226-258.
- Зевин Л.З.* Мегарегионы в глобализирующемся хозяйстве // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – Т. 60, № 8. – С. 26-33.
- Колдунова Е.В.* Роль стран БРИКС в глобальном управлении // Сравнительная политика. – 2014. – Т. 5, № 1 (14). – С. 60-64.
- Ларионова М.В.* Оценка эффективности взаимодействия международных институтов в процессе глобального управления // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2016. – Т. 11, № 1. – С. 126-152.
- Ларионова М.В., Рахмангулов М.Р., Шелепов А.В.* Что влияет на исполнение обязательств «Группы двадцати» и БРИКС: сравнительный анализ // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2016. – Т. 11, № 3. – С. 99-131.

Лексютина Я.В. Роль БРИКС в стимулировании парадигмального сдвига в глобальном экономическом управлении // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2014. – Т. 10. № 1. – С. 113-125.

Панова В.В. О пользе «клубных механизмов»: Группа семи и БРИКС в сравнительной перспективе // Международные процессы. – 2012. – Т. 10. № 29. – С. 101-109.

Ревизорский М. «Группа семи/восьми» – «Группа двадцати» – БРИКС: новая триада в глобальном управлении? // Вестник международных организаций. – 2015. – Т. 10 (4). – С. 29-48.

Сидорова Е.А. Интеграционно-инвестиционный потенциал БРИКС // Мир экономики и управления. – 2016. – Т. 16. № 2. – С. 111-122.

Син Л. Усиление роли G20: трансформация мирового порядка и внешняя политика Китая // Сравнительная политика. – 2012. – Т. 3. № 1 (7). – С. 23-27.

Толорая Г.Д., Чуков Р.С. Рассчитывать ли на БРИКС? // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2016. – Т. 11. № 2. – С. 97-112.

Триведи Р. Нетрадиционные угрозы безопасности в Центральной Азии с точки зрения сравнительное региональной перспективы // Сравнительная политика. – 2011. – Т. 2. № 4 (6). – С. 109-123.

Чуков Р.С. Перспективы глобальной институционализации в мировой политике: пример G7 и G20 // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2015. – № 5. – С. 21-25.

Bénassy-Quéré, A.; Kumar, R.; Pisani-Ferry, J. The G20 is not Just a G7 with Extra Chairs, La Lettre du CEPII, CEPII Research Center, 2009, Iss. 292.

Cheng, H.F.; Gutierrez, M.; Mahajan, A.; Shachmurove, Y.; Sharokhi, M. A Future Global Economy to be Built by BRICs // *Global Finance Journal*, 2007, Vol. 18, pp.143-156.

Cheng, J.Y.S. China's Approach to BRICS // *Journal of Contemporary China*, 2015, Vol.24 (92), pp. 357-375.

Engelbrekt, K. Mission Creep? The Nontraditional Security Agenda of the G7/8 and the Nascent Role of the G-20 // *Global Governance*, 2015, Vol. 21 (4), pp. 537-556.

Frieden, J.A. Macroeconomic Rebalancing in China and the G20 // *China & World Economy*, 2016, Vol. 24 (4), pp. 15-33.

Jacobs, L.M.; Van Rossem, R. The BRIC Phantom: A Comparative Analysis of the BRICs as a Category of Rising Powers // *Journal of Policy Modeling*, 2014, Vol. 37, pp.47-66.

Kirton, J. Canadian Foreign Policy in a Changing World. Thompson Nelson, 2007. 562 p.

Mielniczuk, F. BRICS in the Contemporary World: Changing Identities, Converging Interests // *Third World Quarterly*, 2013, No. 34, pp. 6, 1075-1090.

Robinson, W. The Transnational State and the BRICS: a Global Capitalism Perspective // *Third World Quarterly*, 2015, No. 36:1, pp. 1-21.

Radulescu, I.G.; Panaita, M.; Voicab, C. BRICS Countries Challenge to the World Economy New Trends / Procedia Economics and Finance 1st International Conference 'Economic Scientific Research – Theoretical, Empirical and Practical Approaches', ESPERA, 2014, Vol. 8, pp. 605-613.

Robinson, W.I. The Transnational State and the BRICS: a Global Capitalism Perspective // *Third World Quarterly*, 2015, Vol. 36 (1), pp. 1-21.

Sloan, J. The Strategy of Developmental Regionalism: Benefits, Distribution, Obstacles, and Capabilities // *Journal of Common Market Studies*, 1971, Vol.10, Iss.2, pp. 138-162.

Stuenkel, O. The G7 and BRICS in the Post-Crimea World Order // *Russia in Global Affairs*, 2015, Vol. 13, No. 2, pp. 128-138.

Teker, S.; Yuksel, A.H. G20: On Behalf of the Rest? Procedia Economics and Finance 38 – Istanbul Conference of Economics and Finance, ICEF 2015, 22-23 October 2015, Istanbul, Turkey, pp. 219-223.

Thakur, R. How Representative are BRICS? // *Third World Quarterly*, 2014, No. 35, pp. 1791-1808.

Vines, D. Cooperation between Countries to Ensure Global Economic Growth: a Role for the G20? // *Asian-Pacific Economic Literature*, 2015, Vol.29, Iss.1, pp. 1-24.

Wilson, J.D. Resource Powers? Minerals, Energy and the Rise of the BRICS // *Third World Quarterly*, 2015, Vol. 36 (2), pp. 223-239.

References:

Astahov, E.M. BRIKS: perspektivy razvitiya (BRICS: Developmental Prospects) // *Vestnik MGIMO Universiteta*. 2016, No. 1 (46), pp. 42-50.

Bénassy-Quéré, A.; Kumar, R.; Pisani-Ferry, J. The G20 is not Just a G7 with Extra Chairs, La Lettre du CEPII, CEPII Research Center, 2009, Iss. 292.

Cheng, H.F.; Gutierrez, M.; Mahajan, A.; Shachmurove, Y.; Sharokhi, M. A Future Global Economy to be Built by BRICs // *Global Finance Journal*, 2007, Vol. 18, pp. 143-156.

Cheng, J.Y.S. China's Approach to BRICS // *Journal of Contemporary China*, 2015, Vol.24 (92), pp. 357-375.

Chukov, R.S. Perspektivy global'noj institucionalizacii v mirovoj politike: primer G7 i G20 (Prospects for the Global Institutionalization of World Politics: the Example of the G7 and the G20) // *Nauchnoe obozrenie. Serija 2: Gumanitarnye nauki*, 2015, No. 5, pp. 21-25.

Engelbrekt, K. Mission Creep? The Nontraditional Security Agenda of the G7/8 and the Nascent Role of the G-20 // *Global Governance*, 2015, Vol. 21 (4), pp. 537-556.

Frieden, J.A. Macroeconomic Rebalancing in China and the G20 // *China & World Economy*, 2016, Vol. 24 (4), pp. 15-33.

Giakaglini, F.D.V. Perspektivy razvitiya BRIKS posle sammita v Fortaleze: politiko-jekonomicheskoe polozhenie stran-uchastnic (Prospects for the Development after the BRICS Fortaleza's Summit: Political and Economic Situation in the Member Countries) // *Gosudarstvennoe upravlenie. Jelektromyj Vestnik*, 2014, No. 46, pp. 226-258.

Jacobs, L.M.; Van Rossem, R. The BRIC Phantom: A Comparative Analysis of the BRICs as a Category of Rising Powers // *Journal of Policy Modeling*, 2014, Vol. 37, pp.47-66.

Kirton, J. Canadian Foreign Policy in a Changing World. Thompson Nelson, 2007. 562 p.

Koldunova, E.V. Rol' stran BRIKS v global'nom upravlenii (The Role of the BRICS in the Global Governance) // *Comparative Politics Russia*, 2014, Vol. 5. No. 1 (14), pp. 60-64.

Larionova M.V. Ocenka jeffektivnosti vzaimodejstviya mezhdunarodnyh institutov v processe global'nogo upravlenija (Evaluation of the Efficiency of Interaction of International Institutions in the Process of Global Governance) // *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij: obrazovanie, nauka, novaja jekonomika*, 2016, Vol. 11 (1), pp. 126-152.

Larionova, M.V.; Rahmangulov, M.R.; Shelepov, A.V. Chto vlijaet na ispolnenie objazatel'stv «Gruppy dvadcati» i BRIKS: sravnitel'nyj analiz (What Affects the Performance Obligations taken by "Group of Twenty" and the BRICS: A Comparative Analysis) // *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij: obrazovanie, nauka, novaja jekonomika*, 2016, Vol. 11 (3), pp. 99-131.

Leksjutina, Ja.V. Rol' BRIKS v stimulirovanii paradigmat'nogo sdviga v global'nom jekonomicheskom upravlenii (The Role of the BRICS in Stimulating the Paradigm Shift in Global Economic Governance) // *Politicheskaja jekspertiza: POLITEKS*, 2014, Vol. 10 (1), pp. 113-125.

Mielniczuk, F. BRICS in the Contemporary World: Changing Identities, Converging Interests // *Third World Quarterly*, 2013, No. 34, pp. 6, 1075-1090.

Panova, V.V. O pol'ze «klubnyh mehanizmov»: Gruppa semi i BRIKS v sravnitel'noj perspektive (The Benefits of "Club Arrangements": The Group of Seven and the BRICS in a Comparative Perspective) // *Mezhdunarodnye processy*, 2012, Vol. 10 (29), pp. 101-109.

Radulescu, I.G.; Panaita, M.; Voicab, C. BRICS Countries Challenge to the World Economy New Trends / Procedia Economics and Finance 1st International Conference 'Economic Scientific Research – Theoretical, Empirical and Practical Approaches', ESPERA, 2014, Vol. 8, pp. 605-613.

Revizorskij, M. «Gruppa semi vos'mi» – «Gruppa dvadcati» – BRIKS: novaja triada v global'nom upravlenii? ("Group of Seven / Eight" – "Group of Twenty" – the BRICS: New Triad in Global Governance?) // *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij: obrazovanie, nauka, novaja jekonomika*, 2015, Vol. 10 (4), pp. 29-48.

Robinson, W. The Transnational State and the BRICS: a Global Capitalism Perspective // *Third World Quarterly*, 2015, No. 36:1, pp 1-21.

Robinson, W.I. The Transnational State and the BRICS: a Global Capitalism Perspective // *Third World Quarterly*, 2015, Vol. 36 (1), pp. 1-21.

Sidorova, E.A. Integracionno-investicionnyj potencial BRIKS (The BRICS Integration and Investment Potential) // *Mir jekonomiki i upravlenija*, 2016, Vol. 16 (2), pp. 111-122.

Sin, L. Usilenie roli G20: transformacija mirovogo porjadka i vneshnjaja politika Kitaja (Strengthening the Role of the G20: The Transformation of the World Order and China's Foreign Policy) // *Comparative Politics Russia*, 2012, Vol. 3. No. 1 (7), pp. 23-27.

Sloan, J. The Strategy of Developmental Regionalism: Benefits, Distribution, Obstacles, and Capabilities // *Journal of Common Market Studies*, 1971, Vol.10, Iss.2, pp. 138-162.

Stuenkel, O. The G7 and BRICS in the Post-Crimea World Order // *Russia in Global Affairs*, 2015, Vol. 13, No. 2, pp. 128-138.

Teker, S.; Yuksel, A.H. G20: On Behalf of the Rest? Procedia Economics and Finance 38 – Istanbul Conference of Economics and Finance, ICEF 2015, 22-23 October 2015, Istanbul, Turkey, pp. 219-223.

Thakur, R. How Representative are BRICS? // *Third World Quarterly*, 2014, No. 35, pp. 1791-1808.

Toloraja, G.D.; Chukov, R.S. Rasschityvat' li na BRIKS? (Should We Trust in the BRICS?) // *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij: obrazovanie, nauka, novaja jekonomika*, 2016, Vol. 11 (2), pp. 97-112.

Trivedi, R. Netradicionnye ugrozy bezopasnosti v Central'noj Azii s točki zrenija sravnitel'noe regional'noj perspektivy (Non-traditional Security Threats in Central Asia from the Point of View of a Comparative Regional Perspective) // *Comparative Politics Russia*, 2012, Vol. 2. No. 4 (6), pp. 109-123.

Vines, D. Cooperation between Countries to Ensure Global Economic Growth: a Role for the G20? // *Asian-Pacific Economic Literature*, 2015, Vol.29, Iss.1, pp. 1-24.

Vinogradov, A.V. Dialogovyj format BRIKS i ego rol' v stanovlenii mnogopoljarnogo mira (The Interactive Format of BRICS and its Role in the Multipolar World Formation) // *Comparative Politics Russia*, 2014, Vol. 5. № 1 (14), pp. 47-52.

Voskressenski, A.D. Konceptii regionalizacii, regional'nyh podsystem, regional'nyh kompleksov i regional'nyh transformacij v sovremennyh mezhdunarodnyh otnoshenijah (Concepts of Regionalization, Regional Subsystems, Regional Systems and Regional Transformations in Contemporary International Relations) // *Comparative Politics Russia*, 2012, Vol. 3. No. 2 (8), pp. 30-58.

Wilson, J.D. Resource Powers? Minerals, Energy and the Rise of the BRICS // *Third World Quarterly*, 2015, Vol. 36 (2), pp. 223-239.

Zevin, L.Z. Megaregiony v globalizirujushemsja hozjajstve (Mega-regions in a Globalized Economy) // *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*, 2016, Vol. 60 (8), pp. 26-33.

INFORMAL INSTITUTIONS OF GLOBAL GOVERNANCE: THE REPRESENTATIVENESS AND POTENTIAL FOR IMPACT

Mariia L. Gorbunova

*National Research Lobachevsky State University of Nizhniy Novgorod,
Nizhniy Novgorod, Russia*

Mikhail L. Gorbunov

*Volga-Vyatka Branch of the Bank of Russia,
Nizhniy Novgorod, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 21.01.2018</p> <p><i>Sent for Editing:</i> 24.09.2018</p> <p><i>Accepted:</i> 05.11.2018</p>	<p>Abstract: The purpose of the study is to compare the role of the G7, the G20 and BRICS in the global governance system on the basis of an assessment of the representativeness and potential impact of these informal associations on the rest of the world on the basis of a comparative analysis of a number of socio-economic indicators of participating countries. The relevance of the research is related to the fact that these institutions represent a certain counterbalance to the leading formal universal international organizations, functioning on a permanent basis, primarily the UN. Based on a two-tier economic consolidation assessment of considered multilateral institutions participants and their respective macro-regions, the authors came to the following conclusions: the «Group of Seven» and «Group of Twenty» have a higher potential for implementation of joint economic projects and initiatives because of a higher level of their economic consolidation based on bilateral trade; the analysis of economic connectivity of macro-regions the countries participating at global leading informal associations belong to showed a low level of effective potential for joint projects realization for most of them. It means that the multilateral institutions of highest level are capable to provide better common coordinated solutions to the problems of insiders, and not those of outsiders; the G7 members consolidate four of the five macroregions to which they belong, while among thirteen macroregions G20 members belongs to there is only one additional consolidated entity which is Southeast Asia. Thus, a threefold increase in the number of the G20 participants does not enlarge the effective geography of the G20 impact on the rest of the world; even though the BRICS group has the reduced potential for effective implementation of joint participant initiatives because of low level of consolidation union members lesser than 10%, and only China belongs to the economically connected macro-region - East Asia; Brazil, Russia and South Africa are included in the potentially prospective regions with a level of connectivity more than 15%.</p>
<p>About the authors:</p> <p>Mariia L. Gorbunova, Dr. of Economy, Associate Professor, Head of the Department for World Economy and Regional Markets, the Institute of Economics and Entrepreneurship, National Research Lobachevsky State University of Nizhniy Novgorod</p> <p>e-mail: gorbunova@ice.unn.ru</p> <p>Mikhail L. Gorbunov, Deputy Head, the Accounting and Operating System Support Department, ICC of the Volga-Vyatka Branch of the Bank of Russia</p> <p>e-mail: 22gorbunovml@cbr.ru</p>	
<p>Key words:</p> <p>high-level multilateral institutions; BRICS; the Group of Seven; the Group of Twenty; macro-economic consolidation</p>	

Для цитирования: Горбунова М.Л., Горбунов М.Л. Неформализованные межгосударственные институты глобального управления: репрезентативность и потенциал воздействия // *Сравнительная политика*. – 2019. – №1 – С. 5-22.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10001

For citation: Gorbunova, Mariia L.; Gorbunov, Mikhail L. Neformalizovannye mezhgosudarstvennye instituty globalnogo upravleniia: reprezentativnost i potentsial vozdeistviia (Informal Institutions of Global Governance: the Representativeness and Potential for Impact) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 1, pp. 5-22.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10001

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА КАК НЕОТЪЕМЛЕМЫЙ ЭЛЕМЕНТ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

Алексей Владимирович Юрковский

*Иркутский юридический институт (филиал)
Академии Генеральной прокуратуры РФ,
Иркутск, Россия*

Игорь Александрович Кузьмин

*Иркутский юридический институт (филиал)
Академии Генеральной прокуратуры РФ,
Иркутск, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 29 октября 2017 <i>Принята к печати:</i> 12 июля 2018</p>	<p>Аннотация: Осознание фундаментальных государственно-правовых категорий зачастую требует уточнения их смысла исходя из плюралистической картины мира. Конституционно-правовая охрана как неотъемлемый элемент конституционализма находит свое проявление во всех сферах государственной деятельности, является имманентной характеристикой сущности государства. Отсутствие комплексного подхода, раскрывающего содержание конституционно-правовой охраны, препятствует ее дальнейшей концептуальной разработке и эффективности. Первые три части статьи посвящены «введению» в проблематику конституционно-правовой охраны и формированию первичного понимания этой категории, исходя из ее связи с конституцией, проработанности тематики и этимологии. Четвертая и пятая части работы призваны создать у читателя наиболее полное представление об основных смыслах конституционно-правовой охраны и глубине ее внедрения в структуру конституционализма на метауровне научного познания.</p>
<p>Об авторах: <i>А.В. Юрковский</i>, к.ю.н., доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ e-mail: AVYurkovsky@mail.ru <i>И.А. Кузьмин</i>, к.ю.н., доцент, кафедра теории и истории государства и права Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ e-mail: grafik-sovetnik@rambler.ru</p>	
<p>Ключевые слова: государство; конституционное право; конституционализм; национальная правовая система; конституционно-правовая охрана; научные исследования</p>	

Конституция как основа национальной правовой системы

Для любой национальной системы права конституция является особым источником права (совокупностью источников права), нормы которого (которых) первичны по отношению к любым другим нормам, со-

держащимся в любых других признаваемых конкретным государством источниках права. Программное предназначение конституции, всеобъемлющий и многосторонний характер её положений, которые обладают

системообразующими признаками, а также в некоторых случаях их прямого действия на самые значимые в социальном контексте сферы общественных отношений, предполагает необходимость определять конституцию как ценность.

В данном контексте очень точное выражение сформулировал С.Д. Князев, объяснив ценность Конституции России тем, что она закрепляет «...наиболее общие (универсальные) принципы, правила и процедуры, которые образуют конституционную идеологию взаимоотношений личности, общества и государства. Неотъемлемыми элементами такой идеологии принято считать верховенство права и правовое государство, признание и уважение прав и свобод человека и гражданина, демократию и народное представительство, частную собственность и предпринимательство, разделение властей и децентрализацию государственного аппарата, равенство перед законом и судом, политическое и идеологическое многообразие, многопартийность и свободу деятельности общественных объединений, независимое правосудие и состязательность судопроизводства. Именно они в своей совокупности и составляют существо конституционной традиции, имеющей основным своим предназначением достижение баланса индивидуальной свободы и публичной власти»¹.

Очевидно, что учение о Конституции, которое с момента формирования претендовало на привилегированное положение во всей совокупности конституционно-правовых знаний и представлений², идей о

¹ См.: Князев С.Д. Стабильность Конституции для современного российского конституционализма // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 1. – С. 4-12. [Knyazev, S.D. Stabilitost konstitucii dlya sovremennogo rossijskogo konstitucionalizma (The Stability of the Constitution for the Modern Russian Constitutionalism) // *Konstitucionnoe i municipalnoe pravo*, 2015, No. 1, pp. 4-12.]

² См.: Павликов С.Г., Шевченко С.Н. Современный конституционализм в контексте проблем «коллизии» национальных и международных ценностей и интересов // Современный юрист. – 2015. – № 4. – С. 67-77. [Pavlikov, S.G.; Shevchenko, S.N. Sovremennyj konstitucionalizm v kontekste problem «kollizii» nacionalnyx i

развитом демократическом государственном строе, основанном на конституции³, нуждается в развитии. В качестве результата такого развития можно рассматривать должное обеспечение критериев законодательного регулирования, юридически значимых действий, применения права и исполнения решений органов, обладающих юрисдикцией⁴, гармонизации соотношения конституционализма и конституции⁵.

Полагаем необходимым согласиться с тем, что актуальной задачей общества является полная реализация политико-правового потенциала Конституции с помощью правотворчества и её непосредственного применения, совершенствования деятельности органов власти, повышения их конституционно-правовой ответственности.

В данном контексте полагаем уместным процитировать точку зрения, И.А. Кравца, предлагающего «исходить из особой природы конституционных норм, которые могут играть роль конституционных принципов в правовой системе и выступать регулятором общественных отношений при наличии правовой охраны конституции и выработке

mezhdunarodnyx cennostej i interesov (Modern Constitutionalism in the Context of the Problems of «Collision» of National and International Values and Interests) // *Sovremennyj yurist*, 2015, No. 4, pp. 67-77.]

³ См.: Ромашов Р.А. Современный конституционализм: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 1998. – С. 10. [Romashov, R.A. Sovremennyj konstitucionalizm: teoretiko-pravovoj analiz (Modern Constitutionalism: Theoretical and Legal Analysis): diss. ... Dr of Law. Spb., 1998, p. 10.]

⁴ См.: Миронов Д.Н. Основы формирования правового государства // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 3. – С. 6-10. [Mironov, D.N. Osnovy formirovaniya pravovogo gosudarstva (Foundations for the Rule of Law) // *Konstitucionnoe i municipalnoe pravo*, 2016, No. 3, pp. 6-10.]

⁵ См.: Авакьян С.А. Конституционализм и публичная власть: концепции и перспективы // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 11. – С. 27-30. [Avakyan, S.A. Konstitucionalizm i publichnaya vlast: koncepcii i perspektivy (Constitutionalism and the Public Power) // *Konstitucionnoe i municipalnoe pravo*, 2013, No. 11, pp. 27-30.]

общепризнанных правил толкования и непосредственного применения конституционных норм»⁶.

Приведенные высказывания в той или иной степени затрагивают особый институциональный компонент механизма конституционно-правового регулирования, который осознанно, либо интуитивно отождествляется с понятиями «охрана конституции» и «конституционно-правовая охрана».

Конституционно-правовая охрана в структуре научных исследований

Следует отметить, что конструкция «охрана конституции» достаточно часто фигурирует в структуре конституционно-правовых исследований (как в отношении конституционно-правового опыта Российской Федерации, так и в отношении зарубежных стран).

Например, определяя значение конституционного правосудия в условиях современной государственности, Н.С. Бондарь и А.А. Джагарян последовательно отстаивают точку зрения о том, что нужно учитывать, что конституционное правосудие оказывает все более существенное влияние на различные стороны правовой жизни. Это обеспечивается не только через непосредственное погружение конституционного правосудия в функционирование и корректировку конституционной практики, но и посредством:

а) формирования и развития с его помощью конституционно-правовой доктрины российской государственности;

б) реализации целей по правовой охране Конституции РФ и конституционной охране правовой системы в целом;

в) правовоспитательного, идеологического воздействия на правосознание общества путем отстаивания высшего авторитета Конституции и укрепления доверия к ней как реально действующему праву⁷.

О необходимости охраны конституции (в контексте проблематики злоупотребления правом) высказался С.А. Денисов. В частности, он отмечал, что «злоупотребление нормами Конституции является более тонким инструментом нейтрализации конституционных норм, чем прямое их нарушение. Оно широко используется в «эпоху мошенничества», которая в XX в. сменила эпоху открытой борьбы с конституционализмом. Тем не менее, действенность этого инструмента может быть не менее, а иногда и более эффективной. Злоупотребление властными полномочиями является скрытым (тайным) средством борьбы с конституционализмом, противостоять которому труднее, чем открытым нарушениям Конституции»⁸.

Рассматривая элементы национальной модели формирования и модернизации правового государства, Е.М. Дринова рассуждает об общих положениях «в области государства и права, наличие которых объективно ведет к формированию правового государства. К таким началам можно отнести современное российское государство, верховенство права, деятельность Консти-

⁶ Кравец И.А. Право конституции в действии: соотношение законодательной и судебной конституционализации правопорядка, обеспечения международных обязательств, прав и свобод // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 12. – С. 12-15. [Kravec, I.A. Pravo konstitucii v dejstvii: sootnoshenie zakonodatelnoj i sudebnoj konstitucionalizacii pravoporyadka, obespecheniya mezhdunarodnyh obyazatelstv, prav i svobod (Right Constitution in Action: the Ratio of the Legislative and Judicial Constitutionalization of Law, International Obligations to Ensure the Rights and Freedoms) // *Konstitucionnoe i municipalnoe pravo*, 2015, No. 12, pp. 12-15.]

⁷ См.: Бондарь Н.С., Джагарян А.А. Прямое действие конституции: генерация и гарантирование конституционным правосудием // Сравнительное конституционное обозрение. – 2016. – № 3. – С. 52-78. [Bondar, N.S.; Dzhagaryan, A.A. Pryamoe dejstvie konstitucii: generaciya i garantirovanie konstitucionnym pravosudiem // *Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie*, 2016, No. 3, pp. 52-78.]

⁸ Денисов С.А. Злоупотребление властных субъектов нормами конституционного права // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 6. – С. 3-10. [Denisov, S.A. Zloupotreblenie vlastnyx subektov normami konstitucionnogo prava (Abuse of Power of Subjects of Constitutional law) // *Konstitucionnoe i municipalnoe pravo*, 2016, No. 6, pp. 3-10.]

туционного Суда Российской Федерации по охране Конституции и субъективное конституционное право лица на правовое государство»⁹. А.В. Куриленко полагает, что основная роль в охране Конституции России принимает Конституционный Суд Российской Федерации и Президент Российской Федерации¹⁰.

В контексте размышлений о реальности конституционно-правового статуса личности В.Н. Бутылин¹¹ использует понятие «охрана конституции». Равнозначно, предполагая самостоятельную правовую институционализацию охраны конституции, В.О. Курданов говорит о защите прав и свобод, «которая представляет собой противодействие их нарушению и незаконному ограничению, обязанность государства защищать права и свободы человека и гражданина и реализуется через деятельность публичных структур» (в том числе уполномоченного по правам человека). Применительно к задачам предлагаемого исследования, полагаем уместным процитировать еще одну мысль указанного автора: «Наряду с защитой прав и свобод

человека и гражданина, субъектами активно используется и самозащита, право на самозащиту провозглашено в основном законе и используется в основном посредством судопроизводства»¹². В данном смысле самозащита может рассматриваться как институциональный компонент не столько охраны конституции, сколько конституционно-правовой охраны.

Говоря о практике зарубежных стран, И.Ю. Остапович, напрямую рассматривает самостоятельное значение охраны конституции, объективно заявляя, что современный институт охраны конституции «характеризуется таким многообразием форм, которое все труднее сводить к основным моделям. Все более заметной становится тенденция к возникновению различных смешанных форм, где в той или иной комбинации сочетаются некоторые черты, присущие каждой из основных моделей»¹³.

Уточняя точку зрения исламоведа Х. Алгара¹⁴, российский ученый В.Н. Прокофьев, говорит о том, что конституционно-правовая охрана – это институт, который известен не только российскому, но и зарубежному праву. Мысли названных исследователей направлены в том числе и на конкретизацию проблемы дихотомии между

⁹ Дринова Е.М. Национальная модель модернизации России и топы политизации религии // Власть. – 2014. – № 11. – С. 57. [Drinova, E.M. Nacionalnaya model modernizacii rossii i toposy politizacii religii (National Model of Modernization in Russia and Topoi of Religion Politicization) // *Vlast*, 2014, No. 11, p. 57.]

¹⁰ См.: Куриленко А.В. Взаимодействие Президента России и Конституционного Суда РФ по охране Конституции Российской Федерации // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2011. – № 4. – С. 50. [Kurilenko, A.V. Vzaimodejstvie prezidenta rossii i konstitucionnogo suda rf po ohrane konstitucii rossijskoj federacii (Interaction of Russia and President of the Constitutional Court of the Russian Federation for the Protection of the Constitution) // *Uchenye trudy rossijskoj akademii advokatury i notariata*, 2011, No. 4, p. 50.]

¹¹ См.: Бутылин В.Н. Институт государственно-правовой охраны конституционных прав и свобод граждан // Журнал российского права. – 2011. – № 12. – С. 67. [Butylin, V.N. Institut gosudarstvenno-pravovoj ohrany konstitucionnyx prav i svobod grazhdan (Institute of State and of the Legal Protection of Constitutional Rights and Freedoms of Citizens) // *Zhurnal rossijskogo prava*, 2011, No. 12, p. 67.]

¹² Курданов В.О. Реализация защиты прав и свобод человека и гражданина в современной России // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 2. – С. 38-40. [Kurdanov, V.O. Realizaciya zashhity prav i svobod cheloveka i grazhdanina v sovremennoj rossii (The implementation of the rights and freedoms of man and citizen in modern Russia) // *Konstitucionnoe i municipalnoe pravo*, 2016, No. 2, pp. 38-40.]

¹³ Остапович И.Ю. Конституционные Советы Франции и Казахстана: от специализированного органа с элементами конституционного надзора к контролю // Российский судья. – 2015. – № 12. – С. 45-48. [Ostapovich, I.Yu. Konstitucionnye sovety francii i kazaxstana: ot specializirovannogo organa s elementami konstitucionnogo nadzora k kontrolyu (Constitutional Council of France and Kazakhstan, from a Specialized Body with Elements of Constitutional Review to the Control) // *Rossijskij sudya*, 2015, No. 12, pp. 45-48.]

¹⁴ See: Algar, H. Constitution of the Islamic Republic of Iran. Berkeley, Calif., 1980. P. 49.

исламскими и республиканскими правовыми принципами в Конституции Ирана¹⁵.

Можно привести довольно внушительный перечень разнообразных научных публикаций, в которых терминологически присутствуют конструкции «охрана конституции» и «конституционно-правовая охрана». Вместе с тем, необходимо констатировать лишь небольшое количество публикаций, напрямую нацеленных на дефинитивное определение рассматриваемых категорий.

Напрямую определяя рассматриваемое понятие, А.В. Безруков утверждает, что под правовой охраной конституции понимается урегулированная конституционными нормами деятельность компетентных органов и должностных лиц, направленная на достижение строгого соблюдения режима конституционной законности, обеспечение соответствия конституции всех правовых актов¹⁶.

Применительно к объекту исследования, полагаем уместным вести речь не только об охране самой конституции, но и об охране общественных отношений, составляющих предмет конституционного права при помощи конституционно-правовых средств. В данном контексте уместно говорить, что конституционно-правовая охрана есть деятельность специально уполномоченных на то субъектов, а также иных заинтересованных субъектов, не выходящая за рамки правового поля и направленная на установление и поддержание предполагаемого конституционного порядка.

Этимология и синонимические ряды категории «конституционно-правовая охрана»

Охрана конституционного строя, соответствующих прав и законных интересов участников конституционных правоотношений в целом, других сфер конституционно-правового регулирования осуществляется в рамках регулятивных и охранительных правоотношений.

В данном случае, полагаем уместным разобраться в этимологии понятия «охрана» в совокупности и сопоставлении с другими понятиями, имеющими схожие смысловые значения. Наиболее подходящими, синонимичными эквивалентами рассматриваемому понятию, могут выступать такие понятия как «защита», «обеспечение», «правоохранительная деятельность» и др.

Несмотря на кажущуюся схожесть термины «охрана» и «обеспечение» отличаются. «Обеспечение» происходит от глагола «обеспечивать» и означает: «гарантировать, послужить гарантией (или порукой); сделать возможным, создать условия»¹⁷; «предоставить достаточные материальные средства к жизни; снабдить чем-нибудь в нужном количестве; сделать вполне возможным, действительным, реально выполнимым; оградить, охранить»¹⁸.

В различных юридических словарях сущность понятия «обеспечение» формулируется посредством констатации принимаемых условий (мер) в качестве одного из признаков и применительно к отдельным видам социально значимой деятельности – доказыванию, судебному иску, исполнению обязательств и т.п. «Под обеспечением понимают совокупность условий, мер, обеспечивающих возможность соответствующего действия»¹⁹; принятие мер, обеспечивающих

¹⁵ См.: Прокофьев В.Н. Иранский конституционализм и институт президентства // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 3. – С. 70-74. [Prokofev, V.N. Iranskij konstitucionalizm i institut prezidentstva // Konstitucionnoe i municipalnoe pravo. (Iranian Constitutionalism and the Institution of the Presidency), 2016, No. 3, pp. 70-74.]

¹⁶ См.: Безруков А.В. Конституционное право России: учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2015. Режим управления: <http://lektsia.com/1x3121.html> [Bezrukov, A.V. Konstitucionnoe pravo rossii: ucheb. posobie. (Constitutional Law of Russia: Textbook), 2015. Mode of access: <http://lektsia.com/1x3121.html>]

¹⁷ Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. – М., 1998. [Aleksandrova, Z.E. Slovar sinonimov russkogo yazyka (Russian Dictionary of Synonyms). Moscow, 1998. P. 236.]

¹⁸ Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. 20-е изд., стереотип. – М., 1988. – С. 342. [Ozhegov, S.I. Slovar russkogo yazyka: ok. 57000 slov / Ed. N.Yu. Shvedova. 20-e izd., stereotip. Moscow, 1988. P. 342.]

¹⁹ См.: Барихин А.Б. Большой юридический энциклопедический словарь: 2-е изд. – М.,

реальность исполнения будущего решения суда или арбитражного суда²⁰.

«В общей теории права и отраслевых науках термин «обеспечение» часто рассматривают в двух аспектах: 1) как процесс деятельности, направленный на создание условий для реализации интересов нуждающегося лица; 2) как конечный продукт или результат реализации какой-либо социальной деятельности»²¹. По мнению И.В. Ростовщикова, «обеспечение прав и свобод личности в широком понимании есть создание наиболее благоприятных условий для их эффективной реализации»²². Обеспечение прав и законных интересов личности в уголовном процессе, полагает В.Ю. Мельников, это деятельность следователя, лица, производящего дознание, прокурора, суда, защитника при участии иных субъектов уголовного судопроизводства, направленная в том числе на создание оптимальных условий для реализации процессуальных прав и обязанностей участников уголовного судопроизводства²³.

2008. – С. 409-410. [Barihin, A.B. Bolshoj juridicheskij enciklopedicheskij slovar: 2-e izd. (Great Encyclopedic Dictionary of Law). Moscow, 2008, pp. 409-410.]

²⁰ См.: Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия / под ред. М.Ю. Тихомирова. – М., 1999. – С. 272. [Tihomirova, L.V.; Tihomirov, M.Yu. Yuridicheskaya enciklopediya (Legal Encyclopedia) / Ed. by M.Yu. Tikhomirov. Moscow, 1999. P. 272.]

²¹ Толкачев К.Б., Хабибуллин А.Г. Органы внутренних дел в механизме обеспечения личных конституционных прав и свобод граждан. – Уфа, 1991. – С. 60. [Tolkachev, K.B.; Xabibulin A.G. Organy vnutrennix del v mexanizme obespecheniya lichnyx konstitucionnyx prav i svobod grazhdan (Law-Enforcement Bodies in the Mechanism of Ensuring the Constitutional Rights and Personal Freedoms). Ufa, 1991. P. 60.]

²² Ростовщиков И.В. Обеспечение прав и свобод личности в СССР. – М., 1988. – С. 195-196. [Rostovshnikov, I.V. Obespechenie prav i svobod lichnosti v SSSR (Ensuring Human Rights and Freedoms in the USSR). Moscow, 1988, pp. 195-196.]

²³ Мельников В.Ю. Права личности в уголовном процессе Российской Федерации: монография. – М., 2012. – С. 93. [Melnikov, V.Yu. Prava lichnosti v ugovolnom processe rossijskoj federacii: monografiya. (Rights of the Individual

П.В. Фадеев считает, что при указании в дефиниции «обеспечение» такого важного признака, как создание условий для реализации прав человека и гражданина, целесообразно учитывать степень обобщения этого понятия²⁴. Это связано с тем, что в содержание условий для реализации прав человека и гражданина включают всю систему политических, экономических, социальных, духовных, правовых и иных мер и условий²⁵. Комплекс базовых условий, образуемый политическими, экономическими, социальными, идеологическими и организационными факторами, «предопределяет в целом реальность всех прав и свобод личности, выступает важной предпосылкой заинтересованности в их реализации»²⁶, но не всегда может обеспечить реализацию прав и свобод, а тем более их охрану и защиту от посягательств и нарушений.

Очевидно, что понятие «охрана» отличается от смысловых конструкций «создание условий». В русском языке слова «создать», означающее «сделать существующим, произвести, основать»²⁷, и «условие», – «прави-

in Criminal Trial of the Russian Federation). Moscow, 2012. P. 93.]

²⁴ См.: Фадеев П.В. Теоретические основы правовой помощи участникам уголовного судопроизводства. – С. 75-100. [Fadeev, P.V. Teoreticheskie osnovy pravovoj pomoshhi uchastnikam ugovolnogo sudoproizvodstva (Theoretical Foundations of Legal Aid to Participants in Criminal Proceedings), pp. 75-100.]

²⁵ См.: Бессарабов В.Г., Кашаев К.А. Защита прокуратурой прав и свобод человека и гражданина. – М., 2007. – С. 20. [Bessarabov, V.G.; Kashaev, K.A. Zashhita prokuraturoj prav i svobod cheloveka i grazhdanina (Prosecutor Protection Rights and Freedoms of Man and Citizen). Moscow, 2007. P. 20.]

²⁶ См.: Анохин Ю.В. Механизм государственно-правового обеспечения прав и свобод личности (на материалах Российской Федерации): дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 2007. С. 116. [Anoxin, Yu. V. Mexanizm gosudarstvenno-pravovogo obespecheniya prav i svobod lichnosti (na materialax rossijskoj federacii) (The Mechanism of State and Legal Rights and Freedoms of the Person (on the Materials of the Russian Federation)): diss. ... Dr of Law: 12.00.01. Saratov, 2007. P. 116.]

²⁷ Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. 20-е

ла, установленные в какой-нибудь области жизни, деятельности»²⁸, указывают на деятельность её субъектов по формированию каких-либо обязательных правил, обстоятельств, условий.

Полагаем возможным, также разграничить понятия «конституционно-правовая охрана» и «правоохранительная деятельность». Термин «правоохранительная деятельность» появился в конце 50-х – начале 60-х гг. XX в. и означает основанную на законе деятельность государства через уполномоченные им органы и организации, направленную на обеспечение правопорядка, противодействие и недопущение правонарушений различного характера, посредством применения мер принудительного характера²⁹.

По распространенному в научной среде мнению правоохранительной деятельности соответствуют следующие признаки: а) она осуществляется специально уполномоченными на то публичными органами; б) она направлена на предупреждение и пресечение правонарушений различного характера, на охрану прав и свобод человека и обеспечение правопорядка; в) она основана на праве как процедурно (поскольку четко регламентирована), так и материально (тогда как в каждом случае правонарушение описано в том или ином законе, где кроме самого действия описана и санкция за его совершение), что характеризует принудительный характер правоохранительной деятельности³⁰.

изд., стереотип. – М., 1988. – С. 607. [Ozhegov, S.I. Slovar russkogo yazyka: ok. 57000 slov / Ed. N.Yu. Shvedova. 20-e izd., stereotip. Moscow, 1988. P. 607.]

²⁸ Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. 20-е изд., стереотип. – М., 1988. – С. 685. [Ozhegov, S.I. Slovar russkogo yazyka: ok. 57000 slov / Ed. N.Yu. Shvedova. 20-e izd., stereotip. Moscow, 1988. P.685.]

²⁹ См.: Чурыев А.В. К вопросу о понятии охранной деятельности // Административное право и процесс. – 2013. – № 12. – С. 23-27. [Churyaev, A.V. K voprosu o ponyatii ohrannoj deyatelnosti (On the Question of the Concept of Security Activities) // *Administrativnoe pravo i process*, 2013, No. 12, pp. 23-27.]

³⁰ См., напр.: Артемьев А. М. Государственная правоохранительная служба: системные свойства,

П.В. Фадеев, справедливо отмечает, что в законодательстве до сих пор отсутствуют не только устоявшиеся понятия «защита», «охрана», «правовая помощь», но и комментарии по их содержанию³¹. Он полагает, что, среди ученых отсутствует единообразный подход к определению терминов «защита» и «охрана». Проведенный исследователем анализ юридической литературы показывает, что существует как минимум четыре подхода по определению их понятий и соотношению друг с другом: 1) защита и охрана отождествляются друг с другом; 2) охрана по своему содержанию представляется шире защиты и соотносится с ней как целое и часть; 3) защита по своему содержанию представляется шире охраны и соотносится с ней как целое и часть; 4) охрана и защита

функции, правовое обеспечение: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. – С. 63-65. [Artemev, A.M. Gosudarstvennaya pravooxranitel'naya sluzhba: sistemnye svoystva, funkcii, pravovoe obespechenie (State law-enforcement service): diss. ... Dr of Law. Moscow, 2008. Pp. 63-65.]; Правоохранительные органы: учебник / под ред. А.В. Ендольцевой, О.А. Галустьяна, А.П. Кизлыка. 6-е изд., перераб. и доп. – М., 2009. – С. 16-17. [Pravooxranitelnye organy: uchebnik (Law Enforcement Authorities) / pod red. A.V. Endolceva, O.A. Galustyan, A.P. Kizlyk. 6-e izd., pererab. i dop. Moscow, 2009, pp. 16-17.]; Правоохранительные органы : учебник для вузов / под ред. К.Ф. Гуценко. М., 1995. С. 3; Правоохранительные органы Российской Федерации: учебник / под ред. В.П. Божьева. – М., 2000. – С. 15. [Pravooxranitelnye organy rossijskoj federacii: uchebnik (Law Enforcement Authorities) / Ed. by V.P. Bozhev. Moscow, 2000, p. 15.]; Гулягин А.Ю. Правоохранительная деятельность: основные правовые характеристики // Административное право и процесс. – 2011. – № 6. – С. 7-9. [Gulyagin, A. Yu. Pravooxranitel'naya deyatelnost: osnovnye pravovye karakteristiki (Law Enforcement: the Main Legal Characteristics) // *Administrativnoe pravo i process*, 2011, No. 6, pp. 7-9.] и мн. др.

³¹ См.: Фадеев П.В. Правовая помощь в уголовном судопроизводстве как комплексная законодательная и научная категория // Российский следователь. – 2016. – № 7. – С. 23-26. [Fadeev, P.V. Pravovaya pomoshh v ugolovnom sudoproizvodstve kak kompleksnaya zakonodatelnaya i nauchnaya kategoriya (Legal Assistance in Criminal Proceedings as a Complex Legal and Scientific Category) // *Rossiiskij sledovatel*, 2016, No. 7, pp. 23-26.]

представляются самостоятельными терминами³².

Очевидно, необходимо согласиться с точкой зрения Э.П. Гаврилова, который полагает, что следует различать термины «правовая охрана» и «правовая защита». Правовая охрана (правовое регулирование) устанавливает, на какой именно объект возникает то или иное право, в чем состоит его содержание, кому (какому субъекту) это право принадлежит, а также какими способами оно защищается в случае нарушения. В отличие от этого правовая защита определяет лишь те меры и действия, которые должны или могут предприниматься в случаях, когда определенное право уже нарушено. Таким образом, правовая защита – более узкое понятие, чем правовая охрана³³, на что обращают внимание многие исследователи³⁴.

Рассматривая проблемы обеспечения интересов государства в сфере интеллектуальной собственности, А. Кусь отмечает, что правовая защита интересов государ-

ства – новое, сложносоставное уравнение, решить которое под силу только совместными усилиями заинтересованных ведомств и организаций. При этом его ключевые элементы: «правовая охрана», «защита прав», «государственный контроль», «правовая охрана интересов государства» – взаимозависимы, и правовая охрана – это не просто начальный элемент, а та составляющая, в отсутствие которой невозможно реализовать последующие элементы, а государственный контроль (надзор) – функция, являющаяся общим связующим звеном³⁵.

Смысловые значения категории «конституционно-правовая охрана»

Проведение предварительных исследований, подводит к логически определенной необходимости предложить основные смысловые значения понятия конституционно-правовая охрана для того, чтобы в последующем можно было синтезировать основные характерные признаки рассматриваемого понятия.

Существуют следующие смысловые подходы к определению основных значений дефиниции «конституционно-правовая охрана»:

Конституционно-правовая охрана как цель конституционно-правового регулирования. Как верно отмечает В.О. Лучин, «специфической целью конституционно-правового регулирования является внесение единообразия и стабильности в социальную жизнь страны»³⁶. В нашем случае, стабильность и единообразие понимания и интерпретации устанавливаемого конституционно-правовыми средствами соци-

³² См.: Фадеев П.В. Теоретические основы правовой помощи участникам уголовного судопроизводства. – С. 75-100. [Fadeev, P.V. Teoreticheskie osnovy pravovoj pomoshhi uchastnikam ugolovnogo sudoproizvodstva (Theoretical Foundations of Legal Aid to Participants in Criminal Proceedings), pp. 75-100.]

³³ См.: Гаврилов Э.П. Защита частным правом секретов производства и информации, составляющей коммерческую тайну // Патенты и лицензии. – 2015. – № 4. – С. 10-19. [Gavrilov, E.P. Zashhita chastnym pravom sekretov proizvodstva i informacii, sostavlyayushhej kommercheskuyu tajnu (Protection of Private Law Trade Secrets and Information that Constitutes a Trade Secret) // *Patenty i Licenzii*, 2015, No. 4, pp. 10-19.]

³⁴ См., например: Малько А.В. Правоохранительная и правозащитная политика в современной России // Правовая политика и развитие российского законодательства в условиях модернизации: сб. докладов / под ред. А.В. Малько, В.М. Шафирова, А.В. Усса. – Красноярск, 2012. – С. 6-9. [Malko, A.V. Pravooxranitel'naya i pravozashhitnaya politika v sovremennoj rossii // *Pravovaya politika i razvitie rossijskogo zakonodatelstva v usloviyah modernizacii* (Law Enforcement and Human Rights Policy in modern Russia / Legal policy and development of the Russian legislation in the modernization): sb. dokladov / Ed. A.V. Malko, V.M. Shafirov, A.V. Uss. Krasnoyarsk, 2012, pp. 6-9.]

³⁵ См.: Кусь А. Правовая защита интересов государства – перестановка слов или новое уравнение? // ИС. Промышленная собственность. – 2016. – № 6. – С. 4-10. [Kus, A. Pravovaya zashhita interesov gosudarstva – perestанovka slov ili novoe uravnenie? (Legal Protection of Interests of the State – a Permutation of Words or New Equation?) // *Promyshlennaya sobstvennost*, 2016, No. 6, pp. 4-10.]

³⁶ Лучин В.О. Конституционные нормы и правоотношения. – М., 1997. – С. 13. [Lukashuk, I.I. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie mezhdunarodnyx otnoshenij (International Law and Social Progress). Moscow, 1975. P. 13.]

ального порядка возможно только в условиях признания конституционно-правовой охраны. Данная правоохранительная форма имманентна конституционно-правовому регулированию, объективно-обусловленной, целенаправленной деятельности всех тех, от имени и в интересах которых конституционно-правовое регулирование осуществляется.

Сообразно предмету и целям правового регулирования субъективные права регулируются конституционным, гражданским, административным, жилищным, трудовым, земельным, семейным правом. Например, было бы неправильно считать, что конституционное право в части регламентации прав личности дублирует отраслевое законодательство или наоборот: отрасли права с разной степенью конкретизации определяют содержание субъективных прав³⁷. Согласно данной мысли, конституционно-правовая охрана, лишь берет свое начало в нормах универсальной отрасли права (в конституционном праве). Совокупное очертание признаков конституционно-правовая охрана приобретает в рамках системы права в целом.

Задача отечественной науки конституционного права состоит в выработке конкретных предложений по совершенствованию конституционно-правового регулирования с целью преодоления существующих расхождений между легитимностью политической и конституционной³⁸. Соглашаясь с прозвучавшей мыслью, полагаем необходимым равнозначно говорить о предназначении конституционно-правовой охраны для

преодоления различий в социальных отношениях между политической (фактической) и реальной (юридической) конституциями.

Конституционно-правовая охрана как принцип конституционно-правовой политики. Несмотря на отсутствие четкой регламентации, идея конституционно-правовой охраны, может и должна рассматриваться как базовый принцип конституционно-правовой политики.

Очевидно, что конституционно-правовая охрана должна выходить за рамки интересов субъектов публичной политики, либо рассматриваться как органический принцип правового регулирования вообще. Иными словами, конституционно-правовая охрана – это, скорее, принцип политики, нежели, принцип, основанный на приоритете любых политических интересов. Восприятие конституционно-правовой охраны, как принципа конституционно-правовой политики, должно принципиально отличаться от принципов правового регулирования политических отношений. Конституционно-правовое регулирование политических отношений государства с общественными и религиозными объединениями, бизнес-структурами и их ассоциациями осуществляется на иных принципах. В качестве таких принципов выступают сотрудничество, взаимопомощь, координация, определение основных направлений совместной деятельности, государственный контроль и надзор. При этом в демократических государствах сохраняется их внутренняя самостоятельность и относительная независимость в решении вопросов на основе принципов самоуправления и самостоятельности³⁹.

Конституционно-правовая охрана как параметр (критерий) правового режима конституционной законности и правового государства. Конечным результатом конституционно-правового регулирования

³⁷ См.: Синицын С.А. Субъективные публичные права: к разработке вопроса о понятии и системе // Адвокат. – 2016. – № 7. – С. 20-37. [Sinicyn, S.A. Subektivnye publichnye prava: k razrabotke voprosa o ponyatii i sisteme (Subjective Public Rights: the Development of the Question of the Concept and the System) // *Advokat*, 2016, No. 7, pp. 20-37.]

³⁸ См.: Баранов П.П., Овчинников А.И. Конституционная легитимность: теоретико-методологический аспект // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 8. – С. 3-6. [Baranov, S.; Ovchinnikov, A.I. Konstitucionnaya legitimnost: teoretiko-metodologicheskij aspekt (The Constitutional Legitimacy: the Theoretical and Methodological Aspect) // *Konstitucionnoe i municipalnoe pravo*, 2015, No. 8, pp. 3-6.]

³⁹ См.: Конституционное право: университетский курс: учебник: в 2 т. / под ред. А.И. Казанника, А.Н. Костюкова. – М., 2015. Т. 2. Режим доступа: <http://isfic.info/unkur/roskon60.htm> [Konstitucionnoe pravo: universitetskij (Constitutional law: a University Course) Kurs: uchebnik: v 2 t. / Ed. by A.I. Kazannik, A.N. Kostyukov. Moscow, 2015. Vol. 2. Mode of access: <http://isfic.info/unkur/roskon60.htm>]

является установление определенного режима конституционной законности.

Полагаем, что именно об установлении и обеспечении режима конституционной законности говорит С.Д. Князев, утверждая, что «главный смысл стабильности Основного Закона состоит в обеспечении сохранности субстанциональных (базовых, отправных) конституционных принципов, целей, ценностей, институтов и национальных интересов. Без этого конституция утрачивает свое истинное значение, во всяком случае, в той её интерпретации, которая является краеугольным камнем современного конституционализма»⁴⁰.

В данном случае, признание и установление системы конституционно-правовой охраны, формирование её реальных очертаний, внешних форм, может рассматриваться в качестве одного из параметров (критериев) режима конституционной законности.

Конституционно-правовая охрана изначально, и по своей сути правовая категория. При признании ценности права, необходимо уделять должное внимание признанию ценности основных категорий, из которых складывается правовое регулирование.

По мнению А.В. Малько, можно выделить две стороны сущности правового государства: наиболее полное обеспечение прав и свобод человека и гражданина, и наиболее последовательное связывание с помощью права государственной власти, формирование для государственных структур правового режима ограничения⁴¹.

Конституционно-правовая охрана, интегрируется в обе названные стороны правового государства. Правовое государство как принцип права имеет конституционную

основу и распространяется на государство. Однако взаимоотношения государства и права этим не исчерпываются. История и политика, теория и идеология, экономика и финансы, техника и технология в виде различных видов ресурсов находятся в ведении государства. Ядро управления обществом – государство⁴².

В данном случае, необходимо говорить, что основной объем конституционно-правовой охраны призвано выполнять именно государство, действующее в лице специально уполномоченных на то органов государственной власти.

Конституционно-правовая охрана как функция механизма государственной власти, механизма государства и государственного аппарата. Конституционно-правовая охрана есть основное направление различных органов государственной власти, которые сами по себе действуют в особом процессуальном порядке и находятся по отношению друг к другу в системе сложных вертикальных и горизонтальных отношений.

Правовое государство есть государство, в котором организация и деятельность государственной власти в её взаимоотношениях с индивидами и их объединениями основана на праве и ему соответствует⁴³.

Государство как аппарат продолжает быть носителем власти, силы и принуждения. Располагая властью регулирования, оно формирует законодательство, определяет его роль, состояние и динамику. Государственной власти принадлежит монопольное право менять законодательство. Государство

⁴⁰ Князев С. Д. Князев С.Д. Стабильность Конституции для современного российского конституционализма // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 1. – С. 4-12. [Knyazev, S.D. Stabilitnost konstitucii dlya sovremennogo rossijskogo konstitucionalizma (The Stability of the Constitution for the Modern Russian Constitutionalism) // *Konstitucionnoe i municipalnoe pravo*, 2015, No. 1, pp. 4-12.]

⁴¹ См.: Малько А.В. Теория государства и права: учебник. – М., 1999. – С. 115. [Malko, A.V. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik. (Theory of State and Law). Moscow, 1999, p. 115.]

⁴² См.: Миронов Д.Н. Основы формирования правового государства // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 3. – С. 6-10. [Mironov, D.N. Osnovy formirovaniya pravovogo gosudarstva (Foundations for the Rule of Law) // *Konstitucionnoe i municipalnoe pravo*, 2016, No. 3, pp. 6-10.]

⁴³ См.: Черданцев А.Ф. Теория государства и права: учебник. – М., 2000. – С. 148-161. [Cherdancev, A.F. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik (Theory of Government and Rights). Moscow, 2000. Pp. 148-161.]; Комаров С.А. Общая теория государства и права: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. – М., 1997. – С. 185-210. [Komarov S.A. Obshhaya teoriya gosudarstva i prava: uchebnik (State and Law Theory) 3-e izd., pererab. i dop. m., 1997, pp. 185-210.]

фиксирует правовые основы органов государственной власти и порядок их деятельности. Во всем этом государство, обладая дискрецией, действует по собственному усмотрению. Государство осуществляет и санкционирует охранительную и контрольную деятельность, определяет формы их бытия, способы, методы, приемы и средства функционирования. Оно ведет процесс применения права, влияет на характер применения права и устанавливает порядок и правила исполнения решений органов применения права. Государство также участвует в осуществлении учредительной власти⁴⁴.

Конституционно-правовая охрана в итоге – это неотъемлемый элемент государственного аппарата, механизма государства и механизма государственной власти. При признании конституционно-правовой охраны элементом, перечисленных систем, полагаем уместным говорить о его самостоятельной, универсальной функции.

Конституционно-правовая охрана как критерий государственного суверенитета. Любое суверенное государство имманентным признаком своего суверенного существования предполагает наличие национальной системы права, которая генетически обусловлена особенностями конституционно-правового регулирования. Конституционно-правовая охрана обеспечивает важнейший принцип верховенства Конституции. В отношении государств к принципу верховенства права на международном уровне, нередко в наиболее важных аспектах международного общения может быть даже прямо противоположной данному принципу, приверженность которому четко и недвусмысленно выражена в международных документах. Среди самых острых вопросов⁴⁵ – разделение и объедине-

ние государств, сецессия, признание, сферы влияния, доступ к ресурсам, гуманитарное вмешательство для защиты населения, ответственность по защите населения, ответственность за международные правонарушения государств, за преступления против мира и безопасности человечества и многие иные.

В подобных вопросах государства предпочитают ситуативное политическое или военное урегулирование общепринятому нормативному. Как и в Средние века, государства стремятся достичь своих целей с помощью силы и экономического, политического и военного превосходства.

Тем не менее, даже в годы острого противостояния капитализма и социализма и «холодной войны» оставалась возможность устроить миропорядок на основе не силы, а права⁴⁶. Право выполняет преимущественно обслуживающую роль, его задача – закрепление в юридической форме определенной системы отношений и обеспечение её функционирования. Оно не есть самодовлеющая сила, его эффективность зависит от состояния этих отношений. Общая тенденция к сдержанности, взаимопониманию и сотрудничеству давала тогда основания полагать, что значение международного права в международной системе будет повышаться⁴⁷.

нал. – 2014. – № 5. – С. 15-25. [Marochkin, S. Yu. Vzaimodejstvie pravovykh sistem kak obshhij vektor razvitiya (otnoshenie mezhdunarodnogo soobshhestva k principu verhovenstva prava: namereniya i realnost) (The Interaction of Legal Systems as a General Vector of Development (The International Community's Attitude to the Rule of Law: Intentions and Reality)) // *Rossijskij juridicheskij zhurnal*, 2014, No. 5, pp. 15-25.]

⁴⁶ См.: Игнатенко Г.В. Международное право и общественный прогресс. – М., 1972. [Ignatenko, G.V. *Mezhdunarodnoe pravo i obshhestvennyj progres*. Moscow, 1972.]; Лукашук И.И. Международно-правовое регулирование международных отношений. – М., 1975. [Luchin, V.O. *Konstitucionnye normy i pravootnosheniya* (Constitutional and Legal Norms). Moscow, 1997, p. 13.]; Тункин Г.И. Право и сила в международной системе. – М., 1983. [Tunkin, G.I. *Pravo i sila d mezhdunarodnoy sisteme* (Law and Power in International System). Moscow, 1983.]

⁴⁷ См.: Марочкин С.Ю. Вопросы эффективности норм международного права // *Сов. ежегодник междунар. права*. – М., 1989. – С. 15-16.

⁴⁴ См.: Миронов Д.Н. Основы формирования правового государства // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 3. – С. 6-10. [Mironov, D.N. *Osnovy formirovaniya pravovogo gosudarstva* (Foundations for the Rule of Law) // *Konstitucionnoe i municipalnoe pravo*, 2016, No. 3, pp. 6-10.]

⁴⁵ См.: Марочкин С.Ю. Взаимодействие правовых систем как общий вектор развития (отношение международного сообщества к принципу верховенства права: намерения и реальность) // *Российский юридический жур-*

Конституционно-правовая охрана, её реальная результативность, применительно к высказанным обстоятельствам, как раз существенно демонстрирует такие признаки суверенитета, как сила и воля конкретного государства.

Конституционно-правовая охрана как институт конституционного права (составная часть национальной системы права). Институционализация в праве – это неоднозначное явление. По данному вопросу очень точно высказался А.В. Курочкин, который отметил, что удобство применения институционализации в правообразовательном процессе сегодня не имеет первостепенной важности. Значительно чаще можно встретить упоминание о правовых институтах, не имеющих формально юридического отражения в законах. Поэтому видовое многообразие правоотношений неизбежно определяет возрастание в геометрической прогрессии институциональных явлений. Однако нивелирование статуса государства в установлении тех или иных институтов нельзя рассматривать как причину институционализации. Возможность объединения отношений в определенные виды или группы также не отвечает на вопрос о целесообразности институциональных процессов в праве⁴⁸.

Вместе с тем, полагаем возможным рассматривать вопрос о конституционно-правовой охране в контексте институтов конституционного права.

Создание правовых институтов не зависит от их формального признания со стороны законодателя⁴⁹. Это фактически означает,

[Marochkin, S.Yu. Voprosy effektivnosti norm mezhdunarodnogo prava // Sov. ezhegodnik mezhdunar. prava. (Questions the effectiveness of international law). Moscow, 1989. Pp. 15-16.]

⁴⁸ См.: Курочкин А.В. Концепт «правовая институционализация» и его содержание // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 3. – С. 39-47. [Kurochkin, A.V. Koncept “pravovaya institucionalizaciya” i ego sodержanie (The Concept of “Legal Institutionalization” and Its Contents // *Aktualnye problemy rossijskogo prava*, 2016, No. 3, pp. 39-47.]

⁴⁹ См.: Веденин В.С. Влияние правопонимания на становление и развитие институтов российского права (на примере патентного права): дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2007. –

что правовые институты формируются и развиваются параллельно с нормативными правовыми актами, в отдельных случаях определяя их структурные особенности⁵⁰. Однако форма права не рассматривается как показатель существования того или иного института. Основой институционализации выступают сами правоотношения, объединяющиеся в определенные виды по системному признаку⁵¹.

Конституционно-правовая охрана как социальная потребность. Принцип стабильности публичной власти предполагает учет детерминистических связей процессов, происходящих как в управляющей, так и управляемой системе. Однако, как показывает опыт проведения реформ в Российской Федерации, их идеологи зачастую не учитывают готовность населения (объекта управления) адекватно воспринимать реформистскую деятельность, а также способность институтов гражданского общества позитивно воспринимать соответствующие шаги государственных органов власти⁵².

C. 82. [Vedenin, V.S. Vliyanie pravoponimaniya na stanovlenie i razvitie institutov rossijskogo prava (na primere patentnogo prava) (The Impact of Law on the Establishment and Development of Institutes of the Russian law): diss. ... Cand. of Law. Vladimir, 2007, p. 82.]

⁵⁰ См.: Цинцадзе Н.С. Традиционные неформальные правовые институты в российском частном праве: понятие, признаки и проблемы идентификации // Вестник Тамбов. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – № 11. – С. 357. [Cincadze, N.S. Tradicionnye neformalnye pravovye instituty v rossijskom chastnom prave: ponyatie, priznaki i problemy identifikacii (Traditional Informal Legal Institutions in the Russian Private Law: Concept, Characteristics and Problems of Identification) // *Vestnik tambov. un-ta. seriya: gumanitarnye nauki*, 2012, No. 11, p. 357.]

⁵¹ См.: Ахметова Г.З. Системная организация институтов российского договорного права // Казанская наука. – 2013. – № 9. – С. 225. [Ahmetova, G.Z. Sistemnaya organizaciya institutov rossijskogo dogovornogo prava (System Organization of Institutes of the Russian Contract Law) // *Kazanskaya nauka*, 2013, No. 9, p. 225.]

⁵² См.: Полянский В.В. Методы и принципы гармонизации публичной власти // Lex russica. – 2015. – № 10. – С. 32-45. [Polyanskij, V.V. Metody i principy garmonizacii publichnoj vlasti (Methods and Principles of the Harmonization of

Сохранению стабильности публичной власти способствует политическая активность в рамках объекта управления. Русский правовед, председатель первой Государственной думы С.А. Муромцев писал, что «на известной ступени исторического роста государств дальнейшее развитие государственности, т.е. той формы общежития, которая создается государством, находится в прямой зависимости от развития политической самостоятельности в среде управляемых». Он также утверждал, что «чем ближе поставлен каждый гражданин к сфере политической деятельности, чем чаще он выступает активным исполнителем государственного порядка, а не слепым его орудием, чем более он заинтересовывается им и вкладывает в него свою душу, тем более сторон человеческого существования охватывает государство – тем сильнее оно по качественным пределам своего господства и могущественнее по степени своего культурного влияния»⁵³.

Социальная потребность в безопасности, стабильности, эволюционном движении к развитию обеспечивается, прежде всего, за счет функционирования конституционно-правовой охраны.

Определив объекты и обстоятельства социальной действительности в качестве ценностей, общество начинает стремиться к активной их эксплуатации.

«Первичной формой потребности служит нужда», которая представляет собой как дефицит, так и избыток чего-либо. «Потребность – это отражение в сознании индивида нужды (желанности чего-либо), переживаемое как потребностное состояние и побуждающее психическую активность человека, связанную с удовлетворением потребности»⁵⁴.

Public Authorities) // *Lex russica*, 2015, No. 10, pp. 32-45.]

⁵³ См.: Муромцев С.А. Определение и основное разделение права. – СПб., 2004. – С. 177. [Muromcev, S.A. *Opredelenie i osnovnoe razdelenie prava* (Foundations for the Rule of Law). Spb., 2004, p. 177.]

⁵⁴ Глазунов Ю.Т. Эмоциональное переживание в системе целеполагания человека // Вестник Мурманского государственного технического университета. – 2001. – № 1. – С. 126-140. [Glazunov, Yu.T.

Выступая в качестве средств защиты социальных ценностей, конституционно-правовая охрана, параллельно демонстрирует свои полезные для общества качества, которые, обретают самостоятельную ценность и могут рассматриваться либо как нужда, либо как потребность. Можно говорить о том, что общество нуждается в конституционно-правовой охране. Равнозначно, можно говорить о том, что общество имеет потребность в конституционно-правовой охране.

Конституционно-правовая охрана, в силу интенсивности социальных практик, в которых могут потенциально присутствовать различного рода опасности, для устанавливаемого конституционным правом правового порядка, не может быть избыточной, и, говоря об обратном, всегда находятся в дефиците. Именно поэтому, о конституционно-правовой охране можно говорить через призму социальной нужды или потребности.

Конституционно-правовая охрана как социальный интерес. Конституционно-правовая охрана – собирательный компонент содержания позитивного права, выраженный в диспозициях разнообразных конституционно-правовых норм. Интерес в конституционно-правовой охране обусловлен спецификой признаков позитивного конституционного права. В свою очередь, конституционно-правовая охрана, гипотетически, являясь содержательным компонентом конституционного права, который в свою очередь является явлением политическим, выражает интересы политических групп, добившихся возможности легитимно осуществлять конституционно-правовое регулирование.

Интересы, понимаемые содержательным компонентом права, представлены в нем в своем формальном выражении. Поведение субъекта определенным, предусмотренным диспозицией нормы образом, обеспечивает в заданной ситуации достижение им социально значимого и конкретного по

Emocionalnoe perezhivanie v sisteme celepolaganiya cheloveka (The Emotional Experience of Human Goal-Setting System) // *Vestnik mурманского государственного технического университета*, 2001, No. 1, pp. 126-140.]

своему характеру результата в форме блага, выгоды, пользы и т.д.⁵⁵

Охрана конституционных устоев, при данном ракурсе рассмотрения, направлена на формирование и поддержание определенного состояния, качества, конкретных благ, выгоды, пользы, от тех объектов, которые могут рассматриваться как конституционные ценности.

Конституционно-правовая охрана как социальная ценность в структуре правовой культуры. Если резюмировать адекватность использования конституционно-правовой охраны в качестве конституционно-правового интереса, то равнозначно данную категорию уместно рассматривать в качестве особой социальной ценности. В научном дискурсе категории «ценности» и «интересы» признаются многомерными и универсальными. В большинстве своем, они изучаются гуманитарными науками, такими как философия и социология. Значимость данных категорий для современной научной мысли подтверждается тем фактом, что соответствующие исследования сформировали самостоятельное научное направление – «науку о ценностях», именуемую аксиологией.

Очевидно, что применение аксиологического инструментария в поиске ценностных качеств конституционно-правовой охраны даст свои предполагаемо-положительные результаты.

Государство в своей духовной сущности есть не что иное как родина, оформленная и объединенная публичным правом, или иначе множество людей, связанных общностью духовной судьбы, и сложившихся в единстве на почве духовной культуры и правосознания⁵⁶. Конституционно-правовая

охрана как вид социальной деятельности, не может не рассматриваться как компонент национальной правовой культуры.

Конституционно-правовая охрана как феномен, обуславливающий конституционализм. Существует несколько подходов к понятию и содержанию конституционализма. В узком смысле под конституционализмом понимают систему представлений и идей о развитом демократическом государственном строе, основанном на конституции⁵⁷. В широком смысле конституционализм представляет ряд взаимосвязанных элементов: конституционные идеи; конституционное законодательство; конституционную практику; реализацию и охрану конституций⁵⁸.

Конституционно-правовая охрана, одновременно, укладывается в систему представлений и идей о развитом демократическом государственном строе, основанном на конституции, и включается в разряд предполагаемых взаимосвязанных элементов конституционализма в широком смысле, таких как конституционные идеи; конституционное законодательство; конституционную практику; реализацию и охрану конституции. «Материальная сторона» конституционно-правовой охраны представлена в целом комплексе специальных правовых средств, которые обеспечивают выполнение правовых норм и соблюдение режима законности, а также деятельность по поддержанию верховен-

Definition) // *Novaya Nauka: teoreticheskij i prakticheskij vzglyad*, 2015, No. 6-2, pp. 220-223.]

⁵⁷ См.: Шустров Д.Г. Учредительная функция конституции // Конституционное и муниципальное право. – 2012. – № 9. – С. 10-16. [Shustrov, D.G. Uchreditel'naya funkciya konstitucii (The Founding Function of the Constitution) // *Konstitucionalnoe i municipalnoe pravo*, 2012, No. 9, pp. 10-16.]

⁵⁸ См.: Юрковский А.В. Конституционализм: системный подход к формированию универсальной политико-правовой категории // Сибирский юридический вестник. – 2013. – № 3. – С. 20-28. [Yurkovskij, A.V. Konstitucionalizm: sistemnyj podxod k formirovaniyu universalnoj politiko-pravovoj kategorii (Constitutionalism: a Systematic Approach to the Formation of a Universal Political and Legal Categories) // *Sibirskij yuridicheskij Vestnik*, 2013, No. 3, pp. 20-28.]

⁵⁵ См.: Першина И. В. Интерес в праве : (Электронный ресурс) : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – М., 2003. – 160 с. [Pershina, I.V. Interes v prave (Interest in Law): diss. ... Cand. of Law: 12.00.01. Moscow, 2003. 160 p.]

⁵⁶ См.: Абрамов А.Е., Прохорова С.И. Правовая пропаганда: к проблеме определения понятия // Новая наука: теоретический и практический взгляд. – 2015. – № 6-2. – С. 220-223. [Abramov, A.E.; Proxorova, S.I. Pravovaya propaganda: k probleme opredeleniya ponyatiya (Legal Advocacy: the Problem of the

ства и высшей юридической силы конституционных норм⁵⁹.

Дефиниция термина «конституционно-правовая охрана»

Конституционно-правовая охрана как универсальный социальный феномен, обуславливающий особый феномен конституционализма, который включает в себя все перечисленные смысловые значения, рассмотренные ранее. Обобщая изложенное, мы приходим к выводу о том, что конституционно-правовая охрана – сложное социальное обстоятельство, и одновременно, универсальный социальный феномен, обуславливающий феномен конституционализма, который поглощает доминанты правовой культуры, объединяет социальные ценности, обеспечивает реализацию социальных потребностей и нужд, является объектом общественных интересов, рассматривается как социальная потребность, является неотъемлемым критерием государственного суверенитета, функцией механизма государственной власти, механизма государства, государственного аппарата (отдельных государственных органов), характерным признаком правового государства, формой реализации правомочий гражданского общества, а также параметром легальности и легитимности государственной власти, объективно-обусловленным институтом конституционного права, составной частью национальной системы права, обеспечивающей цели и задачи конституционно-правового регулирования, параметром правового режима конституционной законности.

Литература:

Абрамов А.Е., Прохорова С.И. Правовая пропаганда: к проблеме определения понятия // Новая наука: теоретический и практический взгляд. – 2015. – № 6-2.

Авакьян С.А. Конституционализм и публичная власть: концепции и перспективы // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 11.

⁵⁹ См., например: Ишеков К.А. Правовая охрана как способ реализации Конституционных (уставных) норм // Современное право. – 2012. – № 3. – С. 47-49. [Ishekov, K.A. Pravovaya ochrana kak sposob realizacii konstitucionnykh (ustavnykh) norm (Legal Protection as a Way of Realization of the Constitutional (Statutory) Standards) // *Sovremennoe pravo*, 2012, No. 3, pp. 47-49.]

Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. – М., 1998.

Анохин Ю.В. Механизм государственно-правового обеспечения прав и свобод личности (на материалах Российской Федерации): дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 2007.

Артёмьев А.М. Государственная правоохранительная служба: системные свойства, функции, правовое обеспечение : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008.

Ахметова Г.З. Системная организация институтов российского договорного права // Казанская наука. – 2013. – № 9.

Баранов П.П., Овчинников А.И. Конституционная легитимность: теоретико-методологический аспект // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 8.

Барихин А.Б. Большой юридический энциклопедический словарь: 2-е изд. – М., 2008.

Безруков А.В. Конституционное право России: учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2015. Режим управления: <http://lektsia.com/1x3121.html>

Бессарабов В.Г., Кашиев К.А. Защита прокуратурой прав и свобод человека и гражданина. – М., 2007.

Бондарь Н.С., Джагарян А.А. Прямое действие Конституции: генерация и гарантирование конституционным правосудием // Сравнительное конституционное обозрение. – 2016. – № 3. – С. 52-78.

Бутылин В.Н. Институт государственно-правовой охраны конституционных прав и свобод граждан // Журнал российского права. – 2011. – № 12.

Веденин В.С. Влияние правопонимания на становление и развитие институтов российского права (на примере патентного права): дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2007.

Гаврилов Э.П. Защита частным правом секретов производства и информации, составляющей коммерческую тайну // Патенты и лицензии. – 2015. – № 4. – С. 10-19.

Глазунов Ю.Т. Эмоциональное переживание в системе целеполагания человека // Вестник Мурманского государственного технического университета. – 2001. – № 1. – С. 126-140.

Гулягин А.Ю. Правоохранительная деятельность: основные правовые характеристики // Административное право и процесс. – 2011. – № 6.

Денисов С.А. Злоупотребление властных субъектов нормами конституционного права // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 6. – С. 3-10.

Дринова Е.М. Национальная модель модернизации России и топосы политизации религии // Власть. – 2014. – № 11.

Игнатенко Г.В. Международное право и общественный прогресс. – М., 1972.

Ишеков К.А. Правовая охрана как способ реализации Конституционных (уставных) норм // Современное право. – 2012. – № 3.

Князев С.Д. Стабильность Конституции для современного российского конституционализма // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 1. – С. 4-12.

Комаров С.А. Общая теория государства и права: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. – М., 1997. – С. 185-210.

Конституционное право: университетский курс: учебник: в 2 т. / под ред. А.И. Казаника, А.Н. Костю-

кова. – М., 2015. Т. 2. Режим доступа: <http://isfic.info/unkur/roskon60.htm>

Кравец И.А. Право конституции в действии: соотношение законодательной и судебной конституционализации правопорядка, обеспечения международных обязательств, прав и свобод // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 12.

Курданов В.О. Реализация защиты прав и свобод человека и гражданина в современной России // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 2.

Куриленко А.В. Взаимодействие Президента России и Конституционного Суда РФ по охране Конституции Российской Федерации // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2011. – № 4.

Курочкин А.В. Концепт «правовая институционализация» и его содержание // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 3. – С. 39-47.

Кусь А. Правовая защита интересов государства – перестановка слов или новое уравнение? // ИС. Промышленная собственность. – 2016. – № 6. – С. 4-10.

Лукашук И.И. Международно-правовое регулирование международных отношений. – М., 1975.

Лучин В.О. Конституционные нормы и правоотношения. – М., 1997.

Малько А.В. Правоохранительная и правозащитная политика в современной России // Правовая политика и развитие российского законодательства в условиях модернизации: сб. докладов / под ред. А.В. Малько, В.М. Шафирова, А.В. Усса. – Красноярск, 2012.

Малько А.В. Теория государства и права: учебник. – М., 1999.

Марочкин С.Ю. Взаимодействие правовых систем как общий вектор развития (отношение международного сообщества к принципу верховенства права: намерения и реальность) // Российский юридический журнал. – 2014. – № 5. – С. 15-25.

Марочкин С.Ю. Вопросы эффективности норм международного права // Сов. ежегодник междунар. права. – М., 1989.

Мельников В.Ю. Права личности в уголовном процессе Российской Федерации: монография. – М., 2012.

Мионов Д.Н. Основы формирования правового государства // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 3. – С. 6-10.

Муромцев С.А. Определение и основное разделение права. – СПб., 2004.

Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. 20-е изд., стереотип. – М., 1988.

Остапович И.Ю. Конституционные Советы Франции и Казахстана: от специализированного органа с элементами конституционного надзора к контролю // Российский судья. – 2015. – № 12.

Павлович С.Г., Шевченко С.Н. Современный конституционализм в контексте проблем «коллизии» национальных и международных ценностей и интересов // Современный юрист. – 2015. – № 4. – С. 67-77.

Перишина И.В. Интерес в праве: (Электронный ресурс): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – М., 2003. – 160 с.

Полянский В.В. Методы и принципы гармонизации публичной власти // Lex russica. – 2015. – № 10. – С. 32-45.

Правоохранительные органы: учебник / под ред. А.В. Ендольцевой, О.А. Галустяна, А.П. Кизлыка. 6-е изд., перераб. и доп. – М., 2009.

Правоохранительные органы: учебник для вузов / под ред. К.Ф. Гуценко. – М., 1995.

Правоохранительные органы Российской Федерации: учебник / под ред. В.П. Божьева. – М., 2000.

Прокофьев В.Н. Иранский конституционализм и институт президентства // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 3.

Ромашов Р.А. Современный конституционализм: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 1998.

Ростовщиков И.В. Обеспечение прав и свобод личности в СССР. – М., 1988.

Синицын С.А. Субъективные публичные права: к разработке вопроса о понятии и системе // Адвокат. – 2016. – № 7. – С. 20-37.

Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия / под ред. М.Ю. Тихомирова. – М., 1999.

Толкачев К.Б., Хабибуллин А.Г. Органы внутренних дел в механизме обеспечения личных конституционных прав и свобод граждан. – Уфа, 1991.

Тункин Г.И. Право и сила в международной системе. – М., 1983.

Фадеев П.В. Правовая помощь в уголовном судопроизводстве как комплексная законодательная и научная категория // Российский следователь. – 2016. – № 7.

Фадеев П.В. Признаки и понятие обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. – 2014. – № 3.

Фадеев П.В. Теоретические основы правовой помощи участникам уголовного судопроизводства. – С. 75-100.

Цинцадзе Н.С. Традиционные неформальные правовые институты в российском частном праве: понятие, признаки и проблемы идентификации // Вестник Тамбов. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – № 11.

Черданцев А.Ф. Теория государства и права: учебник. – М., 2000. – С. 148-161.

Чуряев А.В. К вопросу о понятии охранной деятельности // Административное право и процесс. – 2013. – № 12.

Шустров Д.Г. Учредительная функция конституции // Конституционное и муниципальное право. – 2012. – № 9. – С. 10-16.

Юрковский А.В. Конституционализм: системный подход к формированию универсальной политико-правовой категории // Сибирский юридический вестник. – 2013. – № 3. – С. 20-28.

References:

Abramov, A.E.; Proxorova, C.I. Pravovaya propaganda: k probleme opredeleniya ponyatiya (Legal Advocacy: the Problem of the Definition) // *Novaya Nauka: teoreticheskij i prakticheskij vzglyad*, 2015, No. 6-2.

Ahmetova, G.Z. Sistemnaya organizaciya institutov rossijskogo dogovornogo prava (System Organization of Institutes of the Russian Contract Law) // *Kazanskaya nauka*, 2013, No. 9.

Aleksandrova, Z.E. Slovar sinonimov russkogo yazyka (Russian Dictionary of Synonyms). Moscow, 1998.

Algar, H. Constitution of the Islamic Republic of Iran. Berkeley, Calif., 1980.

Anohin, Yu.V. Mexanizm gosudarstvenno-pravovogo obespecheniya prav i svobod lichnosti (na materialax rossijskoj

federacii) (The Mechanism of State and Legal Rights and Freedoms of the Person (on the Materials of the Russian Federation)): diss. ... Dr of Law: 12.00.01. Saratov, 2007.

Artemev, A.M. Gosudarstvennaya pravooxranitel'naya sluzhba: sistemnye svoystva, funktsii, pravovoe obespechenie (State law-enforcement service): diss. ... Dr of Law. Moscow, 2008.

Avakyan, S.A. Konstitucionalizm i publichnaya vlast: koncepcii i perspektivy (Constitutionalism and the Public Power) // *Konstitucionnoe i municipalnoe pravo*, 2013, No. 11.

Baranov, S.; Ovchinnikov, A.I. Konstitucionnaya legitimnost: teoretiko-metodologicheskij aspekt (The Constitutional Legitimacy: the Theoretical and Methodological Aspect) // *Konstitucionnoe i municipalnoe pravo*, 2015, No. 8.

Barihin, A.B. Bolshoj yuridicheskij enciklopedicheskij slovar: 2-e izd. (Great Encyclopedic Dictionary of Law). Moscow, 2008.

Bessarabov, V.G.; Kashae, K.A. Zashhita prokuraturoj prav i svobod cheloveka i grazhdanina (Prosecutor Protection Rights and Freedoms of Man and Citizen). Moscow, 2007.

Bezrukov, A.V. Konstitucionnoe pravo rossii: ucheb. posobie. (Constitutional Law of Russia: Textbook), 2015. Mode of access: <http://lektsia.com/1x3121.html>

Bondar, N.S.; Dzhagaryan, A.A. Pryamoe dejstvie konstitucii: generaciya i garantirovanie konstitucionnym pravosudiem (The Direct Effect of the Constitution: the Generation and Guaranteeing Constitutional Justice) // *Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie*, 2016, No. 3, pp. 52-78.

Butylin, V.N. Institut gosudarstvenno-pravovoj ohrany konstitucionnyx prav i svobod grazhdan (Institute of State and of the Legal Protection of Constitutional Rights and Freedoms of Citizens) // *Zhurnal rossijskogo prava*, 2011, No. 12.

Cherdancev, A.F. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik (Theory of Government and Rights). Moscow, 2000. Pp. 148-161.

Churyaev, A.V. K voprosu o ponyatii ohrannoj deyatel'nosti (On the Question of the Concept of Security Activities) // *Administrativnoe pravo i process*, 2013, No. 12.

Cincadze, N.S. Tradicionnye neformalnye pravovye instituty v rossijskom chastnom prave: ponyatie, priznaki i problemy identifikacii (Traditional Informal Legal Institutions in the Russian Private Law: Concept, Characteristics and Problems of Identification) // *Vestnik tambov. un-ta. seriya: gumanitarnye nauki*, 2012, No. 11.

Denisov, S.A. Zlupotreblenie vlastnyx subektov normami konstitucionnogo prava (Abuse of Power of Subjects of Constitutional law) // *Konstitucionnoe i municipalnoe pravo*, 2016, No. 6, pp. 3-10.

Drinova, E.M. Nacionalnaya model modernizacii rossii i toposy politizacii religii (National Model of Modernization in Russia and Topoi of Religion Politicization) // *Vlast*, 2014, No. 11.

Fadeev, P.V. Pravovaya pomoshh v ugovnom sudoproizvodstve kak kompleksnaya zakonodatel'naya i nauchnaya kategoriya (Legal Assistance in Criminal Proceedings as a Complex Legal and Scientific Category) // *Rossijskij sledovatel*, 2016, No. 7.

Fadeev, P.V. Priznaki i Ponyatie obespecheniya prav lichnosti v ugovnom sudoproizvodstve (The Signs and the Concept of Safeguarding the Rights of the Individual in Criminal Proceedings) // *Rossijskaya yusticiya*, 2014, No. 3.

Fadeev, P.V. Teoreticheskie osnovy pravovoj pomoshhi uchastnikam ugovnogo sudoproizvodstva (Theoretical

Foundations of Legal Aid to Participants in Criminal Proceedings), pp. 75-100.

Gavrilov, E.P. Zashhita chastnym pravom sekretov proizvodstva i informacii, sostavlyayushhej kommercheskuyu tajnu (Protection of Private Law Trade Secrets and Information that Constitutes a Trade Secret) // *Patenty i Licenzii*, 2015, No. 4, pp. 10-19.

Glazunov, Yu.T. Emocionalnoe perezhivanie v sisteme celpolaganiya cheloveka (The Emotional Experience of Human Goal-Setting System) // *Vestnik murmanskogo gosudarstvennogo texnicheskogo universiteta*, 2001, No. 1, pp. 126-140.

Gulyagin, A.Yu. Pravooxranitel'naya deyatel'nost: osnovnye pravovye karakteristiki (Law Enforcement: the Main Legal Characteristics) // *Administrativnoe pravo i process*, 2011, No. 6.

Ignatenko, G.V. Mezhdunarodnoe pravo i obshhestvennyj progress. Moscow, 1972.

Ishekov, K.A. Pravovaya ohrana kak sposob realizacii konstitucionnyx (ustavnyx) norm (Legal Protection as a Way of Realization of the Constitutional (Statutory) Standards) // *Sovremennoe pravo*, 2012, No. 3.

Knyazev, S.D. Stabilnost konstitucii dlya sovremenno rossijskogo konstitucionalizma (The Stability of the Constitution for the Modern Russian Constitutionalism) // *Konstitucionnoe i municipalnoe pravo*, 2015, No. 1, pp. 4-12.

Komarov S.A. Obshhaya teoriya gosudarstva i prava: uchebnik (State and Law Theory) 3-e izd., pererab. i dop. m., 1997, pp. 185-210.

Kravec, I.A. Pravo konstitucii v dejstvii: sootnoshenie zakonodatel'noj i sudebnoj konstitucionalizacii pravoporyadka, obespecheniya mezhdunarodnyx obyazatelstv, prav i svobod (Right Constitution in Action: the Ratio of the Legislative and Judicial Constitutionalization of Law, International Obligations to Ensure the Rights and Freedoms) // *Konstitucionnoe i municipalnoe pravo*, 2015, No. 12.

Kurdanov, V.O. Realizaciya zashhity prav i svobod cheloveka i grazhdanina v sovremennoj rossii (The implementation of the rights and freedoms of man and citizen in modern Russia) // *Konstitucionnoe i municipalnoe pravo*, 2016, No. 2.

Kurilenko, A.V. Vzaimodejstvie prezidenta rossii i konstitucionnogo suda rf po ohrane konstitucii rossijskoj federacii (Interaction of Russia and President of the Constitutional Court of the Russian Federation for the Protection of the Constitution) // *Uchenye trudy rossijskoj akademii advokatury i notariata*, 2011, No. 4.

Kurochkin, A.V. Koncept "pravovaya institucionalizaciya" i ego soderzhanie (The Concept of "Legal Institutionalization" and Its Contents) // *Aktualnye problemy rossijskogo prava*, 2016, No. 3, pp. 39-47.

Kus, A. Pravovaya zashhita interesov gosudarstva – perestanovka slov ili novoe uravnenie? (Legal Protection of Interests of the State – a Permutation of Words or New Equation?) // *Promyshlennaya sobstvennost*, 2016, No. 6, pp. 4-10.

Luchin, V.O. Konstitucionnye normy i pravootnosheniya (Constitutional and Legal Norms). Moscow, 1997.

Lukashuk, I.I. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie mezhdunarodnyx otnošenij (International Law and Social Progress). Moscow, 1975.

Mal'ko, A.V. Pravooxranitel'naya i pravozashhitnaya politika v sovremennoj rossii // Pravovaya politika i razvitie rossijskogo zakonodatel'stva v usloviyax modernizacii (Law Enforcement and Human Rights Policy in modern Russia /

Legal policy and development of the Russian legislation in the modernization): sb. dokladov / Ed. A.V. Malko, V.M. Shafirov, A.V. Uss. Krasnoyarsk, 2012.

Malko, A.V. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik. (Theory of State and Law). Moscow, 1999.

Marochkin, S.Yu. Voprosy effektivnosti norm mezhdunarodnogo prava // Sov. ezhegodnik mezhdunar. prava. (Questions the effectiveness of international law). Moscow, 1989.

Marochkin, S.Yu. Vzaimodejstvie pravovyx sistem kak obshhij vektor razvitiya (otnoshenie mezhdunarodnogo soobshhestva k principu verhovenstva prava: namereniya i realnost) (The Interaction of Legal Systems as a General Vector of Development (The International Community's Attitude to the Rule of Law: Intentions and Reality)) // *Rossijskij yuridicheskij zhurnal*, 2014, No. 5, pp. 15-25.

Melnikov, V.Yu. Prava lichnosti v ugovnom processe rossijskoj federacii: monografiya. (Rights of the Individual in Criminal Trial of the Russian Federation). Moscow, 2012.

Mironov, D.N. Osnovy formirovaniya pravovogo gosudarstva (Foundations for the Rule of Law) // *Konstitucionnoe i municipalnoe pravo*, 2016, No. 3, pp. 6-10.

Murmcev, S.A. Opredelenie i osnovnoe razdelenie prava (Foundations for the Rule of Law). Spb., 2004.

Ostapovich, I.Yu. Konstitucionnye soveti francii i kazaxstana: ot specializirovannogo organa s elementami konstitucionnogo nadzora k kontrolyu (Constitutional Council of France and Kazakhstan, from a Specialized Body with Elements of Constitutional Review to the Control) // *Rossijskij sudya*, 2015, No. 12.

Ozhegov, S.I. Slovar russkogo yazyka: ok. 57000 slov / Ed. N.Yu. Shvedova. 20-e izd., stereotip. Moscow, 1988.

Pavlikov, S.G.; Shevchenko, S.N. Sovremennij konstitucionalizm v kontekste problem «kollizii» nacionalnyx i mezhdunarodnyx cennostej i interesov (Modern Constitutionalism in the Context of the Problems of "Collision" of National and International Values and Interests) // *Sovremennij yurist*, 2015, No. 4, pp. 67-77.

Pershina, I.V. Interes v prave (Interest in Law): diss. ... Cand. of Law: 12.00.01. Moscow, 2003. 160 p.

Polyanskij, V.V. Metody i principy garmonizacii publichnoj vlasti (Methods and Principles of the Harmonization of Public Authorities) // *Lex russica*, 2015, No. 10, pp. 32-45.

Pravooxranitelnye organy rossijskoj federacii: uchebnik (Law Enforcement Authorities) / Ed. by V.P. Bozhev. Moscow, 2000.

Pravooxranitelnye organy: uchebnik (Law Enforcement Authorities) / pod red. A.V. Endolceva, O.A. Galustyan, A.P. Kizlyk. 6-e izd., pererab. i dop. Moscow, 2009

Pravooxranitelnye organy: uchebnik dlya vuzov (Law Enforcement Authorities) / Ed. K.F. Gucenko. Moscow, 1995.

Prokofev, V.N. Iranskiy konstitucionalizm i institut prezidentstva // *Konstitucionnoe i municipalnoe pravo*. (Iranian Constitutionalism and the Institution of the Presidency), 2016, No. 3.

Romashov, R.A. Sovremennij konstitucionalizm: teoretiko-pravovoj analiz (Modern Constitutionalism: Theoretical and Legal Analysis): diss. ... Dr of Law. Spb., 1998.

Rostovshnikov, I.V. Obespechenie prav i svobod lichnosti v SSSR (Ensuring Human Rights and Freedoms in the USSR). Moscow, 1988.

Shustrov, D.G. Uchreditelnaya funkciya konstitucii (The Founding Function of the Constitution) // *Konstitucionnoe i municipalnoe pravo*, 2012, No. 9, pp. 10-16.

Sinicyn, S.A. Subektivnye publichnye prava: k razrabotke voprosa o ponyatii i sisteme (Subjective Public Rights: the Development of the Question of the Concept and the System) // *Advokat*, 2016, No. 7, pp. 20-37.

Tihomirova, I.V.; Tihomirov, M.Yu. Yuridicheskaya enciklopediya (Legal Encyclopedia) / Ed. by M.Yu. Tixomirov. Moscow, 1999.

Tolkachev, K.B.; Habibulin A.G. Organy vnutrennix del v mexanizme obespecheniya lichnyx konstitucionnyx prav i svobod grazhdan (Law-Enforcement Bodies in the Mechanism of Ensuring the Constitutional Rights and Personal Freedoms). Ufa, 1991.

Tunkin, G.I. Pravo i sila d mezhdunarodnoy sisteme (Law and Power in International System). Moscow, 1983.

Vedenin, V.S. Vliyanie pravoponimaniya na stanovlenie i razvitie institutov rossijskogo prava (na primere patentnogo prava) (The Impact of Law on the Establishment and Development of Institutes of the Russian law): diss. ... Cand. of Law. Vladimir, 2007.

Yurkovskij, A.V. Konstitucionalizm: sistemnyj podhod k formirovaniyu universalnoj politiko-pravovoj kategorii (Constitutionalism: a Systematic Approach to the Formation of a Universal Political and Legal Categories) // *Sibirskij yuridicheskij Vestnik*, 2013, No. 3, pp. 20-28.

Konstitucionnoe pravo: universitetskij (Constitutional law: a University Course) Kurs: uchebnik: v 2 t. / Ed. by A.I. Kazannik, A.N. Kostyukov. Moscow, 2015. Vol. 2. Mode of access: <http://isfic.info/unkur/roskon60.htm>

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10002

CONSTITUTIONAL AND LEGAL PROTECTION AS AN INTEGRAL PART OF CONSTITUTIONALISM

Alexey V. Yurkovski

*Irkutsk Law Institute (Branch) of Academy of the Prosecutor
General's Office of the Russian Federation,
Irkutsk, Russia*

Igor' A. Kuzmin

*Irkutsk Law Institute (Branch) of Academy of the Prosecutor
General's Office of the Russian Federation,
Irkutsk, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 28.10.2017</p> <p><i>Accepted:</i> 12.07.2018</p>	<p>Abstract: Within the pluralistic worldview framework, the study of the fundamental state legal categories often requires clarification of their meanings. Constitutional legal protection as an integral part of constitutionalism is manifested in all spheres of public administration and is an imminent characteristic of the essence of the state. The absence of an integrated approach, revealing the nature of the constitutional legal protection, prevents its further conceptual development and efficiency. The first three parts of the essay are dedicated to the «Introduction» into the problems of constitutional legal protection and the formation of a primary understanding of this category on the basis of its relationship with the Constitution and also the degree of its elaboration of themes and etymology. The fourth and fifth parts are intended to help the reader gain the most complete understanding of the major social meanings and assumptions of constitutional legal protection, as well as of the depth of its implementation in the framework of constitutionalism on the meta-level of scientific knowledge.</p>
<p>About the authors:</p> <p><i>Alexey V. Yurkovski</i>, Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines, Irkutsk Law Institute (branch) of Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation</p> <p>e-mail: AVYurkovsky@mail.ru</p> <p><i>Igor' A. Kuzmin</i>, Candidate of Law, Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Irkutsk Law Institute (branch) of Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation</p> <p>e-mail: grafik-sovetnik@rambler.ru</p>	
<p>Key words:</p> <p>State; Constitutional Law; constitutionalism; the national legal system; the constitutional legal protection; scientific research</p>	

Для цитирования: Юрковский А.В., Кузьмин И.А. Конституционно-правовая охрана как неотъемлемый элемент конституционализма // *Сравнительная политика*. – 2019. – № 1. – С. 23-41.

For citation: Yurkovski, Alexey V.; Kuzmin, Igor' A. Konstitucionno-pravovaya ohrana kak neotemlemyj ehlement konstitucionalizma (Constitutional and Legal Protection as an Integral Part of Constitutionalism) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 1, pp. 23-41.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10002

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10002

ИНФОРМАЦИОННО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Александр Васильевич Малько

*Саратовский филиал Института государства и права
Российской академии наук,
Саратов, Россия*

Оксана Леонидовна Солдаткина

*Саратовская государственная юридическая академия,
Саратовский филиал Института государства и права
Российской академии наук,
Саратов, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 19 марта 2018 <i>Принята к печати:</i> 1 ноября 2018</p>	<p>Аннотация: В статье проводится сравнительный анализ основных направлений информационно-правовой политики различных государств по трем направлениям: информационные права и свободы, электронное управление и информационная безопасность. Такое сравнение в данной области актуально в силу того, что проблемы информационного права зачастую носят глобальный характер, а правовое регулирование информационных отношений обладает международной составляющей. По результатам проведенного в статье сравнения национальных законодательств различных стран по отдельным вопросам информационного права сделаны следующие выводы. Реализация основных прав и свобод граждан в информационной сфере занимает особое место среди национальных интересов большинства государств, но права личности могут быть ограничены. Ограничения в информационной сфере рассмотрены на примере сравнения методов управления контентом глобальной сети, для которых характерно определение государством для себя уровня вмешательства в сетевую жизнь граждан и методов обеспечения вмешательства. В этой области ценен опыт Великобритании и Германии. В целом, направления обеспечения информационной безопасности во всех странах похожи.</p>
<p>Об авторах: <i>А.В. Малько</i>, д.ю.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ; директор, Саратовский филиал Института государства и права РАН e-mail: i_gp@ssla.ru <i>О.Л. Солдаткина</i>, к.ю.н., доцент, кафедра информатики, кафедра административного и муниципального права; старший научный сотрудник, Саратовский филиал Института государства и права РАН e-mail: buzum@mail.ru</p>	
<p>Ключевые слова: информационно-правовая политика; информационная безопасность; правительство как платформа; Международная стратегия США для киберпространства; Закон КНР о кибербезопасности; Цифровая стратегия Великобритании; Основной закон ФРГ</p>	

Необходимость определения стратегических направлений развития правовой системы, определяющих правовую политику государства, признана в России на самом высоком уровне – речь идет, прежде всего, о федеральном законе от 28 июня 2014 г.

№ 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Согласно этому нормативному правовому акту документы стратегического планирования регистрируются в государственном реестре документов стратегического планирования. Указанный

реестр на начало февраля 2018 г. содержит более 56 тыс. документов, среди которых присутствуют Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество», Стратегия развития электросетевого комплекса Российской Федерации, Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы, Доктрина информационной безопасности Российской Федерации – документы, определяющие стратегические направления осуществляемой государством политики в информационной сфере.

Между тем все еще наблюдающееся переходное состояние отечественной политико-правовой системы не позволяет говорить о выработке основных постулатов правовой политики в информационной сфере как о свершившемся факте. Современное Российское государство отличает поиск новых юридических конструкций, тем более в такой относительно молодой и бурно развивающейся отрасли, как информационное право. В силу того, что информационное общество размывает государственные границы, проблемы информационного права зачастую носят глобальный характер, поиск их решений ведется практически каждым государством и всем мировым сообществом, а правовое регулирование информационных отношений обладает международной составляющей.

Учитывая сказанное выше, представляется полезным провести компаративный анализ основных направлений информационной правовой политики. В рамках статьи, безусловно, не получится разобрать подробно все вопросы выбранного направления в силу их комплексности и объема, поэтому ограничимся некоторыми отдельными направлениями (выделены на основе разделения объектов воздействия информационной правовой политики):

- 1) информационные права и свободы;
- 2) электронное управление;
- 3) информационная безопасность.

Прежде чем приступить к рассмотрению, сделаем общее замечание: в данной сфере существует большое количество международных нормативных правовых актов, решение о ратификации которых во многом

и определяет информационно-правовую политику отдельного государства. К числу таких документов относятся: Окинавская хартия глобального информационного общества, принятая на совещании «стран восьмерки» 22 июля 2000 г.; Конвенция Международного союза электросвязи, подписанная в Женеве 22 декабря 1992 г.; Всеобщая декларация прав человека, утвержденная и провозглашенная Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. и другие.

Начнем нашу компаративную процедуру с вопроса о подходах к информационным свободам в законодательствах различных государств.

Среди национальных интересов большинства государств особое место занимает реализация основных прав и свобод граждан в информационной сфере. Традиционно она основывается на принципах свободы информации и запретительном принципе права (все, что не запрещено законом, разрешено). Этот принцип закреплен в основных международных правовых документах и обычно в конституциях государств (при подкреплении и детализации в ряде других законов).

Основу международного блока нормативных актов в указанной сфере составляет Всеобщая декларация прав человека, согласно которой каждый человек имеет право на свободу мысли (ст. 18), право на свободу убеждений и на свободное выражение их. Это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ (ст. 19).

Позднее эти права и свободы были подкреплены и рядом международных документов, например, в ст. 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (вступила в силу 3 сентября 1953 г.), где дополнительно указано, что свободы относятся к всякого рода информации, идеям и способам их распространения, или в Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека, принятой 26 мая 1995 г. и вступившей в силу 11 августа 1998 г. в Республике Бе-

ларусь, Российской Федерации и Республике Таджикистан, где также в ст. 11, 32 и 33 определяет право граждан на свободное выражение своего мнения.

Исходя из международных документов, строится конструкт «информационные права и свободы» в подавляющем большинстве государств.

Так, во Франции в статье 11 Декларации прав человека и гражданина 1789 г. закреплено свободное выражение мыслей и мнений «как одно из драгоценнейших прав человека, каждый гражданин поэтому может свободно высказываться, писать, печататься»¹. Конституционный совет Франции также неоднократно признавал конституционное значение этого принципа (решения Конституционного совета от 19 и 20 октября 1984 г.), равно как и плюрализм социально-культурных течений мысли (решения от 27 июля 1982 г. и от 18 сентября 1986 г.). Свободу печати и аудиовизуальной информации подтверждают отдельные законы (закон от 29 июля 1881 г. о свободе печати, закон от 20 июля 1982 г., закон от 30 сентября 1986 г.)².

В Основном законе Федеративной Республики Германия информационные свободы закреплены в статье 5:

«(1) Каждый имеет право свободно выражать и распространять свое мнение устно, письменно и посредством изображений и беспрепятственно черпать знания из общедоступных источников. Свобода печати и информации посредством радио и кино гарантируется. Цензуры не существует.

(2) Границы этих прав указываются предписаниями общих законов, законодательных положений об охране молодежи правом на честь личности.

¹ Конституция Франции // Конституции государств (стран) мира: Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова (France Constitution). Режим доступа: <http://worldconstitutions.ru/?p=138&page=3>

² Мосин О.В. Права человека в Конституции Франции / ЮрКлуб, 2008. Режим доступа: <http://www.yurclub.ru/docs/other/article117.html> [Mosin, O.V. Prava cheloveka v Konstitucii Francii (Human Rights in the French Constitution) / YurKlub, 2008. Mode of access: <http://www.yurclub.ru/docs/other/article117.html>]

(3) Искусство и наука, исследования и преподавание свободны. Свобода преподавания не освобождает от обязанности сохранять верность Конституции»³.

Определенные информационные свободы предоставляются Конституцией и гражданам Китая. Однако здесь мы видим отсутствие запрета на цензуру:

«Статья 35.

Граждане Китайской Народной Республики имеют свободу слова, печати, собраний, союзов, уличных шествий и демонстраций.

Статья 40.

Свобода и тайна переписки граждан Китайской Народной Республики охраняется законом. Никакие организации или отдельные лица ни под каким предлогом не могут препятствовать свободе и тайне переписки граждан, за исключением случаев, когда в интересах государственной безопасности или в целях расследования уголовного преступления органы общественной безопасности или органы прокуратуры в порядке, установленном законом, осуществляют проверку переписки»⁴.

Следует отметить также, что все права и свободы личности могут быть ограничены как правами и свободой других лиц, так и по другим основаниям и в случаях, прямо указанных в законах.

В п. 2 ст. 29 Всеобщей декларации прав человека говорится: «При осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью:

– обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других (в ст. 12 Декларации перечисляются права и свободы других лиц: личная и семейная жизнь, неприкосновенность жилища, тайна корреспонденции, честь и репутация);

³ Конституция ФРГ // Конституции государств (стран) мира : Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова (Germany Constitution). Режим доступа: <http://worldconstitutions.ru/?p=155>

⁴ Конституция КНР // Конституции государств (стран) мира : Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова (China Constitution). Режим доступа: <http://worldconstitutions.ru/?p=31&page=2>

- удовлетворение справедливых требований морали;
- общественного порядка;
- и общего благосостояния в демократическом обществе).

Это касается всех прав, в том числе и информационных. Международные конвенции и основные законы государств поддерживают эти ограничения, детализируя списки. Например, Европейской Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (п. 2 ст. 10) наряду с подтверждением ограничений прав только по закону расширяется и перечень оснований для ограничений:

- в интересах государственной безопасности, территориальной целостности или общественного спокойствия;
- в целях предотвращения беспорядков и преступлений;
- для охраны здоровья и нравственности;
- для защиты и репутации или прав других лиц;
- для предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально;
- для обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия.

Поскольку одним из основных источников информации и средой реализации свободы слова сегодня выступает виртуальное пространство сети Интернет, представляется интересным сравнение методов управления контентом глобальной сети в отдельных государствах.

Правовое регулирование и управление сетью Интернет сегодня является нерешенным вопросом для подавляющего большинства государств. Как правило, здесь реализуется все тот же принцип свободы слова в сети Интернет и фильтрации отдельного контента, содержание которого попадает в списки «вредной» информации. Но практика показывает, что этот метод – не только не эффективен, но и в принципе ведет к некоторым нежелательным последствиям. Среди нашумевших в СМИ примеров блокировки отдельных ресурсов сети Интернет, приводящих к противоположным результатам, является внесение популярного торрент-трекера *Rutracker.org* в реестр запрещенных сайтов (25 января 2016 г.). Сайт был заблокирован по решению Мосгорсуда, дважды

признававшего его нарушителем авторских прав на книги издательства «Эксмо». По данным *Rutracker.org*, активность файлообмена за время блокировки снизилась всего на 5%. Представитель трекера считает, что уровень пиратства в русскоязычном сегменте сети Интернет благодаря блокировкам мог даже вырасти, так как владельцы видеоресурсов и трекеров перестали сотрудничать с правообладателями и добровольно убирать их контент по запросу, то есть запрет существенно ухудшил положение правообладателей информации.

Ответим далее на вопрос: как решается эта проблема в отдельных государствах, взяв несколько «крайних» примеров.

Всемирная сеть представляет собой сложную систему, включающую в себя несколько уровней коммуникации: техническую и информационную. «В этом контексте на доктринальном и правоприменительном уровне обсуждается необходимость концептуального разграничения собственно интернета, рассматриваемого в качестве технического изобретения, которое главным образом связано со сферой телекоммуникаций, и доступа к интернету – использование технологических возможностей интернета для получения информации, т.е. использование интернета, рассматриваемое как “информационная услуга”»⁵. Соответственно и управление виртуальным пространством так же необходимо разделять на два этих уровня.

В технической области, где вопросы регулирования возникли существенно раньше, исторически сложилась «многосторонняя» модель управления (*Multistakeholder Model*), основанная на саморегулировании и многостороннем партнерстве, включающем все заинтересованные стороны (частный сек-

⁵ Кибербезопасность и управление интернетом: Документы и материалы для российских регуляторов и экспертов / отв. ред. М.Б. Касенова; сост. О.В. Демидов и М.Б. Касенова. – М.: Статут, 2013. – С. 13. [Kiberbezopasnost' i upravlenie internetom: Dokumenty i materialy dlja rossijskikh reguljatorov i jekspertov (Cybersecurity and Internet Governance: Documents and Materials for Russian Regulators and Experts) / Ed. M.B. Kasenova; Comp. O.V. Demidov, M.B. Kasenova. Moscow: Statut, 2013. P. 13.]

тор, гражданское общество, бизнес, техническое и академическое сообщество, правительства, международные организации и прочее). Безусловно, в этой сфере существуют проблемы: нечеткое определение роли заинтересованных сторон в процессе управления, формальная автономия международной некоммерческой организации *Internet Corporation for Assigned Names and Numbers (ICANN)*, осуществляющей регулирование Интернета в части доменных имен, IP-адресов и прочих механизмов. Тем не менее, несмотря на имеющиеся недочеты, модель упорядочения технической составляющей сети Интернет в целом уже сложилась.

С регулированием информационной составляющей – а именно эта сторона вопроса в рамках нашего исследования особенно нас интересует – все гораздо сложнее. В этой области также формируется многосторонняя модель управления глобальной сети, включающей несколько уровней. В литературе выделяются следующие проблемы, которые не могут быть решены национальным законодательством, и должны решаться всем мировым сообществом:

1. Разработка международно-правовых гарантий безопасного использования сети Интернет.

2. Гармонизация национальных законодательств в силу существования различия в порядке и методах регулирования национальным правом использования сетевых технологий в противоправных целях.

3. Разработка правил, принципов и норм защиты критически важной инфраструктуры Интернета на международном уровне с учетом трансграничного функционирования сети Интернет.

4. Проблема идентификации пользователей сети, владельцев Интернет-ресурсов и операторов Интернет-услуг.

5. Дальнейшее совершенствование нормативно-правового регулирования порядка оказания трансграничных услуг Интернет-компаниями, являющимися национальными юридическими лицами конкретных государств, например, таких как *Google, Facebook* и т.п.⁶

⁶ См.: Кибербезопасность и управление интернетом: Документы и материалы для российских

регуляторов и экспертов / отв. ред. М.Б. Касенова; сост. О.В. Демидов и М.Б. Касенова. – М.: Статут, 2013. – С. 45-46. [Kiberbezopasnost' i upravlenie internetom: Dokumenty i materialy dlja rossijskikh reguljatorov i jekspertov (Cybersecurity and Internet Governance: Documents and Materials for Russian Regulators and Experts) / Ed. M.B. Kasenova; Comp. O.V. Demidov, M.B. Kasenova. Moscow: Statut, 2013. Pp. 45-46.]

Существует и часть проблем, которые традиционно решаются на внутрисубъективном уровне. Здесь главное найти общий путь развития. Показательными в этой области будут США, где до недавнего времени проводилась политика саморегуляции сети Интернет; Китай, власти которого с самого начала развития отрасли придерживаются методов жесткого контроля виртуального пространства; Франция, сочетающая крайние средства.

США. Согласно принятой в 1791 г. первой поправки к Конституции США, Конгресс США не должен издавать ни одного закона, относящегося к установлению религии или запрещающего свободу слова или печати, право народа мирно собираться и обращаться к правительству с петициями об удовлетворении жалоб⁷. Однако в постоянно меняющемся цифровом мире и с увеличением числа злоупотреблений свободой сети Интернет появляются исключения из правил защиты, предоставляемой первой поправкой.

С 2001 г. в США действует «Акт о защите детей в Интернете», согласно которому ограничен доступ к некоторым интернет-ресурсам, содержащим информацию непристойного характера в общественных местах⁸. В 2010 г. была разработана «Стратегия национальной безопасности США», где в качестве одной из основных угроз указаны широкомасштабные кибератаки и в связи с этим правоохранительные органы США обязаны принимать необходимые меры для защищенности киберпространства в целях защиты прав граждан, экономики, торгов-

регуляторов и экспертов / отв. ред. М.Б. Касенова; сост. О.В. Демидов и М.Б. Касенова. – М.: Статут, 2013. – С. 45-46. [Kiberbezopasnost' i upravlenie internetom: Dokumenty i materialy dlja rossijskikh reguljatorov i jekspertov (Cybersecurity and Internet Governance: Documents and Materials for Russian Regulators and Experts) / Ed. M.B. Kasenova; Comp. O.V. Demidov, M.B. Kasenova. Moscow: Statut, 2013. Pp. 45-46.]

⁷ См.: Поправки к Конституции США. Билль о Правах (1791) Поправка I (1791).

⁸ Children's Online Privacy Protection Act (COPPA) of 1998, via Federal Trade Commission.

ли, инфраструктуры жизнеобеспечения⁹. В США действует Закон о мошенничестве и злоупотреблении с использованием компьютеров – основной нормативно-правовой акт, устанавливающий уголовную ответственность за преступления в сфере компьютерной информации¹⁰. Интересна также и борьба за так называемый «принцип сетевого нейтралитета», предполагающий, что провайдеры не могут по-разному относиться к тем или иным сайтам или видам трафика – к примеру, блокировать его или брать отдельную плату за увеличение скорости доступа к какому-то сайту: будучи предложенным в 2008 г. крупными корпорациями, включая Google, этот принцип был закреплен Федеральной комиссией по коммуникациям США (FCC) в феврале 2015 г., вызвав при этом недовольствие все тех же корпораций в связи с изменившейся обстановкой, и был отменен в 2017 г.¹¹ В 2015 г. Федеральная комиссия по связи США объявила Интернет «телекоммуникационным», а не «информационным» ресурсом, чтобы его было легче регулировать и создать равные условия для следующего поколения предпринимателей. Но наблюдатели и пресса США, по свидетельству *Associated Press*, расценили этот шаг как «открывающий новую эпоху правительственного надзора в отрасли, где его было сравнительно мало»¹².

Однако следует отметить тот факт, что США, вместе с усилением контроля над се-

тью Интернет своей страны, не забывают о «содействии свободе интернета» в мире¹³. Более того, до недавнего времени ключевым моментом современного режима управления сетью Интернет является лидирующее положение в нем США благодаря эксклюзивным контрольным функциям по отношению к пространству имен и адресов Интернета и контрактным отношениям с ICANN и рядом других специализированных организаций. Конечно сейчас эта ситуация изменилась в связи со скандалом с бывшим сотрудником Агентства национальной безопасности США Эдвардом Сноуденом, который раскрыл конфиденциальные сведения американских спецслужб относительно тайной слежки за странами. Его действия стали катализатором для перемен. Так, президент ICANN Фади Шехадэ использовал разоблачения Сноудена как предлог объявить о том, что Корпорации интернета пора освободиться от американского влияния, став международной организацией (с 1 октября 2016 года ICANN не находится под надзором правительства США), а Бразилия и Германия официально представили в ООН проект резолюции о недопустимости электронного шпионажа¹⁴.

Франция – одна из стран, с самого начала выступающая за регулирование Интернета на государственном уровне. Еще в 2000 г. Национальная ассамблея Франции проголосовала за принятие законопроекта об обязательной регистрации владельцев всех веб-сайтов страны и об уголовной ответственности провайдеров за предоставление хостинга неидентифицированным пользователям¹⁵.

⁹ См.: National Security Strategy of the United States. May 2010. Washington, DC. Mode of access: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf

¹⁰ См.: Официальный сайт ФБР. Режим доступа: <http://fbi.gov/lasvegas/press-releases/2011/sixteen-persons-charged-in-international-internet-fraud-scheme>

¹¹ В США отменили принцип «сетевого нейтралитета», введенный при Обаме (In the United States, the Principle of «Net Neutrality» Introduced under Obama Was Abolished) / Meduza, 2017. Режим доступа: <https://meduza.io/news/2017/12/14/v-ssha-otmenili-printsip-setevogo-neytraliteta-zakreplennyu-v-2015-godu>

¹² Власти США упростили регулирование интернета // Взгляд, 2015 [US Authorities Have Simplified Internet Regulation // *Vzglyad*, 2015]. Режим доступа: <https://vz.ru/news/2015/2/26/731722.html>

¹³ См.: Двойной сетевой стандарт США выявляет их лицемерность // газета «Жэньминьжибао» [US Double Network Standard Reveals Their Hypocrisy // *Renminjibao Newspaper*]. Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/95181/7909174>

¹⁴ См.: В ООН представлен проект резолюции о недопустимости электронного шпионажа / *Вестни.RU* [The UN Submitted a Draft Resolution on the Inadmissibility of Electronic Espionage / *Vesti.RU*]. Режим доступа: <http://www.vesti.ru/videos?vid=551195&cid=780>

¹⁵ Анисимова А.С. Анализ правотворческой политики зарубежных стран в сфере регулирования интернет-отношений // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2014. – № 5. [Anisimova, A.S. Analiz pravotvorcheskoj

Одним из органов, регулирующим отношения в сети Интернет, выступает Министерство народного образования¹⁶. Им осуществляется внедрение централизованных фильтров, которые ограничивают доступ к информации, запрещенной на территории Франции. Фильтрация осуществляется на основании двух «чёрных списков» Интернет-ресурсов: первый включает порнографические ресурсы; второй список состоит из расистских и антисемитских ресурсов.

С 2009 г. во Франции действует Закон о борьбе с пиратством в сети Интернет. В марте 2011 г. французский парламент одобрил суверый законопроект *Loppsi 2*, регулирующий вопросы внутренней безопасности в стране на период до 2013 г. включительно. Контролирующим органом выступает Высший комитет по распространению произведений искусства и защите авторских прав в Интернете, одним из полномочий которого является «слежка» за гражданами. Все данные собираются и легально отправляются в большие общенациональные базы¹⁷. Предусматривается тесное сотрудничество провайдеров сети с государственными структурами.

15 февраля 2011 г. Конституционным Советом Франции принят закон «О безопасности Интернета», направленный на обеспечение внутренней безопасности страны¹⁸. Закон, в частности, предусматривает

politiki zarubezhnykh stran v sfere regulirovaniia internet-otnoshenii (Analysis of Lawmaking in Foreign Policy the Regulation of Internet Relationships) // *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi iuridicheskoi akademii*, 2014, No. 5.]

¹⁶ См.: Фильтрация и блокирование интернет-контента: мировой опыт // Риа-Новости [Internet Content Filtering and Blocking: Worldwide Experience // *RIA Novosti*]. Режим доступа: <http://ria.ru/spravka/20120711/697151590.html#ixzz2fndemnM7>

¹⁷ См.: Правый мир «Информационный портал». Франция: Тоталитарный закон Loppsi 2 [Right World "Information Portal". France: Totalitarian Law Loppsi 2]. Режим доступа: <http://right-world.net/news/312>

¹⁸ См., например: Фильтрация и блокирование интернет-контента: мировой опыт // Риа-Новости [Internet Content Filtering and Blocking: Worldwide Experience // *RIA Novosti*]. Режим доступа: <http://ria.ru/spravka/20120711/697151590.html#ixzz2fndemnM7>

введение следующих мер регулирования и контроля сети: осуществление обязательной фильтрации сети Интернет для пресечения распространения информации запрещенной на территории государства, а также незамедлительного блокирования ресурсов по представлению МВД Франции без необходимости представления судебного решения; введение уголовной ответственности за кражу и использование персональных данных в сети Интернет; легализацию удаленной установки полицейскими подразделениями на компьютеры лиц, подозреваемых в совершении преступлений, специальных программ, позволяющих регистрировать и передавать в полицию данные о действиях, совершаемых пользователями персональных компьютеров (только по решению суда)¹⁹.

На наш взгляд, правовое регулирование данной сферы во Франции имеет положительные черты, поскольку привлечение к ответственности всех субъектов Интернет-отношений подталкивает пользователей к самоцензуре, что выступает большим шагом на пути к безопасной сети. Вместе с тем, Франция вынуждена пересматривать свое отношение к вопросам соотношения свободы слова и национальной безопасности. Череда терактов, прокатившаяся по Франции в январе 2015 г. (атака на редакцию сатирического еженедельника *Charlie Hebdo*, захват заложников в Париже и Даммартен-ан-Гоэль²⁰) после издания серии карикатур на пророка Магомета, заставило французское правительство и ученых-правоведов задуматься над указанными вопросами. Время покажет, какие меры будут приняты и ска-

¹⁹ Правовая жизнь современного российского общества: уровни, срезы, сегменты / (Анисимова А. С. и др.); под ред. А.В. Малько. – Москва: Юрлитинформ, 2016. – 354 с. [Pravovaya zhizn sovremennogo rossijskogo obshchestva: urovni, srezy, segmenty (Legal Life of Modern Russian Society: Levels, Sections, Segments) / (Anisimova A.S. and oth.) ed. by A.V. Malko. Moscow. Yurлитinform, 2016. 354 p.]

²⁰ См.: Патриарх Кирилл: терроризм и насилие недопустимы, как и кощунство // Риа-Новости, 25.01.2015 [Patriarch Kirill: Terrorism and Violence are Unacceptable, as Blasphemy // *RIA Novosti*, 25.01.2015]. Режим доступа: <http://ria.ru/religion/20150125/1044178924.html#ixzz3UTBEkiad>

жуются ли события начала 2015 г. на французском законодательстве, регулирующем виртуальное пространство, однако представляется, что влияние оно окажет²¹.

Kumai в настоящее время остается страной с самыми суровыми правилами государственного регулирования сети Интернет, вплоть до узаконенной цензуры и активной пропаганды действующего режима – несмотря на закрепленную в Конституции свободу слова. Органом, регулирующим Интернет-отношения, выступает «Центр контроля за вредной информацией», основной задачей которого является отсеив контента, по каким-либо причинам признанного социально опасным китайским правительством. Контроль заключается в фильтрации результатов поиска, запрете на доступ к некоторым ресурсам, модерации записей на форумах, блогах и других общественных площадках. Кроме того установлены специальные фильтры на все поисковые серверы²², официально запрещен доступ к множеству зарубежных социальных сетей²³. При этом почти каждый третий житель страны имеет доступ во Всемирную сеть, действует более 2 млн сайтов²⁴.

В 2011 г. Министерство обороны Китая официально объявило о создании специальной структуры по контролю над сетью Интернет – «Онлайн армии голубых мундиров», приоритетным направлением их работы выступает защита от киберпреступников.

В сентябре 2013 г. было объявлено о разработке нового законопроекта, установ-

ливающие новые правила регулирования «онлайн-болтовни» и считающиеся частью кампании, направленной против блогеров, журналистов и политической оппозиции²⁵.

Следует отметить, что наряду с подобными мерами ограничения доступа граждан к информации в сети Интернет, в Китае действует система поощрений. Например, в целях противодействия распространения порнографической продукции правительство выплачивает пользователям вознаграждение в размере от 500 юаней (60 долларов) до 2000 юаней (241 доллар) за сигнал о распространении такой информации.

Оценивая систему правового регулирования Интернет-отношений, действующую в Китае, можно отметить ее положительный результат. Столь отлаженный механизм воздействия на сеть Интернет позволяет нейтрализовать информацию, которая может нанести вред человеку и подорвать государственную безопасность²⁶.

Таким образом, мы видим, что сегодня модель саморегулирования глобальной сети не находит применения ни в одной стране мира – каждое государство определяет для себя только уровень вмешательства в сетевую жизнь граждан и методы обеспечения вмешательства, к которым можно отнести системы принудительной фильтрации всего контента на уровне провайдеров (Китай); «черные списки» запрещенных сайтов с противоправным контентом (Франция), позволяющие точно реагировать на меняющуюся среду и блокировать известных нарушителей; блокировка сайтов с нежелательным или противоправным контентом по требованию правоохранительных органов к хостинг-провайдерам и интернет-

²¹ Правовая жизнь современного российского общества: уровни, срезы, сегменты / (Анисимова А. С. и др.); под ред. А.В. Малько. – Москва: Юрлитинформ, 2016. – 354 с. [Pravovaya zhizn sovremennoogo rossijskogo obshchestva: urovni, srezy, segmenty (Legal Life of Modern Russian Society: Levels, Sections, Segments) / (Anisimova A.S. and oth.) ed. by A.V. Malko. Moscow. Yurлитinform, 2016. 354 p.]

²² См.: Российская газета. Федеральный выпуск (суббота) № 5642. 2011 [Rossiskaya Gazeta, 2011, No. 5642]

²³ См.: Российская газета. Федеральный выпуск № 4983. 2009 [Rossiskaya Gazeta, 2009, No. 4983]

²⁴ См.: Российская газета. Федеральный выпуск № 5865. 2012 [Rossiskaya Gazeta, 2012, No. 5865]

²⁵ См.: Китайцев больно ранят слухи // Газета.RU [Rumors Hurt the Chinese Painfully // *Gazeta.RU*]. Режим доступа: <http://www.gazeta.ru/social/2013/09/09/5645017.shtml>

²⁶ Правовая жизнь современного российского общества: уровни, срезы, сегменты / (Анисимова А.С. и др.); под ред. А.В. Малько. – Москва: Юрлитинформ, 2016. – 354 с. [Pravovaya zhizn sovremennoogo rossijskogo obshchestva: urovni, srezy, segmenty (Legal Life of Modern Russian Society: Levels, Sections, Segments) / (Anisimova A.S. and oth.) ed. by A.V. Malko. Moscow. Yurлитinform, 2016. 354 p.]

провайдером. На наш взгляд, пока эффективность регулирования сети Интернет демонстрирует только китайский вариант жесткой фильтрации трафика, неприемлемый однако для стран, где установлен запрет цензуры как один из параметров свободы слова.

Российская Федерация пошла по третьему пути – блокирование сайтов контентом по требованию правоохранительных органов к хостинг-провайдерам и интернет-провайдерам (Федеральный закон № 398-ФЗ от 28 декабря 2013 года «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”»). А с 1 ноября 2017 г. в России вступил в силу «усиливающий закон», обязывающий поисковики исключать из выдачи заблокированные ресурсы, а анонимайзеры и VPN-сервисы – закрывать доступ к запрещенным сайтам²⁷. За нарушение этого закона поисковым системам грозит крупный штраф, а анонимайзерам блокировка на территории РФ. Сам закон о блокировке неоднократно подвергался критике со стороны пользователей сети и экспертов. Интернет-омбудсмен при президенте Дмитрий Мариничев, назвавший законопроект «безумием», отметил невозможность отделить VPN, используемый в коммерческих целях, от VPN, используемого для обхода блокировок²⁸. Более того, опыт Китая, где как упоминалось выше с 2003 г. действует система фильтрации контента «Золотой щит», показывает, что ограничение работы средств для обхода интернет-блокировок не позволяет полностью закрыть доступ пользователей к VPN-сервисам, выходным узлам Тор и другим средствам проксирования тра-

фика²⁹. Это говорит о низкой эффективности предпринимаемых в России мер по фильтрации Интернет-контента и диктует необходимость искать другие пути решения этой задачи.

Процедура сравнения по вопросу об электронном управлении различных государств связана традиционно с процессами формирования и развития национальных электронных правительств. Оценка эффективности этого процесса проводится ООН раз в два года посредством составления рейтинга стран по уровню развития электронного правительства. В опубликованном 29 июля 2016 г. рейтинге, Россия заняла 35 место, опустившись на 8 пунктов по сравнению с 2014 г. 27 место, на которое Россия поднялась еще в 2012 г., является достаточно высоким (особенно по сравнению с 2010 г., когда она занимала 59 место)³⁰.

Чтобы поправить сложившуюся ситуацию, стоит, во-первых, проанализировать критерии оценки и динамику изменения рейтинга; во-вторых, обратиться к опыту государств, постоянно занимающих высокие места в указанном рейтинге (Великобритания, Германия).

Падение места Российской Федерации в общем рейтинге, как и его рост в 2012 г., обусловлены изменениями следующих индексов: индекс телекоммуникаций, индекс онлайн-услуг, индекс человеческого капитала (вместе – композитный индекс развития электронного правительства, на основе которого строится рейтинг ООН). Рассмотрим динамику на примере индекса онлайн-услуг. В индексе телекоммуникационной инфраструктуры, который рассчитывается на основе 5 показателей,

²⁷ Президент России подписал закон о запрете анонимайзеров // d-russia.ru. 2017, 31 июля. [The President of Russia Signed the Law Banning Anonymizers] Режим доступа: <http://www.the-village.ru/village/city/instruction/275986-blokirovka-anonimayzerov>

²⁸ См.: Закон об анонимайзерах: как их будут блокировать и что с этим делать / The Village, 2017 [Law on Anonymizers: How They Will Be Blocked and What to Do about It / The Village, 2017]. Режим доступа: <http://www.the-village.ru/village/city/instruction/275986-blokirovka-anonimayzerov>

²⁹ Президент России подписал закон о запрете анонимайзеров // d-russia.ru. 2017, 31 июля. [The President of Russia Signed the Law Banning Anonymizers] Режим доступа: <http://www.the-village.ru/village/city/instruction/275986-blokirovka-anonimayzerov>

³⁰ Опубликован новый рейтинг ООН развития электронного правительства / Институт развития информационного общества: официальный сайт [New UN Ranking of E-Government Development Is Published / Institute of the Information Society]. Режим доступа: <http://www.iis.ru/content/view/795/91/>

собираемых Международным союзом электросвязи, динамика аналогична.

Индекс онлайн-услуг рассчитывается на основе результатов обследования официальных правительственных порталов и веб-сайтов. Внедрение единого портала государственных и муниципальных услуг в совокупности с раскрытием информации о деятельности органов власти на официальных сайтах, начиная с 2012 г. обеспечило России стремительный рост в рейтинге именно за счет индекса онлайн-услуг. Дальнейшее развитие портала государственных и муниципальных услуг позволило сохранить высокие позиции в рейтинге и в 2014 г. Но в этот же период поменялась методика ООН для обследования официальных сайтов, в которую были введены и расширены критерии, связанные с современными тенденциями развития электронных правительств, – открытые данные и электронное участие граждан в управлении стали рассматриваться как важная часть услуг электронного правительства. Возникла насущная необходимость принципиального изменения отношения к самой сути понятия электронного правительства не просто как к использованию информационных технологий для предоставления государственных и муниципальных услуг. Этой переоценки в России не произошло, а потому ее стали обгонять другие страны.

Анализ рейтинга позволяет установить факт, что в первой десятке рейтинга находятся страны, принявшие и реализующие проекты цифровой трансформации своих систем государственного управления, внедряющие у себя таким образом технологий электронного правительства нового поколения – цифрового правительства³¹.

³¹ Под цифровым правительством будем понимать правительство, создаваемое и действующее так, чтобы использовать преимущества цифровых данных при оптимизации, трансформации и создании государственных услуг. Данное определение компании «Гартнер» приводится в аналитическом докладе «Цифровое правительство 2020: Перспективы для России» [Analytical Report “Electronic Government 2020: Prospects for Russia”] / IIS. Режим доступа: <http://www.iis.ru/docs/DigitalGovernmentRussia2020RUS.pdf>

На первое место в рейтинге ООН в 2016 г. вышла Великобритания, ставшая пионером внедрения цифровых государственных услуг. Обратимся к ее опыту.

1 марта 2017 г. Великобритания представила стратегию развития цифровых технологий (*Digital Strategy*) – документ включает семь направлений, по которым страна намерена развивать «ведущую цифровую экономику» в мире³². Среди этих направлений присутствует и «Цифровое правительство – поддержание Великобритании в качестве мирового лидера в обслуживании своих граждан в Интернете».

Цифровое правительство Великобритании основывается на концепции «Правительство как платформа», обеспечивающей наиболее активное отдельных компонентов на базе общей платформы. При этом планируется отказаться от крупного единственного поставщика и многолетних ИТ-контрактов; разработать и опубликовать стандарты и руководства по компонентам, платформам и техническим возможностям; снять барьеры для изучения и использования государственных платформ и их компонентов внешними разработчиками; повысить вовлеченность граждан в использование системы, обеспечивающей их единой учетной записью для доступа к электронным государственным услугам; провести ревизию устаревшего контента и пр. Также декларируется использование новейших технологий (облачное программное обеспечение, блокчейн, bigdata) там, где это правильно, – вместо устаревших, но уже привычных.

Для достижения заявленных в *Digital Strategy* требований, 9 февраля 2017 г. принята новая Стратегия трансформации правительства до 2020 г.³³, направленная на повышение скорости, удобства и качества оказания государственных услуг. Стратегия трансформации правительства призвана изменить общие методы доставки услуг, для чего в ней заявлены три основных компонента:

³² GOV.UK: официальный портал правительства Великобритании. Режим доступа: <https://www.gov.uk/government/publications/uk-digital-strategy/uk-digital-strategy#contents>.

³³ Ibid

1. Трансформация всех общедоступных сервисов – с целью дальнейшего повышения их удобства для граждан, бизнеса и пользователей госсектора.

2. Полная трансформация департаментов – приведет к гибкому исполнению целевых задач, улучшит кросс-канальное предоставление услуг, повысит эффективность.

3. Внутренняя трансформация правительства, которая не обязательно внешне повлияет на публичные сервисы, но жизненно необходима для лучшего взаимодействия частей госаппарата и для осуществления «цифровых» преобразований³⁴.

В целом Стратегия трансформации правительства рассчитана на то, что пользователи получат услуги, отвечающие их требованиям; правительство сможет максимально быстро реагировать на запросы граждан; повысится доверие граждан к правительству в части хранения и распоряжения их персональными данными; будут построены безопасные системы, устойчивые к киберугрозам на любом этапе цифровой трансформации.

Следовательно, можно констатировать, что в Великобритании запущен процесс трансформации правительства «из организации, предоставляющей продукты и услуги, опирающиеся на данные, в организацию, в первую очередь, руководствующуюся своими данными и использующую такие данные не только для предоставления существующих продуктов и услуг, но и для создания новых»³⁵.

Отдельно хотелось бы также отметить, что для того, чтобы помочь гражданам, которые имеют недостаточные цифровые навыки, британское правительство намерено предоставить им бесплатное обучение. В обучении взрослых и детей будут участвовать и орга-

низации частного сектора, такие как *Google*, банки *Lloyds Banking Group*, *Barclays*³⁶. Мы обратили внимание на этот пункт *Digital Strategy* Великобритании не случайно. Дело в том, что все усилия по цифровизации экономики и правительственного управления будут напрасны, если население не готово «принять» их, пользоваться новыми сервисами и платформами, а некомпетентные в информационной сфере чиновники будут не в состоянии обеспечивать технический прогресс, более того, будут его тормозить.

В связи с этим, представляет интерес опыт Германии, традиционно занимающей высокие места в рейтинге развития электронного правительства (поднялась в общем рейтинге 2016 г. на 6 пунктов). Началом развития электронного правительства в Германии считают 1998 г. И с самого начала одним из главных пунктов реализации немецкого электронного правительства стало повышение компьютерной грамотности населения, включенное в проект *Media@Komm*. Еще в 2000 г. канцлер Германии Герхард Шредер в своем обращении к парламенту на тему «Жизнь, обучение и работа в информационном обществе» отметил в качестве важнейшего шага на пути к формированию электронного правительства то, что навыки пользования интернетом должны стать частью общего образования. В результате в ходе реализации проектов по развитию электронного правительства, власти ФРГ получили также и общественную среду, подготовленную к новшествам и трансформации к цифровому виду.

Сегодня главным веб-ресурсом, обеспечивающим гражданам и предприятиям Германии онлайн-доступ к правительственным структурам и сервисам, считается портал www.bund.de. 17 июня 2013 г. Федеральный Совет ФРГ (*Bundesrat*) одобрил закон «О поддержке электронного правительства

³⁴ Правительство Британии становится на путь цифровой трансформации // d-russia.ru. – 2017, 15 февр. [The British Government is on the Path of Digital Transformation // d-russia.ru, 2017, 15 Feb] Режим доступа: <http://d-russia.ru/pravitelstvo-britanii-stanovitsya-na-put-tsifrovoy-transformatsii.html>

³⁵ Аналитический доклад «Цифровое правительство 2020: Перспективы для России» [Analytical Report “Electronic Government 2020: Prospects for Russia”] / ИИС. Режим доступа: <http://www.iis.ru/docs/DigitalGovernmentRussia2020RUS.pdf>

³⁶ Власти Великобритании опубликовали стратегию развития цифровых технологий / d-russia.ru, 2017, 3 марта [The UK Authorities Have Published a Strategy for the Development of Digital Technologies / D-Russia, 2017, March 3]. Режим доступа: <http://d-russia.ru/vlasti-velikobritanii-opublikovali-proekt-strategii-razvitiya-tsifrovoyh-tehnologij.html>

(электронного управления)», сокращенно *E-Government-Gesetz*, а 17 сентября 2014 г. была принята программа «Цифровое управление 2020» (*Digitale Verwaltung 2020*), ориентированная на полную «оцифровку» работы правительства, эффективную электронную административную работу в федеральном правительстве совместно с муниципалитетами, простые, быстрые процедуры взаимодействия на всех уровнях государственных служб, уменьшение ненужной бюрократии; создание единого свободного пространства для граждан и предприятий.

Как видим, просто дальнейшего наращивания количества оказываемых государственных услуг и развития инфраструктуры в современном мире уже недостаточно. Необходимо в принципе пересматривать концепцию государственного управления, ориентируя правительство прежде всего на работу с данными, превращая его в цифровую организацию, а также реализовывать программы повышения грамотности населения и госслужащих. Понимания этого в Российской Федерации еще не произошло, потому что в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 гг., утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203³⁷, все еще встречаются пункты вроде такого: «Применение в органах государственной власти Российской Федерации новых технологий, обеспечивающих повышение качества государственного управления». То есть законодатель до сих пор воспринимает информационные технологии всего лишь как дополнительный инструмент государственного управления, отказываясь при этом менять саму его структуру.

Последним в нашей компаративной процедуре является несомненно важнейший из вопросов, зачастую стоящий во главе угла при развитии информационного обще-

ства, – речь идет об основных направлениях правовой политики в сфере обеспечения информационной безопасности, в том числе (и в первую очередь!) в сети Интернет.

Говоря о безопасности чего-либо, необходимо рассматривать две составляющие этого понятия: безопасность как состояние защищенности объекта (в нашем случае информации) от внешних угроз и безопасность как безвредность самого объекта для окружающих. В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646)³⁸, которая выступает основным стратегическим документом, определяющим государственную политику в этой области, закрепляется подход к определению информационной безопасности государства как к состоянию защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, а среди средств обеспечения информационной безопасности присутствуют и правовые, направленные на совершенствование механизмов регулирования общественных отношений, возникающих в информационной сфере. Доктрина информационной безопасности также определяет в качестве стратегических направлений обеспечения информационной безопасности следующие:

- соблюдение конституционных прав и свобод человека и гражданина в области получения информации и пользования ею, обеспечение духовного обновления России, сохранение и укрепление нравственных ценностей общества, традиций патриотизма и гуманизма, культурного и научного потенциала страны;

- информационное обеспечение государственной политики Российской Федерации, связанное с доведением до российской и международной общественности достоверной информации о государственной политике Российской Федерации, ее официальной позиции по социально значимым событиям российской и международной жизни, с обеспечением доступа граждан к открытым государственным информационным ресурсам;

³⁷ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы / Сайт Президента России, 2017 [On the Strategy for the Information Society Development in the Russian Federation for 2017-2030 / Website of the President of Russia, 2017]. Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/bank/41919/page/1>

³⁸ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 50, ст. 7074.

– развитие современных информационных технологий, отечественной индустрии информации, в том числе индустрии средств информатизации, телекоммуникации и связи, обеспечение потребностей внутреннего рынка ее продукцией и выход этой продукции на мировой рынок, а также обеспечение накопления, сохранности и эффективного использования отечественных информационных ресурсов;

– защита информационных ресурсов от несанкционированного доступа, обеспечение безопасности информационных и телекоммуникационных систем, как уже развернутых, так и создаваемых на территории России.

Однако стратегические документы должны обновляться каждые шесть лет, а потому отслеживание развития схожих направлений в мировом сообществе несомненно остается актуальным. Тем более если учитывать, что процесс поиска удачных правовых конструкций в данной сфере нельзя считать завершенным ни в одном государстве мира. Виртуальное пространство как среда коммуникации имеет ряд особенностей, связанных с ее глобальностью, отсутствием границ, интерактивностью, относительной анонимностью, поэтому некоторые вопросы могут быть решены только на уровне международных организациях и уже не первый год идет речь о гармонизации национальных законодательств в сфере информационной безопасности.

Подобные нашей Доктрине информационной безопасности стратегические документы приняты и в других странах.

Так, в США таким стратегическим документом остается «Международная стратегия США для киберпространства», утвержденная в 2011 г. Б. Обамой. Этот документ базируется на трех принципах: свободе самовыражения, неприкосновенности частных данных, свободном доступе к информации. Вышеназванная стратегия для киберпространства уделяет особое внимание нормам международного права, подчеркивая, что существующие подобные нормы мирного поведения и разрешения конфликтов вполне применимы и в киберпространстве. При этом в ней признается, что следует порабо-

тать для того, чтобы понять, как и в каком виде эти нормы следует применять³⁹.

В Международной стратегии США для киберпространства декларируются три основных направления, которых придерживаются американцы в отношении обеспечения кибербезопасности: улучшение международных дипломатических отношений, отражение и предотвращение нападений посредством улучшения систем защиты, содействие всеобщему процветанию и безопасности посредством инвестиций в их развитие. Также здесь подробно раскрываются семь приоритетных направлений развития безопасной, надежной и доступной сети Интернет:

- продвижение международных стандартов и поддержка открытых рынков в целях экономического роста;

- повышение безопасности, надежности и отказоустойчивости глобальных сетей;

- развитие сотрудничества в правоприменительной сфере и обеспечение соблюдения законов;

- готовность вооруженных сил к противостоянию угрозам в киберпространстве;

- создание эффективных структур управления Интернетом;

- наращивание возможностей повышения безопасности и процветания;

- построение в Интернете системы фундаментальных свобод и прав на частную собственность⁴⁰.

В рамках реализации стратегии за прошедшее время в США было запущено несколько программ с учетом усиления описанных угроз, причем рост количества инициатив по обеспечению безопасности здесь стимулирует возрастающее количество угроз. Например, был повышен статус так называемого киберподразделения Пентагона, которому значительно расши-

³⁹ См.: Чарльз Барри о подходах США и НАТО в области международной информационной безопасности // *d-russia.ru*. – 2015, 1 мая. [Charles Barry on the Approaches of the United States and NATO in the Field of International Information Security // *d-russia.ru*, 2015, May 1] Режим доступа: <https://digital.report/charlz-barri-o-podhodah-ssha-i-nato-v-oblasti-mezhdunarodnoy-informatsionnoy-bezopasnosti/>

⁴⁰ Ibid.

рили полномочия и вывели из-под контроля Агентства национальной безопасности (АНБ), а в конце 2017 г. Палата представителей большинством голосов приняла проект закона по созданию Агентства по кибербезопасности и безопасности инфраструктуры, главной задачей которого станет защита и повышение безопасности и устойчивости кибербезопасности США, связи в случае чрезвычайных ситуаций и критически важной инфраструктуры⁴¹.

В целом, анализ основного стратегического документа США в сфере информационной безопасности и их дальнейших действий (в составе НАТО) в последнее время говорят об усилившемся внимании к кибернетическому противостоянию.

В отличие от США, китайские стратегические документы в сфере информационной безопасности придерживаются политики «мягкой силы» и невмешательства в дела других государств. Вообще, в Китае существует целый ряд документов, определяющих стратегию государства в области информационной безопасности: Стратегия развития информатизации на 2006-2020 гг. (утверждена в 2006 г.), Государственная стратегия по развитию информатизации (утверждена в 2016 г.), Закон КНР о кибербезопасности (принят в 2016 г.)⁴². Принятие в 2016 г. пакета важных стратегических документов в Китайской Народной Республике свидетельствует о том, что кибербезопасность постепенно стала важнейшим аспектом национальной безопасности государства.

В целом стратегические документы в качестве основных принимают концепции

«активной обороны» и «симметричного ответа на возникающие вызовы»; декларируют принципы мира, открытости, безопасности и сотрудничества; продвигают идеи «здорового информационного общества», «развития интернет культуры в Китае», «строительства информационной площадки для социализма с китайской спецификой»; заявляют, что китайское политическое руководство единолично управляет собственным информационным пространством (государственные структуры на разных уровнях власти получают обширные полномочия в области контроля над Интернетом). Курс Китайской Народной Республики в области информационной безопасности можно разделить на внутренний и внешний. К первому направлению относится ограничение доступа к определенным информационным и новостным интернет ресурсам (запрет на внешние социальные сети), запрет на использование иностранного программного обеспечения и средств передачи голосовых и текстовых сообщений, тотальный контроль над социальными сетями и интернет-трафиком в целом. К внешнему направлению политического курса в области кибербезопасности КНР относятся кибератаки и прочие действия специализированных государственных подразделений в информационной сфере для нанесения ущерба или повреждения критически важной инфраструктуры сил противника в случае вероятной информационной войны или конфликта.

Имея огромный опыт в области воздействия на сеть Интернет, позволяющий нейтрализовать информацию, которая может нанести вред человеку и подорвать государственную безопасность, Китай предлагает свой опыт и для мирового сообщества. Так, 6 декабря 2012 г. в ходе конференции Международного союза электросвязи (далее – МСЭ) в Дубае по инициативе Китая был официально утвержден стандарт Y.2770 по глубокой инспекции пакетов (*Deep Packet Inspection, DPI*).

Среди стран Евросоюза распространен подход к информационной безопасности с позиций защиты интересов страны и инновационного развития экономики. Особенно ярко это выражается в законодательстве по

⁴¹ В США создадут агентство по кибербезопасности (In the United States a Cyber Security Agency will be Established) / d-russia.ru, 2017, 12 дек. Режим доступа: <https://digital.report/v-ssha-sozhdadut-agentstvo-po-kiberbezopasnosti/>

⁴² Разумов Е.А. Политика КНР по обеспечению кибербезопасности // Россия и АТР. – 2017. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/politika-knr-po-obespecheniyu-kiberbezopasnosti> [Razumov, E.A. Politika KNR po obespecheniju kiberbezopasnosti (China's Cybersecurity Policy) // *Rossija i ATR*, 2017. Mode of access: <https://cyberleninka.ru/article/v/politika-knr-po-obespecheniyu-kiberbezopasnosti>]

информационной безопасности Финляндии, где кибербезопасность воспринимают как проблему экономического характера, мешающую развитию финского информационно общества⁴³.

Таким образом, мы видим, что Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, являясь логичной реакцией на политику стран Североатлантического Альянса в отношении информационной безопасности, созвучна аналогичным иностранным документам.

Заключение

Проведенное сравнение национальных законодательств различных стран по отдельным вопросам информационного права (информационные права и свободы; электронное управление; информационная безопасность) представляется актуальным и полезным в свете процесса развития информационного общества.

Реализация основных прав и свобод граждан в информационной сфере занимает особое место среди национальных интересов большинства государств. При этом все права личности могут быть ограничены правами и свободами других лиц. Ограничения в информационной сфере рассмотрены нами на примере сравнения методов управления контентом глобальной сети в отдельных государствах – от когда-то полностью свободного Интернета в США до жесткой узаконенной цензуры и фильтрации интернет-трафика в Китае. Основной вывод в данной области – сегодня модель саморегулирования глобальной сети не находит применения ни в одной стране мира: государство опреде-

ляет для себя только уровень вмешательства в сетевую жизнь граждан и методы обеспечения вмешательства.

Что касается электронного управления в различных государствах, то в этом случае речь идет о переходе от концепции «электронного правительства» к модели «цифровое правительство», связанного с преобразованием всей структуры государственного управления. Здесь ценен опыт Великобритании, где реализуется проект «Правительство как платформа», и Германии, где построение «электронного правительства» в принципе начиналось с повышения информационной культуры граждан и служащих.

Вопросы информационной безопасности сегодня выходят на первое место в большинстве государств и международных организаций, ведь воздействие на социум при помощи информации может быть гораздо эффективнее, чем прямые угрозы. В целом, направления обеспечения информационной безопасности во всех странах похожи, что получило отражение в том числе и в российских документах стратегического характера по этому вопросу.

Литература:

Аналитический доклад «Цифровое правительство 2020: Перспективы для России» / ИИС. Режим доступа: <http://www.iis.ru/docs/DigitalGovernmentRussia2020RUS.pdf>

Анисимова А. С. Анализ правотворческой политики зарубежных стран в сфере регулирования интернет-отношений // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2014. – № 5.

Динамика институтов информационной безопасности. Правовые проблемы. Сб. науч. трудов / Отв. ред. Т.А. Полякова, В.Б. Наумов, Э.В. Талапина. – М.: ИП РАН – Изд-во «Канаон+» РООИ «Реабилитация», 2018. – 264 с.

Кибербезопасность и управление интернетом: Документы и материалы для российских регуляторов и экспертов / отв. ред. М.Б. Касенова; сост. О.В. Демидов и М.Б. Касенова. – М.: Статут, 2013.

Мосин О.В. Права человека в Конституции Франции / ЮрКлуб, 2008. Режим доступа: <http://www.yurclub.ru/docs/other/article117.html>

Мучаев А. Доктрина информационной безопасности: как относятся к киберугрозам в других странах // *Госиндекс*. – 2016, 7 дек. Режим доступа: <http://gosindex.ru/doktrina-informatsionnoj-bezopasnosti-kak-otnosyatsya-k-kiberugrozam-v-drugih-stranah/>

Правовая жизнь современного российского общества: уровни, срезы, сегменты / (Анисимова А.С. и др.); под ред. А.В. Малько. – Москва: Юрлитинформ, 2016. – 354 с.

Разумов Е.А. Политика КНР по обеспечению кибербезопасности // Россия и АТР. – 2017. Режим до-

⁴³ Мучаев А. Доктрина информационной безопасности: как относятся к киберугрозам в других странах // *Госиндекс*. – 2016, 7 дек. Режим доступа: <http://gosindex.ru/doktrina-informatsionnoj-bezopasnosti-kak-otnosyatsya-k-kiberugrozam-v-drugih-stranah/> [Muchaev, A. Doktrina informacionnoj bezopasnosti: kak odnosjatsja k kiberugrozam v drugih stranah (Information Security Doctrine: How Do Cyber Threats Relate to Other Countries?) // *Gosindex*, 2016, 7 Dec. Mode of access: <http://gosindex.ru/doktrina-informatsionnoj-bezopasnosti-kak-otnosyatsya-k-kiberugrozam-v-drugih-stranah/>]

стуга: <https://cyberleninka.ru/article/v/politika-knr-po-obespecheniyu-kiberbezopasnosti>

Чарльз Барри о подходах США и НАТО в области международной информационной безопасности // d-russia.ru. – 2015, 1 мая. Режим доступа: <https://digital.report/charlz-barri-o-podhodah-ssha-i-nato-v-oblasti-mezhdunarodnoy-informatsionnoy-bezopasnosti/>

References:

Analiticheskij doklad «TSifrovoe pravitel'stvo 2020: Perspektivy dlya Rossii» (Analytical Report “Electronic Government 2020: Prospects for Russia”) / IIS. Mode of access: <http://www.iis.ru/docs/DigitalGovernmentRussia2020RUS.pdf>

Anisimova, A.S. Analiz pravotvorcheskoj politiki zarubezhnykh stran v sfere regulirovaniia internet-otnoshenii (Analysis of Lawmaking in Foreign Policy the Regulation of Internet Relationships) // Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoy iuridicheskoi akademii, 2014, No. 5.

Dinamika institutov informacionnoj bezopasnosti. Pravovye problemy. Sb. nauch. trudov (Dynamics of Information Security Institutions. Legal Issues) / Ed. T.A. Poljakova, V.B. Naumov, Je. V. Talapina. Moscow: IGPRAN – IZD-VO «Kanaon+» ROOI «Reabilitacija», 2018. 264 p.

Kiberbezopasnost' i upravlenie internetom: Dokumenty i materialy dlja rossijskih reguljatorov i jekspertov (Cybersecurity and Internet Governance: Documents and Materials for Russian Regulators and Experts) / Ed. M.B. Kasenova; Comp. O.V. Demidov, M.B. Kasenova. Moscow: Statut, 2013.

Mosin, O.V. Prava cheloveka v Konstitucii Francii (Human Rights in the French Constitution) / YurKlub, 2008. Mode of access: <http://www.yurclub.ru/docs/other/article117.html>

Muchaev, A. Doktrina informacionnoj bezopasnosti: kak odnosjatsja k kiberugrozam v drugih stranah (Information Security Doctrine: How Do Cyber Threats Relate to Other Countries?) // Gosindex, 2016, 7 Dec. Mode of access: <http://gosindex.ru/doktrina-informatsionnoj-bezopasnosti-kak-otnosyatsya-k-kiberugrozam-v-drugih-stranah/>

Pravovaya zhizn' sovremennogo rossijskogo obshchestva: urovni, srezy, segmenty (Legal Life of Modern Russian Society: Levels, Sections, Segments) / (Anisimova A.S. and oth.) ed. by A.V. Malko. Moscow. YurLitinform, 2016. 354 p.

Razumov, E.A. Politika KNR po obespecheniju kiberbezopasnosti (China's Cybersecurity Policy) // Rossija i ATR, 2017. Mode of access: <https://cyberleninka.ru/article/v/politika-knr-po-obespecheniyu-kiberbezopasnosti>

Charles Barry o podkhodakh SSHA i NATO v oblasti mezhdunarodnoj informacionnoj bezopasnosti (Charles Barry on the Approaches of the United States and NATO in the Field of International Information Security) // d-russia.ru, 2015, May 1. Mode of access: <https://digital.report/charlz-barri-o-podhodah-ssha-i-nato-v-oblasti-mezhdunarodnoy-informatsionnoy-bezopasnosti>

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10003

LEGAL ASPECTS OF INFORMATION POLICY IN THE MODERN SOCIETY: A COMPARATIVE ANALYSIS

Aleksandr V. Mal'ko

*Saratov Branch of the Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences,
Saratov, Russia*

Oksana L. Soldatkina

*Saratov State Law Academy, Saratov Branch of the Institute
of State and Law of the Russian Academy of Sciences,
Saratov, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 19.03.2018</p> <p><i>Accepted:</i> 01.11.2018</p>	<p>Abstract: The article contains a comparative analysis of the main directions of the information policy of different states in three areas: information rights and freedoms, e-government and information security. Such a comparison is an actual character because the problems of information law are often global, and the legal regulation of information relations has an international component. Based on the results of the comparison of national legislations of different countries conducted in the article on certain issues of the information law, the following conclusions are made. Realization of the basic rights and freedoms of citizens in the information sphere occupies a special place among the national interests of most countries, but the rights of the individual can be limited. Legal restrictions in the information field are considered on the example of comparison of methods of content management of the global network, which are characterized by the state's definition of the level of interference in the network life of citizens and methods of ensuring intervention. Electronic governance in various states is characterized by a transition from the concept of «e-government» to the «digital government» model associated with the transformation of the entire structure of public administration. In this field, the UK experience is valuable, where the “Government as a platform” project is being implemented, and Germany, where the construction of «e-government» basically began with the enhancement of the information culture of citizens and civil servants. Information security today comes out on top in the majority of countries and international organizations. In general, information security trends in all countries are similar, which is reflected in the Russian strategic documents.</p>
<p>About the authors:</p> <p><i>Aleksandr V. Mal'ko</i>, Dr of Law, Professor, Distinguished Researcher of Russia; Director, Saratov Branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences</p> <p>e-mail: i_gp@ssla.ru</p> <p><i>Oksana L. Soldatkina</i>, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Informatics Department, Saratov State Law Academy; Senior Research Associate, Saratov Branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences</p> <p>e-mail: buzum@mail.ru</p>	
<p>Key words:</p> <p>Information-legal policy; information security; Government as Platform; US International Strategy for Cyberspace; Basic Law of the Federal Republic of Germany; Cyber Cybersecurity Law of China; Digital Strategy of Great Britain</p>	

Для цитирования: Малько А.В., Солдаткина О.Л. Информационно-правовая политика в современном обществе: сравнительный анализ // *Сравнительная политика*. – 2019. – № 1. – С. 42-58.
DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10003

For citation: Mal'ko, Aleksandr V.; Soldatkina, Oksana L. Informacionno-pravovaya politika v sovremennom obshchestve sravnitelnyj analiz (Information Legal Policy in the Modern Society: Comparative Analysis) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 1, pp. 42-58.
DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10003

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ООН В ОБЛАСТИ ИНФОРМАЦИИ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Радомир Викторович Болгов

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 11 декабря 2017 <i>Принята к печати:</i> 24 августа 2018</p>	<p>Аннотация: В статье проанализирована политика России в ООН по вопросам информационной безопасности. Рассмотрены основные доктрины и документы, регулирующие политику информационной безопасности в России, а также международно-правовые инициативы России. Кроме того, показана деятельность ООН в данной сфере в качестве контекста для российских инициатив по международной информационной безопасности. Подчеркивается необходимость совместных действий России и ООН по борьбе с угрозами информационной безопасности</p> <p><i>Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 16-18-10315, реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете</i></p>
<p>Об авторе: к.полит.н., доцент, кафедра мировой политики, Санкт-Петербургский государственный университет e-mail: rbolgov@yandex.ru</p>	
<p>Ключевые слова: международная информационная безопасность; кибербезопасность; Интернет; ООН; внешняя политика России; международные организации</p>	

Введение

Тематика кибербезопасности для России становится всё более актуальной. Так, по данным ФСБ, в России в 2016 году зафиксировано более 52 млн кибератак на сайты государственных органов, что втрое больше, чем в 2015 году¹. Влияние русских хакеров на выборы в США стало темой для политических спекуляций. В соответствии с рядом индексов и рейтингов кибербезопасности

(например, *ITU Global Cybersecurity Index*, рейтинг Р. Кларка и Р. Нейка) Россия входит в число лидеров по киберпотенциалу².

Для международных организаций эта тематика также актуальна. У ряда международных организаций появляются собственные цифровые стратегии (ЕС, НАТО, Франкофония, ЕАЭС и др.), и здесь ООН не является исключением. Государства рассматривают международные организации в качестве подходящих платформ для обеспечения национальных интересов в киберпространстве.

Интерес и востребованность выбранного исследовательского направления во

¹ В России в 2016 году зафиксировано более 52 млн кибератак на сайты госорганов // *Ведомости*, 3 марта 2017. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2017/03/03/679830-zafiksirovano-bolee-52-mln-kiberatak> [V Rossii v 2016 godu zafiksirovano bolee 52 mln kiberatak na sajty gosorganov [In Russia in 2016, more than 52 Million Cyber Attacks on Government Websites] // *Vedomosti*, 3rd March 2017. Mode of access: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2017/03/03/679830-zafiksirovano-bolee-52-mln-kiberatak>]

² *ITU Global Cybersecurity Index 2017*. Mode of access: https://www.itu.int/dms_pub/itu-d/opb/str/D-STR-GCI.01-2017-PDF-E.pdf; Clarke, R.; Knake, R. *Cyberwar. The Next Threat to National Security and What to Do about It*. HarperCollins Publishers New York, 2010.

России не вызывает сомнений. В библиометрической базе РИНЦ было найдено более 500 статей по тематике «международная информационная безопасность», при этом публикационная активность продолжает расти. Для уточнения тематической направленности статей автором был проведен анализ динамики публикационной активности с разбивкой на 2 временных отрезка: 2000-2008 гг. и 2009-2016 гг. (по базе РИНЦ). В среднем число опубликованных статей во втором периоде более чем в 3 раза превышает количество публикаций до 2008 г., что свидетельствует о возрастании интереса российского научного сообщества к данной проблематике.

Значительная часть этих работ изучает правовые аспекты международной информационной безопасности³. Так, Р. Хурвигт рассматривает усилия государств по созданию правовых норм в сфере кибербезопасности через структуры ООН и международные коалиции. Кроме того, ряд авторов выступают с позиций практиков-международников, занимающихся данными вопросами в рамках международных организаций⁴.

³ Hurwitz, R. The Play of States: Norms and Security in Cyberspace // *American Foreign Policy Interests*, 2014, Vol. 36, Issue 5, pp. 322-331; Maurer, T. Cyber Norm Emergence at the United Nations: An Analysis of the Activities of the UN Regarding Cybersecurity. Cambridge, MA: Harvard Kennedy School's Belfer Center for Science and International Affairs, 2011. P. 22.

⁴ Бойко С.М. Группа правительственных экспертов ООН по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности: взгляд из прошлого в будущее // *Международная жизнь*. – 2016. – № 8. – С. 53-71. [Boiko, S.M. Gruppya pravitel'stvennykh ehkspertov OON po dostizheniyam v sfere informatizacii i telekommunikacij v kontekste mezhdunarodnoj bezopasnosti: vzglyad iz proshlogo v budushchee (UN Group of Governmental Experts on Developments in the Field of Information and Telecommunications in the Context of International Security: a View from the Past to the Future) // *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 2016, No. 8, pp. 53-71.]; Kane, A. The Rocky Road to Consensus: The Work of UN Groups of Governmental Experts in the Field of ICTs and in the Context of International Security, 1998–2013 // *American Foreign Policy Interests*, 2014,

В рамках данной тематики стоит выделить несколько направлений:

– теоретические аспекты международной информационной безопасности⁵;– деятельность международных организаций, в т.ч. ООН, в деле обеспечения информационной безопасности⁶

Vol. 36, Issue 5, pp. 314-321. DOI: 10.1080/10803920.2014.969175

⁵ Международная информационная безопасность: дипломатия мира. Сборник материалов / Под общ. ред. Комова С.А. – М., 2009. – 272 с. [Mezhdunarodnaya informacionnaya bezopasnost': diplomatiya mira (International Information Security: Diplomacy around the World). Collection of materials, Ed. Komov S.A. Moscow, 2009, 272 p.]; Болгов Р.В. Информационные технологии в современных вооруженных конфликтах и военных стратегиях (политические аспекты). Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / Санкт-Петербургский государственный университет. – СПб, 2011. [Bolgov, R.V. Informacionnye tekhnologii v sovremennykh vooruzhennykh konfliktah i voennykh strategiyah (politicheskie aspekty) (Information Technology in Contemporary Armed Conflicts and Military Strategies (Political Aspects)). Thesis for a PhD degree in Political Science / Saint Petersburg State University. St. Petersburg, 2011.]

⁶ Кванталиани И.Э. Роль международных организаций в деле обеспечения безопасности информационного пространства // Актуальные проблемы современного международного права. Материалы X ежегодной Всероссийской научно-практической конференции. 2012. – С. 26-30. [Kvantaliani, I.E. Rol' mezhdunarodnyh organizacij v dele obespecheniya bezopasnosti informacionnogo prostranstva [The Role of International Organizations in the Security of Information Space]. Aktual'nye problemy sovremennogo mezhdunarodnogo prava. Materialy X ezhegodnoj Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Actual Problems of Modern International Law. Materials of the 10th All-Russian Annual Scientific Conference), 2012. Pp. 26-30.]; Ромашкина Н.П. ООН и международная информационная безопасность // Безопасность и контроль над вооружениями 2015-2016. Международное взаимодействие в борьбе с глобальными угрозами. – Москва, 2016. – С. 273-286. [Romashkina, N.P. OON i mezhdunarodnaya informacionnaya bezopasnost' (The UN and the International Information Security). Bezopasnost' i kontrol' nad vooruzheniyami 2015-2016. Mezhdunarodnoe vzaimodejstvie v bor'be s global'nymi ugrozami (Security and Arms Control 2015-2016. International Cooperation in the Fight

– позиция России по данной проблематике⁷;

– деятельность России в деле обеспечения информационной безопасности в рамках международных организаций, в т.ч. ООН⁸.

Against Global Threats). Moscow, 2016, pp. 273-286.]; Томилова Ю.Н. ООН и проблема обеспечения международной информационной безопасности // *Международная жизнь*. – 2015. – № 8. – С. 73-85. [Tomilova, Y.N. OON i problema obespecheniya mezhdunarodnoj informacionnoj bezopasnosti (The UN and the Problem of Ensuring International Information Security) // *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 2015, No. 8, pp. 73-85.]

⁷ Демидов О.В. Обеспечение международной информационной безопасности и российские национальные интересы // *Индекс безопасности*. – 2013. – № 1 (104). – С. 129-168. [Demidov, O.V. Obespechenie mezhdunarodnoj informacionnoj bezopasnosti i rossijskie nacional'nye interesy (Ensuring International Information Security and National Interests of Russia) // *Indeks bezopasnosti*, 2013, No. 1(104), pp. 129-168.]; Зиновьева Е.С. Анализ внешнеполитических инициатив РФ в области международной информационной безопасности // *Вестник МГИМО-Университета*. – 2014. – № 6 (39). – С. 47-52. [Zinovieva, E.S. Analiz vneshnepolicheskikh iniciativ RF v oblasti mezhdunarodnoj informacionnoj bezopasnosti (Analysis of Russian Foreign Policy Initiatives in the Field of International Information Security) // *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2014, No. 6(39), pp. 47-52.]; Ширин С.С. Российские инициативы по вопросам управления Интернетом // *Вестник МГИМО Университета*. – 2014. – № 6 (39). – С. 73-81. [Shirin S.S. Rossijskie iniciativy po voprosam upravleniya Internetom (Russian Initiatives on Internet Governance) // *Vestnik MGIMO Universiteta*, 2014, No. 6(39), pp. 73-81.]

⁸ Лобанова Е.Н. Некоторые инициативы РФ в ООН по решению проблемы международной информационной безопасности // *Глобализация и проблема войн в современном мире. Сборник статей. Под общ. ред. В.В. Барабаша*. – М., 2011. – С. 29-35. [Lobanova, E.N. Nekotorye iniciativy RF v OON po resheniyu problemy mezhdunarodnoj informacionnoj bezopasnosti (Some Russian Initiatives in the United Nations to Address the Issue of International Information Security). *Globalizatsiya i problema vojn v sovremennom mire. Sbornik statej (Globalization and the Problem of War in the Modern World. Digest of Articles)*. Ed. Barabash V.V. Moscow, 2011. С. 29-35.]; Бойко С.М. Группа правительственных экспертов ООН по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте междуна-

Теоретические основания исследования

Информационную безопасность можно определить как состояние общества, при котором обеспечена надёжная и всесторонняя защита личности, общества и государства в информационном пространстве от воздействия на них особого вида угроз, выступающих в форме организovaných или стихийно возникающих информационных и коммуникационных потоков. Составляющими информационной безопасности являются:

1) состояние безопасности информационного пространства, при котором обеспечивается его формирование и развитие в интересах граждан, организаций и государства;

2) состояние безопасности информационной инфраструктуры, при котором информация используется строго по назначению и не оказывает негативного воздействия на систему (объект) при ее использовании;

3) состояние безопасности самой информации, при котором исключается или существенно затрудняется нарушение таких ее свойств, как конфиденциальность, целостность, доступность.

Международная информационная безопасность определяется ООН как «состояние международных отношений, исключающее нарушение мировой стабильности и создание угрозы безопасности государств и мирового сообщества в информационном пространстве»⁹.

ной безопасности: взгляд из прошлого в будущее // *Международная жизнь*. – 2016. – № 8. – С. 53-71. [Boiko, S.M. Gruppya pravitel'stvennykh ehkspertov OON po dostizheniyam v sfere informatizatsii i telekommunikacij v kontekste mezhdunarodnoj bezopasnosti: vzglyad iz proshlogo v budushchee (UN Group of Governmental Experts on Developments in the Field of Information and Telecommunications in the Context of International Security: a View from the Past to the Future) // *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 2016, No. 8, pp. 53-71.]

⁹ Док. Генеральной Ассамблеи ООН A/55/40, 10 июля 2000; A/55/140/Add. 1, 3 октября 2000 // *Информационные вызовы национальной и международной безопасности*. – М., 2001. – С. 315. [Doc. UN General Assembly A/55/40, 10 July 2000; A/55/40 / Add. 1, October 3. *Informacionnye vyzovy nacional'noj i mezhdunarodnoj bezopasnosti (Information*

В соответствии с Доктриной информационной безопасности РФ (2000) информационная безопасность – это безопасность национальных интересов в информационной сфере. Национальные интересы в информационной сфере определяются совокупностью сбалансированных интересов личности (реализация конституционных прав человека и гражданина на доступ к информации), общества (упрочение демократии, создание правового социального государства, достижение и поддержание общественного согласия), и государства (создание условий для развития информационной инфраструктуры, для реализации конституционных прав и свобод человека, обеспечение незыблемости конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности, политической, экономической и социальной стабильности, в обеспечении законности и правопорядка, в развитии равноправного и взаимовыгодного международного сотрудничества)¹⁰.

Однако существуют различия в подходах к определению понятия «информационная безопасность». В российском законодательстве понятие «информационная безопасность» сводится к «состоянию защищённости информационной среды общества, обеспечивающему её формирование, использование и развитие в интересах граждан, организаций, государства»¹¹. В зарубежных правовых актах (в частности, американских) информационная безопасность определяется не просто как состояние за-

щищённости информационной среды, а как «способность сети или системы противостоять с нужным уровнем надёжности авариям или злонамеренным действиям, которые могут нарушить доступность, целостность и конфиденциальность хранимой и передаваемой информации»¹².

Научные исследования и открытые дискуссии по этим вопросам привели к тому, что значительная часть работ за последние годы разделена на два основных полюса. Представители первого полюса (технологического), такие, как Р. Хандли и Р. Андерсон, в своих работах обсуждают проблемы информационной безопасности и защиты информации в компьютерах и сетях; принципы, лежащие в основе угроз информационной инфраструктуры США¹³. Другой полюс (в частности, Дж. Най, У. Оуэнс) составляют работы, связанные с политическим и идеологическим контекстом происходящих процессов информатизации – информационная стратегия рассматривается как способ выражения «мягкой силы» американских идеологов с целью распространения своего влияния на руководство и население зарубежных стран¹⁴.

Можно выделить два подхода к информационной безопасности в международных отношениях, условно называемые «реалистическим» и «либеральным».

«Реалистический» подход делает акцент на:

1. Увеличение уровня безопасности информационных систем внутри страны,
2. Создание большого количества внутренних сетей, независимых друг от друга и от глобальных сетей,
3. Постоянный мониторинг уровня информационной безопасности потенциальных противников, целенаправленный поиск уязвимостей в их программном обеспечении,

¹² US Federal Information Security Management Act of 2002. Mode of access: http://www.findarticles.com/p/articles/mi_m00BA/is_1_22/ai_n6134858

¹³ Hundley, R.; Anderson, R. Security in Cyberspace: An Emerging Challenge for Society, 1994.

¹⁴ Nye, J.; Owens, W. America's Information Age: The Nature of Power // *Foreign Affairs*, March-April 1996.

Challenges to National and International Security). Moscow, 2001. P. 315.]

¹⁰ Доктрина информационной безопасности РФ (2000) // Развитие информационного общества в России. Том 2. Концепции и программы: Сб. документов и материалов / СПб., 2001. – 228с. [Doktrina informacionnoj bezopasnosti RF (Doctrine of Information Security of the Russian Federation), 2000 // Razvitie informacionnogo obshchestva v Rossii. Tom 2. Konceptii i programmy: Sb. dokumentov i materialov (Development of an Information Society in Russia. Vol 2. Concepts and Applications: Coll. documents and materials). St. petersburg, 2001. 228 p.]

¹¹ Федеральный Закон РФ от 05.03.1992 № 2446-1 «О безопасности». [Federal'nyj Zakon RF "O bezopasnosti" (Federal Law "On Security") (1992), № 2446-1.]

4. Контроль над распространением информации и соответствующих технологий,

5. Разработка средств ведения «информационной войны»,

6. Уменьшение взаимозависимости и открытости государств в информационной сфере.

«Реалистический» подход, по сути, отражает современную политику обеспечения информационной безопасности, проводимую в Китае, США и, в какой-то мере, в России. Принятые в США концепции «информационного превосходства» и «информационного сдерживания» выступают наглядной иллюстрацией применения подобного подхода.

«Либеральный» подход более идеалистичный, и его можно свести к следующему:

1. Увеличение взаимозависимости государств в информационной сфере,

2. Обеспечение общей безопасности через создание сети международных структур и договоров,

3. Либерализация информационных отношений и информационного рынка¹⁵.

Данная концепция предполагает, что отношения между государствами должны строиться в первую очередь на основе взаимного доверия и неуклонного следования заключенным договорам. Априорно предполагается снижение ограничений на распространение информации. К либеральному подходу можно отнести и принятие международных соглашений по проблемам информационной безопасности, в том числе Окинавскую хартию.

Исследование: основная часть

В настоящее время на территории России действует более 40 федеральных законов в области информации, более 80 актов президента, около 200 актов правительства Рос-

сийской Федерации. Однако у России пока что отсутствует отдельная киберстратегия в виде официального документа. Одним из ключевых документов в данной сфере является Доктрина информационной безопасности, первая версия которой была принята в 2000 г., а новая версия – в декабре 2016.

Принятию данной доктрины предшествовал ряд событий на протяжении 1990-х гг. До 2000-х гг. в России практически не существовало ясной государственной позиции по проблеме информационной безопасности. В отличие от подхода, обозначенного США, в российской Доктрине на первое место ставится обеспечение информационной безопасности индивидуального, группового и общественного сознания. В начале 1990-х гг. в России сложилась довольно сложная ситуация с обеспечением информационной безопасности. С одной стороны, либерально настроенные СМИ постоянно критиковали информационную безопасность как таковую, приводя аналогии оруэлловского «Большого Брата». Другая крайность – некоторые политики и эксперты стали придерживаться обскурантистских позиций, полагая, что для обеспечения национальных интересов России в информационном пространстве необходим отказ от открытого общества и от участия в глобализации.

Можно выделить два этапа, предшествовавшие принятию Доктрины информационной безопасности:

1) 1991-1996 гг. – формирование предпосылок и законодательной базы. В этот период был принят Федеральный закон «Об информации, информатизации и защите информации» от 20.02.1995 и ряд других документов. Так же происходит накопление положительного опыта взаимодействия с участием России на международной арене, связанного с обретением новой идентичности участника международных отношений и носителя интересов в информационном пространстве. Для данного этапа характерна разногласия в оценках роли и места России в информационном пространстве, заметная в высказываниях разных политических партий, ведомств и групп интересов. Доминировало утопическое представление

¹⁵ Болгов Р.В., Васильева Н.А., Виноградова С.М., Панцеров К.А. Информационное общество и международные отношения / Отв. Ред. Панцеров К.А. – СПб, 2014. – 384 с. [Bolgov, R.V.; Vasilyeva, N.A.; Vinogradova, S.M.; Pantserov, K.A. Informacionnoe obshchestvo i mezhdunarodnye otnosheniya (Information Society and International Relations) / Ed. Pantserov K.A. St. Petersburg, 2014. 384 p.];

о перспективе вставания России в мировое информационное пространство. Также здесь характерна политика уступок со стороны России, в т.ч. в сфере национальных интересов в информационной сфере. Была поставлена под сомнение необходимость защиты информационных ресурсов России и с технологической точки зрения, и как формы национальной идентичности (традиции, обычаи, менталитет). Происходило неадаптированное копирование западного опыта в сфере информационной политики. Пиковым событием стали президентские выборы 1996 г., запомнившиеся войной компроматов в информационном пространстве и после которых всё чаще стали говорить об угрозах конституционному строю и угрозах в духовной сфере (что впоследствии вошло в текст Доктрины). В конце данного периода был заменен ряд ключевых фигур, отвечавших за вопросы информационной безопасности. В этот же период началась военная операция в Чечне, в ходе которой российские войска терпели поражения в информационном противоборстве.

2) 1996-2000 гг. – формирование структур обеспечения информационной безопасности. В этот период была сформирована межведомственная комиссия по обеспечению информационной безопасности (в составе Совета безопасности с участием МВД, ФСБ и др.). Благодаря деятельности этих структур к 1997 году был подготовлен проект Доктрины информационной безопасности, однако властный вакуум и обострение противоречий внутри правящих элит не позволили принять данный документ. Финансово-экономический кризис 1998 г. также отсрочил принятие Доктрины.

Наконец в 2000 году Доктрина была утверждена. Данный документ представляет собой совокупность официальных взглядов на цели, задачи, принципы и основные направления обеспечения информационной безопасности Российской Федерации. Она служит основой для формирования государственной политики в области обеспечения информационной безопасности Российской Федерации, подготовки предложений по совершенствованию правового, методического, научно-технического и организаци-

онного обеспечения информационной безопасности Российской Федерации, а также разработки целевых программ обеспечения информационной безопасности Российской Федерации.

Под информационной безопасностью понимается состояние защищенности национальных интересов государства в информационной сфере, определяющихся совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства.

В доктрине прописаны угрозы, источники угроз интересы, методы обеспечения и мероприятия, а также международное сотрудничество в сфере информационной безопасности.

Но с 2000 года многое изменилось. Появились технологии *Web 2.0* и связанные с ними социальные медиа, влияние которых на национальную безопасность нельзя недооценивать, что продемонстрировали протесты в арабских странах в 2011 г. (их некоторые СМИ поспешили назвать «твиттерными революциями»). Санкции в отношении России показали необходимость «импортозамещения» в сфере ИТ. Всё чаще говорят об опасности кибератак для жизнеобеспечивающей инфраструктуры. Появились новые документы, связанные с вопросами развития информационных технологий в России. Доктрина 2016 г. стала попыткой более адекватного отражения тех изменений, которые произошли за 16 лет¹⁶.

Намерение России выработать правила поведения в сфере международной информационной безопасности именно под эгидой ООН нашло отражение в Концепции внешней политики РФ (2013)¹⁷. Кроме того, в докумен-

¹⁶ Доктрина информационной безопасности РФ (утв. Президентом РФ 05.12.2016 № 646) // Российская газета, 06.12.2016. [Doktrina informacionnoj bezopasnosti RF (Doctrine of Information Security of the Russian Federation) (approved by The President of the Russian Federation 05/12/2016 number 646) // *Rossijskaya gazeta*, 12/06/2016.]

¹⁷ Концепция внешней политики Российской Федерации, 2013. Режим доступа: <http://mid.ru/bdomp/ns-osndoc.nsf/e2f289bea62097f9c325787a0034c255/c32577ca0017434944257b160051bf7f?OpenDocument>[The Concept of Russia's Foreign Policy, 2013. Mode of access:

те «Основы государственной политики РФ в области международной информационной безопасности на период до 2020 г.» в качестве одного из направлений противодействия угрозам в информационной сфере указано «содействие подготовке и принятию в рамках ООН международных правовых актов, регламентирующих применение принципов и норм международного гуманитарного права в сфере использования ИКТ»¹⁸.

Результаты исследования

Поскольку Россия последовательно делает акцент на нормативно-правовом регулировании вопросов кибербезопасности на внутринациональном уровне (особенно в последние годы, если посмотреть на количество принятых документов), этого же подхода она придерживается и на международном уровне: вопросы кибербезопасности нужно регулировать, причем как можно скорее и как можно более детально. Этому подходу Россия придерживалась на протяжении 15 лет, предлагая свои проекты в рамках ООН (в частности, предложение о создании специального международного суда по преступлениям в информационной сфере). Россию поддерживали Китай, Индия и Бразилия. Однако это наталкивалось на противоположную позицию США, ЕС и Японии, считающих, что вопросы кибербезопасности не нужно излишне «перерегулировать» в ущерб свободам граждан и бизнеса. Некоторое сближение позиций по данным вопросам намечилось на конференции по безопасности в Мюнхене в феврале 2011 г.,

<http://mid.ru/bdomp/ns-osndoc.nsf/e2f289bea62097f9c325787a0034c255/c32577ca0017434944257b160051bf7f>

¹⁸ Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года (утв. Президентом РФ 24.07.2013 № Пр-1753). [Osnovy gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v oblasti mezhdunarodnoj informacionnoj bezopasnosti na period do 2020 goda (Fundamentals of the Russian Federation's State Policy in the Field of International Information Security for the Period up to 2020). Approved by the President of the Russian Federation, 24/7/2013, Pr-1753.]

где большинство политиков и экспертов высказалось за необходимость международно-правового регулирования киберпространства. Несмотря на то, что был подготовлен совместный российско-американский доклад, конкретных решений обязательного характера принято не было.

Сейчас применение информационного оружия регулируется следующими договорами: Международное Телекоммуникационное Соглашение Малага-Торремолинос (1973) и Международное Соглашение о Морских Спутниках (ИНМАРСАТ) (1976), принятые под эгидой специализированных учреждений ООН – соответственно, Международного союза электросвязи и Международной морской организацией. Международное Телекоммуникационное Соглашение¹⁹ в статье 35 определяет, что «все станции, вне зависимости от их цели, должны быть установлены и управляемы так, чтобы не причинить вред радиослужбам или коммуникациям других членов». Таким образом, соглашение запрещает использование спутниковой станции для разрушения или столкновения с коммуникациями других государств. Но те же самые государства в статье 38 согласились, что они «сохраняют полную свободу относительно военных радиостанций их армии, военно-морских и воздушных сил». Таким образом, соглашение признает, что возможно использование в военных целях спутниковой системы. Однако большая часть потоков информации военного характера развитых стран проходят через гражданские системы коммуникаций. Таким образом, в этом документе имеется противоречие между 35 и 38 статьями.

В то же время, в рамках обсуждения обозначились по крайней мере два различных подхода к проблеме. Ряд развитых стран во главе с США исходил из приоритета разработки мер информационной безопасности применительно к угрозам террористического и криминального характера. При этом угроза создания информационного оружия и

¹⁹ International Telecommunication Convention (Malaga-Torremolinos, 25 October 1973). Mode of access: <http://www.itu.int/en/history/HistoryDigitalCollectionDocLibrary/constitutionsConventions/5.10.61.en.100.pdf>

возникновения информационных войн сторонниками такого подхода рассматривалась скорее как теоретическая. Соответственно, сходил на нет и разоруженческий аспект проблемы международной информационной безопасности. Дальнейшее обсуждение этой проблематики предлагалось сосредоточить по региональным и тематическим форумам (Европейский Союз, Группа Семи и т. д.), а в рамках ООН перевести обсуждение из военно-политического в правовой и экономической комитеты. США считают, что вопрос международно-правового регулирования военно-политических аспектов информационной безопасности пока не приобрёл достаточной актуальности и видят необходимым сначала накопить достаточный практический опыт регулирования подобных проблем²⁰.

С другой стороны, представители России, Китая, развивающихся стран поддерживали концепцию рассмотрения проблемы международной информационной безопасности в комплексе, с выделением в качестве приоритетной задачи ограничение потенциальной угрозы развязывания информационной войны. При этом подчеркивалась необходимость немедленно приступить к обсуждению и практической разработке международно-правовой основы режима международной информационной безопасности. Выдвигалось, в частности, предложение о создании специального международного суда по преступлениям в информационной сфере. Эти подходы проявились при принятии Окинавской Хартии глобального информационного общества (2000). В ходе 53-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Россией был выдвинут проект резолюции «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности»,

консенсусом принятый в 1998 г.²¹ Еще один успех, но более поздний – Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/64/211 «Создание глобальной культуры кибербезопасности и оценка национальных усилий по защите важнейших информационных инфраструктур»²².

Некоторое сближение позиций по данным вопросам наметилось на конференции по безопасности в Мюнхене в феврале 2011 г., где большинство политиков и экспертов высказалось за необходимость международно-правового регулирования киберпространства. Хотя конкретных решений обязательного характера принято не было, был подготовлен совместный российско-американский доклад «К выработке правил поведения в киберконфликтах: применимость Женевских и Гаагских конвенций в современном информационном пространстве». В докладе выделены следующие проблемные вопросы, по которым до сих пор нет единой позиции у США и России, но по которым стороны обязуются договариваться: можно ли законодательно и технически «выделить» защищенные объекты инфраструктуры из «облака» незащищенных объектов в киберпространстве, наподобие того, как гражданские объекты пользуются защитой международных соглашений во время вой-

²⁰ Информационные вызовы национальной и международной безопасности / И.Ю. Алексеева и др.; Под общ. ред. А.В. Федорова, В.Н. Цыгичко. – М.: ПИР-Центр, 2001. [Informacionnyye vyzovy nacional'noj i mezhdunarodnoj bezopasnosti (Information Challenges to National and International Security). Alekseev I.Y. etc.; Ed. Fedorov, A.V., Tsygichko, V.N. Moscow, PIR-Center, 2001.]

²¹ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/53/70, 4 декабря 1998 г. «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности». Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/53/70> [UN General Assembly Resolution A/RES/53/70, December 4, 1998 «Developments in the field of information and telecommunications in the context of international security». Mode of access: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/53/70>]

²² Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/64/211 «Создание глобальной культуры кибербезопасности и оценка национальных усилий по защите важнейших информационных инфраструктур», 2010. Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/64/211> [UN General Assembly Resolution A/RES/64/211 «Creating a global culture of cybersecurity and the assessment of national efforts to protect critical information infrastructures,» 2010. Mode of access: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/64/211>]

ны. Также стороны должны решить, является ли кибероружие (вирусы, «черви» и т.д.) аналогичными вооружениям, запрещенным Женевским протоколом (например, ядовитые газы). На конференции также были достигнуты договоренности разработать международную конвенцию о кибервойне и создать международный трибунал по преступлениям в киберпространстве. В рамках этих структур стороны должны будут решать вышеназванные вопросы²³.

Неудачи России в проведении своих инициатив по кибербезопасности через ООН (с 1998 г.) подстегнули актуализацию Россией этих вопросов в повестке дня Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Китай и Казахстан с 2011 г. также рассматривают данную организацию как инструмент для контроля киберпространства. Во время председательства России в 2014 г. в Шанхайской организации сотрудничества кибербезопасность была одним из приоритетов повестки дня, определенных Россией в этой организации. К числу основных проектов и инициатив по кибербезопасности в рамках ШОС стоит отметить:

- Обсуждение усиления государственного контроля над интернетом как следствие протестов в арабских странах.

- Создание киберполиции (2011, данная инициатива не была реализована).

- Усиление сотрудничества по безопасности в интернете.

- Борьба с финансированием терроризма через интернет.

- Проект Кодекса поведения в сфере международной информационной безопасности (в письме ШОС в ООН 12.09.2011)

Еще одним инструментом продвижения интересов России в сфере кибербезопасности становится формат БРИКС. В рамках этой структуры борьба с киберугрозами названа одним из четырех сфер перспективного сотрудничества. Обсуждаются идеи

создания Центра киберугроз БРИКС, а также «горячей линии» для информирования и предупреждения о киберинцидентах наподобие той, которая уже существует между Россией и США.

Заключение

Таким образом, главной правовой проблемой можно назвать отсутствие единого и целостного международного законодательства в сфере регулирования киберпространства. Сегодня действуют только отдельные нормы международного права или национальных законодательств. Проблемой можно также назвать противоречивость отдельных положений внутри источников международного права (в частности, в Международном телекоммуникационном соглашении 1973 г.), которые могут использоваться акторами в своих интересах.

Что касается направлений для дальнейших исследований, то на данный момент имеют место лакуны в отношении того, какие критерии нужно применять для оценки эффективности кибервойны. При этом необходимо различать оценку потенциальной мощи для ведения кибервойны и эффективности политики кибервойны. Существующие индексы / рейтинги потенциала кибервойны редко учитывают вышеупомянутую разницу.

Литература:

Бойко С.М. Группа правительственных экспертов ООН по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности: взгляд из прошлого в будущее // Международная жизнь. – 2016. – № 8. – С. 53-71.

Болгов Р.В. Информационные технологии в современных вооруженных конфликтах и военных стратегиях (политические аспекты). Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / Санкт-Петербургский государственный университет. – СПб, 2011.

Болгов Р.В., Васильева Н.А., Виноградова С.М., Панцеров К.А. Информационное общество и международные отношения / Отв. Ред. Панцеров К.А. – СПб, 2014. – 384 с.

Демидов О.В. Обеспечение международной информационной безопасности и российские национальные интересы // Индекс безопасности. – 2013. – № 1 (104). – С. 129-168.

Зиновьева Е.С. Анализ внешнеполитических инициатив РФ в области международной информационной безопасности // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – № 6 (39). – С. 47-52.

²³ Working Towards Rules for Governing Cyber Conflict. Rendering the Geneva and Hague Conventions in Cyberspace. Advanced Edition Prepared by Russia-U.S. Bilateral on Critical Infrastructure Protection for the 2011 Munich Security Conference. NY: EastWest Institute, February 2011.

Информационные вызовы национальной и международной безопасности / И.Ю. Алексеева и др.; Под общ. ред. А.В. Федорова, В.Н. Цыгичко. – М.: ПИР-Центр, 2001.

Квантальани И.Э. Роль международных организаций в деле обеспечения безопасности информационного пространства // Актуальные проблемы современного международного права. Материалы X ежегодной Всероссийской научно-практической конференции. 2012. – С. 26-30.

Лобанова Е.Н. Некоторые инициативы РФ в ООН по решению проблемы международной информационной безопасности // Глобализация и проблема войн в современном мире. Сборник статей. Под общ. ред. В.В. Барабаша. – М., 2011. – С. 29-35.

Международная информационная безопасность: дипломатия мира. Сборник материалов / Под общ. ред. Комова С.А. – М., 2009. – 272 с.

Ромашкина Н.П. ООН и международная информационная безопасность // Безопасность и контроль над вооружениями 2015-2016. Международное взаимодействие в борьбе с глобальными угрозами. – Москва, 2016. – С. 273-286.

Томилова Ю.Н. ООН и проблема обеспечения международной информационной безопасности // Международная жизнь. – 2015. – № 8. – С. 73-85.

Шурип С.С. Российские инициативы по вопросам управления Интернетом // Вестник МГИМО Университета. – 2014. – № 6 (39). – С. 73-81.

Clarke, R.; Knake, R. Cyberwar. The Next Threat to National Security and What to Do about It. HarperCollins Publishers New York, 2010.

Hundley, R.; Anderson, R. Security in Cyberspace: An Emerging Challenge for Society, 1994.

Hurwitz, R. The Play of States: Norms and Security in Cyberspace // *American Foreign Policy Interests*, 2014, Vol. 36, Issue 5, pp. 322-331. DOI: 10.1080/10803920.2014.969180

Kane, A. The Rocky Road to Consensus: The Work of UN Groups of Governmental Experts in the Field of ICTs and in the Context of International Security, 1998–2013 // *American Foreign Policy Interests*, 2014, Vol. 36, Issue 5, pp. 314-321. DOI: 10.1080/10803920.2014.969175

Maurer, T. Cyber Norm Emergence at the United Nations: An Analysis of the Activities of the UN Regarding Cybersecurity. Cambridge, MA: Harvard Kennedy School's Belfer Center for Science and International Affairs, 2011. P. 22.

Nye, J.; Owens, W. America's Information Age: The Nature of Power // *Foreign Affairs*, March-April 1996.

Working Towards Rules for Governing Cyber Conflict. Rendering the Geneva and Hague Conventions in Cyberspace. Advanced Edition Prepared by Russia-U.S. Bilateral on Critical Infrastructure Protection for the 2011 Munich Security Conference. NY: EastWest Institute, February 2011.

References:

Boiko, S.M. Gruppa pravitel'stvennykh ehkspertov OON po dostizheniyam v sfere informatizacii i telekommunikacij v kontekste mezhdunarodnoj bezopasnosti: vzglyad iz proshlogo v budushchee (UN Group of Governmental Experts on Developments in the Field of Information and Telecommunications in the Context of International Security: a View from the Past to the Future) // *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 2016, No. 8, pp. 53-71.

Bolgov, R.V. Informacionnye tekhnologii v sovremennykh vooruzhennykh konfliktakh i voennykh strategiayah (politicheskie aspekty) (Information Technology in Contemporary Armed Conflicts and Military Strategies (Political Aspects)). Thesis for a PhD degree in Political Science / Saint Petersburg State University. St. Petersburg, 2011.

Bolgov, R.V.; Vasilyeva, N.A.; Vinogradova, S.M.; Pantserev, K.A. Informacionnoe obshchestvo i mezhdunarodnye otnosheniya (Information Society and International Relations) / Ed. Pantserev K.A. St. Petersburg, 2014. 384 p.

Clarke, R.; Knake, R. Cyberwar. The Next Threat to National Security and What to Do about It. HarperCollins Publishers New York, 2010.

Demidov, O.V. Obespechenie mezhdunarodnoj informacionnoj bezopasnosti i rossijskie nacional'nye interesy (Ensuring International Information Security and National Interests of Russia) // *Indeks bezopasnosti*, 2013, No. 1 (104), pp. 129-168.

Hundley, R.; Anderson, R. Security in Cyberspace: An Emerging Challenge for Society, 1994.

Hurwitz, R. The Play of States: Norms and Security in Cyberspace // *American Foreign Policy Interests*, 2014, Vol. 36, Issue 5, pp. 322-331. DOI: 10.1080/10803920.2014.969180

Kane, A. The Rocky Road to Consensus: The Work of UN Groups of Governmental Experts in the Field of ICTs and in the Context of International Security, 1998–2013 // *American Foreign Policy Interests*, 2014, Vol. 36, Issue 5, pp. 314-321. DOI: 10.1080/10803920.2014.969175

Kvantaliani, I.E. Rol' mezhdunarodnykh organizacij v dele obespecheniya bezopasnosti informacionnogo prostranstva [The Role of International Organizations in the Security of Information Space]. Aktual'nye problemy sovremennogo mezhdunarodnogo prava. Materialy X ezhegodnoj Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Actual Problems of Modern International Law. Materials of the 10th All-Russian Annual Scientific Conference), 2012. Pp. 26-30.

Lobanova, E.N. Nekotorye iniciativy RF v OON po resheniyu problemy mezhdunarodnoj informacionnoj bezopasnosti (Some Russian Initiatives in the United Nations to Address the Issue of International Information Security). Globalizaciya i problema vojn v sovremennom mire. Sbornik statej (Globalization and the Problem of War in the Modern World. Digest of Articles). Ed. Barabash V.V. Moscow, 2011. C. 29-35.

Maurer, T. Cyber Norm Emergence at the United Nations: An Analysis of the Activities of the UN Regarding Cybersecurity. Cambridge, MA: Harvard Kennedy School's Belfer Center for Science and International Affairs, 2011. P. 22.

Mezhdunarodnaya informacionnaya bezopasnost': diplomatiya mira (International Information Security: Diplomacy around the World). Collection of materials, Ed. Komov S.A. Moscow, 2009, 272 p.

Informacionnye vyzovy nacional'noj i mezhdunarodnoj bezopasnosti (Information Challenges to National and International Security). Alekseev I.Y. etc.; Ed. Fedorov, A.V., Tsygichko, V.N. Moscow, PIR-Center, 2001.

Nye, J.; Owens, W. America's Information Age: The Nature of Power // *Foreign Affairs*, March-April 1996.

Romashkina, N.P. OON i mezhdunarodnaya informacionnaya bezopasnost' (The UN and the International Information Security). Bezopasnost' i kontrol' nad vooruzheniyami 2015-2016. Mezhdunarodnoe vzaimodejstvie v bor'be s global'nymi ugrozami (Security and

Arms Control 2015-2016. International Cooperation in the Fight Against Global Threats). Moscow, 2016, pp. 273-286.

Shirin S.S. Rossijskie iniciativy po voprosam upravleniya Internetom (Russian Initiatives on Internet Governance) // *Vestnik MGIMO Universiteta*, 2014, No. 6(39), pp. 73-81.

Tomilova, Y.N. OON i problema obespecheniya mezhdunarodnoj informacionnoj bezopasnosti (The UN and the Problem of Ensuring International Information Security) // *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 2015, No. 8, pp. 73-85.

Working Towards Rules for Governing Cyber Conflict. Rendering the Geneva and Hague Conventions in Cyberspace. Advanced Edition Prepared by Russia-U.S. Bilateral on Critical Infrastructure Protection for the 2011 Munich Security Conference. NY: EastWest Institute, February 2011.

Zinovieva, E.S. Analiz vneshnepoliticheskikh iniciativ RF v oblasti mezhdunarodnoj informacionnoj bezopasnosti (Analysis of Russian Foreign Policy Initiatives in the Field of International Information Security) // *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2014, No. 6(39), pp. 47-52.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10004

UN ACTIVITIES IN THE FIELD OF INFORMATION AND INTERNATIONAL ASPECTS OF RUSSIAN INFORMATION SECURITY

Radomir V. Bolgov

*Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 11.12.2017</p> <p><i>Accepted:</i> 24.08.2018</p>	<p>Abstract: The study focuses on the policy of Russia in the UN on issues of information security. We analyze basic doctrines and documents regulating information security policy in Russia, as well as international legal Russian initiative. In addition, we present the work of the UN in this realm as a context for the Russian initiatives on international information security. We argue the necessity of joint actions of Russia and the United Nations to fight information security threats.</p> <p><i>Acknowledgements:</i> The article is prepared with the financial support of the Russian Science Foundation, project No. 16-18-10315</p>
<p>About the author: Candidate of Political Science, Associate Professor, World Politics Department, Saint Petersburg State University</p> <p>e-mail: rbolgov@yandex.ru</p>	
<p>Key words: international information security; cyber security; Internet; United Nations; Russia's foreign policy; international organizations</p>	

Для цитирования: Болгов Р.В. Деятельность ООН в области информации и международные аспекты информационной безопасности России // *Сравнительная политика*. – 2019. – № 1. – С. 59-69.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10004

For citation: Bolgov, Radomir V. Deyatel'nost' OON v oblasti informatsii i mezhdunarodnye aspekty informacionnoj bezopasnosti Rossii (UN Activities in the Field of Information and International Aspects of Russian Information Security) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 1, pp. 59-69.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10004

THE ORIGINS AND TRADITIONS OF THE INFORMATION POLICY IN RUSSIA

Evgeny A. Markov

*The Cherepovets State University,
Cherepovets, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i></p> <p style="text-align: right;">29.05.2017</p> <p><i>Accepted:</i></p> <p style="text-align: right;">27.04.2018</p>	<p>Abstract: For a long time the activities of mass media in Russia have been largely determined, and are still being determined now, by the state authorities. The state controls the activities of the information impact subjects, considering information resources, on an equal basis with other resources, to be important links that connect the multinational people into a single unity, and to remain one of the sources of the strength and power of the country. The author of the article, showing the changes that have taken place in the interaction between the state authorities and the media during three centuries of Russian history, expresses the idea of the inevitability of the active presence and control of the government institutions of the communicative and information field of the country, being an important factor ensuring the development of Russia, which conducts an independent external and internal policy and protects its national interests.</p>
<p>About the author:</p> <p>Doctor of Political Science, Professor, The Cherepovets State University</p> <p>e-mail: marevgeny@inbox.ru</p>	
<p>Key words:</p> <p>information sphere; state control; mass media; government; society</p>	

Introduction

Modern mass media are a complex institute of a political system of a society, consisting of a number of components. If to consider the functionality of mass media, it is controversial. On the one hand, mass media are meant to disseminate complete, objective and reliable information about everything that is happening around.

On the other hand, the media may act as the defenders of the population's interests before the authorities, that is, a means of social control.

And finally, the third and the most common notion of mass media in many countries at the present time, is that they are instruments of state authorities' influence on the public.

Using the ability of the media to independently produce political information, to influence political processes and to shape public opinion, the government seeks to control the activities of the media, and has been doing this for a very long time. It is precisely the reaching of this goal, that underlies the

information policy, which has been carried out for several centuries in Russia. But in the so-called old democratic countries, the ruling elite pursues exactly the same goal, and therefore – the information policy carried out in these countries differs little from the same policy pursued in Russia.

The very idea of controlling the activities of producers and distributors of information (including the mass media) is far from new and is being realized not only in Russia. Once Napoleon Bonaparte said "... in order to control the press, we need a whip and spurs ..."¹

The experience of Napoleon was well understood by Bismarck, who "created a system of "reptilian" press that received secret subsidies from the state <...> the system of so-called official, government-bribed publications, which at one time enjoyed popularity because

¹ Радзинский Э. Наполеон: жизнь после смерти. – М., 2003. – С. 164. [Radzinsky, E. Napoleon: zhizn posle smerti (Napoleon: Life after Death). Moscow, 2003. P. 164.]

of their opposition to the state, but later turned into an instrument of its policy.”²

At the end of the 18th century the press became such an influential political institution that it was designated as part of state social system. The British politician and philosopher Edmond Burke, speaking in parliament, said that it “has three powers; but the press gallery presents the fourth power (The Fourth Estate), more significant than all of the rest.”³

“It’s amazing,” Haydon wrote in his diary in 1827, “to what extent did I become addicted to the daily news, given that I know about the lies and the fleeting whims of the editors ... The scandal that I arrange if I haven’t been brought “The Times” on time, is stronger than when I haven’t been brought my dinner from the butcher’s.”⁴

Background and scope

Modern foreign researchers have paid a lot of attention to the study of communication opportunities and their influence on the formation of the political system institutions.

For instance, the existence of some connection between the development of society and the media was expressed in the middle of the XX century by a Canadian scientist, a representative of the University of Toronto, Harold Innis. His idea is that since the early stages of development the ruling elite of all countries has controlled the information. It means that to control the process of public opinion shaping is possible with the means of communication.⁵

The ideas of G. Innis were supported and

developed by Marshall McLuhan⁶ (who stated that the needs create new communications, rather than the reverse), Walter Ong⁷, Neil Postman⁸ (the latter two, as well as M. McLuhan, can also be attributed to the founders of media ecology). By the way, M. McLuhan took full advantage of the capabilities of modern mass media, and his ideas were spread throughout the world, although the pioneer of the significance of new communications was H. Innis, but his materials remained almost unnoticed. This fact was noted by the Canadian authors V. Bahton and T. Bardini, who wrote the article about these two outstanding researchers.⁹

Russian scientists, writers, and politicians paid much attention to the analysis of the possibilities of mass media as effective means of influencing public consciousness. But some of them, contrary to the prevailing political practice, assigned the press a completely different role. The great Russian scientist M.V. Lomonosov, for example, believed that newspapers should “... set themselves the goal of a strict and correct search for the truth.”¹⁰ It was precisely in this sense that the activities of the press were seen by M. Gorky, who in 1918 wrote in *Novoye Vremya*: “We fought for freedom of speech to be able to speak and write the truth.” But even then he understood that “... telling the truth is the most difficult art of all arts, because in its “pure” form, not connected with the interests of individuals, groups, classes, nations, the truth is completely inconvenient for the use of the philistines and is unacceptable to them.”¹¹

⁶ Poe, M.T. A history of Communications. Cambridge, 2011.

⁷ Ong, J. Walter. *Orality and Literacy: The Technologizing of the Word*. New York: Methuen, 1982, p. 201.

⁸ Postman, N. *Amusing Ourselves to Death*. Penguin Books. 1985. Pp. 27-34.

⁹ Buxton, W.J.; Bardini, T. Tracing Innis and McLuhan // *Canadian Journal of Communications*, 2012, Vol. 37, No. 4.

¹⁰ Есин Б.И. История русской журналистики (1703-1917). – М: Флинта: Наука, 2000. – С. 105. [Esin, B.I. *Istoriya russkoj zhurnalistiki (1703-1917) (The History of Russian Journalism (1703-1917))*. Moscow, 2000. P. 105.]

¹¹ Горький Максим. Книга о русских людях. – М., 2000. – С. 442. [Gorky, M. ‘Book about Russian Men’. Moscow, 2000. P. 442.]

² Засурский Я. Журналистика: от Гутенберга до Билла Гейтса // *Отечественные записки*. – 2003. – № 4. [Zassoursky, Y. *Zhurnalistika: ot Gutenberga do Billa Geitsa (Journalism: from Gutenberg to Gates) // Otechestvennyye zapiski*, 2003, No. 4(13). Mode of access: <http://www.strana-oz.ru/2003/4/zhurnalistika-ot-gutenberga-do-billa-geytsa/>]

³ Volkov, D. ‘Evil Empire: a Short Course’/ *Otechestvennyye zapiski*, 2003. Mode of access: <http://www.stranaoz.ru/2003/4/imperiya-zla-kratkiy-kurs>>

⁴ Ibid.

⁵ Innis, H.A. *The Bias of Communication*. Toronto etc., 2003. P. 76.

The research devoted to the study of mass media activities began to be intensively carried out in the second half of the 60s of the 20th century, mainly within the framework of sociology. Since the late 80-ies of the twentieth century, there emerged an opportunity to conduct independent political studies, including, inter alia, the analysis of the relationship between the government and mass media.

At the theoretical and philosophical levels, the problem of interaction between the institutions of power, the media and society was studied by A.A. Zinoviev, A.S. Panarin, S.G. Kara-Murza¹²; at the political, historical and sociological levels – by M.G. Anokhin, F.D. Demidov, A.V. Kononenko, O.I. Karpukhin, E.F. Makarevich, V.L. Romanov, L.N. Timofeeva¹³, at the social and psychological levels – by V.D. Popov, A.P. Fedorkina, B.A. Dushkov¹⁴.

¹² Зиновьев А. Идеология партии будущего. – М., 2003. [Zinoviev, A. Ideologiya partii budushchego (Ideology of the Future Party). Moscow, 2003.]; Панарин А.С. Искусение глобализмом. – М.: Эксмо-Пресс, 2002. [Panarin, A. Iskushenie globalizmom (The Temptation of Globalism). Moscow: Eksmo-Press, 2002.]; Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. – М., 2002. [Kara-Murza, S. Sovetskaya tsivilizatsiya (Soviet Civilization). Moscow, 2002.]

¹³ Анохин М.Г., Демидов Ф.Д., Кононенко А.В. и др. Технологии в политике и политико-административном управлении. – М., 2005. [Anokhin, M.G.; Demidov, F.D.; Kononenko, A.V. and oth. Tekhnologii v politike i politiko-administrativnom upravlenii (Technologies in Politics and Political and Administrative Management). Moscow, 2005.]; Карпухин О.И., Макаревич Э.Ф. Влияние на человека: историко-социологический взгляд. – Москва-Барнаул: Пикет, 2000. [Karpukhin, O.I.; Makarevich, E.F. Vliianie na cheloveka: istoriko-sotsiologicheskii vzgliad (Influence on Man: Historical and Sociological View). Moscow-Barnaul, 2000.]; Романов В.Л. Социальная самоорганизация и государственность. – М.: РАГС, 2000. [Romanov, V.L. Sotsialnaya samoorganizatsiya i gosudarstvennost (Social Self-Organization and Statehood). Moscow, 2003.]

¹⁴ Попов В.Д. Информациология и информационная политика. – М., 2003. [Popov, V.D. Informatsiologiya i informatsionnaya politika (Informology and Information Policy). Moscow, 2003.]; Федоркина А.П. Феномен сознания в контексте социального пси-

хоанализа. – М.: Изд-во Рос. акад. гос. службы, 1997. [Fedorkina, A.P. Fenomen soznaniya v kontekste sotsial'nogo psikhoanaliza (The Phenomenon of Consciousness in the Context of Psychoanalysis). Moscow, 1997.]; Душков Б.А. Ноопсихология и ноосоциология народов. – М., 2001. [Dushkov, B.A. Noopsikhologiya i noosotsiologiya narodov (Noopsychosociology of peoples and eras). Moscow, 2001.]

The necessity of effective state regulation of mass information sphere, search and construction of a new model of productive interaction between mass media and society, was the focus of the works by Popov, I.M. Dzyaloshinsky, S.V. Konovchenko, A.G. Kiselev, Yu. A. Nisnevich¹⁵. In the following years Yu. Budantsev, A. Grabelnikov, I. Zasurskiy¹⁶ and many others researched communication processes in society, history and modern conditions of the functioning of mass media.

The problems of interaction between the authorities and the media are also studied by

хоанализа. – М.: Изд-во Рос. акад. гос. службы, 1997. [Fedorkina, A.P. Fenomen soznaniya v kontekste sotsial'nogo psikhoanaliza (The Phenomenon of Consciousness in the Context of Psychoanalysis). Moscow, 1997.]; Душков Б.А. Ноопсихология и ноосоциология народов. – М., 2001. [Dushkov, B.A. Noopsikhologiya i noosotsiologiya narodov (Noopsychosociology of peoples and eras). Moscow, 2001.]

¹⁵ Попов В.Д. Государственная информационная политика: состояние и проблемы формирования / Массовые информационные процессы в России. – М.: РАГС, 2002. [Popov, V.D. Gosudarstvennaya informatsionnaya politika: sostoianie i problemy formirovaniia (State Information Policy: the State and Problems of Formation) // Mass Information Processes in Russia. Moscow: RAGS, 2002.]; Дзялошинский И.М. СМИ, власть и гражданское общество в регионе. – М.: Пульс, 2002. [Dzialoshinski, I.M. Mass Media, Power and Civil Society in the Region. Moscow: 2002.]; Коновченко С.В.; Киселев А.Г. Информационная политика в России. – М.: Изд-во РАГС, 2004. [Konovchenko, S.V.; Kiselev, A.G. Informatsionnaya politika v Rossii (Information Policy in Russia). Moscow: RAGS, 2004.]; Нисневич Ю.А. Информация и власть. – М.: Мысль, 2000. [Nisnevich, Y.A. Informatsiya i vlast (Information and Power). Moscow: Mysl, 2000.]

¹⁶ Budantsev, Y.P. Systematic in the study of mass information processes. Moscow, 1986.; Грабельников А.А. Русская журналистика на рубеже тысячелетий. Итоги и перспективы. Монография. – М., 2000. [Grabelnikov, A.A. Russkaya zhurnalistika na rubezhe tysyacheletii. Itogi i perspektivy (Russian Journalism at the Turn of the Millennium. Results and Prospects). Moscow, 2000.]; Засурский И.И. Масс-медиа второй республики. – М: МГУ, 1999. [Zassurski, I.I. Mass-media vtoroi respubliki (Mass Media of the Second Republic). Moscow: MGU, 1999.], other authors are also included in Bibliography of the article.

young authors who consider this issue to be very important and relevant. It is possible to note the works of the following researchers: O. Kozlova, K. Mutylina, M. Poberezhskaya¹⁷, etc.

Great attention of the Russian authors to this problem is quite understandable, since the processes of change in the social and economic spheres are far from being completed, and, therefore, the interest of researchers to modernization processes will only increase.

This work is devoted to the description of the factors that influence the formation of effective communication and relations between the state and society, the authorities and the media. In our opinion this research is very relevant, since it is aimed at solving the problem of shaping public opinion on this subject.

This research reflects a brief history of the interaction of the power institutions and the media in Russia at various stages of social development. Such an analysis has been carried out in order to substantiate a scientific hypothesis, the confirmation of which is the task posed by the author.

Our hypothesis is as follows. Genetic (state) nature of modern Russian mass media has prevailed after a quarter of a century turn in the spiral of development and operating in the system of relations “power-media-society,” which objectively proves the inevitability of the active presence of power institutions in the communicative and information sphere of the country. Russian mass media, having started their way as a self-acting political institution, returned to the initial information and communication function, acting as an instrument of influencing public opinion on the part of the authorities. It is the trend that in many ways determines the development of the

processes of transformation of communicative and information relations in the “state-media-society” system.

Materials and Methods

The entire history of establishing and development of the print media and publishing business in Tsarist Russia was accomplished by the will and the blessing of the monarchs who personified power. Since the times of Peter the First, who founded the first official Russian newspaper *Vedomosti* in 1702, the state has regulated and developed printing and book publishing, contributing to public education and the development of the mass media themselves.

As a result, during the reign of all the emperors, printing and publishing were under the watchful eye of censorship, which became a special state institution.

It should be noted that censorship is a foreign invention. The need of censorship emerged in Western Europe in the XV century because of the ongoing conflict on religious grounds. The first censors – the clergy – had to suppress the spread of the ideas contrary to the official doctrine. It should be noted that in European countries censorship also existed. Prussian King Friedrich the Second credited with the following expression: “If you want a newspaper to be interesting, then you must not command it!” Although during the reign of this King of Prussia, the first censors appeared in editorial headquarters.

The reigns of Russian emperors alternated, the attitude to censorship also changed, and it was manifested in policies. Every new emperor either introduced more liberal rules or, on the contrary, toughened the regulations concerning the press. And, nevertheless, the state did not let the processes of production and dissemination of information get out of its control.

The end of the monarchical government in February 1917 allowed to establish the freedom of the press. By its resolution “On Press” dated 27 April 1917, the Provisional Government abolished censorship and granted everyone the right to publish a periodical or to establish a printing house. The same resolution abolished General Administration

¹⁷ Козлова Д.А. Проблемы взаимодействия органов государственной власти и СМИ // Экономика и социум. – 2016. – № 4 (23). – С. 784-788. [Kozlova, D. Problemy vzaimodeistviia organov gosudarstvennoi vlasti i SMI (Problems of Interaction between State Authorities and Mass Media) // *Ekonomika i Sotsium*, 2016, No. 4 (23), pp. 784-788.]; Mutylina, K.O. Contemporary Media Action: Where the Pendulum Leans? // *Politics, Economics and Innovation*, 2016, № 5(7); Poberezhskaya, M. Communicating Climate Change in Russia: State and Propaganda / *Communicating Climate Change in Russia: State and Propaganda*. 2015. Pp. 1-167.

of Press, which had its committees in all provincial cities in Russia.

But the freedom of the press existed in Russia only for a few months. At the end of 1917, due to the Bolsheviks coming to power, it was replaced by a new ideological and political dictatorship – the dictatorship of the Soviet regime, which lasted until 1990.

Having seized the power, the Bolsheviks took emergency measures by issuing “Decree on the Press” (27.10.1917), and because of it, they closed all periodicals that determined the Bolsheviks coming to power as a coup and urged the population to disobedience and resistance to the new government of workers and peasants. Such newspapers ceased to exist, and publishing houses were given to the Bolshevik authorities. For the period from October 1917 to June 1918 about 470 opposition newspapers stopped their activity because of the Decree. The Bolsheviks announced those measures to be temporary and promised that “As soon as the new order is strengthened, any administrative influence on the press will be abolished; the press will be granted full freedom to the limits of liability before the court, according to the widest and most progressive in this respect law.” The Bolsheviks didn’t fulfill their promise to grant freedom to the press in the near future, on the contrary, they tightened the sanctions (up to execution) against the mass media and journalists that did not support the policy of the new government. Moreover, in 1922 the censorship body, which became known as General Directorate for Literature and the Press (Glavlit) was established in the country.

In a totalitarian regime the Soviet mass media were integrated into the system of state propaganda and, and were used as the instruments of direct impact on the society. Through this channel the state broadcast its will, its attitudes, its understanding of the current events, which the state inspired by itself.

In the late 80-ies of the past century in the USSR major changes, called “perestroika” and “glasnost”, began. The Soviet law adopted in 1990 and the Russian law “On Mass Media” adopted in 1991 stated the rights and freedom of mass media, and abolished prior censorship in the form of such organization as Glavlit (General Directorate for Literature and the

Press). Russian media means were transformed from the means of ideological influence into an independent political institution, and actively participated in the process of political and social change. Moreover, at the same time the mass media turned into spiritual leaders that occupied such an important place in the life of the society that some journalists become incredibly popular public figures: V. Korotych, O. Latsis, E. Yakovlev, O. Poptsov, I.A. Laptev. The hosts of such popular television programs as “Vzglyad” (V. Listjev, A. Lyubimov, D. Zakharov, A. Politkovskaya), “600 Seconds” (A. Nevzorov), “The Fifth Wheel” (B. Kurkova) became national heroes, and almost all of the above, on the basis of their popularity, were elected to the Supreme Soviet of the USSR.

An indication that the media ruled the hearts and minds of the citizens, was fantastically huge circulation of the newspapers: *Arguments and Facts* – 33 million copies – a record noted in the Guinness Book of Records; *Komsomolskaya Pravda* – 17 million copies; *Labour* – 15 million copies; *The News* – 12 million copies; *Soviet Russia* – 8 million copies. Social, political and literary magazines, such as *Spark*, *New World*, *Banner*, *October*, *Neva*, *Friendship of Peoples*, etc. also had million copies of newspaper circulation.

“Romantic” period in the history of the Russian mass media as an independent institution of the political system did not last long, just as much as the time necessary for the representatives of the new political elite to gain a foothold in power and proceed to the distribution of state property. As long as the interests of the members of the new elite, striving for power and the state assets, and the media associations willing to get independence, coincided, they continued their interaction. But as soon as the mass media fulfilled their task, having provided the new elite with the necessary legitimacy in coming to power, the media became a commodity in the market conditions.

With the beginning of economic reforms and the transition to a market economy, Russian mass media gradually lost the role of objective sources of information taking part in public opinion shaping. Due to dramatically increasing financial costs of their maintenance,

the mass media got initially into economic, and a little later, into political dependence either from the authorities who managed to preserve their participation in the media market, or business, which provided for them and defined their role as the conductors of its interests. But if to consider that business in modern Russia is hardly controlled by the authorities, it is quite possible to say that modern Russian mass media's state nature prevailed and was expressed in the restoration of dependence on the power or capital.

Does Russian mass media have any prospect to be released from political and economic dependence? We have to say that this process, even if supported "from above," will be difficult, and in any case an evolutionary, rather than revolutionary. There are a whole set of objective reasons for that.

In fact, in those countries that consider themselves to be old democracies, power actually successfully controls the activity of the media and uses them for its own benefit. There are a lot of examples of that. In 1999 European and American media justified the bombing of Serbia, giving one-sided information, telling nothing about the tragedy of the Serbian people. The same mass media justified the military intervention of the USA and its allies in Iraq, Libya. You may recall how difficult it was for objective information about the events of 08.08.08, in Georgia to made its way to the European and American TV. Moreover, mass media which with the help of new information technologies and the Internet received an incredible opportunity for the dissemination of information to large numbers of people in different countries at the same time, are used by the power as information weapons. After all, the so-called "color" revolutions that have taken place in recent years in different countries around the world, including neighboring Ukraine, were accompanied by propaganda support in the media, based on the use of biased information.

With the development of Russia as a strong and independent state, which also has to play the role of protecting the interests of a number of countries, the role and importance of information resources, including mass media is growing. Power cannot solve the

most important strategic tasks without the use of mass media opportunities. First of all, it is because mass media are not the only the source of information, but also an important communication channel between the government and society. Second, mass media have again become, to some extent, a means of ideological influence, daily and tirelessly participating in forming of public opinion to solve a significant task – implementation of a survival strategy, which consists in the necessity of development of the country as a strong state. Third, the state control in the production and dissemination of information is necessary also because the information is an important hoop, which provides the state with integrity, stability and information security. This means that the state influence in media activities will remain.

Can Russian mass media express not only the interests of the government officials, but also the interests of the majority of the population under these circumstances? Of course, the media that belong to private capital will, first of all, defend the interests of their respective owners. But the state-controlled media, getting financial support from the budget, formed by taxpayers, should protect the interests of not only officials, but the whole society and individual citizens. Ideally, it should be like that. After all, the state should be interested that the media carry out their activities for the benefit of the state and in the public interest, respecting the existing legislation. And mass media themselves cannot be absolutely independent from their state, from its civil society, from promoting the interests of their country, from the provisions of the Constitution, which guarantees the protection of the rights and freedom of citizens.

To accomplish such an important task as to express the interests of all the institutions of the political system, including civil society, the state should regulate the information processes, implementing certain information policy. Not only officials but also representatives of political parties, professional organizations, non-commercial organizations, academic institutions and citizens who have their proposals, should participate in the formulation of the principles of information policy.

When the information policy is being formed and carried out spontaneously, in

response to emerging challenges and threats, mass media credibility is decreasing. To support it, there are some data of sociological surveys.

If in 1989 general level of public credibility to mass media was high (the proportion of those who fully trusted mass media and those who did not completely trust them, is almost equal; on the whole they account for 80% of all respondents), then by 1992 the level of public trust dropped to about 25% of the respondents. The subgroup of respondents entirely distrusting mass media was close to 20%, and a relative majority (in total exceeding two above groups) was formed by those who hesitated in the media evaluation, both trusting and distrusting their information.¹⁸

The assessment picture characterizing the degree of trust / mistrust of the population to the media was formed by 1992-1993 and thereafter remained almost unchanged. According to the survey conducted in June 2005 by VTSIOM, one in four respondents (27%) did not trust any information source¹⁹.

In November 2010, (the data of *the Levada Center*), only 29% considered Russian media objective.

The study of the organization, held in January 2014, made it clear that if in 2010, 46% of the citizens believed that Russian press is “completely free” or “mostly free”, then in January 2014 only 39% of the respondents announced it.²⁰

To sum it up, the state should control the information sphere and, in particular, the activities of mass media, but from the use of direct policy, it should pass to the policy of reconciling of the interests of all participants in information activities. And mass media,

in this case, can provide the society with the opportunity of communication with authorities on all significant public issues.

Results and discussion

In the conditions of Russia's development as a strong and independent state, which, moreover, has to play the role of a center for the protection of the interests of a number of countries, the role and importance of information resources, including the media, will increase significantly. The authorities will not be able to solve the most important strategic tasks without using the capabilities of mass media. It is, firstly, because the media is not only a source of information, but also an important communication channel between the government and society. Secondly, the media will have to become, to some extent, a means of ideological influence again, tirelessly and daily participating in the public opinion shaping to solve a significantly important task – the implementation of a survival strategy, consisting in the need to develop the country into a strong state. This means that state control of the press will remain. True, if in the tsarist and soviet times the press operated under conditions of complete dependence on the authorities (represented by censorship bodies or ideological services), at present the dependence of the press on the authorities is not so unambiguous, but more complex, multilayered and sometimes not noticeable, but all the same stable.

In short, the state will not release the levers of influence on the media from its hands, and that will be carried out through: the system of financial support; providing information only to mass media which “justify the confidence” of the state authorities, etc. After all, the essence of power, after all, is “... the ability of the subject to influence the object. If the subject does not possess this ability, he has no power. The ability to influence an object is an indispensable element of power, one of its specific properties.”²¹

The state authorities have an urgent need for the organization of communicative and

¹⁸ Дубин Б.В. Медиа позднесоветской и постсоветской эпохи: эволюция функций и оценок населения // Пути России: Двадцать лет перемен. – М., 2005. – С. 251. [Dubin, B.V. 'Media of Late Soviet and post-Soviet era: the Evolution of Functions and Population Estimates', *Puti Rossii: dvadtsat' let peremen* : materialy Mezhdunar. simp. Moscow, 2005, p. 251.]

¹⁹ VTSIOM Presented the Results of a Survey of Russians Trust the Media. Mode of access: <http://www.dela.ru/news/other/5719/>

²⁰ Wiew GIPP. Less and Less Russians Consider the Domestic Press Free. Mode of access: <http://www.gipp.ru/opennews.php?id=39902/>

²¹ Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ // Полис. – 2000. – № 1. [Ledyayev, V.G. Power: Conceptual Analysis // *Polis*, 2000, No. 1.]

informational interaction with the society with the direct participation of the mass media.

To fulfill this important task, it is necessary to create conditions for different mass media to carry out their activities, mass media reflecting both public and political interests, the struggle of opinions, ideas and points of view existing in the society. The higher the level of information competition, the higher the level of democracy and the institutions of civil society. In turn, the lack of information competition leads to the emergence of information barriers between the government and society, and these barriers might curb civil initiative and activity and slow the socio-economic development of the country.

Conclusion

At the junction of the 20th and 21st centuries, Soviet, and then Russian media, faced a difficult problem of finding their place in the reformed state, since the previous historical experience of the coexistence of the media and the authorities was not suitable in the new conditions.

The transformations initiated in the country, brought into play new political forces that involved mechanisms aimed at a gradual renovation that did not meet the modern concepts and demands of the political elite. In the modernized political and economic system, representatives of the new elite had the opportunity to gain access to power and to its resources. As a result of the process of glasnost initiated by Mikhail Gorbachev, there was an information explosion of freedom of opinion and emergence of new information in the media that received freedom, which was previously inaccessible to the general public in the conditions of the totalitarian regime. It would seem that Russian media found their place in the reformed system and became an important public institution that largely influenced the formation of public opinions and views, and which opinion the audience listened to and trusted. But the processes of so-called glasnost, which caused an information explosion, became possible only because the interests of the new political elite that came to power and the interests of the media community that sought independence and received freedom of speech,

converged for some time. This convergence of interests and uniting efforts in many ways determined the success of representatives of the new political forces and, at the same time, predetermined the future of the Russian mass media.

At first inconspicuous, but gradually growing political dependence of the media on the new political elite, developed and deepened, and subsequently became transformed into economic dependence.

Mass media fulfilled their role, ensuring the new elite coming to power and giving this process the necessary legitimacy. With the beginning of economic transformations, which were reduced to the introduction of market relations in the economy, the Russian media could not retain its function as objective sources of information that directly participate in public opinion shaping. They were not ready for action under the new conditions. Because of the dramatically increased financial costs, Russian media came first in the economic, and later in political dependence, either from authorities that retained their participation in the media market, or from the business that supported the media, and defined it as a guide and protector of their interests. Only a few media have remained independent players in the information market of the country, but at the same time they have largely lost their social weight and importance, having turned into specialized commercial publications.

Thus, genetic (state) nature of modern Russian mass media has prevailed.

References:

- Anohin, M.G.; Demidov, F.D.; Kononenko, A.V. and oth. Tekhnologii v politike i politiko-administrativnom upravlenii (Technologies in Politics and Political and Administrative Management). Moscow, 2005.*
- Budancev, Y.P. Systematic in the study of mass information processes. Moscow, 1986.*
- Buxton, W.J.; Bardini, T. Tracing Innis and McLuhan // Canadian Journal of Communications, 2012, Vol. 37, No. 4.*
- Dubin, B.V. 'Media of Late Soviet and post-Soviet era: the Evolution of Functions and Population Estimates', Puti Rossii: dvadtsat' let peremen : materialy Mezhdunar. simp. Moscow, 2005, pp. 250-263.*
- Dushkov, B.A. Noopsikhologiya i noosotsiologiya narodov (Noopsychosociology of peoples and eras). Moscow, 2001.*
- Dzialoshinski, I.M. Mass Media, Power and Civil Society in the Region. Moscow: 2002.*
- Esin, B.I. Istoriya russkoj zhurnalistiki (1703-1917) (The History of Russian Journalism (1703-1917)). Moscow, 2000.*

- Fedorkina, A.P.* Fenomen soznaniya v kontekste sotsial'nogo psikoanaliza (The Phenomenon of Consciousness in the Context of Psychoanalysis). Moscow, 1997.
- Golovko, B.N.* Informatsionnyi menedzhment massovoi kommunikatsii (Information Management of Mass Communication). Moscow, 2005.
- Gorky, M.* 'Book about Russian Men'. Moscow, 2000.
- Grabelnikov, A.A.* Russkaia zhurnalistika na rubezhe tysiacheletii. Itogi i perspektivy (Russian Journalism at the Turn of the Millennium. Results and Prospects). Moscow, 2000.
- Innis, H.A.* The Bias of Communication. Toronto etc., 2003. P. 76.
- Kablukov, E.V.* Deformatsiia realnosti v sovremennom rossiiskom mediadiskurse (Deformation of Reality in the Modern Russian Media Discourse) // *Izvestiya Ural Federal University. Series 1: The Problems of Education, Science and Culture*, 2015, Vol. 138. No. 2, pp. 43-51.
- Kara-Murza, S.* Sovetskaia tsivilizatsiia (Soviet Civilization). Moscow, 2002.
- Karpuhin, O.I.; Makarevich, E.F.* Vliianie na cheloveka: istoriko-sotsiologicheskii vzgliad (Influence on Man: Historical and Sociological View). Moscow-Barnaul, 2000.
- Konovchenko, S.V.; Kiselev, A.G.* Informatsionnaia politika v Rossii (Information Policy in Russia). Moscow: RAGS, 2004.
- Kozlova, D.* Problemy vzaimodeistviia organov gosudarstvennoi vlasti i SMI (Problems of Interaction between State Authorities and Mass Media) // *Ekonomika i Sotsium*, 2016, No. 4 (23), pp. 784-788.
- Ledyayev, V.G.* Power: Conceptual Analysis // *Polis*, 2000, No. 1.
- Mass Media and American Politics. N.Y.: McGraw-Hill, Inc. 1995. Pp. 27-34.
- Mutilina, K.O.* Contemporary Media Action: Where the Pendulum Leans? // *Politics, Economics and Innovation*, 2016, № 5(7), p. 4.
- Nisnevich, Y.A.* Informatsiia i vlast (Information and Power). Moscow: Mysl, 2000.
- Ong, J. Walter.* Orality and Literacy: The Technologizing of the Word. New York: Methuen, 1982, p. 201.
- Panarin, A.* Iskushenie globalizmom (The Temptation of Globalism). Moscow: Eksmo-Press, 2002.
- Poberezhskaya, M.* Communicating Climate Change in Russia: State and Propaganda / Communicating Climate Change in Russia: State and Propaganda. 2015. Pp. 1-167.
- Pohepcov, G.* Classical Media Theories: Garold Innis / *Media sapiens*. Mode of access: http://osvita.mediasapiens.ua/ethics/manipulation/klassicheskie_mediateorii
- Poe, M.T.* A history of Communications. Cambridge, 2011.
- Politicheskie kommunikatsii (Political Communications) / Ed. A.I. Soloviev. Moscow, 2004.
- Popov, V.D.* Gosudarstvennaia informatsionnaia politika: sostoianie i problemy formirovaniia (State Information Policy: the State and Problems of Formation) // *Mass Information Processes in Russia*. Moscow: RAGS, 2002.
- Popov, V.D.* Informatsiologiia i informatsionnaia politika (Informiology and Information Policy). Moscow, 2003.
- Postman, N.* Amusing Ourselves to Death. Penguin Books. 1985.
- Prohorov, E.P.* Journalism and Democracy. Theoretical Essays. Moscow, 2001.
- Radzinsky, E.* Napoleon: zhizn posle smerti (Napoleon: Life after Death). Moscow, 2003.
- Romanov, V.L.* Sotsialnaia samoorganizatsiia i gosudarstvennost (Social Self-Organization and Statehood). Moscow, 2003.
- Shkondin, M.V.* Ekonomicheskie faktory transformatsii SMI (Economic Factors of the Transformation of Russian Media). Moscow, 1999.
- Sistema SMI Rossii (The System of Mass Media of Russia) / Ed. Y.N. Zassurski: Moscow State University M.V. Lomonosov. Moscow, 1996.
- Svitich, L.G.* Zhurnalizm v sisteme globalnykh informatsionno-kreativnykh protsessov (Journalism in the System of Global Information and Creative Processes). Doctoral dissertation: Dr of Philological Sciences. Moscow, 2002.
- Tertichni, A.A.* Rassledovatel'skaia zhurnalistika (Investigative Journalism). Moscow, 2002.
- The Russians Do not Consider Domestic Press Free. Mode of access: <http://www.gipp.ru/opennews.php?id=39902>
- Timofeeva, L.N.* Vlast i oppozitsiia: vzaimodeistvie, vzaimoogranichenie, vzaimokontrol, kommunikatsiia (Power and Opposition: Interaction, Mutual Limitation, Mutual Control, Communication). Moscow, 2004.
- Uzvishin, I.I.* Osnovy informatsiologii (Fundamentals of Informiology). Moscow, 2000.
- Varustin, L.E.* Pressa i vlast (Press and Power). Saint Petersburg, 1995.
- Vlast i pressa v Rossii: k istorii pravitel'stvennogo regulirovaniia otноsheniia (1700-1917): Khrestomatia (The Power and the Press in Russia: On the history of Legal Regulation of Relations (1700-1917)). Moscow, 1999.
- Volkov, D.* 'Evil Empire: a Short Course' / *Otechestvennyye zapiski*, 2003. Mode of access: <http://www.stranaoz.ru/2003/4/imperiya-zla-kratkiy-kurs>
- Zassoursky, Y.* Zhurnalistika: ot Gutenberga do Billa Geitsa (Journalism: from Gutenberg to Gates) // *Otechestvennyye zapiski*, 2003, No. 4 (13). Mode of access: <http://www.strana-oz.ru/2003/4/zhurnalistika-ot-gutenberga-do-billa-geytza>
- Zassurski, I.I.* Mass-media vtoroi respubliki (Mass Media of the Second Republic). Moscow: MGU, 1999.
- Zemlianova, L.M.* Zarubezhnaia kommunikativistika v preddveriinformatsionnogo obshchestva (Foreign Communicativistics in the Run-up to the Information Society. Explanatory Dictionary of Terms and Concepts). Moscow: 1999.
- Zinoviev, A.* Ideologiia partii budushchego (Ideology of the Future Party). Moscow, 2003.

Литература:

- Budancev, Y.P.* Systematic in the study of mass information processes. Moscow, 1986.
- Buxton, W.J.; Bardini, T.* Tracing Innis and McLuhan // *Canadian Journal of Communications*, 2012, Vol. 37, No. 4.
- Innis, H.A.* The Bias of Communication. Toronto etc., 2003. P. 76.
- Mass Media and American Politics. N.Y.: McGraw-Hill, Inc. 1995. Pp. 27-34.
- Mutilina, K.O.* Contemporary Media Action: Where the Pendulum Leans? // *Politics, Economics and Innovation*, 2016, № 5(7), p. 4.
- Ong, J. Walter.* Orality and Literacy: The Technologizing of the Word. New York: Methuen, 1982, p. 201.

- Poberezhskaya, M.* Communicating Climate Change in Russia: State and Propaganda / Communicating Climate Change in Russia: State and Propaganda. 2015. Pp. 1-167.
- Pochepov, G. Classical Media Theories: Garold Innis / *Media sapiens*. Mode of access: http://osvita.mediasapiens.ua/ethics/manipulation/klassicheskie_mediateorii
- Poe, M.T.* A history of Communications. Cambridge, 2011.
- Postman, N.* Amusing Ourselves to Death. Penguin Books. 1985.
- The Russians Do not Consider Domestic Press Free. Mode of access: <http://www.gipp.ru/opennews.php?id=39902>
- Volkov, D.* 'Evil Empire: a Short Course' / *Otechestvennyye zapiski*, 2003. Mode of access: <http://www.stranaoz.ru/2003/4/imperiya-zla-kratkiy-kurs>
- Анохин М.Г., Демидов Ф.Д., Кононенко А.В.* и др. Технологии в политике и политико-административном управлении. – М., 2005.
- Варустин Л.Э.* Пресса и власть. – СПб., 1995.
- Власть и пресса в России: К истории государственного регулирования отношений: (1700-1917): Хрестоматия. – М., 1999.
- Головкин Б.Н.* Информационный менеджмент массовой коммуникации. – М.: Спб.: Изд. Михайлова, 2005.
- Горький Максим. Книга о русских людях. – М., 2000.
- Грбельников А.А.* Русская журналистика на рубеже тысячелетий. Итоги и перспективы. Монография. – М., 2000.
- Дзялошинский И.М.* СМИ, власть и гражданское общество в регионе. – М.: Пульс, 2002.
- Дубин Б.В.* Медиа позднесоветской и постсоветской эпохи: эволюция функций и оценок населения // Пути России: Двадцать лет перемен. – М., 2005. – С. 250-263.
- Душков Б.А.* Ноопсихология и ноосоциология народов. – М., 2001.
- Есин Б.И. История русской журналистики (1703-1917). – М: Флинта: Наука, 2000.
- Засурский И.И.* Масс-медиа второй республики. – М: МГУ, 1999.
- Засурский Я.* Журналистика: от Гутенберга до Билла Гейтса // Отечественные записки. – 2003. – № 4.
- Землянова Л.М.* Зарубежная коммуникативистика в преддверии информационного общества: Толковый слов. терминов и концепций. – М.: 1999.
- Зиновьев А.* Идеология партии будущего. – М., 2003.
- Каблуков Е.В.* Деформация реальности в современном российском медиадискурсе // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: проблемы образования, науки и культуры. – 2015. – № 2. – С. 43-51.
- Кара-Мурза С.Г.* Советская цивилизация. – М., 2002.
- Карпухин О.И., Макаревич Э.Ф.* Влияние на человека: историко-социологический взгляд. – Москва-Барнаул: Пикет, 2000.
- Козлова Д.А. Проблемы взаимодействия органов государственной власти и СМИ // Экономика и социум. – 2016. – № 4(23). – С. 784-788.
- Коновченко С.В.; Киселев А.Г.* Информационная политика в России. – М.: Изд-во РАГС, 2004.
- Ледяев В.Г.* Власть: концептуальный анализ // Полис. – 2000. – № 1.
- Нисневич Ю.А.* Информация и власть. – М.: Мысль, 2000.
- Панарин А.С.* Искушение глобализмом. – М.: Эксмо-Пресс, 2002.
- Политические коммуникации / под ред. А.И. Соловьева. – М., 2004.
- Попов В.Д.* Государственная информационная политика: состояние и проблемы формирования / Массовые информационные процессы в России. – М.: РАГС, 2002.
- Попов В.Д.* Информациология и информационная политика. – М., 2003.
- Прохоров Е.П.* Журналистика и демократия. – М., 2001.
- Радзинский Э.* Наполеон: жизнь после смерти. – М., 2003.
- Романов В.Л.* Социальная самоорганизация и государственность. – М.: РАГС, 2000.
- Свитич Л.Г.* Журнализм в системе глобальных информационно-креативных процессов. Дисс. на соиск. ст. д.филолог.н. Москва, 2002.
- Система СМИ России / ред. Я.Н. Засурский, МГУ. – М., 1996.
- Тертычный А.А.* Расследовательская журналистика. – М., 2002.
- Тимофеева Л.Н.* Власть и оппозиция: взаимодействие, взаимоограничение, взаимоконтроль, коммуникация. – М.: Изд-во РАГС, 2004.
- Федоркина А.П.* Феномен сознания в контексте социального психоанализа. – М.: Изд-во Рос. акад. гос. службы, 1997.
- Шкондин М.В.* Экономические факторы трансформации СМИ. – М., 1999.
- Юзвизин И.И.* Основы информациологии. – М.: 2000

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10005

ИСТОКИ И ТРАДИЦИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ

Евгений Алфеевич Марков

Череповецкий государственный университет,
Череповец, Россия

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 29 мая 2017 <i>Принята к печати:</i> 27 апреля 2018</p>	<p>Аннотация: Деятельность российских средств массовой информации в России на протяжении длительного времени в значительной мере определялась и определяется органами власти. Государство контролирует деятельность субъектов информационного воздействия, полагая, что информационные ресурсы, наравне с другими, – это важные скрепы, соединяющие многонациональный народ в единое целое, это один из источников силы и могущества страны. Автор статьи, показывая трансформации, происходившие во взаимодействии органов власти и масс-медиа за три века российской истории, высказывает идею о неизбежности активного присутствия и контроля властных институтов коммуникативно-информационного поля страны, как важного фактора, обеспечивающего развитие России, проводящей самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику и защищающей свои национальные интересы.</p>
<p>Об авторе: д.полит.н., профессор, кафедра связей с общественностью, журналистики и рекламы, Гуманитарный институт, Череповецкий государственный университет e-mail: marevgeny@inbox.ru</p>	
<p>Ключевые слова: информационная сфера; государственный контроль; масс-медиа; правительство; общество</p>	

Для цитирования: Markov, Evgeny A. The Origins and Traditions of the Information Policy in Russia // *Сравнительная политика*. – 2019. – № 1. – С. 70-80.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10005

For citation: Markov, Evgeny A. The Origins and Traditions of the Information Policy in Russia// *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 1, pp. 70-80.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10005

ЗАКОНОМЕРНОСТИ В СМУТЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ВОЛНЫ 1848–1849 гг. В АВСТРИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Николай Сергеевич Розов

*Институт философии и права
Сибирского отделения Российской академии наук,
Новосибирский государственный университет,
Новосибирский государственный технический университет,
Новосибирск, Россия*

Владислав Васильевич Цыганков

*Специализированный учебно-научный центр
Новосибирского государственного университета,
Новосибирск, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 10 июня 2018 <i>Принята к печати:</i> 25 ноября 2018</p>	<p>Аннотация: В исследовании проводится сравнение роли «Группы семи», «Г» В статье анализируются факторы и закономерности, объясняющие вступление одних обществ и невступление других в европейскую революционную волну 1848-1849 гг., исследуются причины различных итогов революций. В статье реализован теоретико-исторический подход в макросоциологии, включающий челночные движения между выдвижением общих гипотез и систематическим сравнением случаев для их проверки и коррекции. В «Весне народов» как обширной волне европейских революций 1848-1849 гг. для анализа взяты только центр (Вена) и этнические провинции Австрийской империи (Венеция-Ломбардия, Венгрия и Чехия). Уточнены факторы создания революционной ситуации и подтверждена гипотеза «восполнения» недостающих факторов благодаря внешнему влиянию революций в соседних и/или высокореперентных обществах – благодаря эффекту революционной волны.</p>
<p>Об авторах: <i>Розов Н.С.</i>, д.филос.н., профессор, главный научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН; заведующий кафедрой социальной философии и политологии, НГУ; профессор, кафедра международных отношений и регионоведения, НГТУ e-mail: nrozov@gmail.com <i>Цыганков В.В.</i>, к.филос.н., доцент, кафедра гуманитарных наук, СУНЦ НГУ e-mail: oktava-77@yandex.ru</p>	<p><i>Статья подготовлена при поддержке Отделения гуманитарных и общественных наук РФФИ, проект 16-03-00318–ОГН «Революционные волны в динамике модернизации обществ XIX–XXI вв.: макросоциологический и социально-философский анализ»</i></p>
<p>Ключевые слова: революционные волны; революции 1848-1849 гг.; Австрийская империя; исторические закономерности; революционная динамика; революционная ситуация; факторы нестабильности; социально-политический кризис; делегитимация власти; лояльность силовых структур; раскол элит; низовые протесты</p>	

Революционная волна 1848-1849 гг. как материал макросоциологического анализа

Ярким классическим примером революционной волны является «Весна народов», объединяющая социальные и национально-

освободительные революции, а также связанные с ними политические кризисы, международные и гражданские войны в За-

падной и Центральной Европе середины XIX в. Эта группа взаимосвязанных явлений с разнообразием событий и итогов революций в каждом вовлеченном в волну обществе с переплетением внутренних процессов и международного взаимодействия позволяет выявлять факторы, механизмы и закономерности революционной динамики.

В качестве участников революционной волны здесь выделяются не государства, а общества, понимаемые как этнические, культурные, институциональные и территориальные единства. Поэтому в обширной Австрийской империи единая революционная волна по-разному проявлялась в Вене как имперском центре и в этнических (полиэтнических) провинциях: Чехия, Венгрия, балканские области, итальянские Венеция и Ломбардия.

Факторы революционной ситуации и гипотеза восполнения

Революционные события вначале возникают только в обществе-доноре, «дозревшем до революции» (метафора К. Маркса), то есть с накопившимися напряжениями, слабостью режима и прочими факторами, которые составляют «революционную ситуацию». Другие общества (часто соседние, родственные по языку, культуре, религии с обществом-донором, или имеющие с ним тесные культурные, экономические и политические связи) «дозревают» до революции в существенно разной мере. В них либо возникает достаточный уровень нестабильности, который благодаря «заражению» приводит к революции, либо действуют стабильные, легитимные, сильные режимы, не уязвимые для революционного влияния. В средних случаях – возникают волнения, протесты, но революции не происходит. Очевидно, волну подхватывают общества с максимумом потенциальной нестабильности – уже имеющейся революционной ситуацией. Но эффекта нескольких революций достаточно, чтобы «революционный пожар» «воспламенил» даже общества с относительно стабильными режимами¹.

¹ См.: Цирель С.В. Революционные ситуации, революции и волны революций: условия, закономерности, примеры // Ойкумена, –

Вначале был рассмотрен весьма широкий набор 28 гипотетических бинарных факторов, почерпнутых из современных сравнительно-исторических исследований революций². По этим факторам проведено сравнение обществ, переживших революционные потрясения (Франция, Пруссия, центральное общество и этнические провинции Австрийской империи) и избежавшие их (Россия, Испания, Великобритания).

Революции в обществах, подчиненных Австрийской империи, или зависимых от нее, появившиеся в них республики в большинстве были подавлены, как правило, под действием внешней военной силы – австрийской и российской армий. Таким образом, динамика революционных волн должна включать не только процессы «возгорания», но и процессы «тушения». В пилотажном исследовании не получилось выявить зависимость интенсивности революций в

2012, – вып. 8. – С. 174-209. [TSirel', S.V. Revolyutsionnye situatsii, revolyutsii I volny revolyutsij: usloviya, zakonornosti, primery (A Revolutionary Situation, the Revolution and the Wave of Revolutions: the Conditions, Patterns, Examples) // *Oikumen*, 2012, Iss. 8, pp. 174-209.]

² См. об этом: Голдстоун Дж. Революции. Очень краткое введение. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. – 192 с. [Goldstoun, Dzh. Revolyutsii. Ochen' kratkoe vvedenie (Revolutions. A Very Short Introduction). Moscow: Gaidar Institute publishing House, 2015. 192 p.]; Коротаев А.В., Исаев Л.М., Васильев А.М. Количественный анализ революционной волны 2013-2014 гг. // Социологические исследования. – 2015. – № 8. – С. 119-127. [Korotaev, A.V.; Isaev, L.M.; Vasilev, A.M. Kolichestvennyi analiz revoliutsionnoi volny 2013-2014 gg. // *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2015, No. 8, pp. 119-127.]; Katz, M. *Revolutions and Revolutionary Waves*. Palgrave Macmillan, 1999. 192 p.; Tilly, Ch. *The Politics of Collective Violence*. Cambridge, 2003. 290 p.; Goldstone, J. *Rethinking Revolutions: Integrating Origins, Processes, and Outcomes* // *Comparative Studies of South Africa and the Middle East*, 2009, vol. 29(1), pp. 18-32; Goldstone, Jack et al. *A Global Model for Forecasting Political Instability* // *American Journal of Political Science*, 2010, Vol. 54, No. 1, pp. 190-208; Beck, C.J. *The World-Cultural Origins of Revolutionary Waves Five Centuries of European Contention* // *Social Science History*, 2011, vol. 35(2), pp. 167-207; Beck, C.J. *Radicals, Revolutionaries, and terrorists*. Polity Press, 2015.

разных обществах от удаленности и уровня референтности претерпевавших революцию обществ-доноров. Франция оставалась в ту эпоху высокореферентной в культурном и международном планах для всех западно-европейских обществ (и не только для них). Ослабление и укрепление императорской власти в Вене также сильно воздействовало на все ее провинции и зависимые общества.

Для более глубокого исследования динамики революционной волны мы сосредоточились на обществах Австрийской империи с учетом факторов, показавших наибольшую значимость.

Проведено шкалирование силы факторов по трехбалльной шкале (0 – отсутствие фактора, нет свидетельств о сколь-нибудь существенном его присутствии, 1 – средняя или неопределенная выраженность, 2 – яркие свидетельства сильной выраженности фактора). В описании ступеней 0 и 2 есть несколько признаков; если они выражены слабо или есть свидетельства только о меньшей части признаков, или сочетаются признаки из 0 и 2, тогда фактору приписывается среднее значение 1.

Революционная ситуация: факторы «созревания»

Уровень *делегитимации* власти и режима:

$d=0$, высокая или достаточная для стабильности легитимность власти и режима, что проявляется как отсутствие или низкая популярность текстов, дискредитирующих власть, притом что нет заметных уличных протестов, мятежей, восстаний, нет свидетельств о росте протестных настроений, об открытых или тайных собраниях, где систематически критикуют власти, обсуждают политические идеи, требования, замышляют коллективные действия;

$d=1$, средний или неопределенный уровень легитимности;

$d=2$, явно низкая легитимность власти и режима, обилие весьма популярных текстов, дискредитирующих власть, постоянно вспыхивающие протесты, уличные выступления, забастовки, стачки, шествия с лозунгами «долой!», мятежи и восстания, проводятся открытые или тайные собрания,

где систематически критикуют власти, обсуждают политические идеи, требования, замышляют коллективные действия.

Раскол элит:

$s=0$, отсутствие раскола, нет известной влиятельной фронды обиженных представителей элит, нет заговоров, нет известных случаев значимой, систематической поддержки радикальных оппозиционеров со стороны представителей вышеуказанных элит, налаживания связей между частью элиты и низовым протестом;

$s=1$, средний или неопределенный уровень раскола элит;

$s=2$, явный раскол элит, есть известная и влиятельная фронда обиженных представителей элит (административной, силовой, финансовой, промышленной, торговой, религиозной, медийной, интеллектуальной), есть свидетельства заговоров среди чиновничества и/или держателей ресурсов, есть яркие случаи значимой, систематической поддержки радикальных оппозиционеров со стороны представителей административной и/или коммерческой элиты, их сотрудничества с низовыми протестными группами.

Низкая лояльность силовых структур (аппарата принуждения):

$c=0$, высокая лояльность, не известны отказы силовых структур выполнять репрессивные действия, нет заговоров среди генералитета и офицерства, наиболее популярные в войсках военачальники занимают высокие посты и демонстрируют полную приверженность правительству, поддержку режиму, готовность их защищать;

$c=1$, средний уровень лояльности;

$c=2$, явно низкая лояльность аппарата принуждения, частые отказы силовых структур выполнять репрессивные действия, известны заговоры среди генералитета и офицерства, наиболее популярные в войсках военачальники отправлены в отставку, находятся в опале или эмигрировали; те, кто демонстрирует приверженность правительству, поддержку режиму, сами не пользуются уважением среди военных и полиции.

Наличие и влиятельность политической альтернативы (сочетания идей, лидеров и организации):

$a=0$, нет политической альтернативы, нет популярных политических идей, лозунгов для протеста, нет ярких, известных лидеров, способных мобилизовать массы на политические действия, нет организационных структур для мобилизации, координации действий и рекрутирования;

$a=1$, средний уровень, есть разрозненные оппозиционные силы с низкой поддержкой; либо имеет место существенный раскол оппозиции (обычно на радикалов и умеренных, склонных к оппортунизму);

$a=2$, есть сильная альтернатива, включающая популярные политические идеи, лозунги для протеста, ярких, известных лидеров, способных мобилизовать массы на политические действия, имеются организационные структуры для мобилизации, координации действий и рекрутирования.

Наличие и величина масс недовольных, «горючего материала»:

$p=0$, отсутствие масс недовольных, каких-либо значимых протестных действий, по крайней мере, в столице и основных городах, если недовольные есть, то разрознены, лишены общих идей, лидеров и способов связи;

$p=1$, есть спорадические проявления низового недовольства, как правило, не связанные между собой; есть некий уровень концентрации потенциального «горючего материала» (молодых безработных, приезжих из сельской местности, политически активного студенчества);

$p=2$, наличие возбужденных, готовых к протесту и радикальным политическим действиям масс либо в столице, либо на географически защищенных окраинах; высокая безработица, «молодежный бугор» в столице и/или крупных городах.

Обширная Австрийская империя демонстрирует революционную динамику практически всех своих областей: 1) Ломбардо-Венецианская область, 2) Галиция, 3) собственно Австрия, 4) Венгрия, 5) Чехия, 6) Словакия, 7) Воеводина, 8) Хорватия. Здесь рассмотрим с точки зрения значений факторов «созревания» революции события в Австрии как имперском центре и революционные процессы в разных национальных окраинах: Ломбардо-Венецианской области, Венгрии и Чехии.

Вена – центр Австрийской империи

1. *Делегитимация власти и существующего порядка (1)*. Все протестные акции собственно в Австрии происходят только после событий на Сицилии, во Франции, и в германских землях. Ландтаг Нижней Австрии подготовил меморандум императору, требуя расширения полномочий ландтагов, отмены крестьянских повинностей. Студенты вышли на улицы с требованием расширения гражданских прав, дальше последовали бойня, массовое возмущение и сооружение баррикад. В обзорных работах неоднократно указывается на «ненавистный режим канцлера Меттерниха», отставки которого протестующие потребовали в первую очередь. Значит, к моменту начала активных действий восставших режим был отчасти дискредитирован, хотя дискредитация носила персональный характер и не связывалась с императором, для смещения которого потребовался бы кардинальный переворот. Общим местом также остается указание на влияние на протестные массы Вены революционных событий в других областях (с публичным зачитыванием обращения венгра Лайоша Кошута на Пожоньском сейме)³. Иными словами, не наблюдалось существенного снижения легитимности местной власти и режима. Поэтому данный параметр надо принять как средний.

2. *Раскол элит (1)*. Собственно австрийцы находились в привилегированном положении, хотя их было чуть больше 20% от населения империи. При описании революционной ситуации в случае Австрии обычно приводятся самые общие обвинения: бюрократический абсолютизм стесняет коммерцию, а с 1846 г. в стране начался кризис, безработица, инфляция, банкротства, голод. В начале революции на стороне революционных студентов и рабочих открыто высту-

³ Революции 1848-1849. Т. I. Под редакцией проф. В.Ф. Потемкина и А.И. Молока. – М.: АН СССР. Институт истории, 1952. – С. 263-265. [Revolyutsii 1848-1849. T.I. Pod redaktsiej prof. V.F. Potemkinai A.I. Moloka (Revolutions of 1848-1849. T. I. Ed. by V.F. Potemkin and A.I. Moloko). Moscow: USSR Academy of Sciences. Institute of history, 1952. Pp. 263-265.]

пили члены ландтага Нижней Австрии, что свидетельствует о накопленном отчуждении. На другой стороне сплотились реакционеры во главе с Меттернихом и эрцгерцогиней Софьей. Значение этого параметра следует признать средним.

3. *Нелояльность аппарата принуждения (0)*. В марте 1848 г. комендант Вены эрцгерцог Альбрехт ввел в столицу войска и устроил «бойню на Херенгассе», а в августе в Леопольдштадте была расстреляна рабочая демонстрация⁴. После подавления войсками октябрьского восстания в Вене началась диктатура маршала Виндишгреца. Массовые переходы солдат на сторону восставших для венских событий не известны. При слабости, разрозненности и умеренности требований протестующих их спасало только то, что основная военная сила империи была задействована в подавлении венгерского и итальянского восстаний. Нет свидетельств в пользу нелояльности силового аппарата режима в данном случае.

4. *Наличие политической альтернативы (1)*. Немедленно после начала революционных событий во Франции и германских землях депутаты ландтага Нижней Австрии выдвинули предложение отменить крепостные повинности, и расширить полномочия ландтагов. Сразу же в марте студенты создали свой знаменитый Академический легион. Это означает, что оппозиционные идеи обдумывались, а структуры рекрутирования протестных сил имели место еще до начала революции (хотя были разрозненны). С другой стороны, практически не известны персоналии собственно австрийских революционеров (венгерские и даже чешские явно их затмили по активности и известности). Историки указывают на соглашательский характер политики мятежного ландтага, резко контрастирующий с радикализмом городских низов и студенчества⁵. Таким образом, раскол и слабость,

«размытость» альтернативного проекта для Австрии налицо, поэтому значение по данному фактору среднее.

5. *Наличие «горючего материала» революции (2)*. Если сравнивать Австрию с Ломбардо-Венецианской областью, то по количеству недовольных первая явно проигрывает второй. Хотя и здесь действует общеевропейский экономический кризис, однако тяготы простого народа и дискомфорт австрийской элиты не идут ни в какое сравнение с итальянскими, где промышленность получила архаизацию и жесткие таможенные барьеры, а элиты были показательно лишены политического суверенитета. В Вене, как и везде в крупных городах, имела место пауперизация, студенты со страхом наблюдали за ростом безработицы, а промышленное лобби в местных парламентах ожидало любого сигнала для начала наступления на благородное землевладельческое сословие и его феодальные преимущества. Революционные события в Вене явно носили массовый характер (баррикады, столкновение с войсками, и даже тактические победы над ними). И в ходе мартовского, и в ходе октябрьского восстаний 1848 г. в Вене силы протестующих явно превзошли репрессивные возможности правительства (был захвачен арсенал, казнен военный министр, осажден император).

6. *Отчуждение основной массы населения от инокультурной правящей элиты (0)*.

7. *Живость, политическая актуальность памяти о прошлой национальной независимости (0)*.

Для центра Австрийской империи пункты 6-7 не были актуальными.

8. *Наличие организованных вооруженных отрядов (официальных или подпольных) с военным или повстанческим опытом (0)*. Каких-либо сведений о вооруженном подполье до начала событий обнаружить не удалось. Комитет безопасности и Академический легион были образованы уже в процессе протестных акций, как часть уступок, вырванных у правительства революционными силами.

⁴ Ibid, с. 267-268, 577-578.

⁵ Европейские революции 1848 года «Принцип национальности» в политике и идеологии. — М.: Индрик, 2001. — С. 135-138. [Evropskie revolucije 1848 goda «Printsip natsionalnosti» v politike i ideologii (European Revolutions of

1848 “The Principle of Nationality” in Politics and Ideology). Moscow: Indrik, 2001. Pp. 135-138.]

Ломбардо-Венецианская область

1. *Делегитимация власти и существующего порядка (2)*. Уровень этого параметра следует оценивать как наивысший, по крайней мере, в Австрийской империи. С начала XIX в. в обеих провинциях фиксируются непрекращающиеся мятежи карбонариев. Уже в сентябре 1847 г. происходят стычки итальянских демонстрантов с австрийской полицией в Ломбардии. 18 марта в Милане – уличные бои, австрийские войска вытеснены из города, образовано провинциальное правительство, после чего Ломбардо-Венецианская республика начинает войну с империей.

2. *Раскол элит (2)*. Поскольку данный фактор предполагает раскол элит именно в пользу сил революции, то по этому параметру область явно находится на первом месте, поскольку во «фронду обиженных» попадают все представители итальянской местной элиты, не являющиеся австрийцами. Для итальянских земель в эту революцию весьма характерна более или менее последовательная оппозиция имперскому порядку. Широко известны, например, сардинский аристократ Камилло Бенсо ди Кавур, основавший в 1847 г. газету «Рисорджименто» («Возрождение»), и пьемонтский монарх Карл Альберт, уже в марте 1848 г. объявивший войну Австрии.

То, насколько быстро местные «контрэлиты» из тюрем или эмиграции сразу становились во главе местных органов революционной власти, указывает на длительный, хотя и скрытый союз итальянских элит и «контрэлит». Революционер-эмигрант Джузеппе Мадзини, основатель тайной организации «Молодая Италия», становится главой Римской республики после бегства из Рима Папы. Президентом возникшей Венецианской республики становится только что освобожденный из тюрьмы адвокат-патриот Даниэле Манин. Революционный партизан и капер Джузеппе Гарибальди летом 1848 г. прибывает в Италию – и тут же оказывается на службе у короля Сардинии. Фиксируются примеры и обратной ситуации: представители прежней власти легко входят в состав революционных правительств. Например,

Габрио Казати – подеста (глава администрации) Милана – становится там председателем временного правительства уже после изгнания австрийцев.

3. *Нелояльность аппарата принуждения (2)*. Здесь имеется в виду (не)лояльность в отношении охватывающего порядка. Знаменитые «Пять дней Милана», скорее, указывают на низкую лояльность карательных войск имперского генерала Радецкого: они еще могли обстреливать город с окрестных фортов, но в уличных боях со слабо вооруженными горожанами явно проигрывали, а при отступлении подняли бунт (при этом фиксировались массовые случаи перехода солдат на сторону восставших).

4. *Наличие политической альтернативы (1)*. С уверенностью можно сказать, что альтернатива была, причем обеспечивалась поддержкой как революционных масс, так и элит. Были и национал-патриоты (те же Мадзини, Манин, Гарибальди и др.), которые тут же были вознесены в лидеры протестных действий. По-видимому, об организационных структурах для координации действий тоже можно говорить: тайные общества – это основная черта «Рисорджименто». Однако верно и то, что идейные расколы ослабляли революционный лагерь. Для Италии 1848 г. важнейшим был вопрос о путях объединения страны. Монархические круги Пьемонта настаивали на монархии, венецианцы и граждане Рима – на республике. Этот раскол территориально разобщил революционную коалицию⁶. Уровень альтернативы следует считать средним, с учетом ее низкой консолидированности, обусловившей итоговые военные и политические поражения революций.

5. *Наличие «горючего материала» революции (2)*. Сложно говорить о «молодежном бугре» и подобных демографических факторах, поскольку доступный статистический материал по итальянским землям рассматриваемого эпизода весьма скуден. Однако в

⁶ Европейские революции 1848 года «Принцип национальности» в политике и идеологии. – М.: Индрик, 2001. – С. 93-102. [Evropske revoluce 1848 goda «Princip natsionalnosti» v politike i ideologii (European Revolutions of 1848 “The Principle of Nationality” in Politics and Ideology). Moscow: Indrik, 2001. Pp. 93-102.]

отношении тягот для простонародья обычно сообщается, что с началом экономического кризиса 1846-1847 гг. традиционно развитое в Северной Италии мануфактурное производство терпит крах, на улицах городов полно безработных, происходит стремительная пауперизация населения⁷.

Что касается дискомфорта элит, то здесь имела место усеченная культурно-административная автономия, элементы ксенократии. После Реставрации по воле Венского конгресса таможенные барьеры, расчленившие территорию Италии, были восстановлены; коммерчески-ориентированные формы аренды запрещены; вернулись фидеокomisсы и майорат в деревне, цеховая система на мануфактурах и прочие феодальные пережитки. Это уменьшало возможности статусного прироста коммерчески-ориентированной части элит. К тому же, в ходе Реставрации в итальянской элите возник не только «конфликт укладов», но также конфликт административно-клановый: от власти и влияния были оттеснены военные и бюрократы, выдвинувшиеся при Наполеоне⁸. Поэтому с первыми известиями о мартовской революции в Австрии происходит социальный взрыв с участием множества недовольных и готовых к протесту вплоть до вооруженных действий. Те же «Пять дней Милана» продемонстрировали, что решимость дать отпор австрийским войскам явно превзошла возможности последних привести город к повиновению.

6. *Отчуждение основной массы населения от инокультурной правящей элиты (2)*. После реставрации раздробленности Италии решением Венского конгресса прежние монархические слои вновь заняли господствующее положение. Формально

даже в прямо присоединенной к империи Ломбардо-Венецианской области не было значимых этнических и языковых различий между элитой и основной массой итальянского населения. Австрийская империя контролировала итальянские земли «удаленно», при помощи «кадровой политики» и монополии военно-политического контроля. Полиция и армия контролировались австрийцами; они же вели перлюстрацию частной переписки итальянцев; осужденные итальянские национал-патриоты содержались в австрийских, а не в итальянских тюрьмах. Здесь следует говорить о двухступенчатой системе: итальянские элиты зависели в своих политических действиях от решений «старшего брата» в Вене. Поэтому следует скорее говорить об отчуждении внутри самой итальянской элиты, верхний «этаж» которой был явно ксенократическим – солидарным с имперским центром⁹.

Именно неспособность повлиять на решения Вены в свою пользу привело часть итальянских элит к непримиримому конфликту с австрийцами. Однако ни в 1821, ни в 1831 г. в борьбу с ксенократией не удавалось вовлечь простонародье (которое почти не видело австрийцев, но ежедневно имело дело с собственными сеньорами), поэтому заговорщики-карбонарии раз за разом терпели поражение. Мадзини стал знаменит именно потому, что совместил национально-освободительные идеи с эгалитарными установками пауперизованного итальянского большинства (*«революция с народом и для народа»*), чем сумел «расшевелить» простонародные массы, которые до этого вообще не знали, что находятся под австрийским гнетом. Таким образом, применительно к Италии этот пункт следует назвать *«ksenokратическим разобщением внутри элиты»*.

⁷ Новая история стран Европы и Америки (под редакцией А. В. Адо). – М.: Высшая школа, 1986. – С. 421-422. [Novaya istoriya stran Evropy i Ameriki (New History of Europe and America. Ed. by A.V. Ado). Moscow: Higher school, 1986. Pp. 421-422.]

⁸ История Италии. Под редакцией С.Д. Сказкина, К.Ф. Мизиано, С.И. Дорофеева. Т. 3. – М.: «Наука», 1970. – С. 82. [Istoriya Italii. T. 3. (History of Italy. Ed. by S.D. Skazkin, K.F. Misiano, S.I. Dorofeev. Vol. 3). Moscow: "Nauka", 1970. P. 82.]

⁹ Ковальская М.И. Италия в борьбе за национальную независимость и единство: От революции 1831 г. К революции 1848-1849 гг. – М.: Наука, 1981. – С. 10. [Koval'skaya, M.I. Italiya v bor'be za natsional'nyuyu nezavisimost' i edinstvo: Ot revolyutsii 1831 g. k revolyutsii 1848-1849 gg. (Italy in the Struggle for National Independence and Unity: from the Revolution of 1831 to the Revolution of 1848-1849). Moscow: Science, 1981. P. 10.]

7. *Живость, политическая актуальность памяти о прошлой национальной независимости (2)*. Этот параметр для Ломбардо-Венецианской области однозначно имеет наивысшее значение. Обсуждение суверенизации и интеграции Италии пронизывает ее политический дискурс рассматриваемого периода. Споры возникали только о путях этого процесса (борьба тайных обществ, спонтанные восстания, сплочение вокруг республики, короля, Папы и т. п.).

8. *Наличие организованных вооруженных отрядов (официальных или подпольных) с военным или повстанческим опытом (2)*. В 1818 г. в Пьемонте и Ломбардии возникло тайное общество «Итальянская федерация» из либерального дворянства и военных. Движение поддерживалось представителями Савойской династии (Сардинское королевство). Однако в вооруженной борьбе карбонариев Неаполя, Пьемонта и Папской области 1821 г. эта организация практически не участвовала (поэтому неаполитанские заговорщики получили либо заочные, либо явные смертные приговоры, а в Ломбардо-Венецианской области пойманные заговорщики отделались тюремными сроками). Точно так же не сыграли какой-либо роли Милан и Венеция в восстании карбонариев Центральной Италии 1831 г. С этого момента создаваемые ячейки «Молодой Италии» возникали и в рассматриваемой области, однако вспыхнувшее в Сардинском королевстве восстание заговорщиков-мадзинистов 1834 г. опять же не коснулось Милана и Венеции. Таким образом, можно говорить о наличии на данной территории тайных обществ, ориентированных на вооруженную борьбу, хотя нельзя признать за ними сколь-нибудь существенного опыта силовых акций и сколь-нибудь существенной поддержки населения.

Венгрия – крупнейшая мятежная провинция Империи

1. *Делегитимация власти и существующего порядка (1)*. Уже в 1830-х гг. происходят и первые восстания (крестьянское на севере Венгрии), и первый революционный отзыв на них со стороны национальных интеллек-

туалов (книги «Мир» и «Стадия» сторонника «революции сверху» графа Иштвана Сеченьи, запрещенные в стране и доставляемые туда нелегально). В те же 1830-е гг. в Пожони создаются политические кружки антиаристократической пропаганды «Беседы» во главе с адвокатом Лайошем Кошутом. До начала 1840-х гг. Кошут уже успел посидеть в тюрьме как политзаключенный, затем он много писал для газеты «*Пешти Хирлан*», распространяющей идеи незамедлительного освобождения крестьян и введения всеобщего налогообложения. В 1847 г. в Венгрии происходили многочисленные крестьянские восстания. Однако известность такого рода оппозиционных деятелей среди элит, а тем более, среди простонародья, вряд ли можно оценивать как высокую. К тому же, аристократическая оппозиция критикует режим за отсталость, но не ставит под сомнение власть императора¹⁰. Значение данного параметра следует принять как среднее.

2. *Раскол элит (2)*. В Империи венгры не допускались в политическую сферу, их участие ограничивалось местным самоуправлением; государственным языком был немецкий. Таможенные тарифы, которыми Австрия отгородилась от Англии в период кризиса, ударили по сырьевой Венгрии, обеспечивая приоритет промышленности Австрии и Чехии. Новое государственное собрание (с 1847 г.) зашло в тупик из-за раскола дворянства и не смогло начать реформы. Главные силы, столкнувшиеся в Венгрии и вызвавшие революцию, включали, с одной стороны, крупную земельную аристократию, с другой стороны – мелкопоместное («лапотное») дворянство. Первая вовлекала в борьбу габсбургскую Австрию, а второе – крестьянство, ремесленных рабочих и городскую интеллигенцию¹¹. В той же

¹⁰ Революции 1848-1849. Т. I. Под редакцией проф. В.Ф. Потемкина и А.И. Молока. – М.: АН СССР. Институт истории, 1952. – С. 428-429. [Revolyutsii 1848-1849. T.I. Pod redaktsiej prof. V.F. Potemkinai A.I. Moloka (Revolutions of 1848-1849. T. I. Ed. by V.F. Potemkin and A.I. Moloko). Moscow: USSR Academy of Sciences. Institute of history, 1952. Pp. 428-429.]

¹¹ Авербух Р.А. Революция и национально-освободительная борьба в Венгрии 1848-

газете «*Петити Хурлан*» в 1840-х гг. в острую полемику вступили граф Сеченьи и адвокат Кошут, позиции которых соответствовали двум вышеозначенным общественным силам. Далее, уже накануне революции «новые консерваторы» выступали за реформы с сохранением господства аристократии, либералы за парламентскую монархию, радикалы «Молодой Венгрии» за республику и вооруженное восстание. Политический кризис 1847 г. наступил из-за противоборства либералов (поддержанных большинством в дворянских «комитатах») и консерваторов (поддержанных императором) в венгерском государственном собрании. «Лапотное дворянство», заседавшее в «комитатах» и поддерживающее печатные органы радикалов, вполне можно считать «фрондой обиженных» из числа держателей ресурсов. Параметр раскола элит следует признать высоким.

3. *Нелояльность аппарата принуждения (0)*. С начала марта и до начала мая 1848 г. военные силы не были задействованы в революционных событиях. Здесь речь идет о заигрывании Габсбургов с умеренным крылом Государственного собрания, а не об отсутствии лояльности войск. Кстати, войска эти имели следующую особенность: командовал ими ставленник императора комендант Буды барон Ледерер, но в массе своей они состояли из венгров. На «бархатном» этапе репрессии со стороны аппарата принуждения состояли в том, что Ледерер скрыл при формировании национальной гвардии основные запасы оружия, а также тайно (!), без ведома революционных властей отправлял венгерские войска подавлять итальянцев. Но стоило только 10 мая «мартовской молодежи» в бунтарском задоре отправиться судить «ставленника камарильи» – как против венгерских демонстрантов были применены венгерские же войска, действовавшие без колебаний. Австрийскому командованию удалось посеять рознь между войсками и повстанцами («вы – из крестьян, а они – взбесившиеся с жиру дворянские

детки»). Даже уже в июне-июле венгерские части австрийской армии фактически пропустили на территорию Венгрии сербских и хорватских интервентов, которых Вена собиралась использовать для подавления революции¹². Поэтому вряд ли можно говорить сколь-нибудь существенной нелояльностью войск в период складывания революционной ситуации.

4. *Наличие политической альтернативы (2)*. Местные дворянские представительства («комитаты») имели большое влияние на жизнь страны еще с феодального периода, и были важной формой противодействия имперскому абсолютизму. Про политические кружки «Беседы» уже было сказано выше. В начале 1840-х гг. Кошут организовал «Союз защиты» для поддержки национального производства в борьбе с австрийским финансово-промышленным капиталом, и для распространения идей протекционизма (которые всегда становятся актуальны в период экономического кризиса). Таким образом, существовали структуры для организации и координации протестных действий. В оппозиционных изданиях уже к началу 1840-х гг. была сформулирована позиция «национально-ориентированной» аристократии (лидер – И. Сеченьи), «радикальной аристократии» (Л. Кошут), «социал-национализма» (Михай Танчич), «плебейского республиканизма» (Шандор Петёфи). Как минимум, идеи этих деятелей уже были на слуху до начала революционных событий. В 1847 г. была образована организация «Оппозиционный круг», куда вошли и представители магнатов (Лайош Баттьяни), и мелкое дворянство, и городские радикалы (Л. Кошут). В 1847 г. возник «Клуб молодых ремесленников и рабочих» (который связывал рабочий класс с интеллигенцией и студентами). В то же время имели место и расколы, затруднявшие или даже блокировавшие компромиссы, необходимые для полноценной политической альтернативы. Очень рано венгерский национализм внутри самой Венгрии натолкнулся на враждебную позицию хорватской аристократии, пере-

1849. – М.: Наука, 1965. – С. 17. [Averbukh, R.A. *Revolutsiya i natsional'no-osvoboditel'naya bor'ba v Vengrii 1848-1849* (Revolution and National Liberation Struggle in Hungary 1848-1849). Moscow: Science, 1965. P. 17.]

¹² Революции 1848-1849. Т. I. Под редакцией проф. В.Ф. Потемкина и А.И. Молока. М.: АН СССР. Институт истории, 1952. – С. 727.

шедшей в дальнейшем на проавстрийские позиции. При всем этом, значение данного параметра следует признать высоким.

5. *Наличие «горючего материала» революции (2)*. Общеввропейский экономический кризис был обострен неурожаем 1845-1846 гг., который отозвался в Венгрии шестикратным ростом цен на продовольствие, сокращением внутреннего товарооборота, и голодом. В этих условиях выплаты венгерских комитатов по австрийским долгам стали непосильными. В условиях сокращения ренты помещики в массовом масштабе стали отнимать крестьянские угодья, вызвав не только жалобы крестьян в комитаты, но и вспышку мятежей (восстания достигли своего апогея уже в ходе революции и в пику революционному Государственному собранию). В то же время антифеодальные мятежи крестьян славянского меньшинства Венгрии и в целом империи сдерживали радикализацию части венгерского дворянства, делавшей выбор в пользу Габсбургов. Таким образом, «горючий материал» революции следует признать никак не меньшим, чем в Австрии или даже в Ломбардо-Венецианской области.

6. *Отчуждение основной массы населения от инокультурной правящей элиты (1)*. Ксенократическое отчуждение внутри венгерской элиты по своим параметрам приближалось к итальянскому случаю, однако не было столь выраженным. Реальное местное самоуправление «комитатов» смягчало контроль венгерской элиты со стороны Вены. Военно-политический контроль также был неизмеримо меньшим. В конце концов, надо учитывать, что венгерские войска использовались австрийцами для подавления революции в итальянских землях, а не наоборот.

7. *Живость, политическая актуальность памяти о прошлой национальной независимости (1)*. Политическая актуальность памяти о былой независимости в Венгрии также была выражена слабее, чем в Италии. Государственные традиции итальянцев были глубже и шире простых социал-радикалистских заимствований опыта французского республиканизма (как это было в Венгрии). Итальянцы могли обсуждать и монархические, и теократические

политические проекты. Иными словами, в Италии мечта о суверенитете была шире, чем в Венгрии: эту мечту могли разделять даже откровенно консервативные, реакционные силы итальянцев. В Венгрии же реакционеры-консерваторы однозначно связывали свое будущее с Габсбургами, то есть с ксенократией.

8. *Наличие организованных вооруженных отрядов (официальных или подпольных) с военным или повстанческим опытом (0)*. Если не брать в расчет крестьянские восстания, то в предреволюционный период существование военизированных протестных групп не прослеживается.

Чехия – славяне между конкурировавшими центрами германского объединения

1. *Делегитимация власти и существующего порядка (1)*. В 1830-40-е гг. формируется идейное направление «австрославизм» (Й. Юнгманн, П. Шафарик, К. Сабина, К. Гавличек-Боровский), политическим проектом которого можно считать национальную автономию славянских земель в рамках Австрийской империи – вплоть до федерализации. Внимание славянских националистов до начала 1840-х гг. сосредоточивалось на изучении и воспевании отечественной истории. Только к 1845 г. появляются кружки, которые можно отнести к политической оппозиции (националистический журнал «Пражские новости» под ред. Ф. Палацко и республиканский антиклерикальный кружок «Рипил» во главе с В. Гаучем, Ф. Гавличек и др.)¹³. В то же время сколь-нибудь радикальные взгляды чешской интеллигенции едва ли были известны широким городским слоям. До начала собственно революционных событий фиксируются не только крестьянские восстания (крупнейшее про-

¹³ История южных и западных славян: В 2 т. Том 1. Средние века и Новое время (под ред. Матвеева Г.Ф., Ненашевой З.С.). – М.: Изд-во МГУ, 2001. – С. 593-595. [Istoriya yuzhnykh i zapadnykh slavyan: V 2 t. Tom 1. Srednie veka i Novoe vremya (History of the Southern and Western Slavs: 2 vol. 1. The Middle Ages and Modern Times (ed. by G.F. Matveev, Z.S. Nenasheva)). Moscow: Izd-vo MGU, 2001. P. 593-595.]

изошло в Моравии в 1821 г.), но и стачки промышленных рабочих (наиболее мощная вспыхнула в 1844 г., имела выраженную луддитскую направленность, и была подавлена имперскими войсками). Значение данного параметра примерно соответствует венгерскому уровню.

2. *Раскол элит (0)*. Поляризация сторонников и противников Габсбургов в Чехии произошла уже в ходе самой революции, будучи антагонистической реакцией на революционный подъем немецкого национализма в германских землях, угрожавший аннексией немцами славянских земель Австрийской империи. Это произошло только в апреле-июне 1848 г., и потому не может считаться событием, подтверждающим наличие раскола элит.

3. *Нелояльность аппарата принуждения (0)*. Значение данного параметра следует считать низким, примерно на венгерском уровне. Так же, как и в случае Венгрии, император явно попустительствовал развитию событий (в отличие от Ломбардии-Венеции, куда тут же были отправлены войска). Силы принуждения начали действовать только в ходе работы Славянского съезда, с началом Пражского восстания 12-17 июня 1848 г. Никакие выраженные эпизоды нелояльности войск не прослеживаются: войска под руководством Виндишгретца получили приказ и выполнили его, ведя баррикадные бои с восставшими и обстреливая из пушек Старую Прагу.

4. *Наличие политической альтернативы (1)*. Об издании «*Пражские новости*» и политическом клубе «Рипил» было сказано выше. К началу революции можно выделить две группы политических активистов: *рипилисты* (которых иначе можно назвать «конституционалистами»), и «федералисты» во главе с Ф. Браунером и П. Трояном. Между ними в марте и развернулась борьба за главенство в подготовке петиции императору. Однако чешская альтернатива была известна в Праге меньше, чем венгерская в Буде. Не зафиксированы разветвленные сети клубов, осуществляющие «сцепление» с революцией городских низов (как, например, «Оппозиционный круг» или «Клуб молодых

ремесленников и рабочих»)¹⁴. Косвенно на это указывает и военная слабость протестующих, разгромленных войсками за три неполных дня (в отличие от той же Венгрии).

5. *Наличие «горючего материала» революции (1)*. После протекционистских мер имперского правительства основной выигрыш от высоких пошлин на британские товары получили Австрия и Чехия (в отличие от Венгрии и Ломбардо-Венецианской области). Так что влияние кризиса было для чехов смягчено. Национальный вопрос (носивший в Чехии больше культурно-этнографический, чем политический характер) очень рано натолкнулся на угрожающий революционный национализм немцев и венгров, и многие «будители народа» поддерживали имперский вариант. Таким образом, данный параметр считаем слабее выраженным по сравнению со случаями Венгрии и Австрии. Только после событий в Вене чехи создали национальную гвардию, созвали Национальный комитет; только после майских событий в Вене начались в Праге забастовки и манифестации, провокация войск и баррикадные бои. В ходе июньского восстания в Праге силы восставших явно уступали репрессивным возможностям правительства.

6. *Отчуждение основной массы населения от инокультурной правящей элиты (1)*. Для Чехии данный параметр следует признать примерно соответствующим венгерскому уровню: умеренный военно-политический контроль имперского центра, некоторые элементы реального самоуправления при сохранении культурной германизации.

7. *Живость, политическая актуальность памяти о прошлой национальной независимости (1)*. Углубленное изучение и воспевание «чешского возрождения» с гуситскими войнами и вольными городами

¹⁴ Революции 1848-1849. Т. I. Под редакцией проф. В.Ф. Потемкина и А.И. Молока. – М.: АН СССР. Институт истории, 1952. – С. 370-372. [Revolyutsii 1848-1849. T.I. Pod redaktsiej prof. V.F. Potemkinai A.I. Moloka (Revolutions of 1848-1849. T. I. Ed. by V.F. Potemkin and A.I. Moloko). Moscow: USSR Academy of Sciences. Institute of history, 1952. P. 370-372.]

началось в Чехии еще с конца XVIII в., и это был долговременный тренд. Однако, во-первых, воспоминания о славном прошлом едва ли можно считать политически актуальными, а во-вторых, это славное прошлое было на поверку все равно имперским.

8. *Наличие организованных вооруженных отрядов (официальных или подпольных)*

с военным или повстанческим опытом (0). Для случая Чехии упоминания о таковых в источниках не встречается.

Уровень социально-политической нестабильности считается суммой баллов по всем восьми факторам (см. Таблицу 1).

Таблица 1

Оценка выраженности факторов социально-политической напряженности («готовности к революции») в обществах Западной Европы к началу 1848 г.*

Страна	Делегитимация	Раскол элит	Силовая несояльность	Политическая альтернатива	Горячий материал	Этнически чуждая власть	Память о независимости	Наличие подпольных вооруж. групп	Напряженность
Сицилия	2	2	2	2	2	2	2	2	16
Франция	2	2	2	2	2	0	0	1	10
Пруссия	1	1	0	1	2	0	0	1	6
Австрия (центр)	1	1	0	1	2	0	0	0	5
Ломбардия/Венеция	2	1	0	1	2	2	1	1	10
Венгрия	1	2	0	2	2	1	1	0	9
Чехия	1	0	0	1	1	1	1	0	5
Папская область	2	2	0	2	2	1	1	0	12
Тоскана	2	2	2	2	2	2	2	0	14
Пьемонт	1	1	1	1	2	2	2	2	12
Неаполь	1	2	1	2	2	2	1	1	12

* В таблице по случаям Сицилии, Франции, Пруссии, Папской области, Тосканы, Пьемонта и Неаполя были использованы данные, полученные в рамках работы над общим проектом в совместной статье Н.С. Розова, Ю.А. Пустовойта и С.И. Филиппова (в печати).

Table 1. Assessment of the Severity of Socio-Political Tensions ("Readiness for Revolution") in the Societies of Western Europe by the Beginning of 1848

Для того, чтобы оценить достаточность всех приведенных факторов для инициации революционных событий, оценим их значение для общества с низкой (для «Весны народов») протестной активностью. Возьмем Испанию как вполне европейскую в культурном отношении (случай России может встретить возражения), и в то же время – континентальную (случай островной Великобритании также весьма специфический). Известно, что «Весна народов» обошла Испанию стороной. Можно строить разные версии объяснения данного факта. Но случай Испании здесь важен для выяснения критического, или порогового, уровня значений факторов социально-политической напряженности, достаточного для того, чтобы вспыхнула революция.

Испания

Делегитимация власти и существующего порядка (0). Среди неблагоприятных явлений Испании 1840-х гг. обычно упоминается экономическое отставание от Англии и Франции, а также кризис 1847-1848 гг. Переход к фабричному производству разорял ремесленников; в то же время сохранялись латифундизм и крестьянское малоземелье. В источниках речь идет о забастовках каталонских рабочих в начале 1840-х гг. (с чисто экономическими требованиями). Однако – в начале, а не в конце 1840-х гг.! Дефицит легитимности был преодолен правительством, которое недавно (в 1843 г.) свергло другое правительство при поддержке населения

столицы. С 1821 г. это было третье свержение правительства в Испании (не считая гражданской войны).

Раскол элит (1). После третьей буржуазной революции 1843 г. (свергнувшей диктатора Эспартеро, победителя «карлистов») сложился компромисс земельной аристократии и либералов из дворян и буржуа (между «абсолютистами» и «модератос»). По итогам компромисса права кортесов урезались в пользу короля, возвращались конфискованные земли церкви; и в то же время сеньориальные права дворян не были восстановлены. В марте 1848 г. на волне общеевропейского революционного подъема прогрессистская партия кортесов попыталась поднять восстания в ответ на узурпацию власти главой кабинета Р. Нарваэсом. Однако тот закрыл несколько газет, выслал из страны нескольких оппозиционеров – и на этом революционная роль Испании в «Весне народов» была исчерпана¹⁵.

В источниках по истории Испании эпизод середины 1840-50-х гг. представляется как период компромиссов и консенсуса¹⁶. Но надо учитывать, что в зыбком состоянии перманентно-революционной Испании фронда элит была не эпизодически, а системно действующим фактором. Тот же свергнутый диктатор Эспартеро ушел в оппозицию к «модератос», чтобы затем вновь вынырнуть на вершины власти в революцию 1854-1856 гг. Принято считать, что с развитием товарно-денежных отношений и промышленной революцией в стране крупный бизнес усилился и перестал удовлетворяться компромиссом с земельной аристократией, достигнутым по итогам третьей

революции. В свою очередь, правительство и верхушка земельных магнатов начинала прощупывать почву для союза с «абсолютистами». В конце 1840-х гг. кто-то из правительства и оппозиции уже устанавливал контакты с «революционными хунтами» крупных городов, с организациями наподобие позднейшего «Союза классов» в Барселоне¹⁷. Таким образом, следует принять значение параметра «раскол элит», как минимум, средним.

Нелояльность аппарата принуждения (0). С 1812 г. Испания пережила череду бурных событий, в которых особая роль принадлежала тайным обществам заговорщиков-офицеров (так называемым «хунтам»). В трех предыдущих революциях, и в грядущей революции 1854 г. военные выступали застрельщиками, которые призывали к восстанию жителей столицы и крупных городов. Поэтому сложно говорить о лояльности аппарата принуждения в условиях его перманентной готовности к перевороту. Однако точно, что именно для интересующего нас периода (второй половины 1840-х гг.) оппозиционная активность армии не прослеживается. В 1848-1849 гг. в очередной раз карлисты подняли мятежи в ряде провинций (дольше всего они продержались в Каталонии). Эти мятежи были быстро подавлены, что свидетельствует об уверенном контроле правительства Нарваэса над вооруженными силами¹⁸. Уже в 1849 г. испанская

¹⁵ История XIX века (под ред. Э. Лависса и А. Рамбо). Том 5. Революции и национальные войны. 1848-1870. – М.: ОГИЗ, 1938. – С. 353. [Istoriya XIX veka. Revolyutsi i inatsional'nyevojny. 1848-1870 (History of the Nineteenth Century (ed. by E. Lavissee and A. Rambaud). Vol. 5. Revolutions and National Wars. 1848-1870). Moscow: OGIZ, 1938. P. 353.]

¹⁶ Новая история стран Европы и Америки (под редакцией А. В. Адо). – М.: Высшая школа, 1986. – С. 343. [Novaya istoriya stran Evropy i Ameriki (New History of Europe and America. Ed. by A.V. Ado). Moscow: Higher school, 1986. P. 343.]

¹⁷ История Испании. Том 2. От войны за испанское наследство до начала XXI века / Институт всеобщей истории РАН. – М.: «Индрик», 2014. – С. 295-327. [Istoriya Ispanii. Tom 2. Ot vojny za ispanское nasledstvo do nachala XXI veka / Institut vseobshhej istorii RAN (History of Spain. Vol. 2. From the War of the Spanish Succession Prior to the Beginning of the XXI Century / Institute for General history, Russian Academy of Sciences). Moscow: "Indrik", 2014. P. 295-327.]

¹⁸ История XIX века (под ред. Э. Лависса и А. Рамбо). Том 5. Революции и национальные войны. 1848-1870. – М.: ОГИЗ, 1938. – С. 353. [Istoriya XIX veka. Revolyutsi i inatsional'nyevojny. 1848-1870 (History of the Nineteenth Century (ed. by E. Lavissee and A. Rambaud). Vol. 5. Revolutions and National Wars. 1848-1870). Moscow: OGIZ, 1938. P. 353.]

армия вместе с французами, австрийцами и неаполитанцами участвовала в контрреволюционной интервенции в Италии, восстанавливая власть Папы¹⁹.

Наличие политической альтернативы (1). Гражданская война 1833-1840 гг. (сторонники абсолютизма – «карлисты» – против либерального блока «модератос», «эксальтадос» и «прогрессистов») закончилась победой либералов, после чего в политической борьбе за власть выиграли левые либералы – «прогрессисты», установившие диктатуру Эспартеро. Однако его правительство пошло на поводу у крупных землевладельцев, ведя политику «фритрейда» (новый торговый договор открывал испанский рынок для британского текстиля, ущемляя местных производителей). В 1843 г. диктатура Эспартеро была свергнута, и власть опять оказалась у «модератос» и «абсолютистов», между которыми сложилось равновесие. Таким образом, наблюдался избыток политических альтернатив в стране: от ушедших в подполье «карлистов» с их программой возвращения старинных региональных вольностей «фуэрос» и майоратов – до «прогрессистов», мечтавших о полной секуляризации церковных земель. Общим вызовом для всех властных групп оставалась конституция 1812 г. Все последующие версии конституции – 1837 и 1845 гг. – свелись к последовательному ограничению прав кортесов (парламентов) и к уменьшению числа избирателей. О первой испанской конституции помнили, ее обсуждали, это и была важная на тот момент в Испании политическая альтернатива правительствам, менявшимся как в калейдоскопе на протяжении почти трех десятилетий. Множество альтернатив ведет к разрозненности социального протеста, конфликтам между группами. Поэтому значение данного параметра следует считать средним.

Наличие «горючего материала» революции (1). Общеευропейский экономический кризис 1847-1848 гг. затронул и Испанию.

¹⁹ Майский И.М. Испания 1808-1817: исторический очерк. – М.: АН СССР, 1959. – С. 110. [Majskij, I.M. Ispaniya 1808-1817: istoricheskij ocherk (Spain 1808-1817: a Historical Sketch). Moscow: USSR Academy of Sciences, 1959. P. 110.]

Разорение ремесленников, безработица в городах, латифундизм (промышленный бизнес стремился поскорее превратиться в рантье), дефицит бюджета – отмечаются все подобные неблагоприятные явления²⁰. Совсем скоро – в 1854-1855 гг. все они дадут о себе знать. Мятежи революционных хунт под руководством «прогрессистов», забастовки с требованием 10-часового рабочего дня, ввод войск в рабочие кварталы, казнь лидера рабочего движения Х. Барсело, трехдневная городская герилья в Мадриде в 1856 г., крестьянское восстание в Старой Кастилии и в Андалусии (1856 и 1861 гг.) – все это еще случится. Значение данного параметра следует считать средним (как минимум).

Отчуждение основной массы населения от инокультурной правящей элиты (различные варианты ксенократии) (0). Этот фактор для Испании 1840-х гг. не играл сколь-нибудь существенной роли.

Живость, политическая актуальность памяти о прошлой национальной независимости (0). Также незначимый фактор.

Наличие организованных вооруженных отрядов (официальных или подпольных) с военным или повстанческим опытом (1). Во всех трех предыдущих революциях испанские тайные общества офицеров были важным фактором консолидации революционно настроенных групп (о чем уже было сказано выше). Испанские «хунты», представлявшие собой не столько офицерские объединения, сколько объединения горожан-«парамилитарис», также проявили себя во всех революциях. Однако как раз для данного этапа их деятельность никак не фиксируется. Поэтому здесь фиксируем среднее значение параметра.

В итоге в плане «готовности к революции» Испания набрала 4 единицы, приблизившись к показателям Чехии, Пруссии, и

²⁰ См.: История Испании. Том 2. От войны за испанское наследство до начала XXI века / Институт всеобщей истории РАН. – М.: «Индрик», 2014. – С. 296. [Istoriya Ispanii. Tom 2. Ot vojny za ispanskoe nasledstvo do nachala XXI veka / Institut vseobshhej istorii RAN (History of Spain. Vol. 2. From the War of the Spanish Succession Prior to the Beginning of the XXI Century / Institute for General history, Russian Academy of Sciences). Moscow: «Indrik», 2014. P. 296.]

Австрии (центра). Низкая строгость оценки значений, к тому же подверженная субъективизму, не позволяет судить с уверенностью о том, что разница в 1 или 2 балла ведет к столь кардинальному расхождению.

Это означает, что перечень факторов, толкающих общество к революции, не полный, поскольку как минимум три случая (центра Австрийской империи 5, Чехии 5 и Пруссии 6) демонстрируют не достаточный для возникновения революции уровень напряженности. Эти соображения толкают на поиски дополнительных причин, которые бы восполняли недостаточную социально-политическую напряженность (при котором революции все равно происходит) – или, наоборот, тормозили и «подмораживали» бы высоко напряженную ситуацию, когда режим остается крепким.

Для прояснения этих причин требуется провести дальнейшее уточнение «порога напряженности» для революционной ситуации. Здесь не обойтись без рассмотрения других случаев, когда революционная волна «Весны народов» 1848 г. не сработала: например, в Ирландии и в самой Англии, в Российской империи в целом, и в отдельных ее провинциях (например, в Царстве Польском, Финляндии).

Гипотеза дальнейшего исследования состоит в том, что восполнение «дефицита напряженности» происходит за счет действия революционной волны (волнового эффекта).

Литература:

Авербух Р.А. Революция и национально-освободительная борьба в Венгрии 1848-1849. – М.: Наука, 1965. – 406 с.

Голдстоун Дж. К теории революции четвертого поколения // *Логос*. – 2006. – № 5. – С. 58-103.

Голдстоун Дж. Революции. Очень краткое введение. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. – 192 с.

Европейские революции 1848 года «Принцип национальности» в политике и идеологии. – М.: Индрик, 2001. – 456 с.

История XIX века (под ред. Э. Лависса и А. Рамбо). Том 5. Революции и национальные войны. 1848-1870. – М.: ОГИЗ, 1938. – 584 с.

История Испании. Том 2. От войны за испанское наследство до начала XXI века / Институт всеобщей истории РАН. – М.: «Индрик», 2014. – 872 с.

История Италии. Под редакцией С.Д. Сказкина, К.Ф. Мизано, С.И. Дорофеева. Т. 3. – М.: «Наука», 1970. – 608 с.

История южных и западных славян: В 2 т. Том 1. Средние века и Новое время (под ред. Матвеева Г.Ф., Ненашевой З.С.). – М.: Изд-во МГУ, 2001. – 692 с.

Ковальская М.И. Италия в борьбе за национальную независимость и единство: От революции 1831 г. К революции 1848-1849 гг. – М.: Наука, 1981. – 272 с.

Коллинз П. Макроистория: очерки социологии большой длительности. – М.: УРСС, 2015. – 504 с.

Коротаев А.В., Исаев Л.М., Васильев А.М. Количественный анализ революционной волны 2013-2014 гг. // Социологические исследования. – 2015. – № 8. – С. 119-127.

Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М.: Медиум, 1995. – 236 с.

Майский И.М. Испания 1808-1817: исторический очерк. – М.: АН СССР, 1959. – 214 с.

Маркс А., Рюу Б., Рэйгин Ч. Истоки, развитие и применение качественного сравнительного анализа: опыт первых 25 лет // *Политическая концептология*. – 2017. – №1. – С. 57-86.

Новая история стран Европы и Америки (под редакцией А. В. Адо). – М.: Высшая школа, 1986. – 624 с.

О причинах Русской революции. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 430 с.

Разработка и апробация метода теоретической истории (под ред. Н. С. Розова). Серия «Теоретическая история и макросоциология». Вып. 1. – Новосибирск: Наука: 2001. – 503 с.

Революции 1848-1849. Т. I. Под редакцией проф. В.Ф. Потемкина и А.И. Молока. – М.: АН СССР. Институт истории, 1952. – 848 с.

Революции 1848-1849. Т. II. Под редакцией проф. В.Ф. Потемкина и А.И. Молока. М.: АН СССР. Институт истории, 1952. – 661 с.

Цурель С.В. Революционные ситуации, революции и волны революций: условия, закономерности, примеры // *Ойкумена*, – 2012, – вып. 8. – С. 174-209.

Beck, C.J. Radicals, Revolutionaries, and terrorists. Polity Press, 2015.

Beck, C.J. The World-Cultural Origins of Revolutionary Waves Five Centuries of European Contention // *Social Science History*, 2011, vol. 35(2), pp. 167-207.

Goldstone, J. Rethinking Revolutions: Integrating Origins, Processes, and Outcomes // *Comparative Studies of South Africa and the Middle East*, 2009, vol. 29(1), pp. 18-32.

Goldstone, Jack et al. A Global Model for Forecasting Political Instability // *American Journal of Political Science*, 2010, Vol. 54, No. 1, pp. 190-208.

Katz, M. Revolutions and Revolutionary Waves. Palgrave Macmillan, 1999. 192 p.

McAdam, D.; Tarrow, S.; Tilly, Ch. Dynamics of Contention. Cambridge University Press, 2003.

Perrow, Ch. Normal Accidents. N.Y.: Basic, 1984.

Ragin, Ch. Constructing Social Research. Pine Forge Press, 1994.

Tilly, Ch. The Politics of Collective Violence. Cambridge, 2003. 290 p.

References:

Averbukh, R.A. Revolutsiya i natsional'no-osvoboditel'naya bor'ba v Vengrii 1848-1849 (Revolution and National Liberation Struggle in Hungary 1848-1849). Moscow: Science, 1965. 406 p.

- Beck, C.J. Radicals, Revolutionaries, and terrorists. Polity Press, 2015.
- Beck, C.J. The World-Cultural Origins of Revolutionary Waves Five Centuries of European Contention // *Social Science History*, 2011, vol. 35(2), pp. 167-207.
- Evropejskie revolyutsii 1848 goda «Printsip natsional'nosti» v politike I ideologii (European Revolutions of 1848 "The Principle of Nationality" in Politics and Ideology). Moscow: Indrik, 2001. 456 p.
- Goldstone, J. Rethinking Revolutions: Integrating Origins, Processes, and Outcomes // *Comparative Studies of South Africa and the Middle East*, 2009, vol. 29(1), pp. 18-32.
- Goldstone, Jack et al. A Global Model for Forecasting Political Instability // *American Journal of Political Science*, 2010, Vol. 54, No. 1, pp. 190-208.
- Goldstoun, Dzh. K teorii revolyutsii chetvertogo pokoleniya (On the Theory of the Fourth Generation Revolution) // *Logos*, 2006, No. 5, pp. 58-103.
- Goldstoun, Dzh. Revolyutsii. Ochen' kratkoe vvedenie (Revolutions. A Very Short Introduction). Moscow: Gaidar Institute publishing House, 2015. 192 p.
- Istoriya Ispanii. Tom 2. Ot vojny za ispanskoe nasledstvo do nachala XXI veka / Institut vseobshnej istorii RAN (History of Spain. Vol. 2. From the War of the Spanish Succession Prior to the Beginning of the XXI Century / Institute for General history, Russian Academy of Sciences). Moscow: «Indrik», 2014. 872 p.
- Istoriya Italii. T. 3. (History of Italy. Ed. by S.D. Skazkin, K.F. Misiano, S.I. Dorofeev. Vol.3). Moscow: «Nauka», 1970. 608 p.
- Istoriya XIX veka. Revolyutsii I inatsional'nyevoiny. 1848-1870 (History of the Nineteenth Century (ed. by E. Lavissee and A. Rambaud). Vol. 5. Revolutions and National Wars. 1848-1870). Moscow: OGIZ, 1938. 584 p.
- Istoriya yuzhnykh I zapadnykh slavyan: V 2 t. Tom 1. Srednie veka i Novoe vremya (History of the Southern and Western Slavs: 2 vol. 1. The Middle Ages and Modern Times (ed. by G.F. Matveev, Z.S. Nenasheva)). Moscow: Izd-vo MGU, 2001. 692 p.
- Katz, M. Revolutions and Revolutionary Waves. Palgrave Macmillan, 1999. 192 p.
- Kollinz, R. Makroistoriya: ocherki sotsiologii bol'shoj dlitel'nosti (Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run). Moscow: URSS, 2015. 504 p.
- Korotaev, A.V.; Isaev, L.M.; Vasilev, A.M. Kolichestvennyi analiz revoliutsionnoi volny 2013-2014 gg. // *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2015, No. 8, pp. 119-127.
- Koval'skaya, M.I. Italiya v bor'be za natsional'nyu nezavisimost' i edinstvo: Ot revolyutsii 1831 g. k revolyutsii 1848-1849 gg. (Italy in the Struggle for National Independence and Unity: from the Revolution of 1831 to the Revolution of 1848-1849). Moscow: Science, 1981. 272
- Lakatos, I. Fal'sifikatsiya i metodologiya nauchno-issledovatel'skikh program (Falsification and the Methodology of Scientific Research Programmes). Moscow: Medium, 1995. 236 p.
- Majskij, I.M. Ispaniya 1808-1817: istoricheskij ocherk (Spain 1808-1817: a Historical Sketch). Moscow: USSR Academy of Sciences, 1959. 214 p.
- Marks, A.; Riu, B.; Rehigin, Ch. Istoki, razvitie I primeneniye kachestvennogo sravnitel'nogo analiza: opyt pervykh 25 let (The Origins, Development and Application of Qualitative Comparative Analysis: the Experience of the First 25 years) // *Political conceptology*, 2017, № 1, pp. 57-86.
- McAdam, D.; Tarrow, S.; Tilly, Ch. Dynamics of Contention. Cambridge University Press, 2003.
- Novaya istoriya stran Evropy I Ameriki (New History of Europe and America. Ed. by A.V. Ado). Moscow: Higher school, 1986. 624 p.
- O prichinakh Russkoj revolyutsii (On the Causes of The Russian Revolution). Moscow: LKI Publishing House, 2010. 430 p.
- Perrow, Ch. Normal Accidents. N.Y.: Basic, 1984.
- Ragin, Ch. Constructing Social Research. Pine Forge Press, 1994.
- Razrabotka I aprobatsiya metoda teoreticheskoy istorii. Seriya "Teoreticheskaya istoriya i makrosotsiologiya". Vyp. 1. (Development and Testing of the Method of Theoretical History (Ed. by S. Rozov). Series "Theoretical History and Macrosociology". Issue. 1). Novosibirsk: Science: 2001. 503 p.
- Revolyutsii 1848-1849. T. II. (Revolutions of 1848-1849. Vol. I. Ed. by V.F. Potemkin and A.I. Moloko). Moscow: USSR Academy of Sciences. Institute of history, 1952. 661 p.
- Revolyutsii 1848-1849. T.I. Pod redaktsiej prof. V.F. Potemkinai A.I. Moloka (Revolutions of 1848-1849. T. I. Ed. by V.F. Potemkin and A.I. Moloko). Moscow: USSR Academy of Sciences. Institute of history, 1952. 848 p.
- Tilly, Ch. The Politics of Collective Violence. Cambridge, 2003. 290 p.
- Tsirel', S.V. Revolyutsionnye situatsii, revolyutsii I volny revolyutsij: usloviya, zakonmernosti, primery (A Revolutionary Situation, the Revolution and the Wave of Revolutions: the Conditions, Patterns, Examples) // *Oikumen*, 2012, Iss. 8, pp. 174-209.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10006

REGULARITIES IN DISTURBANCE: COMPARATIVE
POLITICAL ANALYSIS OF THE REVOLUTIONARY
WAVE 1848–1849 IN THE AUSTRIAN EMPIRE

Nikolai S. Rozov

*Institute for Philosophy and Law of Siberian Branch of Russian
Academy of Sciences, Novosibirsk State University,
Novosibirsk State Technical University,
Novosibirsk, Russia*

Vladislav V. Tsygankov

*Specialized Educational Scientific Center
of Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia***Article history:***Received:*

10.06.2018

Accepted:

25.11.2018

About the authors:*Nikolai S. Rozov*, Dr. of Philosophy,
Professor, Principal Researcher in the Institute for Philosophy
and Law of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences;
Head of Department for Social Philosophy and Political
Sciences, Novosibirsk State University;
Professor, Department for International Relations
and Regional Studies, Novosibirsk State Technical University

e-mail: nrozov@gmail.com

Vladislav V. Tsygankov, Candidate of Philosophy,
Associate Professor, Specialized Educational Scientific
Center of Novosibirsk State University

e-mail: oktava-77@yandex.ru

Key words:revolution; revolutions of 1848-1849; Austrian Empire;
historical patterns of revolutionary dynamics;
revolutionary situation; factors of instability;
socio-political crisis; delegitimization of government;
loyalty of the power structures; elite split;
grassroots protests**Abstract:** The article analyzes the factors and patterns that explain the entry of some societies and the non-entry of others into the European revolutionary wave of 1848-1849, examines the causes of the various results of the revolutions. The article implements the theoretical and historical approach in macro-sociology, including shuttle movements between the General hypotheses and the systematic comparison of cases for their verification and correction. In the «Spring of Nations» as a vast wave of European revolutions of 1848-1849 the imperial center (Vienna) and ethnic provinces of the Austrian Empire (Venice-Lombardy, Hungary and the Czech Republic) were taken for analysis. The factors of creating a revolutionary situation are clarified and the hypothesis of «filling» the missing factors due to the external influence of revolutions in neighboring and/or highly preferred societies – due to the effect of the revolutionary wave is confirmed.*Acknowledgements: The article is prepared with the support of the Department of Humanitarian and Social Sciences of the Russian Foundation for Basic Research, project 16-03-00318-OIG**Для цитирования:* Розов Н.С., Цыганков В.В. Закономерности в смуте: сравнительно-политологический анализ революционной волны 1848-1849 гг. в Австрийской империи // *Сравнительная политика*. – 2019. – №1 – С. 81-97.
DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10006*For citation:* Rozov, Nikolai S.; Tsygankov, Vladislav V. Zakonomernosti v smute: sravnitelno-politologicheskii analiz revoliutsionnoi volny 1848-1849 gg. v Avstriiskoi Imperii (Regularities in Disturbance: Comparative Political Analysis of the Revolutionary Wave 1848–1849 in the Austrian Empire) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 1, pp. 81-97.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10006.

КОРРУПЦИЯ, ЦЕННОСТИ И ПОПЫТКИ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В СТРАНАХ С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ ВВП НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ: ОПЫТ КОЛИЧЕСТВЕННОГО КОМПАРАТИВНОГО И КОРРЕЛЯЦИОННОГО АНАЛИЗА

Андрей Витальевич Кортаев

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Институт Африки Российской академии наук, Москва, Россия*

Сергей Вадимович Цирель

*Санкт-Петербургский горный университет,
НЦ геомеханики и проблем горного производства, Санкт-Петербург, Россия*

Станислав Эдуардович Билюга

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия*

Информация о статье:

Поступила в редакцию:

28 марта 2018

Отправлена на редактирование:

28 сентября 2018

Принята к печати:

19 октября 2018

Об авторах:

Кортаев А.В., доктор философии (Ph.D.), д.и.н., профессор, зав. Научно-учебной лабораторией мониторинга рисков социально-политической дестабилизации, НИУ ВШЭ; главный научный сотрудник, Институт Африки РАН
e-mail: akortayev@gmail.com

Цирель С.В., д.т.н., Санкт-Петербургский горный университет; главный научный сотрудник, НЦ геомеханики и проблем горного производства
e-mail: tsirel58@gmail.com

Билюга С.Э., младший научный сотрудник, Научно-учебная лаборатория мониторинга рисков социально-политической дестабилизации, НИУ ВШЭ
e-mail: sbilyuga@gmail.com

Ключевые слова:

коррупция; дестабилизация; государственный переворот; попытка государственного переворота; ВВП на душу населения; рост ВВП; устойчивость роста; традиционные ценности; рациональные ценности; ценности выживания; ценности самовыражения

Аннотация: Показано, что частота переворотов и попыток переворотов примерно в равной степени связана как с уровнем коррумпированности, так и с уровнем подушевого ВВП, причем в отношении попыток свержения центральной власти влияние уровня ВВП на душу населения оказывается немного сильнее, а в отношении свержения всех органов власти в совокупности, как центральных, так и местных, степень коррумпированности оказывает большее воздействие. При этом оба показателя находятся в тесной связи между собой, однако скорость роста ВВП не имеет устойчивой корреляции с коррупцией и слабо коррелирована с частотой попыток насильственного свержения органов государственной власти. Полученные зависимости сложным образом связаны с ценностными представлениями. В группе развитых стран с уровнем коррумпированности менее 40 баллов (по 100-балльной шкале) наблюдается существенная положительная корреляция между некоррупцированностью и ценностями самовыражения. В остальных странах ценности не оказывают влияния на уровень коррумпированности, зато влияют на темпы экономического роста и частоту попыток свержения власти. Проведенное исследование показало, что при равных уровнях коррумпированности в странах низкого и среднего уровня экономического развития для устойчивости власти и быстрого экономического роста полезен отказ от традиционализма и вреден слишком ранний переход к ценностям самовыражения. Однако переход через рубеж подушевого ВВП 20–25 тыс. долл. в год затруднителен, если не сопровождается снижением уровня коррумпированности ниже уровня в 40–50 баллов. Есть основания предполагать, что современная Россия с подушевым ВВП около 25 тыс. долл. в год и уровнем коррумпированности выше 70 баллов, может находиться именно в такой ситуации.

Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2019 году при поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00254)

Введение

Коррупция уже давно стала объектом пристального внимания исследователей. В первую очередь, большое внимание уделяется изучению влияния коррупции на инвестиции и экономический рост¹; на распределение государственных расходов на образование и здравоохранение² и, в более общем плане, на эффективное распределение ресурсов³.

Значительное внимание также уделяется изучению влияния коррупции на благосостояние граждан⁴, образовательные процессы⁵, социальную мобильность⁶, безработицу⁷, на уровень преступности⁸ и т.д.

Многие исследователи также уже обращали внимание на то обстоятельство, что уровень коррупции может выступать в качестве мощной социально-политической дестабилизирующей силы⁹. Так, Дж. Голдстоун

рассматривает коррупцию в качестве важного фактора дестабилизационной волны 2014 г. в Таиланде, Украине, Венесуэле и Боснии¹⁰. Действительно, наш собственный анализ дестабилизационной волны 2013-2014 гг. также показал, что высокий уровень коррупции являлся в этот период времени статистически значимым предиктором дестабилизации по модели «центрального коллапса»¹¹. При этом остается неясным, был ли протест против коррупции важным лозунгом, концентрирующим претензии протестующих к власти в данной дестабилизационной волне, или коррупция является общим дестабилизирующим фактором. Систематической эмпирической оценки степени социально-политически дестабилизирующего влияния коррупции в странах разного уровня экономического развития вплоть до настоящего времени, насколько нам известно, не проводилось. Такая

¹ См. напр.: Acemoglu, D.; Robinson, J. *The Role of Institutions in Growth and Development*. Washington, DC: World Bank, 2010.

² См. напр.: Mauro, P. Corruption and the Composition of Government Expenditure // *Journal of Public Economics*, 1997, Vol. 69, No. 2, pp. 263-279.

³ См. напр.: Hessami, Z. Political Corruption, Public Procurement, and Budget Composition: Theory and Evidence from OECD Countries // *European Journal of Political Economy*, 2014, No. 34, pp. 372-389.

⁴ Bertrand, M.; Luttmer, E.F.P.; Mullainathan, S. Network Effects and Welfare Cultures // *The Quarterly Journal of Economics*, 2000, No. 115(3), pp. 1019-1055.

⁵ Sacerdote, B. Peer Effects with Random Assignment: Results for Dartmouth Roommates // *The Quarterly Journal of Economics*, 2001, No. 116(2), pp. 681-704.

⁶ Schneider, F. Does Corruption Promote Emigration? IZA World of Labor, 2015.

⁷ Goldstone, J.A. Understanding the Revolutions of 2011: Weakness and Resilience in Middle Eastern Autocracies // *Foreign Affairs*, 2011, No. 90, pp. 8-16; Ionescu, L. Corruption, Unemployment, and the Global Financial Crisis // *Economics, Management and Financial Markets*, 2012, Vol. 7, No. 3, pp. 127-133.

⁸ Buonanno, P.; Montolio, D.; Vanin, P. Does Social Capital Reduce Crime? // *The Journal of Law and Economics*, 2009, Vol. 52, No. 1, pp. 145-170.

⁹ Bicchieri, C.; Rovelli, C. Evolution and Revolution: The Dynamics of Corruption // *Rationality and*

Society, 1995, No. 7(2), pp. 201-224; Mauro, P. Corruption and Growth // *The Quarterly Journal of Economics*, 1995, Vol. 110, No. 3, pp. 681-712; Minkov, M. Predictors of Societal Accident Proneness across 92 Countries // *Cross-Cultural Research*, 2016, Vol. 50, No. 2, pp. 103-122; Khestanov, R. Corruption and Revolution as Structural Foundations for the Fiction of State Interest (Raison d'État) // *Russian Journal of Philosophy & Humanities*, 2017, No. 1, pp. 73-90.

¹⁰ Goldstone, J. Protests in Ukraine, Thailand and Venezuela: What Unites them? // *Russia Direct*, 2014. Mode of access: <http://www.russia-direct.org/content/protests-ukraine-thailand-and-venezuela-what-unites-them>

¹¹ Цирель С.В. К истокам украинских революционных событий 2013-14 гг. // *Polit.ru*, 2014. Режим доступа: <http://polit.ru/article/2014/06/08/ukraine/>; [Tsirel, S.V. K istokam ukrainskih revoljucionnyh sobytij 2013-14 gg. (To the Sources of the Ukrainian Revolutionary Events of 2013-14), 2014. Mode of access: <http://polit.ru/article/2014/06/08/ukraine/>]; Коротаев А.В., Исаев Л.М., Васильев А.М. Количественный анализ революционной волны 2013-2014 гг. // Социологические исследования. – 2015. – No. 8. – С. 119-127. [Korotayev, A.V.; Issaev, L.M.; Vasiliev, A.M. Kolichestvennyi analiz revoljucionnoi volny 2013-2014 gg. (Quantitative Analysis of the Revolutionary Wave of 2013-2014) // *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*, 2015, No. 8, pp. 119-127.]; Korotayev, A.; Issaev, L.; Zinkina, J. Center-Periphery Dissonance as a Possible Factor of the Revolutionary Wave of 2013-2014: A Cross-National Analysis // *Cross-Cultural Research*, 2015, Vol. 49, No. 5, pp. 461-488.

эмпирическая оценка для стран различного уровня экономического развития с разными системами ценностей будет приведена в данной статье.

Материалы и методы

Для эмпирической оценки степени социально-политически дестабилизирующего влияния коррупции в качестве независимой переменной нами был выбран индекс коррумпированности, построенный нами на основе Индекса восприятия коррупции (*Corruption Perception Index* [CPI]), рассчитанного организацией Transparency International на период с 1995 по 2015 гг.¹² Несмотря на свое название, данный индекс представляет собой индекс некоррумпированности государств, т.к. максимальное значение индекса («100») соответствует минимальному уровню коррумпированности, а минимальное значение («0») соответствует его максимальному уровню. Для трансформации данного индекса в индекс коррумпированности значения CPI были вычтены из 100. Кроме того, для обеспечения сопоставимости значений индекса коррумпированности за периоды 1995-2011, когда использовалась десятибалльная шкала, и 2012-2015 гг. новые полученные числа были поделены на десять.

Предваряя исследование, очень важно отметить, что уровень коррумпированности или уровень восприятия коррупции (последнее название более точно характеризует способ оценки параметра) в отличие от количества попыток переворотов или ВВП на душу населения не может быть получен с помощью простых наблюдений и/или вычислений.

Во-первых, индекс восприятия коррупции характеризует не только объективные данные, собранные внутренними и внешними экспертами, но и их субъективное восприятие, их общее отношение к состоянию страны и существующей государственной власти; в первую очередь, бедность страны, беззаконие, даже напрямую не связанное с коррупцией и т.д., в той или иной степени ухудшают их оценки.

Во-вторых, сама коррупция зависит от множества факторов различной природы, прежде всего от существующих культурных и институциональных особенностей и качества государственного управления. При преобладании традиционной бюрократии и традиционного патримониализма, кормлений, откупов и др. коррупция является органическим элементом функционирования общества и государства и при отсутствии эксцессов не угрожает устойчивости власти, пока традиционные формы управления не вступают в противоречие с современными экономическими и социальными процессами. При этом высокий уровень коррупции в любых странах характеризует плохое государственное управление – неразумные законы, неспособность и неподготовленность чиновников, нерациональное распределение расходов бюджета (приводящее, например, к слишком низким зарплатам мелких служащих), враждебные отношения властей с бизнесом или, наоборот, зависимость государственных чиновников от национального или внешнего крупного капитала и др. Поэтому некоторое влияние на исследуемую зависимость неустойчивости государственной власти от уровня коррумпированности могло оказать то обстоятельство, что коррупция – это не только отдельное проявление, но в некоторой мере и общая характеристика низкого качества функционирования власти.

В то же время, чем длиннее период, охваченный анализом, тем меньше исследуемые факторы влияют на устойчивость государств. При традиционной бюрократии и неизжитых традициях использования государственных должностей как кормлений уровень коррумпированности должен был удерживаться в определенных обычаями рамках, а начиная со времени широкого распространения современной рациональной бюрократии порог допустимого уровня коррупции стал быстро снижаться. Поэтому, хотя по литературным описаниям уровень коррупции в западноевропейских странах и особенно в США в конце XIX века¹³ был существенно выше, чем в настоящее время, но государства были более устойчивыми, чем

¹² *Corruption Perception Index*. Mode of access: <http://www.transparency.org/research/cpi/>

¹³ Cherny, R. W. *American Politics in the Gilded Age: 1868-1900*. N.Y.: Wiley, 1997

столь же коррумпированные государства современного мира.

В качестве контрольной независимой переменной использовался показатель ВВП на душу населения по паритету покупательной способности с 1960 по 2016 гг., в постоянных долларах 2011 года¹⁴.

В качестве зависимых переменных были взяты:

– Переменная *CNTS domestic7* базисных данных *CNTS (Cross National Time Series)*¹⁵. Эта переменная имеет несколько вводящее в заблуждение название *revolutions* («революции»). К «Революциям» (*Revolutions, domestic7*) система *CNTS* относит «любые незаконные или связанные с принуждением изменения в правящей элите, любые попытки таких изменений, а также любые успешные или неудачные вооруженные выступления, имеющие своей целью независимость от центральной администрации». Отметим, что данная переменная включает в себя не только удачные или неудачные попытки насильственной смены центральной власти, но также вооруженные выступления сепаратистов на местном уровне и насильственные действия, направленные против провинциальных органов власти.

– Сумма государственных переворотов и попыток государственных переворотов, вычисленная по базе данных *Coupsd'Etat, 1946-2016 (Center for Systemic Peace [CSP], 2017)* = переменная «Перевороты и попытки переворотов *CSP*». Принципиальное отличие этих данных от переменной *CNTS domestic7* заключается в том, что она учитывает лишь действия, направленные против

центральной власти. С одной стороны, это дает более объективную картину, так как исключает действия различных сепаратистов на окраинах, но, с другой стороны, во многих случаях недооценивает нестабильность многих коррумпированных режимов, ибо не принимает во внимание менее значительные проявления неустойчивости государственной власти.

– В ряде случаев в качестве дополнительной переменной используется сумма абсолютных величин изменений основного индекса в базе данных *Polity IV (2017)* за длительный период времени, которая характеризует не попытки свержения государственной власти, а общую устойчивость режимов.

Надо отметить, что в обеих базах данных фиксируемые события включают в себя не только и не столько революции¹⁶, сколько перевороты и попытки переворотов. Т.е., по сути, речь идет о любой насильственной смене центрального и провинциального руководства той или иной страны или попытках такой смены. Поэтому в данной статье речь пойдет о коррупции как факторе насильственной изменения государственной власти (как революционным путем, так и путем переворотов), которое может рассматриваться в качестве одного из важнейших проявлений политической нестабильности.

Также в нашем анализе участвуют данные о подушевом ВВП (с учетом ППС) и росте ВВП из базы данных Всемирного банка¹⁷. Для характеристики ценностей использовались данные *World Values Survey (WVS)* последней полностью законченной (шестой)

¹⁴ World Bank. World Development Indicators Online. Washington DC: World Bank. Mode of access: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.KD>.

¹⁵ Базисных Cross National Time Series (CNTS) (Banks, A.S.; Wilson, K.A. Cross-National Time-Series Data Archive. DatabanksInternational. Jerusalem, Israel. Modeofaccess: <http://www.databanksinternational.com>) является результатом работы по сбору и систематизации данных, начатой Артуром Банксом в 1968 г. в Университете штата Нью-Йорк в Бингемтоне на основе обобщения архива данных *The Statesman's Year book*, публикуемого с 1864 г. В базе данных содержится около 200 переменных, для более чем 200 стран.

¹⁶ Сводку определений революции см., например, в: Цирель С.В. Революционные ситуации, революции и волны революций: условия, закономерности, примеры // Ойкумена. Вып. 8 / Науч. ред., сост. А.А. Фисун. – Харьков. 2011. – С. 174-209. [Tsirel, S.V. Revoljucionnyesituacii, revoljuciiivolnyrevoljucij: uslovija, zakonomenosti, primery (Revolutionary Situations, Revolutions and Revolutionary Waves: Conditions, Regularities, Examples) //Ojkumena. Vyp. 8 / Nauch. red., sost. A. A. Fisun. Har'kov, 2011, pp. 174-209.]

¹⁷ World Bank. World Development Indicators Online. Washington DC: World Bank. Mode of access: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.KD>.

волны 2010–2014 гг.¹⁸. В статье используются не первичные характеристики, а основные индексы, введенные Р. Инглхартом и К. Вельцелем: «традиционные vs. секулярно-рациональные ценности» (*Traditional vs. Secular-Rational Values*) и «ценности выживания vs. ценности самовыражения» (*Survival vs. Self-Expression Values*). Первый показатель противопоставляет традиционные, как правило, религиозные, ценности более современным, секулярным и рациональным; второй показатель противопоставляет материалистические ценности выживания (борьбы за существование) – ценностям развития, самовыражения, сохранения окружающей среды и т.д.¹⁹.

Для решения поставленной нами задачи классическая линейная регрессия не является адекватным инструментом анализа, потому что допущения МНК в нашем случае не соблюдаются – распределения зависимых переменных весьма далеки от нормального, ибо перевороты и попытки переворотов происходят не в каждой стране, и, тем более, не каждый год. Поэтому в качестве основного метода нами были использованы бинарная логистическая регрессия. Другой применяемый метод – это корреляционный подецильный анализ, заключающийся в том, что массив значений анализируемых показателей за каждый год в каждой стране («страно-годы») разбивается на десять децилей, и в дальнейшем используются средние значения по децилям, что позволяет нормализовать распределение. При этом в нижнюю подгруппу (нижний дециль) входят 10% «страно-лет» с наибольшим уровнем

коррупции или наименьшим уровнем ВВП, в верхнюю подгруппу (верхний дециль) входят 10% «страно-лет» с наименьшим уровнем коррупции или наибольшим уровнем ВВП, а в восемь промежуточных децилей – «страно-годы» с промежуточными значениями.

Основные тесты

Для проверки базовой гипотезы о том, что коррумпированный режим оказывается менее прочным, чем некоррумпированный, воспользуемся бинарной логистической регрессией (см. Табл. 1).

Таблица 1

Результаты бинарной логистической регрессии для попыток насильственной смены государственной власти (зависимые переменные CNTSdomestic7 и «Перевороты и попытки переворотов» CSP – «0» – отсутствие, «1» – наличие) **и для индекса коррумпированности** (независимая переменная – «Коррупция»), 1995–2015 гг.

	<i>Зависимые переменные:</i>	
	CNTS domestic7	Перевороты и попытки переворотов CSP
Коррупция	0,575 (0,057) 1,777***	0,917 (0,183) 2,501***
Константа	-5,904 (0,406) 0,003***	-10,418 (0,486) 0,00003***
Наблюдения	2 539	2 545
Логарифм максимального правдоподобия	1 513,437	373,282

Примечание: * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$. В таблицах здесь и далее приводятся значения регрессионного коэффициента B , под ним в скобках приведено значение его стандартного отклонения и, на третьей позиции, – коэффициент отношения шансов с указанием его статистической значимости.

Table 1. The Results of Binary Logistic Regression for Attempts to Change State Power and for the Corruption Index, 1995–2015

Из результатов тестирования видно, что между уровнем коррумпированности режима и вероятностью его насильственной смены существует статистически значимая связь. При этом, при увеличении индекса коррумпированности на один пункт, вероятность осуществления локального или центрального государственного переворота или попытки переворота увеличивается

¹⁸ World Values Survey Association. World Values Survey Database. Vienna: World Values Survey Association, 2018. Mode of access: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp>.

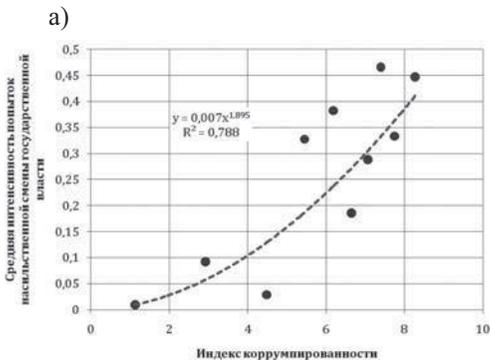
¹⁹ Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития., – М.: Новое издательство, 2011. [Inglehart, R.; Welzel, C. Modernizacija, kul'turnye zmenenija i demokratija. Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiija (Modernization, Cultural Change, and Democracy. The Human Development Sequence). Moscow: Novoeizdatel'stvo, 2011.]; Welzel, C.; Inglehart, R. Liberalism, Postmaterialism, and the Growth of Freedom // *International Review of Sociology*, 2005, Vol. 15, No. 1, pp. 81-108.

на 78% (что соответствует значению коэффициента отношения шансов в 1,78 для *CNT Sdomestic*). С другой стороны, увеличение индекса коррумпированности на один пункт ведет к повышению вероятности центрального государственного переворота или попытки переворота на 150%, т.е. коррупция сказывается на устойчивости центрального правительства в большей степени, чем на совокупной устойчивости всех органов государственной власти.

Проведем теперь тест с использованием другого способа нормализации данных, а именно при помощи подецильного регрессионного анализа (см. Рис. 1). Рис. 1а показывает связь индекса коррумпированности с интенсивностью попыток насильственной смены всех органов государственной власти, а Рис. 1б и Рис. 1с – только центральных органов власти.

Рисунок 1

Корреляция индекса коррумпированности со средней интенсивностью попыток насильственной смены государственной власти²⁰, на соответствующий год, 1995-2015 гг. (диаграммы рассеивания с наложенными контуром степенной регрессии)²¹

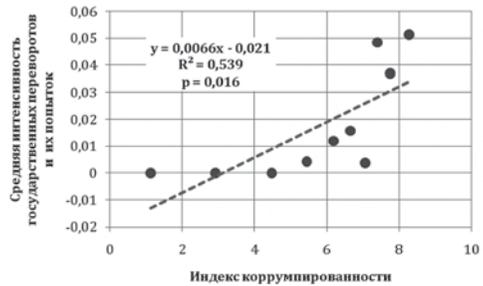
Источники данных: Banks, Wilson 2018; Corruption Perception Index 2018.

Примечание: $r = 0,838$, $R^2 = 0,703$, $p = 0,01$ (линейная регрессия, односторонний тест значимости).

²⁰ Учитываются как удачные, так и не удачные попытки такой смены, осуществленные как революционным путем, так и путем вершущенных заговоров, военных переворотов и т.п.

²¹ Corruption Perception Index. Mode of access: <http://www.transparency.org/research/cpi/>. Banks, A.S.; Wilson, K.A. Cross-National Time-Series Data Archive. Databanks International. Jerusalem, Israel, 2018. Mode of access: <http://www.databanksinternational.com>.

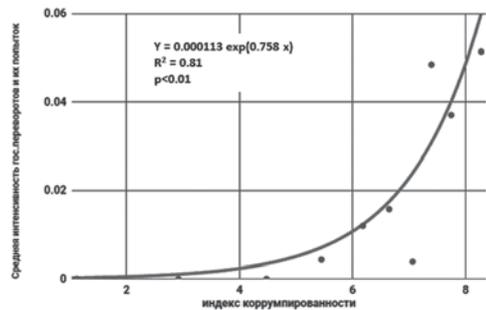
b)

Источники данных: Center for Systemic Peace 2018; Corruption Perception Index 2018.

Примечание: $r = 0,734$, $R^2 = 0,539$, $p = 0,016$ (линейная регрессия)

c)

Источники данных: Center for Systemic Peace 2018; Corruption Perception Index 2018.

Примечание: $r = 0,90$, $R^2 = 0,81$, $p < 0,01$ (экспоненциальная регрессия)

Figure 1. Correlation of the Index of Corruption with the Average Intensity of Attempts to Forcefully Change State Power for the Corresponding Year, 1995-2015.

Как нетрудно видеть, для первой зависимости значимая связь может быть описана линейной формулой, хотя экспоненциальная или степенная зависимости характеризуют ее несколько лучше ($R^2 = 0,76 - 0,79$ против $R^2 = 0,7$ для линейной). У второй зависимости – связь несколько более значимая, но имеет отчетливо нелинейный (приблизительно экспоненциальный) характер. Попытки свержения центральной власти характерны для стран с высоким уровнем коррумпированности.

При этом при подецильном анализе корреляция между индексом коррупции и интенсивностью попыток насильственной смены государственной власти в обоих случаях оказывается весьма сильной

($R^2 = 0,79 - 0,81$). Например, если в 10 процентах «страно-лет» с самым низким значением индекса коррупции попытки насильственной смены местных и центральных государственных органов фиксируются как один случай в 100 лет (0,01), то в 10 процентах «страно-лет» с самым высоким значением индекса коррупции, в среднем наблюдается около одной такой попытки каждые два года. В целом же, индекс коррупции объясняет приблизительно 80% дисперсии интенсивности попыток насильственной смены органов государственной власти по децилям.

Альтернативным объяснением может служить то, что реальным фактором здесь является не сама коррупция, а уровень подушевого ВВП. Дело в том, что ВВП на душу населения демонстрирует очень тесную отрицательную корреляцию с уровнем коррумпированности соответствующих стран (см. Рис. 2 и Рис. 3).

Рисунок 2

Источник: World Bank 2018; Corruption Perception Index 2018.

Примечание: $r = 0,79$, $R^2 = 0,63$, $p << 0,001$.

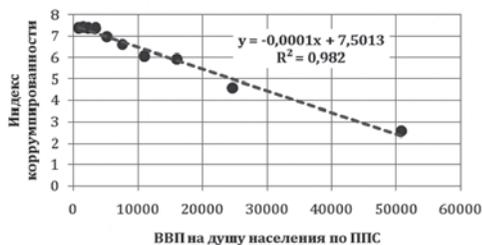
Figure 2. Correlation of GDP Per Capita at PPP (in the range of up to 50 thousand dollars) with the Corruption Index for the Corresponding Year, 1995-2015

Тесная отрицательная корреляция не представляется случайной. Низкий уровень организации государственной власти, ее коррумпированность мешают экономическому развитию, и, наоборот, низкий уровень экономического развития характерен для весьма устаревших форм организации государственного управления (кормления, откупа и др.) и препятствует более современной и более

устойчивой организации государственной власти. Например, целый ряд исследователей отмечает, что коррупция значимо чаще наблюдается в тех случаях, когда государственным служащим выплачивается очень низкая заработная плата, зачастую почти легально предполагающая, что они будут прибегать к сбору взяток, чтобы обеспечить свои семьи. Статистически значимая зависимость между низкой зарплатой чиновников и коррупцией выявлена, например, в кросснациональном эмпирическом анализе, осуществлённом исследователями Ван Рийкехемом и Ведер, результаты которых показали, что коррупция значительно выше в тех странах, в которых зарплата чиновников особенно низка²².

Рисунок 3

Подельная корреляция между ВВП на душу населения по ППС и средним значением индекса коррумпированности на соответствующий год, 1995-2015 гг.
(диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии)

Источник: World Bank 2018; Corruption Perception Index 2018.

Примечание: $r = 0,991$, $R^2 = 0,982$, $p << 0,001$ (односторонний тест значимости)

Figure 3. Sub-Specific Correlation between GDP Per Capita at PPP and the Average Index of Corruption for the Corresponding Year, 1995-2015.

Отметим и исследование российского фонда Индем, в ходе которого осуществлялся статистический анализ между переменными, характеризующими уровень оплаты должностных лиц в различных странах, и переменными, описывающими уровень коррупции и эффективность бюрократии в этих странах (база данных содержала сведения о 47 странах мира и

²² Van Rijckeghem, C.; Weder, B. Bureaucratic Corruption and the Rate of Temptation: do Wages in the Civil Service Affect Corruption, and by How Much? // *Journal of Development Economics*, 2001, Vol. 65, No. 2, pp. 307-331.

включала 51 переменную), и которое выявило, что коррупция имеет тенденцию уменьшаться при повышении заработной платы служащих: большая часть исследованных переменных, характеризующих уровень коррупции, дала значимо высокую отрицательную групповую корреляцию с переменной «зарплата чиновника»²³. В более богатых странах появляется возможность установить обладателям коррупциогенных должностей жалование, обеспечивающее высокий уровень жизни, что нередко ведет к снижению уровня коррупции²⁴.

Обсуждая полученные зависимости, необходимо отметить, что связь коррупции с уровнем ВВП меняется с течением времени и ростом государственного регулирования экономики. В конце XIX века самые передовые страны того времени по оценкам Мэддисона²⁵ имели примерно такой же уровень ВВП на душу населения, как весьма отсталые страны в наши дни, тем не менее устойчивость лидирующих государств того времени хотя и была ниже своего современного уровня, но много выше, чем у нынешних аутсайдеров.

Ряд исследователей, как мы уже отмечали выше, также фиксирует, что уменьшение коррупции способствует ускорению экономического роста страны²⁶ и, наоборот, эконо-

мический рост в долгосрочной перспективе ведет к снижению уровня коррупции. Однако в целом вопрос о связи темпов экономического роста и уровня коррумпированности до сих пор остается дискуссионным (см. ниже).

В целом ряде работ отмечалась сильная отрицательная корреляция между подушевым ВВП и интенсивностью попыток насильственной смены органов власти²⁷, дополнительным подтверждением являются результаты проведенного подецильного анализа (Рис. 4).

pp. 681-712; Acemoglu, D.; Robinson, J. *The Role of Institutions in Growth and Development*. Washington, DC: World Bank, 2010.

- ²⁷ Речь идёт прежде всего о государственных переворотах. См. напр.: Belkin, A.; Schofer, E. *Toward a Structural Understanding of Coup Risk // Journal of Conflict Resolution*, 2003, No. 47(5), pp. 594-620; Bouzid, B. *Using a Semi-Parametric Analysis to Understand the Occurrence of Coups d'état in Developing Countries // International Journal of Peace Studies*, 2011, pp. 53-79; Korotayev, A.; Vaskin, I.; Bilyuga, S.; Ilyin, I. *Economic Development and Sociopolitical Destabilization: a Re-Analysis // Cliodynamics*, 2018, Vol. 9, No. 1, pp. 57-115; Коротаев А., Васкин И., Билуга С. Гипотеза Олсона-Хантингтона о криволинейной зависимости между уровнем экономического развития и социально-политической дестабилизацией: опыт количественного анализа // Социологическое обозрение. – 2017. – Т. 16. No. 1. – С. 9-49. [Korotayev, A.; Vaskin, I.; Bilyuga, S. *Gipoteza Olsona-Huntingtona o krivoliniinoi zavisimosti mezhdru urovnem ekonomicheskogo razvitiyai sotsial'no-politicheskoi destabilizatsie i: opyt kolichestvennogo analiza (Olson-Huntington hypothesis on a bell-shaped relationship between the level of economic development and sociopolitical destabilization: A quantitative analysis) // Sotsiologicheskoe Obozrenie – Russian Sociological Review*, 2017, Vol. 16, No. 1, pp. 9-49.]; Коротаев А.В., Гринин Л.Е., Исаев Л.М., Билуга С.Э., Васкин И.А., Слинко Е.В., Шишкина А.Р., Мещерина К.В. Дестабилизация: глобальные, национальные, природные факторы и механизмы. – М.: Московская редакция издательства «Учитель», 2017. [Korotayev, A.V.; Grinin, L.E.; Issaev, L.M.; Bilyuga, S.E.; Vaskin, I.A.; Slinko, E.V.; Shishkina, A.R.; Meshcherina, K.V. *Destabilizatsiya: global'nye, natsional'nye, prirodnye faktory i mekhanizmy (Destabilization of the Global, National, Environmental Factors, and Mechanisms)*. Moscow: Moskovskaya redaktsiya izdatel'stva «Uchitel'», 2017.]

²³ Заработная плата и коррупция: как платить российским чиновникам? Аналитический доклад / Индем. – М. 2002. Режим доступа: http://www.anti-corr.ru/indem/2002salary_corruption.htm [Zarabotnaya plata i korruptsiya: kak platit' rossiiskim chinovnikam? Analiticheskii doklad / Indem (Wages and Corruption: How to Pay Russian Bureaucrats? Analytical report. INDEM). Moscow: Indem, 2002. Mode of access: http://www.anti-corr.ru/indem/2002salary_corruption.htm]

²⁴ Mauro, P. Corruption and the Composition of Government Expenditure // *Journal of Public Economics*, 1997, Vol. 69, No. 2, pp. 263-279; UNODC = United Nations Office on Drugs and Crime. *UN Anti-Corruption Toolkit*. Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime, 2004; Коротаев А.В., Халтурина Д.А. *Современные тенденции мирового развития*. – Москва: URSS, 2008. [Korotayev, A.V.; Khaltourina, D.A. *Sovremennye tendentsii mirovogo razvitiya (Modern Trends of World Development)*. Moscow: URSS, 2008.]

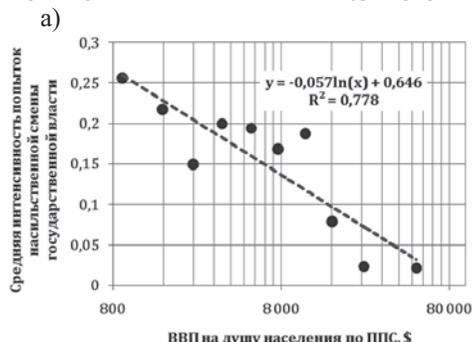
²⁵ Maddison, A. *Contours of the World Economy 1-2030 AD. Essays in Macro-Economic History*. Oxford University Press, 2007.

²⁶ Mauro, P. Corruption and Growth // *The Quarterly Journal of Economics*, 1995, Vol. 110, No. 3,

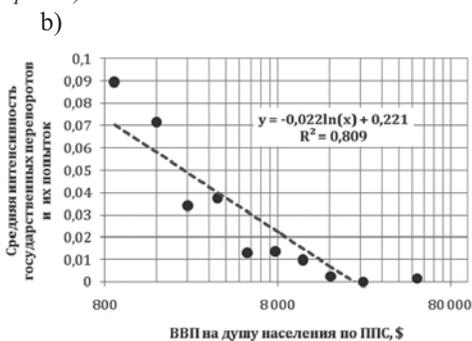
Рисунок 4

Корреляция ВВП на душу населения по ППС со средней интенсивностью попыток насильственной смены государственной власти, на соответствующий год, 1995-2015 гг.

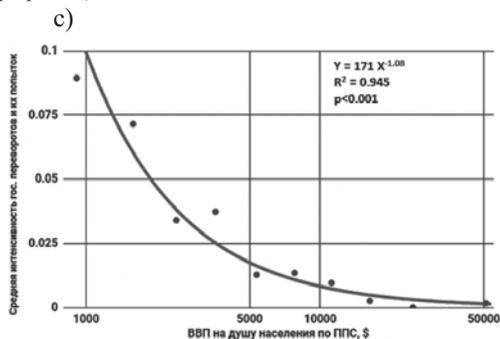
(диаграммы рассеивания с наложенными контурами регрессий)

Источники данных: World Bank 2018; Banks, Wilson 2018.
Примечание: $R^2 = 0,778$, $p < 0,001$ (логарифмическая регрессия).

Источники данных: World Bank 2018; Center for Systemic Peace 2018.
Примечание: $R^2 = 0,809$, $p < 0,001$ (логарифмическая регрессия)

Источники данных: World Bank 2018; Center for Systemic Peace 2018.
Примечание: $R^2 = 0,945$, $p < 0,001$ (степенная регрессия)

Figure 4. Correlation of GDP Per Capita at PPP with the Average Intensity of Attempts to Forcibly Change State Power for the Corresponding Year, 1995-2015

Аналогично Рис. 2, на Рис. 4a представлены данные о попытках свержения местных и центральных органов власти, а на Рис. 4b и Рис. 4c – только центральной. Также аналогично Рис. 2, в первом случае связь близка к линейной или логарифмической, а во втором – нелинейной (экспоненциальной или обратной степенной), т.к. в странах с высоким уровнем ВВП на душу населения попытки свержения центральной власти любым путем являются исключительно редкими случаями.

При этом, как мы видим, при подетальном анализе корреляция между ВВП на душу населения по ППС и интенсивностью попыток насильственной смены государственной власти в обоих случаях оказывается сильной, а для случаев попыток свержения центральной власти – даже очень сильной ($R^2 = 0,945$). Очень высокий уровень детерминации, превосходящий уровень детерминации для уровня коррупции (Рис. 1с), требует совместного анализа их влияния для оценки роли каждого фактора.

Однако даже для общей суммы попыток свержения местной и центральной власти, различие между первым и последним децилями весьма велико. Если в 10 процентах «страно-лет» с самым низким значением ВВП на душу населения, попытки насильственной смены государственной власти фиксируются как один случай в 5 лет, то в 10 процентах «страно-лет» с самым высоким значением ВВП на душу населения, в среднем наблюдается около одной такой попытки в 50 лет. В целом же, ВВП на душу населения объясняет 72% дисперсии интенсивности попыток насильственной смены всех органов государственной власти и почти 95% дисперсии попыток насильственной смены центральных органов государственной власти по децилям. Это, в целом, неудивительно – высокий уровень ВВП на душу населения достигается в странах с устойчивой организацией государственной власти, и, наоборот, чем выше ВВП на душу населения, тем больше ресурсов в своем распоряжении имеет руководство страны, что естественно повышает его устойчивость²⁸.

²⁸ Вместе с тем, если брать только революции (в особенности по модели «центрального коллапса»), корреляция между подушевым ВВП и

ними окажется скорее криволинейной, чем отрицательной: «Революции чаще происходят не в самых бедных странах, а в странах со средним уровнем дохода» (Голдстоун Д.А. Революции. Очень краткое введение. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. [Goldstone, D.A. *Revolutsii. Ochen' kratkoevvedenie* (Revolutions. Avery ShortIntroduction). Moscow: Izd-vo In-ta Gaidara, 2015.]; см. также, например: Коротаев А.В., Исаев Л.М., Васильев А.М. Количественный анализ революционной волны 2013-2014 гг. // Социологические исследования. – 2015. – No. 8. – С. 119-127. [Korotayev, A.V.; Issaev, L.M.; Vasiliev, A.M. *Kolichestvennyi analiz revoliutsionnoy volny 2013-2014 gg.* (Quantitative Analysis of the Revolutionary Wave of 2013-2014) // *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*, 2015, No. 8, pp. 119-127.]. Дело в том, что для революции, понимаемой как «насильственное свержение власти, осуществляемое посредством массовой мобилизации... во имя социальной справедливости и создания новых политических институтов» (Голдстоун Д.А. Революции. Очень краткое введение. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. [Goldstone, D.A. *Revolutsii. Ochen' kratkoevvedenie* (Revolutions. Avery ShortIntroduction). Moscow: Izd-vo In-ta Gaidara, 2015.]), кроме неустойчивости власти требуется ещё и массовая мобилизация, которая в самых бедных странах заметно менее вероятна, чем в странах среднеразвитых (см., например: Коротаев А.В., Билюга С.Э., Шишкина А.Р. ВВП на душу населения, уровень протестной активности и тип режима: опыт количественного анализа // Сравнительная политика. – 2016. – No. 4(26). – С. 72-94. [Korotayev, A.V.; Bilyuga, S.E.; Shishkina, A.R. *VVP na dushu naseleniya, uroven' protestnoiakti vnostiitiprezhima: opyt kolichestvennogo analiza* (GDP per capita, Protest Intensity and Regime Type: A Quantitative Analysis) // *Sravnitel'naya Politika – Comparative Politics Russia*, 2016, No. 4(26), pp. 72-94.]; Коротаев А.В., Билюга С.Э., Шишкина А.Р. ВВП на душу населения, интенсивность антиправительственных демонстраций и уровень образования. Кросс-национальный анализ // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». – 2017. – No. 1(84). – С. 127-143. Коротаев А.В., Билюга С.Э., Шишкина А.Р. ВВП на душу населения, интенсивность антиправительственных демонстраций и уровень образования. Кросс-национальный анализ // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». – 2017. – No. 1(84). – С. 127-143. [Korotayev, A.V.; Bilyuga, S.E.; Shishkina, A.R. *VVP na dushu naseleniya, intensivnost' antipravitel'stvennykh*

Бинарная логистическая регрессия также подтверждает тесную отрицательную связь между ВВП на душу населения и интенсивностью попыток насильственной смены руководства страны (см. Табл. 2).

Как мы видим, данные логистические регрессии показывают, что при увеличении ВВП на душу населения на один порядок, вероятность попытки насильственной смены государственной (как центральной, так и региональной) власти снижается почти в четыре раза. При этом для случаев свержения одной лишь центральной власти различие достигает почти десяти раз, т.е. возрастание ВВП на порядок снижает частоту попыток свержения центральной власти также практически на порядок.

Исходя из этих оценок, выполненных двумя способами, можно выдвинуть гипотезу о том, что интенсивность попыток насильственной смены руководства страны в реальности зависит не от уровня ее коррумпированности, а от уровня ее экономического развития, измеряемого уровнем подушевого ВВП.

demonstratsii i uroven' obrazovaniya. Kross-natsional'nyi analiz (GDP per Capita, the Intensity of Anti-Government Demonstrations and Level of Education. Cross-National Analysis) // *Journal of political philosophy and sociology of politics "Politiya. Analysis. Chronicle. Forecast"*, 2017, No. 1(84), pp. 127-143.]; Коротаев А.В., Билюга С.Э., Шишкина А.Р. Экономический рост и социально-политическая дестабилизация: опыт глобального анализа // Полис. Политические исследования. – 2017. – No. 2. – С. 155-169. [Korotayev, A.V.; Bilyuga, S.E.; Shishkina, A.R. *Ekonomicheskii rost i sotsial'nopoliticheskaya destabilizatsiya: opyt global'nogo analiza* (Correlation between GDP per capita and Protest Intensity: A Quantitative Analysis) // *Polis*, 2017, No. 2, pp. 155-169.]; Korotayev, A.; Grinin, L.; Bilyuga, S.; Meshcherina, K.; Shishkina, A. *Economic Development, Socio-political Destabilization and Inequality* // *The Russian Sociological Review*, 2017, Vol. 16, No. 3, pp. 9-35). Это не мешает корреляции между подушевым ВВП и интенсивностью попыток насильственной смены власти оставаться отрицательной (так как революции среди всех успешных попыток насильственной смены руководства страны составляют во всех базах данных лишь небольшой процент).

Таблица 2

Результаты бинарной логистической регрессии для попыток насильственной смены государственной власти (зависимые переменные CNTSdomestic7 и «Перевороты и попытки переворотов» CSP – «0» – отсутствие, «1» – наличие) и для логарифма ВВП на душу населения по ППС в качестве независимой переменной

	<i>Зависимые переменные:</i>	
	CNTS domestic7	Перевороты и попытки переворотов CSP
Десятичный логарифм подушевого ВВП (в международных долларах 2011 г. по ППС)	-1,306 (0,131)	-2,276 (0,357)
Константа	0,271*** (0,491)	0,103*** (1,227)
Наблюдения	2,845 17,196***	4,275 71,869***
Логарифм максимального правдоподобия	2 499	2 502
	1 554,617	367,866

Примечание: * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$

Table 2. The Results of Binary Logistic Regression for Attempts to Change State Power and for the Logarithm of GDP Per Capita PPP as an Independent Variable

Для проверки этой гипотезы используем множественную логистическую регрессию с попытками насильственной смены государственной власти в качестве зависимой переменной, а также индексом коррумпированности и логарифмом ВВП на душу населения в качестве независимых переменных (см. Табл. 3).

Таблица 3

Результаты множественной логистической регрессии

(в модели рассматривались три переменных: в качестве зависимой переменной дихотомизированная переменная, отвечающая за попытки насильственной смены руководства страны [CNTSdomestic7 и «Перевороты и попытки переворотов» CSP «0» – отсутствие, «1» – наличие], в качестве независимых – индекс коррумпированности [«Коррупция»] и логарифм ВВП на душу населения)

	<i>Зависимые переменные:</i>	
	CNTS domestic7	Перевороты и попытки переворотов CSP
Коррупция	0,504 (0,068)	0,681 (0,220)
	1.655***	1.977***

Зависимые переменные:

	CNTS domestic7	Перевороты и попытки переворотов CSP
Десятичный логарифм подушевого ВВП (в международных долларах 2011 г. по ППС)	-0,390 (0,172)	-1,565 (0,428)
Константа	0,677** (0,019***)	0,209*** (2,535)
Наблюдения	2 499	2 461
Логарифм максимального правдоподобия	1 486,974	356,091

Примечание: * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$

Table 3. Multiple Logistic Regression Results

Как мы видим, индекс коррумпированности весьма успешно выдерживает контроль на подушевой ВВП. При добавлении этого контроля сила индекса коррумпированности несколько уменьшается, но остается очень существенным фактором. Для попыток свержения местной и центральной власти увеличение индекса на один пункт приводит к росту вероятности попытки насильственной смены режима не на 78%, а на 66%, а попыток свержения только центральной власти – не в 2,5, а в 2 раза. Несколько более сильное воздействие введение контроля на коррумпированность оказывает на влияние подушевого ВВП. Для попыток свержения центральной власти увеличение подушевого ВВП на один порядок приводит к уменьшению вероятности таких попыток не в десять, а в пять раз, а для попыток свержения местных и центральных властей – уже не почти в четыре раза, а лишь на треть.

Для оценки потенциала снижения коррупции как возможного средства укрепления политической стабильности, вычислим такую же самую множественную логистическую регрессию, заменив индекс коррумпированности на 10-балльный индекс восприятия коррупции *Transparency International*, где 10 баллов означает предельно низкий уровень коррумпированности (таким образом, этот индекс можно рассматривать как «индекс некоррумпированности») (см. Табл. 4).

Таблица 4

Результаты множественной логистической регрессии

(в модели рассматривались три фактора: в качестве зависимой переменной дихотомизированная переменная, отвечающая за попытки насильственной смены руководства страны [CNTS domestic7 и «Перевороты и попытки переворотов» CSP – «0» – отсутствие, «1» – наличие]; в качестве независимых – Индекс восприятия коррупции Transparency International, 10-балльная шкала [«Некорруптированность»] и логарифм ВВП на душу населения)

	Зависимые переменные:	
	CNTS domestic7	Перевороты и попытки переворотов CSP
Некорруптированность	-0,504 (0,068) 0,604***	-0,681 (0,220) 0,506***
Десятичный логарифм подушевого ВВП (в международных долларах 2011 г. по ППС)	-0,390 (0,172) 0,677**	-1,565 (0,428) 0,209***
Константа	1,089 (0,562) 2,971*	3,700 (1,395) 40,459***
Наблюдения	2 499	2 502
Логарифм максимального правдоподобия	1 486,974	356,091

Примечание: * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$

Table 4. Multiple Logistic Regression Results

Как мы видим, повышение позиции страны в рейтинге *Transparency International* на один балл (при контроле на подушевой ВВП) сопровождается снижением вероятности попыток насильственной смены местных и центральных органов государственной власти почти на 40%, то есть имеет эффект несколько более высокий, чем повышение подушевого ВВП на один порядок.

Для насильственных попыток смены только центральной власти влияние понижения корруптированности на 2,5 балла примерно аналогично влиянию повышения подушевого ВВП на один порядок. Однако фактически шкала корруптированности имеет длину в 8 баллов (реальные значения находятся в диапазоне от 0,5 до 8,5), а шкала десятичных логарифмов подушевого ВВП имеет длину максимум 4 единицы (от \$500 до \$50 000 в год), т.е. влияние снижения кор-

руптированности оказывается практически сопоставимым с эффектом роста ВВП и в последнем случае. А попытки свержения провинциальных властей в большей степени связаны с уровнем корруптированности, чем с уровнем подушевого ВВП.

Обсуждение. Роль ценностных характеристик

Как показали проведенные исследования:

- количество переворотов и попыток переворотов на уровне провинциальных органов власти и особенно на уровне центрального правительства имеют сильную корреляцию как с уровнем коррупции, так и с ВВП на душу населения;

- уровень коррупции существенно коррелирован с уровнем ВВП на душу населения;

- анализ зависимостей количества переворотов и попыток переворотов от обоих факторов показывает, что и корруптированность, и уровень ВВП на душу населения существенно влияют на количество переворотов и попыток переворотов;

- при этом в отношении попыток свержения центральной власти влияние уровня ВВП на душу населения оказывается немного сильнее, а в отношении свержения всех органов власти в совокупности, как центральных, так и местных, степень корруптированности и оказывает большее воздействие.

Начнем обсуждение полученных зависимостей с оценки скорости изменений уровней восприятия коррупции. Как показал анализ данных *Transparency International*, лишь в малом числе стран за время проведения исследований произошли статистически значимые ($p < 0,01$) изменения восприятия коррупции на один пункт и более (или, соответственно, десять и более пунктов по новой шкале). Наиболее сильные изменения имели место в Уругвае (с 5,7 до 2,7, $p < 0,0001$), Гане (с 6,7 до 5,2, $p < 0,01$), Эстонии (с 4,4 до 3,1, $p < 0,001$), Ирландии (с 1,4 до 3,0, $p < 0,01$), Исландии (с 0,7 до 2,2, $p < 0,001$). В целом они говорят о снижении коррупции в ряде развивающихся странах и небольшом росте в части развитых стран, хотя есть и противоположные примеры –

Зимбабве (рост с 6 до 8, $p < 0,001$), и Бельгия (снижение с 4 до 2,5, $p < 0,001$). Однако в целом, этот медленно меняющийся показатель можно считать практически постоянным на интервале длительностью 15-20 лет, поэтому для анализа полученных зависимостей имеет смысл провести рассмотрение данных на уровне «страно-лет», а на уровне стран за достаточно длительный период. Для проведения сопоставления в качестве основного периода был выбран интервал с 1995 г. по 2016 г., в течение которого были усреднены значения коррумпированности, ВВП на душу населения и темпа роста ВВП, а также просуммированы показатели, характеризующие изменения и попытки изменения политической власти. Выбор данного периода обусловлен, с одной стороны, длительностью проведения измерений уровня коррумпированности, а, с другой стороны, желанием минимизировать влияние событий эпохи распада «второго мира» на показатели изменения политической власти.

Прежде всего, отметим, что хотя между уровнем коррумпированности и ВВП на душу населения существует тесная связь, связь между темпом роста ВВП и уровнем коррумпированности, часто обсуждаемая в публицистической и политологической литературе, отмеченная многими исследователями (см. выше), выделяется только при использовании сложных контролей множества факторов.

При однофакторной регрессии на уровне стран коэффициент корреляции по абсолютной величине не превышает 0,005, а на уровне стран – он составляет 0,12-0,15 в зависимости от выбранного периода с уровнем значимости $p = 0,05-0,1$. Т.е. в более коррумпированных странах темпы роста экономик даже чуть выше, что, естественно, объясняется не положительным влиянием коррупции, а в первую очередь более быстрым экономическим ростом развивающихся стран (более коррумпированных, чем развитые) в последние десятилетия²⁹. Причем «положительное

влияние коррупции» усиливается с течением времени – если в работе, анализирующей данные 1980-1995 гг., отмечалось хоть малое, но все же отрицательное влияние коррупции на экономический рост, то в наших данных за 1995-2015 гг. фиксируется почти исключительно «положительное влияние».

На самом поверхностном уровне это связано с общим ускорением роста развивающихся экономик. На более глубоком уровне предложен целый ряд объяснений, из которых мы отметим лишь те, которые затрагивают основную тему статьи.

Во-первых, как отмечает ряд исследователей³⁰, уровень качества государственных институтов, и в том числе уровень коррумпированности влияют на скорость экономического роста лишь в весьма долгосрочной перспективе (более 15-20 лет), а в краткосрочной перспективе они влияют не на средние темпы роста, а на их устойчивость. Т.е. в течение периодов длительностью до 15-20 лет средний темп роста экономик не показывает значимой корреляции с качеством государственных институтов и уровнем коррупции, но вариации скорости роста существенно различаются. В коррумпированных странах тот же средний рост складывается из периодов прироста ВВП на 5-10 и более процентов и периодов спада, достигающих почти тех же значений, только с отрицатель-

2008.]; Korotayev, A.; Zinkina, J.; Bogevolnov, J.; Malkov, A. Global Unconditional Convergence among Larger Economies after 1998? // *Journal of Globalization Studies*, 2011, Vol. 2, No. 2, pp. 25-62; Korotayev, A.; Zinkina, J. On the Structure of the Present-Day Convergence // *Campus-Wide Information Systems*, 2014, Vol. 31, No. 2, pp. 41-57; Korotayev, A.; Goldstone, J.; Zinkina, J.V. Phases of Global Demographic Transition Correlate with Phases of the Great Divergence and Great Convergence // *Technological Forecasting and Social Change*, 2015, No. 95, pp. 163-169; Grinin, L.; Korotayev, A. Great Divergence and Great Convergence. A Global Perspective. New York, NY: Springer, 2015.

³⁰ Khan, M. Governance, Economic Growth and Development since the 1960s. DESA Working Paper N. 54, 2007; Pritchett, L., Werker, E. Developing the guts of a GUT (Grand Unified Theory): elite commitment and inclusive growth. Brooks World Poverty Institute Working Paper Series, 2012.

²⁹ Коротаяев А.В., Халтурина Д.А. Современные тенденции мирового развития. – Москва: URSS, 2008. [Korotayev, A.V.; Khaltourina, D.A. *Sovremennyye tendentsii mirovogorazvitiya* (Modern Trends of World Development). Moscow: URSS,

ным знаком. Естественно, резкий спад экономики после подъема часто сопровождается утратой устойчивости всей государственной системы и чреват удачными и неудачными попытками переворотов. Неустойчивость экономической и политической систем коррумпированных государств охватывает не только периоды экономических провалов, попытки переворотов могут иметь место также и при медленных выходах из кризисов и других социально-политических проблемах, включая недовольство населения и части элиты коррумпированностью первых лиц страны. Связь частоты попыток свержения государственной власти с уровнем коррупции наглядно показывают наши тесты (Рис. 1, 4).

Эти рассуждения показывают, почему связь количества насильственных переворотов и попыток переворотов с ростом экономики более отчетливая, чем связь роста ВВП с коррупцией, но также весьма слабая. Даже на уровне децилей страно-лет коэффициент корреляции для общей совокупности попыток переворотов достигает 0,5-0,55 в зависимости от выбора периода наблюдений ($r = 0,12-0,14$). При этом сам уровень корреляции в немалой степени определяется частыми случаями резкого снижения ВВП в год переворота, т.е. нередко не спад ВВП ведет к смене политического режима, а, наоборот, бурные политические события – к спаду ВВП.

Важно отметить, что в отличие от успешных и неуспешных попыток свержения центральных властей, в отношении локальных властей связь их частоты с коррупцией проявляется сильнее, чем связь с уровнем ВВП на душу населения (см. Табл. 3 и Табл. 4). Точнее говоря, для коррупции сила связи в отношении общей совокупности примерно на четверть меньше по сравнению с попытками свержения центральной власти, а для уровня ВВП влияние просто сопоставимо – повышение подушевого ВВП на порядок ведет к сокращению количества попыток свержения центральной власти в пять раз, а всех властей, местных и центральных, – всего в полтора раза. Этот неожиданный на первый взгляд вывод показывает, что для именно коррумпированных стран, даже успешно развивающихся и об-

ладающих средним уровнем дохода, характерно существование провинций с весьма неустойчивой властью. Иначе говоря, коррумпированность тесно связана не только с большими временными вариациями политического и экономического состояния стран, но еще более – с существенными вариациями политического и экономического состояния отдельных регионов.

Во-вторых, как показывает более детальный анализ³¹, предсказуемость форм коррупции во многом снимает ее негативные стороны для инвесторов (а зачастую даже дает дополнительный доступ к наиболее выгодным проектам).

В-третьих, положительное влияние коррупции, равно как и ее наиболее предсказуемый характер³² характерны прежде всего для Восточной Азии и наименее характерны для Латинской Америки и Африки³³.

Исходя из этих данных, можно выдвинуть два важных предположения.

1. Во-первых, для каждого уровня экономического развития есть свои пределы степени коррумпированности и неустойчивости экономического развития и государства в целом, которые не представляют значительных препятствий для экономического роста, во всяком случае – на интервалах времени до 15-20 лет. Это предположение на первый взгляд представляется весьма сложным и неочевидным, однако его весьма наглядным

³¹ Gyimah-Brempong, K., Samaria M. de C. Corruption, Growth, and Income Distribution: Are there Regional Differences? // *Economics of Governance*, 2006, No. 7(3), pp. 245-269; Campos, J.E.; Lien, D.; Pradhan, S. The Impact of Corruption on Investment: Predictability Matters // *World Development*, 1999, Vol. 27, No. 6, pp. 1059-1067; Paldam, M. The Cross-Country Pattern of Corruption: Economics, Culture and the Seesaw Dynamics // *European Journal of Political Economy*, 2002, Vol. 18, No. 2, pp. 215-240.

³² Campos, J.E.; Lien, D.; Pradhan, S. The Impact of Corruption on Investment: Predictability Matters // *World Development*, 1999, Vol. 27, No. 6, pp. 1059-1067.

³³ Njoku, C.I., Bondarenko, D.M. State Building, States, and State Transformation in Africa: Introduction. *Social Evolution & History*, 2018, Vol. 17, No. 1, pp. 3-15.

подтверждением является очень высокий уровень корреляции между агрегированными по децилям уровнями коррупции и подушевого ВВП – $r = 0,991$ (см. Рис. 3). При этом достижение определенного уровня экономического развития (в современном мире – на уровне приблизительно 20-25 тыс. долларов по ППС) либо напрямую способствует резкому снижению коррупции (коррупция становится помехой деловой жизни), либо стимулирует государственные органы, политические и общественные организации к более интенсивной и эффективной борьбе с коррупцией (т.е. повышению качества и устойчивости политических институтов), что ведет к резкому снижению количества попыток насильственного свержения / насильственной смены руководства государств. Есть основания предполагать, что это является одной из причин, почему Россия с достаточно высокой коррумпированностью (7,1-7,3) замедлилась или даже остановилась в своем экономическом росте именно на данном уровне³⁴.

Подтверждением этих тезисов является также существенный рост вариации уровней ВВП и роста ВВП с увеличением степени коррумпированности. В таблице 5 представлены показатели 168 стран³⁵, охватывающие уровень ВВП на душу населения, рост ВВП, вариацию этих величин, а также три показателя устойчивости режимов – значение переменной *CNTS domestic*³⁶, количество удачных и неудачных переворотов

по базе *CSP*³⁷, а также суммарное значение изменений показателя в базе *Polity IV*³⁸.

Легко видеть, что наиболее монотонный характер носят связи уровня коррумпированности, подушевого ВВП и показателей неустойчивости режимов. Также достаточно отчетливо проявляется увеличение вариации уровня ВВП на душу населения и темпа роста ВВП с увеличением коррумпированности. Таким образом, с ростом коррумпированности (исключая разве наиболее коррумпированные страны) растет количество и контрастность вариантов траекторий трансформации – быстрый экономический рост при устойчивом политическом строе или при его изменении, медленный рост или даже отсутствие роста при политических переменных или без них и т.д.. При этом максимальные темпы роста наблюдаются в среднем у стран, имеющих достаточно высокие уровни коррупции (в диапазоне от 4 до 7), однако, несмотря на высокие темпы роста многих стран с уровнем коррупции 6-7, в целом доля устойчивых политических режимов в этом диапазоне резко сокращается.

³⁴ Лишь немногие страны сумели преодолеть этот рубеж, не снижая уровня коррумпированности, в их число прежде всего входят богатые нефтяные страны Персидского залива и страны Южной и Восточной Европы, входящие в ЕС и пользующиеся его экономической и институциональной помощью, причем в основном эти страны имеют уровни коррумпированности в диапазоне 5-6, т.е. на 1,5-2 единицы ниже, чем Россия.

³⁵ При этом данные по ВВП самых богатых нефтяных стран Персидского залива (Катар, ОАЭ, Оман, Бахрейн, Кувейт, Саудовская Аравия) исключены из рассмотрения.

³⁶ Banks, A.S.; Wilson, K.A. Cross-National Time-Series Data Archive. Databanks International. Jerusalem, Israel. Mode of access: <http://www.databanksinternational.com>.

³⁷ Center for Systemic Peace. Coups d'Etat, 1946-2016. Vienna, VA: Center for Systemic Peace, 2018. Mode of access: <http://www.systemicpeace.org/inscr/CSPCoupsListv2016.xls>.

³⁸ Polity IV. Polity IV project: Political regime characteristics and transitions. 2018. Retrieved from <http://www.systemicpeace.org/polity/polity4.htm>.

Таблица 5

Изменения показателей экономического развития и устойчивости политических режимов с ростом коррумпированности

Показатели	Уровень коррумпированности					
	0,5 – 2	2 – 3,5	3,5 - 5	5 – 6	6 – 7	7 – 8,5
Количество стран	13	11	17	22	41	64
Среднее значение ВВП на душу населения по ППС в постоянных долларах 2011 года, тыс.	46,3	33,0	18,9	17,1	8,0	4,9
Стандартное отклонение, тыс. долл.	14,8	10,8	10,1	7,5	5,4	4,8
Коэф. вариации	0,31	0,33	0,54	0,43	0,67	0,98
Средний % роста ВВП	1,63	1,51	2,45	2,74	2,72	2,26
Стандартное отклонение, %	0,54	0,99	1,49	1,37	2,12	2,32
Коэф. вариации	0,33	0,59	0,61	0,51	0,78	1,03
Среднее значение переменной <i>CNTS domestic7</i> (Banks, Wilson 2018)	0	0,08	1,0	1,0	3,79	5,03
Среднее количество удачных и неудачных попыток переворотов по базе CSP (Centerfor-SystemicPeace 2018)	0	0	0,14	0,1	0,28	1,15
Среднее суммарное значение изменений показателя в базе <i>PolityIV</i> (2018)	0	0,08	0,5	1,0	1,92	3,02
Доля стран, в которых не было насильственных свержений местных и центральных властей и попыток их совершения	1,0	0,91	0,79	0,85	0,41	0,20

Table 5. Changes in Indicators of Economic Development and Sustainability of Political Regimes with Increasing Corruption

Суммируя вместе эти тенденции, можно разделить страны на 4 группы:

1). Высокоразвитые страны с уровнем коррупции менее 3,5, устойчивыми политическим режимом (в подавляющем большинстве стран – либеральные демократии) и невысокими, но достаточно устойчивыми темпами роста.

2). Среднеразвитые страны с уровнем коррупции 3,5-6, в среднем с более высокими темпами роста и большей их вариацией. Среди них попытки насильственных изменений режима в центре или на окраинах страны имели место в 15-20% стран.

3). Развивающиеся коррумпированные страны с уровнем коррупции 6-7 и также в среднем высокими темпами роста, хотя и резко варьирующими от страны к стране. В большинстве стран этой группы (60%) имели место попытки насильственных изменений режима, хотя лишь в четверти стран они затронули центральные правительства.

4). Наиболее коррумпированные и наиболее бедные страны. В среднем для них характерен несколько меньший, но также достаточно высокий темп роста ВВП и еще большие вариации темпов роста от страны к стране. При этом политические режимы

весьма неустойчивы, в 80% имели место попытки насильственных изменений режима, и примерно в половине стран они затронули центральные правительства.

Таким образом, коррупция в целом оказывает малое влияние на средние темпы экономического роста, но оказывает тройное негативное влияние на устойчивость развития:

- существенно увеличивает разброс траекторий экономических трансформаций: среди стран с высоким уровнем коррупции наблюдаются как весьма успешно развивающиеся страны, начиная с Китая и Индии, и страны, показавшие за двадцать лет практически нулевой рост ВВП;

- даже в успешно развивающихся коррумпированных странах темпы развития носят, как правило, неравномерный характер; быстрый рост чередуется остановками развития и глубокими кризисами;

- для коррумпированных стран характерна неравномерность политического и экономического состояния отдельных регионов, наличие регионов с весьма неустойчивой властью.

Именно это тройное влияние коррумпированности на предсказуемость и устой-

чивость экономической и политической конъюнктуры, а не непреодолимые препятствия, которые якобы создает коррупция на пути экономического роста, обуславливает частоту попыток государственных переворотов в странах низкого и среднего уровня экономического развития. В 75% стран в каждой из последних двух групп изменялось значение в базе *PolityIV*³⁹. В то же время даже в самой коррумпированной группе стран насильственные перемены и попытки насильственных перемен центрального правительства имели место лишь в половине государств. Поэтому высокую коррумпированность надо рассматривать как весьма важный фактор риска, но не как предсказание переворотов и попыток переворотов и, тем более, низких темпов экономического роста.

2. Во-вторых, большие различия между влиянием коррупции на экономический рост в разных регионах и разное влияние предсказуемой и непредсказуемой коррупции на экономический рост показывают существенное воздействие культурных особенностей разных стран на изучаемые зависимости, в первую очередь на связи частоты попыток государственных переворотов с уровнем коррупции и экономическим развитием. В качестве основы для анализа были выбраны параметры теории культурной модернизации Р. Инглхарта и К. Вельцеля в первую очередь из-за их опоры на обширную эмпирическую базу, охватывающую длительный период и, главное, за малыми исключениями почти весь список стран, включенных в наш анализ⁴⁰.

³⁹ Polity IV. Polity IV project: Political regime characteristics and transitions. 2018. Retrieved from <http://www.systemicpeace.org/polity/polity4.htm>.

⁴⁰ Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. – М.: Новое издательство, 2011. [Inglehart, R.; Welzel, C. Modernizacija, kul'turnye izmenenija i demokratija. Posledovatel'nost' chelovecheskogorazvitiija (Modernization, Cultural Change, and Democracy. The Human Development Sequence). Moscow: Novoeizdatel'stvo, 2011.]; Welzel, C.; Inglehart, R. Liberalism, Postmaterialism, and the Growth of Freedom // *International Review of Sociology*, 2005, Vol. 15, No. 1, pp. 81-108.

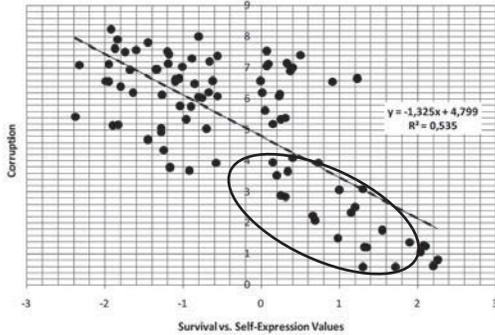
На первом этапе усредненные индексы восприятия коррупции сопоставлялись с данными последней законченной и самой полной на сегодняшний день шестой волны исследований (2010-2014 гг.). Анализ показал, что индекс восприятия коррупции имеет значимую, хотя и не очень существенную корреляцию с показателем *Traditionalvs. Secular-Rational Values* ($r = -0,46$, $R^2_{adj} = 0,22$) и более высокую – с показателем *Survivalvs. Self-ExpressionValues* ($r = -0,73$, $R^2_{adj} = 0,54$). Для контроля были также оценены корреляция с параметрами четвертой волны (1999-2004 гг.), охватившей примерно 70% стран из списка стран шестой волны, коэффициенты корреляции оказались достаточно близки к полученным выше (соответственно $r = -0,49$ и $r = -0,765$).

Хотя коэффициент корреляции индекса восприятия коррупции с показателем *Survival vs. Self-ExpressionValues* достаточно высок (см. Рис. 5), исключение стран, помещенных в овал со значениями индекса ≤ 4 , практически полностью уничтожает эту связь. Если для стран внутри овала коэффициент корреляции составляет $r = -0,82$ ($p < 0,001$), то для оставшихся стран корреляция отсутствует ($r = -0,03$). В составе стран из овала резко преобладают развитые западные страны, исключение составляют лишь сверхбогатый Катар (в 2016 году ВВП на душу населения составило \$118 тыс.), Мальта (\$36 тыс.) и две самые развитые страны Латинской Америки, недавно вошедшие в этот список, – уже упоминавшийся выше Уругвай (\$20 тыс.) и Чили (\$23 тыс.). При этом из перечисленных стран только в Чили и Испании за изучаемый период (1960-2016 гг.) имели место государственные перевороты и попытки переворотов⁴¹. Поэтому при рассмотрении связи успешных и безуспешных попыток насильственного свержения правящих режимов с уровнем коррумпированности и другими показателями эти страны могут быть исключены без особого ущерба для полноты анализа.

⁴¹ Согласно значениям переменной *domestic7* базы данных CNTS в этот список должны быть включены также Германия и Великобритания, но фактически эти попытки затрагивали либо другую страну (ГДР), либо периферийный регион (Северную Ирландию).

Рисунок 5

Корреляция Индекса коррумпированности с социокультурной характеристикой Survival vs. Self-Expression Values Инглхарта и Вельзеля
(диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии)

Источники данных: World Values Survey Association 2018 (шестая волна [2010-2014 гг.]); Corruption Perception Index 2018.

Примечание: $r = 0,731$, $R^2 = 0,535$, $p < 0,001$.

Figure 5. Correlation of the Corruption Index with the Socio-Cultural Characteristics of Survival vs. Inglehart and Welzel's Self-Expression Values

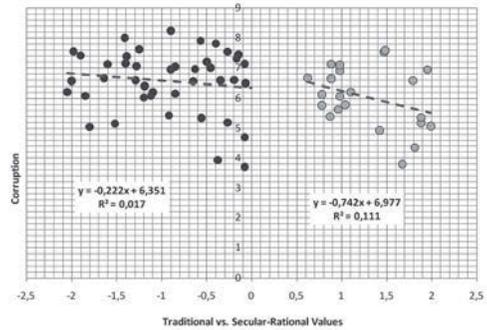
Рассмотрим связь оставшихся стран с другим индексом Р. Инглхарта и К. Вельзеля – «традиционные vs. секулярно-традиционные ценности» (*Traditional vs. Secular-Rational Values*). Как видно на Рис. 6, эти страны четко разделились на две группы. При этом у первой более традиционалистской группы корреляция данного показателя с уровнем коррумпированности отсутствует, а у второй – наблюдается слабая и лишь маргинально значимая корреляция (одностороннее значение $p = 0,06$).

Проведем для этих двух групп расчеты, аналогичные представленным в Таблице 5. Как видно из Таблицы 6 (левые колонки), несмотря на близкие значения уровня коррупции, вторая более рационалистическая группа имеет несколько более высокий уровень ВВП на душу населения, более высокий темп роста ВВП, а также значительно меньшее количество попыток свержения власти, причем наибольшие различия наблюдаются в отношении попыток свержения центральной власти. Если в первой группе попытки свержения центральной власти имели место в каждой третьей стране, то во второй с более рациональными ценностями – лишь в 10% стран. Несмотря на малые различия

Рисунок 6

Корреляция Индекса коррумпированности с социокультурной характеристикой Traditional vs. Secular-Rational Values Инглхарта и Вельзеля

(Светлым цветом показана группа стран с более рационалистическими ценностями, а темным – с более традиционалистскими)

Источники данных: World Values Survey Association 2018 (шестая волна [2010-2014])

Figure 6. Correlation of the Corruption Index with the Socio-Cultural Characteristics of Traditional vs. Inglehart and Welzel Secular-Rational Values

уровня коррупции по проведенной выше классификации более традиционалистская группа по своим характеристикам находится между третьей и четвертой группами, а более рационалистическая группа – между второй и третьей, причем по скорости роста экономик она существенно превосходит все значения, представленные в таблице 5. Таким образом, в современном мире традиционалистские ценности оказываются не фактором стабильности, а, наоборот, предиктором попыток переворотов, свержения региональных и центральных властей. Взгляд на эту закономерность под другим углом зрения, коррелирующим с выводами некоторых исследователей⁴², состоит в том, что при более рациональных ценностях сама коррупция носит более предсказуемый характер, не оказывает такого влияния на устойчивость государства и не препятствует экономическому росту.

⁴² Gyimah-Brempong, K., Samaria M. de C. Corruption, Growth, and Income Distribution: Are there Regional Differences? // *Economics of Governance*, 2006, No. 7(3), pp. 245-269.

Изменения показателей экономического развития и устойчивости политических режимов в зависимости от преобладающих ценностей по классификации Инглхарта и Велцеля

Показатели	Традиционные vs. секулярно-рациональные ценности		Ценности выживания vs. ценности самовыражения	
	Традиционные	Секулярно-рациональные	Ц. выживания	Ц. самовыражения
Традиционные vs. секулярно-рациональные ценности[-0,93	1,26	0,03	-0,84
Ц. выживания vs. Ц. самовыражения	-0,69	-1,18	-1,29	0,31
Количество стран	42	21	46	17
Уровень коррумпированности	6,56	6,10	6,38	6,46
Среднее значение ВВП на душу населения по ППС в постоянных долларах 2011 года, тыс.	10,6	15,8	12,1	13,0
Стандартное отклонение, тыс. долл.	8,7	8,5	9,0	9,1
Коэф. вариации	0,82	0,53	0,74	0,70
Средний % роста ВВП	2,58	3,89	3,38	2,05
Стандартное отклонение, %	2,00	2,19	2,29	1,32
Коэф. вариации	0,83	0,56	0,74	0,70
Среднее значение переменной <i>CNTS domestic7</i>	4,61	1,14	2,56	3,14
Среднее значение удачных и неудачных попыток переворотов по базе CSP	0,47	0,10	0,30	0,22
Среднее суммарное значение изменений показателя в базе <i>PolityIV</i>	2,11	1,40	1,91	1,82
Доля стран, в которых не было насильственных свержений местных и центральных властей и попыток их совершения	0,33	0,57	0,39	0,38
Доля стран, в которых не было насильственных свержений центральной власти и попыток их совершения	0,67	0,90	0,76	0,71

Table 6. Changes in Indicators of Economic Development and Sustainability of Political Regimes Depending on Prevailing Values According to Inglehart and Welzel Classification

Как видно из Рисунка 5, исключение развитых стран, обведенных овалом, также довольно отчетливо делит страны на две сопоставимые по размеру группы. В одну группу попадают страны с отрицательными значениями характеристики *Survival vs. Self-Expression Values*, а в другую – с нулевыми и положительными значениями. Расчеты, аналогичные проведенным выше (Таблица 6, правые колонки), показывают, что обе группы имеют равный уровень коррумпированности, равные средние величины ВВП на душу населения и приблизительно-

но одинаковые показатели политической устойчивости режимов. Однако при этом группа с ценностями самовыражения имеет меньшую скорость экономического роста, приблизительно промежуточную между развитыми и развивающимися странами. Таким образом, согласно этим наблюдениям получается, что преждевременный переход к ценностям самовыражения в отличие от перехода к рационалистическим ценностям не способствует политической стабильности и замедляет экономический рост. При этом в государствах низкого и среднего

уровня экономического развития ценности самовыражения и выживания не оказывают значимого влияния на вариацию величин экономического развития и экономического роста и, соответственно, на связь степени коррумпированности с частотой попыток свержения государственной власти.

Важно отметить, что обе закономерности – вредное влияние на экономический рост преждевременного перехода к ценностям самовыражения, а также аналогичный эффект длительного сохранения традиционалистских ценностей, сопровождающийся вдобавок нестабильностью политической системы и частотой попыток свержения власти, – могут рассматриваться в качестве одного из механизмов формирования т.н. «ловушки средних доходов»⁴³. В наибольшей степени это относится к латиноамериканским странам, для которых как раз характерен традиционализм в сочетании с переходом к ценностям самовыражения на

достаточно низком уровне экономического развития⁴⁴. Исходя из отмеченной выше высокой коррелированности уровней коррумпированности и экономического развития, конечным пунктом этой ловушки может стать неприемлемо высокий уровень коррумпированности при достижении критического значения душевого ВВП, составляющего в настоящее время в долларах 2011 г. приблизительно 20–25 тыс. в год на душу населения. Если достижение этих значений не будет сопровождаться резким снижением уровня восприятия коррупции до 4–5 и менее, то весьма вероятны существенное замедление или даже полная остановка экономического роста, также повышающие риск политической дестабилизации и попыток насильственной смены провинциального или даже центрального руководства страны.

Заключение

1. Установлено, что вероятности попыток свержения местных и центральных властей существенно коррелированы как с уровнем коррумпированности (обратным индексом восприятия коррупции CPI, оцениваемом по 100-бальной или 10-бальной шкале), так и с уровнем душевого ВВП. Коэффициенты детерминации при агрегировании данных по децилям составляют 0,75–0,8 для уровня коррумпированности и 0,8–0,95 для логарифма ВВП на душу населения (большие значения относятся к попыткам свержения центральной власти), причем чем сильнее корреляция, тем отчетливее проявляется ее нелинейный характер – действительно частые попытки свержения центральной власти характерны только для бедных и коррумпированных стран.

2. При этом оба показателя находятся в очень тесной корреляции между собой, при подецильном агрегировании коэффициент

⁴³ Напомним, что «ловушка средних доходов» (*middle income trap*) представляет собой «такой феномен, когда до какого-то времени росшие быстро экономики стагнируют на средних уровнях душевого дохода и не могут осуществить переход в ряду стран с высокими душевыми доходами» [Aiyar, S.; Duval, R.; Puy, D.; Wu, Y. Zhang L. Growth Slowdowns and the Middle-Income Trap. IMF Working Paper No. WP/13/71. Washington, DC: International Monetary Fund, 2013. P. 3.]. Описание ряда факторов и механизмов этой ловушки см., например, в следующих работах: Коротаев А., Васкин И., Билуга С. Гипотеза Олсона-Хантингтона о криволинейной зависимости между уровнем экономического развития и социально-политической дестабилизации: опыт количественного анализа // Социологическое обозрение. – 2017. – Т. 16. No. 1. – С. 9–49. [Korotayev, A.; Vaskin, I.; Bilyuga, S. Gipoteza Olsona-Huntingtona o krivolineinoi yavisimosti mezhdu urovnem ekonomicheskogo razvitiya i sotsial'no-politicheskoi destabilizatsiei: opyt kolichestvennogo analiza (Olson-Huntington hypothesis on a bell-shaped relationship between the level of economic development and sociopolitical destabilization: A quantitative analysis) // *Sotsiologicheskoe Obozrenie – Russian Sociological Review*, 2017, Vol. 16, No. 1, pp. 9–49.]; Kharas, Kohli 2011; Kohli, Mukherjee 2011; The World Bank and the Development Research Center of the State Council of the People's Republic of China. 2012; Cai 2012; Korotayev, Vaskin, Bilyuga 2018.

⁴⁴ В то же время это сочетание не является фатальным; как указывалось выше, две наиболее развитые страны Латинской Америки, Уругвай и Чили, успешно вышли из ловушки и вошли в группу низкокоррумпированных стран с устойчивым экономическим ростом (овал на рис. 5).

корреляции достигает 0,99. Страны с высоким уровнем подушевого ВВП (более 20-25 тыс. долларов в ценах 2011 г.) имеют уровень восприятия коррупции (т.е. индекс некорруптированности) не ниже 60-65, исключения из этого правила в основном составляют богатые нефтяные страны Персидского залива и страны Южной и Восточной Европы, входящие в ЕС и пользующиеся его экономической и институциональной помощью.

3. Совместный анализ зависимостей количества переворотов и попыток переворотов от обоих факторов показал, что ни один из них не является доминирующим. При этом в отношении попыток свержения центральной власти влияние уровня ВВП на душу населения оказывается немного сильнее, а в отношении свержения всех органов власти в совокупности, как центральных, так и местных, степень коррупптированности оказывает большее воздействие. Увеличение индекса восприятия коррупции (т.е. индекса некорруптированности) на 10 баллов по 100-бальной шкале приводит к снижению вероятности попытки насильственной смены режима на 40% и двукратному снижению частоты попыток свержения центральной власти. Повышение ВВП на один порядок снижает на одну треть частоту попыток всех свержения власти и в пять раз – частоту попыток свержения центральной власти.

4. Несмотря на полученные выше столь сильные взаимосвязи уровня коррупптированности, уровня подушевого ВВП и частоты попыток свержения власти, средняя скорость роста ВВП не имеет устойчивой связи с корруппцией и слабо коррелирована с частотой попыток насильственного свержения органов государственной власти.

5. Уровень коррупптированности оказывает тройное влияние на устойчивость развития – существенно увеличивает разброс траекторий экономических трансформаций (среди стран с высоким уровнем коррупции наблюдаются как весьма успешно развивающиеся страны, начиная с Китая и Индии, и страны, показавшие за двадцать лет практически нулевой рост ВВП); даже в успешно развивающихся коррупптированных странах темпы развития носят, как правило, неравномерный характер, быстрый рост чере-

дуется остановками развития и глубокими кризисами; для коррупптированных стран характерна неравномерность политического и экономического состояния отдельных регионов, наличие регионов с весьма неустойчивой властью.

6. Именно это тройное влияние коррупптированности на предсказуемость и устойчивость экономической и политической конъюнктуры, а не непреодолимые препятствия, которые якобы создает корруппция на пути экономического роста, обуславливает частоту попыток государственных переворотов в коррупптированных странах низкого и среднего уровня экономического развития. Однако даже в самой коррупптированной группе стран (индекс восприятия коррупции (т.е. индекс некорруптированности) ниже 30) за двадцать последних лет попытка насильственных перемен центрального правительства имели место лишь в половине государств (и в 80% стран – любых органов власти). Поэтому высокую коррупптированность надо рассматривать как весьма важный фактор риска, но не как предсказание переворотов и попыток переворотов и, тем более, низких темпов экономического роста.

7. Существенная вариация траекторий развития сильно коррупптированных стран, большие различия между странами из разных культурных регионов и частей света указывают на связь характера влияния коррупптированности на устойчивость экономического развития и стабильность государственной власти с иными факторами, прежде всего культурными особенностями и ценностными представлениями. Исследования показали, что они носят сложный характер. В группе развитых стран с уровнем восприятия коррупции (т.е. индексом некорруптированности) от 60 баллов и выше наблюдается существенная положительная корреляция между некорруптированностью и ценностями самовыражения (по Инглхарту и Вельцелю). Во второй группе, включающей все остальные страны, ни отверженность ценностям самовыражения, ни рациональным секулярным ценностям не оказывают значимого влияния на уровень коррупптированности, зато они существенно

вливают на темпы экономического роста и частоту попыток свержения власти.

8. По обьём основным ценностным осям Инглхарта и Вельцеля (традиционализм vs. рациональность и выживание vs. самовыражение) вторая группа стран отчетливо делится на две подгруппы. Во всех четырех подгруппах средний уровень восприятия коррупции примерно одинаковый (33-39 баллов), но по остальным показателям наблюдаются существенные различия. В более рационалистической группе всего в 10 % имели место попытки свержения центральной власти против 33% в традиционалистской, а средняя скорость экономического роста за 20 лет составляет 3,9% в год против 2,6%. В то же время в подгруппах с ценностями самовыражения и выживания наблюдается примерно одинаковый уровень частоты попыток свержения местных и центральных властей, а скорость экономического роста в подгруппе выживания составляет 3,4% против 2,05% в группе выражения. Иначе говоря, для устойчивости власти и быстрого экономического роста полезен отказ от традиционализма и вреден слишком ранний переход к ценностям самовыражения.

9. Сочетание традиционализма с ранним переходом к ценностям самовыражения, наиболее характерное для латиноамериканских стран, может рассматриваться в качестве одного из механизмов формирования т.н. «ловушки средних доходов». Другой такого рода механизм связан с тем обстоятельством, что медленный и неустойчивый рост экономики, сопровождающийся политической нестабильностью, может привести к полной остановке развития на уровне душевого ВВП 20-25 тыс. в год, если не будет сопровождаться повышением уровня восприятия коррупции до 50-60 баллов и более. Есть основания предполагать, что современная Россия с душевым ВВП около 25 тыс. долл. в год и уровнем восприятия коррупции (= индексомнекоррупцированности) менее 30 баллов, может находиться именно в такой ситуации.

Литература:

Голдстоун Д.А. Революции. Очень краткое введение. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2015.

Заработная плата и коррупция: как платить российским чиновникам? Аналитический доклад / Индем. – М. 2002. Режим доступа: http://www.anti-corp.ru/indem/2002salary_corruption.htm

Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. – М.: Новое издательство, 2011.

Коротаев А., Васькин И., Билюга С. Гипотеза Олсона-Хантингтона о криволинейной зависимости между уровнем экономического развития и социально-политической дестабилизацией: опыт количественного анализа // Социологическое обозрение. – 2017. – Т. 16. No. 1. – С. 9-49.

Коротаев А.В., Билюга С.Э., Шишкина А.П. ВВП на душу населения, интенсивность антиправительственных демонстраций и уровень образования. Кросс-национальный анализ // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». – 2017. – No. 1(84). – С. 127-143.

Коротаев А.В., Билюга С.Э., Шишкина А.П. ВВП на душу населения, уровень протестной активности и тип режима: опыт количественного анализа // Сравнительная политика. – 2016. – No. 4(26). – С. 72-94.

Коротаев А.В., Билюга С.Э., Шишкина А.П. Экономический рост и социально-политическая дестабилизация: опыт глобального анализа // Полис. Политическое исследование. – 2017. – No. 2. – С. 155-169.

Коротаев А.В., Гринин Л.Е., Исаев Л.М., Билюга С.Э., Васькин И.А., Слинько Е.В., Шишкина А.П., Мещерина К.В. Дестабилизация: глобальные, национальные, природные факторы и механизмы. – М.: Московская редакция издательства «Учитель», 2017.

Коротаев А.В., Исаев Л.М., Васильев А.М. Количественный анализ революционной волны 2013-2014 гг. // Социологические исследования. – 2015. – No. 8. – С. 119-127.

Коротаев А.В., Халтурина Д.А. Современные тенденции мирового развития. – Москва: URSS, 2008.

Цирель С.В. К истокам украинских революционных событий 2013-14 гг. // Polit.ru. 2014. Режим доступа: <http://polit.ru/article/2014/06/08/ukraine/>

Цирель С.В. Революционные ситуации, революции и волны революций: условия, закономерности, примеры // Ойкумена. Вып. 8 / Науч. ред., сост. А.А. Фисун. – Харьков. 2011. – С. 174-209.

Acemoglu, D.; Robinson, J. The Role of Institutions in Growth and Development. Washington, DC: World Bank, 2010.

Aiyar, S.; Duval, R.; Puy, D.; Wu, Y. Zhang L. Growth Slowdowns and the Middle-Income Trap. IMF Working Paper No. WP/13/71. Washington, DC: International Monetary Fund, 2013.

Banks, A.S.; Wilson, K.A. Cross-National Time-Series Data Archive. Databanks International. Jerusalem, Israel. Mode of access: <http://www.databanksinternational.com>

Belkin, A.; Schofer, E. Toward a Structural Understanding of Coup Risk // *Journal of Conflict Resolution*, 2003, No. 47(5), pp. 594-620.

Bertrand, M.; Luttmer, E.F.P.; Mullainathan, S. Network Effects and Welfare Cultures // *The Quarterly Journal of Economics*, 2000, No. 115(3), pp. 1019-1055.

Bicchieri, C.; Rovelli, C. Evolution and Revolution: The Dynamics of Corruption // *Rationality and Society*, 1995, No. 7(2), pp. 201-224.

Bouazid, B. Using a Semi-Parametric Analysis to Understand the Occurrence of Coups d'état in Developing

- Countries // *International Journal of Peace Studies*, 2011, pp. 53-79.
- Buonanno, P.; Montolio, D.; Vanin, P. Does Social Capital Reduce Crime? // *The Journal of Law and Economics*, 2009, Vol. 52, No. 1, pp. 145-170.
- Cai, F. Is There a "Middle-Income Trap"? Theories, Experiences and Relevance to China // *China & World Economy*, 2012, Vol. 20, No. 1, pp. 49-61.
- Campos, J.E.; Lien, D.; Pradhan, S. The Impact of Corruption on Investment: Predictability Matters // *World Development*, 1999, Vol. 27, No. 6, pp. 1059-1067.
- Center for Systemic Peace. Coups d'Etat, 1946-2016. Vienna, VA: Center for Systemic Peace, 2018. Mode of access: <http://www.systemicpeace.org/inscr/CSPCoupsListv2016.xls>
- Cherny, R.W. American Politics in the Gilded Age: 1868-1900. N.Y.: Wiley, 1997.
- Goldstone, J. Protests in Ukraine, Thailand and Venezuela: What Unites them? // Russia Direct, 2014. Mode of access: <http://www.russia-direct.org/content/protests-ukraine-thailand-and-venezuela-what-unites-them>
- Goldstone, J.A. Understanding the Revolutions of 2011: Weakness and Resilience in Middle Eastern Autocracies // *Foreign Affairs*, 2011, No. 90, pp. 8-16.
- Grinin, L.; Korotayev, A. Great Divergence and Great Convergence. A Global Perspective. New York, NY: Springer, 2015.
- Gyimah-Brempong, K., Samaria M. de C. Corruption, Growth, and Income Distribution: Are there Regional Differences? // *Economics of Governance*, 2006, No. 7(3), pp. 245-269.
- Hessami, Z. Political Corruption, Public Procurement, and Budget Composition: Theory and Evidence from OECD Countries // *European Journal of Political Economy*, 2014, No. 34, pp. 372-389.
- Ionescu, L. Corruption, Unemployment, and the Global Financial Crisis // *Economics, Management and Financial Markets*, 2012, Vol. 7, No. 3, pp. 127-133.
- Khan, M. Governance, Economic Growth and Development since the 1960s. DESA Working Paper N. 54, 2007.
- Kharas, H.; Kohli, H. What Is the Middle Income Trap, Why Do Countries Fall into it, and How Can It Be Avoided // *Global Journal of Emerging Market Economies*, 2011, Vol. 3, No. 3, pp. 281-289.
- Khestanov, R. Corruption and Revolution as Structural Foundations for the Fiction of State Interest (Raison d'État) // *Russian Journal of Philosophy & Humanities*, 2017, No. 1, pp. 73-90.
- Kohli, H.A.; Mukherjee, N. Potential Costs to Asia of the Middle Income Trap // *Global Journal of Emerging Market Economies*, 2011, Vol. 3, No. 3, pp. 291-311.
- Korotayev, A.; Goldstone, J.; Zinkina, J.V. Phases of Global Demographic Transition Correlate with Phases of the Great Divergence and Great Convergence // *Technological Forecasting and Social Change*, 2015, No. 95, pp. 163-169.
- Korotayev, A.; Grinin, L.; Bilyuga, S.; Meshcherina, K.; Shishkina, A. Economic Development, Socio-political Destabilization and Inequality // *The Russian Sociological Review*, 2017, Vol. 16, No. 3, pp. 9-35.
- Korotayev, A.; Issaev, L.; Zinkina, J. Center-Periphery Dissonance as a Possible Factor of the Revolutionary Wave of 2013-2014: A Cross-National Analysis // *Cross-Cultural Research*, 2015, Vol. 49, No. 5, pp. 461-488.
- Korotayev, A.; Vaskin, I.; Bilyuga, S.; Ilyin, I. Economic Development and Sociopolitical Destabilization: a Re-Analysis // *Cliodynamics*, 2018, Vol. 9, No. 1, pp. 57-115.
- Korotayev, A.; Zinkina, J. On the Structure of the Present-Day Convergence // *Campus-Wide Information Systems*, 2014, Vol. 31, No. 2, pp. 41-57.
- Korotayev, A.; Zinkina, J.; Bogevolnov, J.; Malkov, A. Global Unconditional Convergence among Larger Economies after 1998? // *Journal of Globalization Studies*, 2011, Vol. 2, No. 2, pp. 25-62.
- Maddison, A. Contours of the World Economy 1-2030 AD. Essays in Macro-Economic History. Oxford university press. 2007.
- Mauro, P. Corruption and Growth // *The Quarterly Journal of Economics*, 1995, Vol. 110, No. 3, pp. 681-712.
- Mauro, P. Corruption and the Composition of Government Expenditure // *Journal of Public Economics*, 1997, Vol. 69, No. 2, pp. 263-279.
- Minkov, M. Predictors of Societal Accident Proneness across 92 Countries // *Cross-Cultural Research*, 2016, Vol. 50, No. 2, pp. 103-122.
- Njoku, C.I., Bondarenko, D.M. State Building, States, and State Transformation in Africa: Introduction. Social Evolution & History, 2018, Vol. 17, No. 1, pp. 3-15.
- Paldam, M. The Cross-Country Pattern of Corruption: Economics, Culture and the Seesaw Dynamics // *European Journal of Political Economy*, 2002, Vol. 18, No. 2, pp. 215-240.
- Pritchett, L., Werker, E. Developing the guts of a GUT (Grand Unified Theory): elite commitment and inclusive growth. Brooks World Poverty Institute Working Paper Series, 2012.
- Sacerdote, B. Peer Effects with Random Assignment: Results for Dartmouth Roommates // *The Quarterly Journal of Economics*, 2001, No. 116(2), pp. 681-704.
- Schneider, F. Does Corruption Promote Emigration? IZA World of Labor, 2015.
- Van Rijckeghem, C.; Weder, B. Bureaucratic Corruption and the Rate of Temptation: do Wages in the Civil Service Affect Corruption, and by How Much? // *Journal of Development Economics*, 2001, Vol. 65, No. 2, pp. 307-331.
- Welzel, C.; Inglehart, R. Liberalism, Postmaterialism, and the Growth of Freedom // *International Review of Sociology*, 2005, Vol. 15, No. 1, pp. 81-108.

References:

- Acemoglu, D.; Robinson, J. The Role of Institutions in Growth and Development. Washington, DC: World Bank, 2010.
- Aiyar, S.; Duval, R.; Puy, D.; Wu, Y. Zhang L. Growth Slowdowns and the Middle-Income Trap. IMF Working Paper No. WP/13/71. Washington, DC: International Monetary Fund, 2013.
- Banks, A.S.; Wilson, K.A. Cross-National Time-Series Data Archive. Databanks International. Jerusalem, Israel. Mode of access: <http://www.databanksinternational.com>
- Belkin, A.; Schofer, E. Toward a Structural Understanding of Coup Risk // *Journal of Conflict Resolution*, 2003, No. 47(5), pp. 594-620.
- Bertrand, M.; Luttmer, E.F.P.; Mullainathan, S. Network Effects and Welfare Cultures // *The Quarterly Journal of Economics*, 2000, No. 115(3), pp. 1019-1055.
- Bicchieri, C.; Rovelli, C. Evolution and Revolution: The Dynamics of Corruption // *Rationality and Society*, 1995, No. 7(2), pp. 201-224.

- Bouaid, B. Using a Semi-Parametric Analysis to Understand the Occurrence of Coups d'état in Developing Countries // *International Journal of Peace Studies*, 2011, pp. 53-79.
- Buonanno, P.; Montolio, D.; Vanin, P. Does Social Capital Reduce Crime? // *The Journal of Law and Economics*, 2009, Vol. 52, No. 1, pp. 145-170.
- Cai, F. Is There a "Middle-Income Trap"? Theories, Experiences and Relevance to China // *China & World Economy*, 2012, Vol. 20, No. 1, pp. 49-61.
- Campos, J.E.; Lien, D.; Pradhan, S. The Impact of Corruption on Investment: Predictability Matters // *World Development*, 1999, Vol. 27, No. 6, pp. 1059-1067.
- Center for Systemic Peace. Coups d'Etat, 1946-2016. Vienna, VA: Center for Systemic Peace, 2018. Mode of access: <http://www.systemicpeace.org/inscr/CSPCoupsListv2016.xls>
- Cherry, R. W. American Politics in the Gilded Age: 1868-1900. N.Y.: Wiley, 1997.
- Goldstone, D.A. Revolutsii. Ochen' kratkoevvedenie (Revolutions. A very Short Introduction). Moscow: Izd-vo In-ta Gaidara, 2015.
- Goldstone, J. Protests in Ukraine, Thailand and Venezuela: What Unites them? // *Russia Direct*, 2014. Mode of access: <http://www.russia-direct.org/content/protests-ukraine-thailand-and-venezuela-what-unites-them>
- Goldstone, J.A. Understanding the Revolutions of 2011: Weakness and Resilience in Middle Eastern Autocracies // *Foreign Affairs*, 2011, No. 90, pp. 8-16.
- Grinin, L.; Korotayev, A. Great Divergence and Great Convergence. A Global Perspective. New York, NY: Springer, 2015.
- Gyimah-Brempong, K., Samaria M. de C. Corruption, Growth, and Income Distribution: Are there Regional Differences? // *Economics of Governance*, 2006, No. 7(3), pp. 245-269.
- Hessami, Z. Political Corruption, Public Procurement, and Budget Composition: Theory and Evidence from OECD Countries // *European Journal of Political Economy*, 2014, No. 34, pp. 372-389.
- Inglehart, R.; Welzel, C. Modernizatsiya, kul'turnye izmeneniya i demokratii. Posledovatel'nost' chelovecheskogorazvitiya (Modernization, Cultural Change, and Democracy. The Human Development Sequence). Moscow: Novoeizdatel'stvo, 2011.
- Ionescu, L. Corruption, Unemployment, and the Global Financial Crisis // *Economics, Management and Financial Markets*, 2012, Vol. 7, No. 3, pp. 127-133.
- Khan, M. Governance, Economic Growth and Development since the 1960s. DESA Working Paper N. 54, 2007.
- Kharas, H.; Kohli, H. What Is the Middle Income Trap, Why Do Countries Fall into it, and How Can It Be Avoided // *Global Journal of Emerging Market Economies*, 2011, Vol. 3, No. 3, pp. 281-289.
- Khestanov, R. Corruption and Revolution as Structural Foundations for the Fiction of State Interest (Raison d'État) // *Russian Journal of Philosophy & Humanities*, 2017, No. 1, pp. 73-90.
- Kohli, H.A.; Mukherjee, N. Potential Costs to Asia of the Middle Income Trap // *Global Journal of Emerging Market Economies*, 2011, Vol. 3, No. 3, pp. 291-311.
- Korotayev, A.; Goldstone, J.; Zinkina, J.V. Phases of Global Demographic Transition Correlate with Phases of the Great Divergence and Great Convergence // *Technological Forecasting and Social Change*, 2015, No. 95, pp. 163-169.
- Korotayev, A.; Grinin, L.; Bilyuga, S.; Meshcherina, K.; Shishkina, A. Economic Development, Socio-political Destabilization and Inequality // *The Russian Sociological Review*, 2017, Vol. 16, No. 3, pp. 9-35.
- Korotayev, A.; Issaev, L.; Zinkina, J. Center-Periphery Dissonance as a Possible Factor of the Revolutionary Wave of 2013-2014: A Cross-National Analysis // *Cross-Cultural Research*, 2015, Vol. 49, No. 5, pp. 461-488.
- Korotayev, A.; Vaskin, I.; Bilyuga, S. Gipoteza Olsona-Huntingtona o krivoliniino i zavisimosti mezhdu urovnem ekonomicheskogo razvitiya i sotsial'no-politicheskoi destabilizatsiei: opyt kolichestvennogo analiza (Olson-Huntington hypothesis on a bell-shaped relationship between the level of economic development and sociopolitical destabilization: A quantitative analysis) // *Sotsiologicheskoe Obozrenie – Russian Sociological Review*, 2017, Vol. 16, No. 1, pp. 9-49.
- Korotayev, A.; Vaskin, I.; Bilyuga, S.; Ilyin, I. Economic Development and Sociopolitical Destabilization: a Re-Analysis // *Clidynamics*, 2018, Vol. 9, No. 1, pp. 57-115.
- Korotayev, A.; Zinkina, J. On the Structure of the Present-Day Convergence // *Campus-Wide Information Systems*, 2014, Vol. 31, No. 2, pp. 41-57.
- Korotayev, A.; Zinkina, J.; Bogevolnov, J.; Malkov, A. Global Unconditional Convergence among Larger Economies after 1998? // *Journal of Globalization Studies*, 2011, Vol. 2, No. 2, pp. 25-62.
- Korotayev, A.V.; Bilyuga, S.E.; Shishkina, A.R. Ekonomicheskii rosti sotsial'no-politicheskaya destabilizatsiya: opyt global'nogo analiza (Correlation between GDP per capita and Protest Intensity: A Quantitative Analysis) // *Polis*, 2017, No. 2, pp. 155-169.
- Korotayev, A.V.; Bilyuga, S.E.; Shishkina, A.R. VVP na dushu naseleniya, intensivnost' antipravitel'stvennykh demonstratsii i uroven' obrazovaniya. Kross-natsional'nyi analiz (GDP per Capita, the Intensity of Anti-Government Demonstrations and Level of Education. Cross-National Analysis) // *Journal of political philosophy and sociology of politics "Politiya. Analysis. Chronicle. Forecast"*, 2017, No. 1(84), pp. 127-143.
- Korotayev, A.V.; Bilyuga, S.E.; Shishkina, A.R. VVP nadushunaseleniya, uroven' protestnoiaktivnostii tip rezhima: opyt kolichestvennogo analiza (GDP per capita, Protest Intensity and Regime Type: A Quantitative Analysis) // *Sravnitel'naya Politika – Comparative Politics Russia*, 2016, No. 4(26), pp. 72-94.
- Korotayev, A.V.; Grinin, L.E.; Issaev, L.M.; Bilyuga, S.E.; Vaskin, I.A.; Slinko, E.V.; Shishkina, A.R.; Meshcherina, K.V. Destabilizatsiya: global'nye, natsional'nye, prirodnye faktory i mekhanizmy (Destabilization of the Global, National, Environmental Factors, and Mechanisms). Moscow: Moskovskaya redaktsiya izdatel'stva "Uchitel'", 2017.
- Korotayev, A.V.; Issaev, L.M.; Vasiliev, A.M. Kolichestvennyi analiz revolutsionnoi volny 2013-2014 gg. (Quantitative Analysis of the Revolutionary Wave of 2013-2014) // *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*, 2015, No. 8, pp. 119-127.
- Korotayev, A.V.; Khaltourina, D.A. Sovremennye tendentsii mirovogo razvitiya (Modern Trends of World Development). Moscow: URSS, 2008.
- Maddison, A. Contours of the World Economy 1-2030 AD. Essays in Macro-Economic History. Oxford university press. 2007.
- Mauro, P. Corruption and Growth // *The Quarterly Journal of Economics*, 1995, Vol. 110, No. 3, pp. 681-712.

Mauro, P. Corruption and the Composition of Government Expenditure // *Journal of Public Economics*, 1997, Vol. 69, No. 2, pp. 263-279.

Minkov, M. Predictors of Societal Accident Proneness across 92 Countries // *Cross-Cultural Research*, 2016, Vol. 50, No. 2, pp. 103-122.

Njoku, C.I., Bondarenko, D.M. State Building, States, and State Transformation in Africa: Introduction. *Social Evolution & History*, 2018, Vol. 17, No. 1, pp. 3-15.

Paldam, M. The Cross-Country Pattern of Corruption: Economics, Culture and the Seesaw Dynamics // *European Journal of Political Economy*, 2002, Vol. 18, No. 2, pp. 215-240.

Pritchett, L., Werker, E. Developing the guts of a GUT (Grand Unified Theory): elite commitment and inclusive growth. *Brooks World Poverty Institute Working Paper Series*, 2012.

Sacerdote, B. Peer Effects with Random Assignment: Results for Dartmouth Roommates // *The Quarterly Journal of Economics*, 2001, No. 116(2), pp. 681-704.

Schneider, F. Does Corruption Promote Emigration? *IZA World of Labor*, 2015.

Tsirel, S.V. K istokam ukrainskikh revoljucionnyh sobytij 2013-14 gg. (To the Sources of the Ukrainian Revolutionary Events of 2013-14), 2014. Mode of access: <http://polit.ru/article/2014/06/08/ukraine/>

Tsirel, S.V. Revoljucionnye situacii, revoljucii i volny revoljucij: uslovija, zakonovernosti, primery (Revolutionary Situations, Revolutions and Revolutionary Waves: Conditions, Regularities, Examples) // *Ojkumena*. Vyp. 8 / Nauch. red., sost. A. A. Fisun. Har'kov, 2011, pp. 174-209.

Van Rijckeghem, C.; Weder, B. Bureaucratic Corruption and the Rate of Temptation: do Wages in the Civil Service Affect Corruption, and by How Much? // *Journal of Development Economics*, 2001, Vol. 65, No. 2, pp. 307-331.

Welzel, C.; Inglehart, R. Liberalism, Postmaterialism, and the Growth of Freedom // *International Review of Sociology*, 2005, Vol. 15, No. 1, pp. 81-108.

Zarabotnaya plata i korruptsiya: kak platit' rossiiskim chinovnikam? Analiticheskii doklad / *Indem* (Wages and Corruption: How to Pay Russian Bureaucrats? Analytical report. INDEM). Moscow: Indem, 2002. Mode of access: http://www.anti-corr.ru/indem/2002salary_corruption.htm

DOI: 10.24411/2221-3279-2018-10007

CORRUPTION, HUMAN VALUES AND ATTEMPTS OF VIOLENT CHANGES OF GOVERNMENT IN COUNTRIES WITH VARIOUS LEVELS OF PER CAPITA GDP: A COMPARATIVE QUANTITATIVE ANALYSIS

Andrey V. Korotayev

*National Research University Higher School of Economics,
Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

Sergey V. Tsirel

*Saint-Petersburg Mining University,
Research Center of Geomechanics and Mining Industry Issues,
St. Petersburg, Russia*

Stanislav E. Bilyuga

*National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 28.03.2018</p> <p><i>Sent for editing:</i> 28.09.2018</p> <p><i>Accepted:</i> 10.10.2018</p>	<p>Abstract: The frequency of coups and coup attempts is shown to be approximately equally related both to the level of corruption and to the level of per capita GDP; with regard to attempts to overthrow the central government, the influence of the GDP per capita level is slightly stronger, whereas with regard to the overthrow of all authorities in aggregate, both central and local, the degree of corruption has a greater impact. At the same time, both indicators are in close connection, but the rate of GDP growth does not have a stable correlation with corruption and is weakly correlated with the frequency of attempts to violently overthrow the state authorities. The detected relationships are connected in a complex way with the human values. In the group of developed countries with a level of corruption less than 40 points, we find a significant positive correlation between non-corruptness and values of self-expression. In other countries, values do not influence the level of corruption, but they affect the rate of economic growth and the frequency of attempts to overthrow the government. The study suggests that, with equal levels of corruption in low and middle income countries, the rejection of traditionalism produces a positive impact on political stability and rapid economic growth, whereas a premature transition to values of self-expression may produce a negative impact on economic growth. On the other hand, for a country to exceed the GDP per capita level of about 20-25 thousand dollars a year is problematic if its development is not accompanied by the reduction of corruption below the level of 40-50 points. There is reason to believe that modern Russia (with a per capita GDP of about 25 thousand dollars per year and a level of corruption of more than 70 points) can be just in this situation.</p>
<p>About the authors:</p> <p><i>Andrey V. Korotayev</i>, PhD, Dr of History, Professor, Head of the Laboratory for Monitoring of Sociopolitical Destabilization Risks, Higher School of Economics; Senior Research Fellow, Institute for African Studies of the Russian Academy of Science</p> <p>e-mail: maylis.anton@gmail.com</p> <p><i>Sergey V. Tsirel</i>, Dr of Technical Sciences, Principal Researcher, Saint-Petersburg Mining University; Research Center of Geomechanics and Mining Industry Issues</p> <p>e-mail: tsirel58@gmail.com</p> <p><i>Stanislav E. Bilyuga</i>, Research Associate, Laboratory for Monitoring of Sociopolitical Destabilization Risks, Higher School of Economics</p> <p>e-mail: sbilyuga@gmail.com</p>	
<p>Key words: corruption; destabilization; coup d'état; coup attempt; per capita GDP; GDP growth; growth sustainability; traditional values; rational values; survival values; values of self-expression</p>	

Acknowledgements: This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE) in 2019 with support by the Russian Science Foundation (project № 18-18-00254)

Для цитирования: Коротаев А.В., Цирель С.В., Билюга С.Э. Коррупция, ценности и попытки насильственных изменений государственной власти в странах с различным уровнем ВВП на душу населения: опыт количественного компаративного и корреляционного анализа // *Сравнительная политика*. – 2019. – № 1. – С. 98-123.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10007

For citation: Korotayev, Andrey V.; Tsirel, Sergey V.; Bilyuga, Stanislav E. Korruptsiia, tsennosti i popytki nasilstvennykh izmenenii gosudarstvennoi vlasti v stranakh s razlichnym urovnem VVP nadushu naseleniia: opyt kolichestvennogo komparativnogo i korreliatsionnogo analiza (Corruption, Human Values and Attempts of Violent Changes of Government in Countries with Various Levels of Per Capita GDP: A Comparative Quantitative Analysis) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 1, pp. 98-123.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10007

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ТАКТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО УБИЙСТВА И ТЕРАКТОВ СМЕРТНИКОВ

Андрей Вадимович Новиков

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
Москва, Россия

<p>Информация о статье:</p> <p><i>Поступила в редакцию:</i> 3 марта 2018</p> <p><i>Принята к печати:</i> 9 октября 2018</p>	<p>Аннотация: Статья посвящена сравнительному анализу террористической тактики террористов, в частности поиску макро-причин обращения к политическим убийствам видных государственных и общественных деятелей. Исследуются политические и социально-экономические условия, связанные с политическими убийствами, совершенными террористами, в сравнении с условиями, связанными с нападениями террористов-смертников. В ходе исследования была построена серия отрицательных биномиальных регрессионных моделей для четырех периодов с 1995 по 2011 годы. В результате были выявлены некоторые коренные причины, однозначно влияющие на применение террористической тактики в форме политических убийств. Полученные выводы свидетельствуют о том, что террористическая тактика проистекает из различных глубинных проблем страны.</p>
<p>Об авторе: научный сотрудник, кафедра политологии и социологии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова e-mail: Camouflage@yandex.ru</p>	
<p>Ключевые слова: терроризм; политическое убийство; суицидальный терроризм; террористическая тактика; политическое насилие; сравнительный анализ; регрессионный анализ</p>	

12 декабря 2016 года посол России в Турции Андрей Георгиевич Карлов выступал на художественной выставке в Анкаре, где был убит 22-летним офицером полиции, находящимся вне службы. Боевик, явно симпатизирующий «Исламскому государству» (запрещенная в России террористическая организация), рассерженный участием России в военной операции в Сирии, был впоследствии убит турецким спецподразделением. Несмотря на то, что все последствия этого нападения первоначально несколько ослабили отношения между Россией и Турцией, но в конечном итоге повлияли на решимость обеих стран активизировать сотрудничество в борьбе с терроризмом. Президент Турции Эрдоган даже подчеркнул, что атака была «провокацией», направленной на уничтожение «процесса нормализации российско-турецких отношений»¹. Убийство А.Г. Кар-

лова является наиболее близким примером того, как тактика политического убийства может быть использована террористами для создания страха и неопределенности в стране, подвергшейся нападению.

Террористы часто прибегают к политическим убийствам для достижения своих целей, с 1970 года было зарегистрировано примерно 17 000 инцидентов². Термин «политическое убийство» может быть определен как «убийство (как правило, известного человека) внезапной/тайной атакой, часто

ности, 2016. Режим доступа: <https://ria.ru/world/20161219/1484037290.html> [V ankare zastrelili rossiiskogo posla v turtsii andrea karlova (In Ankara, the Russian Ambassador to Turkey, Andrei Karlov, Was Shot Dead) // RIA Novosti, 2016. Mode of access: <https://ria.ru/world/20161219/1484037290.html>]

² National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism (START) // Global Terrorism Database [Data file]. 2015. Mode of access: www.start.umd.edu/gtd

¹ В Анкаре застрелили российского посла в Турции Андрея Карлова // РИА Но-

по политическим мотивам»³. В целом, политическое убийство является целенаправленным убийством государственных должностных лиц или лиц страны, представляющих политические, экономические, военные, службы безопасности, социальные, религиозные, средства массовой информации или культурные учреждения. Убийства могут быть мотивированы идеологией, религией, политикой или национализмом. Как и другие террористические акты, политические убийства могут запугивать врагов и общественность, в частности через освещение в средствах массовой информации⁴.

Исследования подтверждают, что политические убийства могут иметь символическое влияние, обнаружив, что население страны сильно пострадало, когда политические деятели были убиты. Примером могут служить психологические последствия убийства президента США Джона Кеннеди⁵. Исследование Л. Фридман показывает, что многие американцы были более шокированы и подавлены после убийства Кеннеди, чем в то время, когда умер их собственный отец⁶. С. Фиджиаут отмечает, что убийства итальянских магистратов Джованни Фальконе и Паоло Борселлино в 1992 году оказали аналогичное воздействие на итальянское общество, вызвав движение против мафии по всей Италии и Европе⁷.

Большая часть научной литературы по политическим убийствам сосредоточена на

эмоциональных и психологических факторах, которые мотивируют террористов. Например, попытки и успешные убийства нескольких президентов США, включая Кеннеди, Линкольна и Рейгана, были отчасти объяснены исходя из таких аспектов проблемы. В литературе также рассматриваются политические последствия нападений. Например, в некоторых работах утверждается, что убийство короля Абдаллы в Иордании в 1951 году почти дестабилизировало страну⁸. Однако, в исследованиях террористические политические убийства пока еще конкретно не рассматривались с точки зрения изучения «коренных причин», подхода, который применяется к исследованию терроризма в целом⁹. Подход «коренных причин» рассматривает социальные, политические и экономические факторы, которые способствуют террористическим атакам¹⁰. В рамках этой структуры в настоящей статье исследуется, обусловлены ли разные виды террористических нападений различными коренными причинами. В частности, определяется, какие причины способствуют террористическим политическим убийствам и как эти первопричины сравнимы с теми, которые связаны с нападениями террористов-смертников.

Связь политического убийства и терроризма

Связь между терроризмом и политическим убийством проявляется в происхождении тактики. Термин «ассасин», ставший в западной научной литературе синонимом политического убийства, происходит из средневековой религиозной террористической секты, которая действовала в Иране и Сирии между 1090 и 1272 гг. Другим сходством между средневековыми убийцами и

³ Stolnici, C.B.; Buda, O. An Unclear Political Assassination: Barbu Catargiu, 1862 – Historical and Medico-Legal Aspects // *Romanian Journal of Forensic Science*, 2012, No. 79, pp. 907-911.

⁴ Wilkinson, P. The Media and Terrorism: A Reassessment // *Terrorism and Political Violence*, 1997, No. 9(2), pp. 51-64.

⁵ Ebel-Lam, A.P.; Fabrigar, L.R.; MacDonald, T.K.; Jones, S. Balancing Causes and Consequences: The Magnitude-Matching Principle in Explanations for Complex Social Events // *Basic and Applied Social Psychology*, 2010, No. 32(4), pp. 348-359.

⁶ Freedman, L.Z. Social Impact of Attack on a President: Its Public Reverberations // *Behavioral Sciences and the Law*, 1984, No. 2, pp. 195-206.

⁷ Fijuaut, C. Twenty Years ago: The Assassinations of Giovanni Falcone and Paolo Borsellino // *European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice*, 2012, No. 20, pp. 131-136.

⁸ Yitzhak, R. The Assassination of King Abdallah: The First Political Assassination in Jordan: Did it Truly Threaten the Hashemite Kingdom of Jordan? // *Diplomacy and Statecraft*, 2010, No. 21, pp. 68-86.

⁹ Newman, E. Exploring the «Root Causes» of Terrorism // *Studies in Conflict & Terrorism*, 2006, No. 29, pp. 749-772.

¹⁰ Von Hippel, K. The Roots of Terrorism: Probing the Myths // *Political Quarterly*, 2002, No. 73, pp. 25-39.

современными террористами является использование атак для создания психологического террора среди населения¹¹. Средневековые ассасины были склонны атаковать правителей и лидеров, которые представляли собой существующий политический порядок, который они пытались свергнуть¹². Таким образом, они атаковали людей, которые представляли собой наиболее сложные и защищенные цели, в то время как современные террористы часто предпочитают атаковать относительно легкодоступные цели¹³. Сходство можно увидеть между ассасинами и сегодняшними террористами-смертниками, но Б. Льюис утверждает, что между ними существует заметная разница. Это различие заключается в том, что ислам всегда считал самоубийство величайшим грехом, и существует различие между вовлечением себя в ситуацию, когда смерть неизбежна «от рук сильнейшего врага» по сравнению со «смертью от собственной руки»¹⁴.

Связь между терроризмом и политическим убийством также проявляется в использовании тактики террора в политических целях¹⁵. Ученые отмечают, что политическое убийство совершенные организованными группами для достижения идеологических целей, по-видимому, является феноменом, который значительно развился в течение девятнадцатого века¹⁶. В течение десятилетия,

предшествовавшего Первой мировой войне, число убийств мировых лидеров росло угрожающими темпами, в числе них были императоры, короли, премьер-министры и президенты, таких стран как Россия, США, Испания, Италия, Португалия, Греция, Персия, Франция, Эквадора и Австро-Венгрия.

Признавая актуальность изучения политического убийства как формы терроризма, ученый Н. Бен-Иегуда выступает за важность его изучения как отдельной эмпирической единицы, поскольку эта тактика представляет собой конкретную форму насилия. Важно отметить, что политические убийства можно отличить от других форм терроризма в отношении их целей. Целью политического убийства является конкретный индивид, а целью других видов терроризма нет¹⁷. Н. Бен-Иегуда утверждает, что это различие между политическими убийствами и терроризмом было упущено исследователями и требует дополнительного внимания. Представленное различие между политическими убийствами и другими формами терроризма поддерживает ключевой элемент ситуативного подхода к предупреждению преступности, используемого в криминологии. Этот подход успешно применяется к терроризму и фокусируется на изменении возможностей, связанных с преступлением, с тем чтобы не допустить его возникновения¹⁸. Ситуативный подход также подчеркивает важность специфики преступности. Соответственно, важно изучить конкретные формы терроризма, такие как политические убийства, для понимания процессов, которые влияют на их появление, и тем самым наилучшим образом предотвращать и срывать нападения. Что касается предотвращения, различные террористические тактики должны быть дезагрегированы от терроризма в целом, поскольку на раз-

¹¹ Bogosian, E. Operation Nemesis: The assassination plot that avenged the Armenian genocide. London: Hachette, 2015.

¹² Lewis, B. The Assassins. New York: Basic Books, 2008.

¹³ Clarke, R.V.G., Newman, G. R. Outsmarting the Terrorists. London: Greenwood Publishing Group. 2006.

¹⁴ Lewis, B. The Assassins. New York: Basic Books, 2008.

¹⁵ Crotty, W.S. Presidential Assassinations // *Society*, 1998, No. 35, pp. 99-107.

¹⁶ Сибиряков И.В. История политического террора в России в начале XX века в отечественной постсоветской историографии // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2010. – № 28 (204). – С. 65-70. [Sibiryakov, I.V. Istoriya politicheskogo terrora v Rossii v nachale XX veka v otechestvennoj postsovetsoj istoriografii // *Vestnik Yuzhno-*

Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Social'no-gumanitarnye nauki, 2010, No. 28 (204), pp. 65-70.]

¹⁷ Ben-Yehuda, N. Gathering Dark Secrets, Hidden and Dirty Information: Some Methodological Notes on Studying Political Assassinations // *Qualitative Sociology*, 1990, No. 13, p. 345.

¹⁸ Clarke, R.V.G., Newman, G.R. Outsmarting the Terrorists. London: Greenwood Publishing Group. 2006.

личные виды террористических актов могут влиять совершенно разные причины.

Ситуативного подход применяется к различным формам терроризма, включая атаки смертников и угон самолетов. Американские ученые Р. Кларк и Г. Ньюман даже использовали его систему для оценки целевой привлекательности политических убийств¹⁹. Поскольку ситуативный подход применялся к различным формам терроризма, подход «коренных причин» может быть также применим к изучению разных видов терроризма. В определенных исследованиях были рассмотрены конкретные формы терроризма, такие как нападения смертников, и их связь с определенными коррелятами на макроуровне. Например, некоторые исследования показывают, что экономические условия, связанные с суицидальным терроризмом, поскольку высокий уровень безработицы и плохие экономические условия помогают террористическим группам в вербовке террористов-смертников, которые могут атаковать важные цели²⁰. Другое исследование показало, что государственные репрессии связаны с суицидальным терроризмом²¹. Американский ученый Р. Пейп также рассматривал макро-условия, которые способствуют нападениям террористов-смертников, обсуждая роль конфликтов, демократии и религии. Он утверждает, что суицидальный терроризм чаще встречается в демократических странах по сравнению со странами с авторитарными правительствами²².

Учитывая, что конкретные формы терроризма, такие как нападения террористов-смертников, были дезагрегированы и проанализированы отдельно от терроризма в целом, удивительно, как мало эмпирических

работ рассматривали политические убийства отдельно от широкой категории терроризма. Учитывая символическое, политическое и психологическое воздействие, которое может иметь политическое убийство, особенно уместно изучить тактику и оценить, как оно соотносится с другими типами террористических атак. Это может помочь исследователям и государственным органам получить более полное представление о лежащих в его основе причинах и условиях, а также способствовать разработке эффективных мер борьбы с терроризмом.

Литература о политических убийствах

Ограниченное число исследований изучали характер террористических политических убийств. Это, по крайней мере, частично связано с трудностями, с которыми сталкиваются ученые при изучении таких тем, как политическое убийство и терроризм²³. Изучался характер политических убийств, но большая часть этой литературы посвящена отдельным событиям или убийствам. Меньше внимания уделялось условиям на уровне страны, окружающим данные события. Эта пустота свидетельствует о том, что целесообразно применить подход «коренных причин» для изучения террористических убийств.

Исследования показывают, что политические убийства символически и психологически влияют на население страны. Считалось, что убийства влиятельных людей создают культурную травму внутри страны²⁴. Убийство главы государства также может оказать глубокое эмоциональное воздействие на общество²⁵. Убийства президен-

¹⁹ Ibid.

²⁰ Benmelech, E.; Berrebi, C.; Klor, E.F. Economic Conditions and the Quality of Suicide Terrorism // *The Journal of Politics*, 2012, No. 74, pp. 113-128.

²¹ Araj, B. Harsh State Repression as a Cause of Suicide Bombing: The Case of the Palestinian-Israeli conflict // *Studies in Conflict and Terrorism*, 2008, No. 31, pp. 284-303.

²² Pape, R.A. The Strategic Logic of Suicide Terrorism // *American Political Science Review*, 2003, No. 97, pp. 343-361.

²³ Freilich, J.D.; LaFree, G. Criminology Theory and Terrorism: Introduction to the Special Issue // *Terrorism and Political Violence*, 2015, No. 27, pp. 1-8.

²⁴ Türkmen-Derişoğlu, G. Coming to Terms with a Difficult Past: The Trauma of the Assassination of Hrant Dink and Its Repercussions on Turkish national Identity // *Nations and Nationalism*, 2013, No. 19, pp. 674-692

²⁵ Varma, No. K.; Chandiramani, K., Rao, G.P.; Bhave, S.; Kaur, S. Assassination of Indira Gandhi: Impact on Psychiatric Patients // *American Journal of Psychotherapy*, 1989, No. 43, p. 77.

та Линкольна и президента Кеннеди даже привели к тому, что должность президента США стала восприниматься многими как священный культурный объект²⁶. Убийства важных политических деятелей также могут оставить неизгладимое впечатление на воспоминаниях граждан²⁷. Было установлено, что убийства общественных деятелей заставляют некоторых граждан испытывать острые стрессовые реакции²⁸. Граждане, физически не присутствующие при нападении, могут быть психологически затронуты показом события по телевидению.

Помимо этих символических и эмоциональных воздействий убийства могут иметь важные политические последствия и напрямую влиять на деятельность правительства. Должностные лица и политики, которые приходят после смерти своего предшественника, могут столкнуться с уникальными проблемами в установлении своей легитимности²⁹. Политические убийства могут также привести к политическим конфликтам и войнам. Часто цитируемый пример – убийство эрцгерцога Франца Фердинанда в 1914 году, наследника Австро-Венгерской империи, послужившее началом Первой мировой войны³⁰. Другим примером является убийство президента Бурунди Мельхиора Ндадье в 1993 году, событие, которое привело

к гражданской войне, в которой были убиты сотни тысяч гражданских лиц³¹.

Значительная часть исследований исследуют отдельных убийц, ответственных за проведение атак. Например, исследование М. Каземзаде и Г. Ид сосредоточено на возможных политических последствиях для идентификации убийцы, убившего ливанского командующего «Хизбаллой» Имада Мугниа³². Многие исследователи подробно описали нестабильные психические состояния убийц президентов США³³. По большей части политические убийства и попытки нападений на государственных служащих, были приписаны психически больным людям. Однако ситуация в США контрастирует с большинством других стран, где убийства должностных лиц чаще всего политически мотивированы³⁴.

«Коренные причины» терроризма

Подход, основанный на «коренных причинах» гласит, что определенные социальные, политические и экономические условия внутри стран создают условия, способствующих формированию и деятельности террористических групп³⁵. Эти условия включают, но не ограничиваются: отсутствием демократии, гражданских свобод и верховенства закона; несостоявшимися или хрупкими государствами; быстрой модернизацией; экстремистскими идеологиями (светские или религиозные); историей политического насилия или других конфликтов; незаконными или коррумпированными правительствами; рели-

²⁶ Schwartz, B. Mourning and the Making of a Sacred Symbol: Durkheim and the Lincoln Assassination // *Social Forces*, 1991, No. 70, pp. 343-364.

²⁷ Zelig, A., Nachson, I. Accurate, Inaccurate and Omitted Details in Collective Emotional Memories: The Case of Itzhak Rabin's Assassination // *Memory*, 2012. V. 20, pp. 742-757.

²⁸ Тарабрина Н.В., Быховец, Ю.В. Террористическая угрозы: теоретико-эмпирическое исследование. – М.: Из-во «Институт психологии РАН», 2014. – 156 с. [Tarabrina, N.V.; Byhovec, Y.V. Terroristicheskaya ugrozu: teoretiko-ehmpiricheskoe issledovanie (Terrorist Threats: Theoretical and Empirical Investigation). Moscow: Iz-vo «Institut psihologii RAN», 2014. 156 p.]

²⁹ Abbott, P. Accidental Presidents: Death, Assassination, Resignation, and Democratic Succession // *Presidential Studies Quarterly*, 2005, No. 35, pp. 627-645.

³⁰ Subjack, J. Review of the Book “Assassination: A History of Political Murder, by L. Porter” // *International Criminal Justice Review*, 2011, No. 21, pp. 470-472.

³¹ Appleton, S. Assassinations // *Public Opinion Quarterly*, 2000, No. 64, pp. 495-522.

³² Kazemzadeh, M.; Eid, G.E. An Analysis of the Assassination of the Lebanese Hezbollah Commander Imad Mughniyah: Hypotheses and consequences // *American Foreign Policy Interests*, 2008, No. 30, pp. 399-413.

³³ Goldstein, J. On Political Assassinations and Heinous Crimes // *Aggressive Behavior*, 1981, No. 7, pp. 268-270.

³⁴ Heyman, M.N. A Study of Presidential Assassins // *Behavioral Sciences and the Law*, 1984, No. 2, pp. 131-150.

³⁵ Newman, E. Exploring the «Root Causes» of Terrorism // *Studies in Conflict & Terrorism*, 2006, No. 29, pp. 749-772.

гиозной или этнической дискриминацией; и неспособностью государства интегрировать диссидентские группы или новые социальные классы³⁶. Исследование М. Хан и Э. Азам раскрывает основные причины терроризма, отмечая, что такие особенности страны, как коррупция, нищета, неравенство, неграмотность, религиозный экстремизм и отсутствие демократических правительств, действуют в разных комбинациях, влияя на людей, которые становятся террористами³⁷. Их выводы подтверждают предложение относительно образования, поскольку они считают, что молодые люди с более низким уровнем образования более склонны участвовать в терроризме по сравнению с другими.

Демократия и терроризм

Тип политического режима и, в частности, демократия, по-видимому, связаны с террористическими атаками. Демократические правительства могут быть более восприимчивыми к терроризму по сравнению с диктаторскими и авторитарными режимами³⁸. Однако в некоторых исследованиях утверждается, что в недемократических странах совершается непропорционально большее число террористических нападений, а также выше число жертв и погибших³⁹. М. Абрамс считает, что террористические нападения происходят чаще в странах, которые не признают гражданских свобод, в то время как М. Финдли и Д. Янг утверждают, что страны с независимыми судебными органами имеют более низкую вероятность совершения терак-

та⁴⁰. Кроме того, выводы М. Абрама подтверждают мнение о том, что террористы предпочитают совершать нападения в недемократических странах по сравнению с демократиями, потому что в этих странах они с большей вероятностью достигнут своих политических целей.

Некоторые ученые определили, что страны с умеренным уровнем политической свободы более подвержены нападениям по сравнению со странами с большей степенью свободы или с авторитарными режимами⁴¹. Другие утверждают, что степень демократии важнее, чем наличие демократического режима, поскольку наиболее демократические и наиболее тоталитарные страны испытывают наименьшее количество атак⁴². Ученый Э. Абади отмечает, что авторитарные режимы могут подавлять политическую свободу, что, в свою очередь, препятствует терроризму. Тем не менее, К. фон Хиппель предлагает, что авторитарные арабские государства могут фактически служить питательной средой для террористических организаций⁴³. Были также обнаружены различия между типом политического режима и типами террористических организаций. Например, Д. Аксоу и Д. Картер обнаружили, что избирательные институты связаны с наличием внутрисистемных групп, которые направлены на достижение определенных политических целей, но не связаны с антисистемными группами, целью которых является полное свержение правительства⁴⁴.

⁴⁰ Findley, M.G.; Young, J.K. Terrorism, Democracy, and Credible Commitments // *International Studies Quarterly*, 2011, No. 55, pp. 357-378.

⁴¹ Abadie, A. Poverty, Political Freedom, and the Roots of Terrorism (Working Paper No. 10859) / National Bureau of Economic Research. 2004. Mode of access: www.nber.org/papers/w10859

⁴² Bjørge, T. Root causes of terrorism myths, reality, and ways forward. London/New York: Routledge. 2005. Mode of access: <http://public.ebib.com/choice/publicfullrecord.aspx?p=199597>

⁴³ Von Hippel, K. The Roots of Terrorism: Probing the Myths // *Political Quarterly*, 2002, No. 73. pp. 25-39.

⁴⁴ Aksoy, D., Carter, D.B. Electoral Institutions and the Emergence of Terrorist Groups // *British Journal of Political Science*, 2014, No. 44, pp. 181-204.

³⁶ Bjørge, T. Root causes of terrorism myths, reality, and ways forward. London/New York: Routledge. 2005. Mode of access: <http://public.ebib.com/choice/publicfullrecord.aspx?p=199597>

³⁷ Khan, M.M.; Azam, A. Root Causes of Terrorism: An Empirical analysis // *Journal of Interdisciplinary Studies*, 2008, No. 20, pp. 65-86.

³⁸ Findley, M.G.; Young, J.K. Terrorism, Democracy, and Credible Commitments // *International Studies Quarterly*, 2011, No. 55, pp. 357-378.

³⁹ Abrahms, M. Why Democracies Make Superior Counterterrorists // *Security Studies*, 2007, No. 16, pp. 223-253.

Права человека и терроризм

Нарушение прав человека в стране связано с конфликтами, что, в свою очередь, способствует террористическим атакам. В своем исследовании в Северной Ирландии, Р. Келлуэй и Д. Харрелсон-Степхенс обнаружили, что нарушения прав человека обеспечивают среду, благоприятствующую терроризму, что в конечном итоге приводит к террористической деятельности⁴⁵. В частности, авторы обнаружили, что ограничения, связанные с гражданскими и политическими правами католиков, оказали значительное влияние на порождение терроризма. Кроме того, нарушения прав в сфере безопасности со стороны британцев оказали влияние на рост участия ирландских граждан в террористической деятельности. Так, А. Фельдманн и М. Пераль подтвердили эти выводы, сосредоточив внимание на неправительственном терроризме в Латинской Америке⁴⁶. Они определили, что террористические акты в регионе значительно чаще происходят в странах, характеризующихся повсеместными нарушениями прав человека. Другие исследователи проанализировали взаимосвязь между правами на личную неприкосновенность и терроризмом, установив, что страны, которые уважают права на личную неприкосновенность, испытывают меньше атак⁴⁷.

Внутренний конфликт, качество управления и терроризм

Внутренние конфликты внутри страны могут способствовать терроризму. История террора в стране способствует будущим нападениям, поскольку нападения показывают, что страна слаба⁴⁸. Было также уста-

новлено, что фрагментированные правительства связаны с терроризмом. Ученые В. Еубэнк и Л. Веинберг обнаружили, что внутренние террористические группы появляются гораздо чаще в странах, имеющих многопартийные системы с фракционными парламентами и электоратами⁴⁹. Установлено также, что политическая стабильность влияет на продолжительность работы правительства. Например, Л. Уильямс, М. Кох и Д. Смит определили, что правительства, расположенные в левом политическом спектре, скорее всего, рухнут после террористического нападения, чем правые правительства⁵⁰. Нападения, покушения на избираемые должностные лица предполагают, что страна политически нестабильна⁵¹. Другие утверждают, что политическая нестабильность способствует международному терроризму, поскольку она обеспечивает среду, в которой террористы могут учиться и получать важные навыки, необходимые для осуществления нападения⁵².

Ученые в целом согласны с тем, что слабые, хрупкие и несостоятельные государства связаны с риском возникновения терроризма. Прочные режимы, как представляется, препятствуют терроризму, в то время как несостоявшиеся государства способствуют террористической деятельности⁵³. Несостоявшиеся государства считаются оплотами терроризма, поскольку они более склонны

European Journal of Political Economy, 2011, No. 27(1), P. 17-36.

⁴⁹ Eubank, W.L.; Weinberg, L.B. Terrorism and Democracy within One Country: The Case of Italy // *Terrorism and Political Violence*, 1997, No. 9, pp. 98-108.

⁵⁰ Williams, L.K.; Koch, M.T.; Smith, J.M. The Political Consequences of Terrorism: Terror Events, Casualties, and Government Duration // *International Studies Perspectives*, 2013, No. 14, pp. 343-361.

⁵¹ Hurwitz, L. Contemporary Approaches to Political Stability // *Comparative Politics*, 1973, No. 5, pp. 449-463.

⁵² Campos, N.F.; Gassebner, M. International Terrorism, Domestic Political Instability, and the Escalation Effect // *Economics and Politics*, 2013, No. 25, pp. 27-47.

⁵³ Howard, T. Failed States and the Spread of Terrorism in Sub-Saharan Africa // *Studies in Conflict and Terrorism*, 2010, No. 33, pp. 960-988.

⁴⁵ Callaway, R.L.; Harrelson-Stephens, J. Toward a Theory of Terrorism: Human Security as a Determinant of Terrorism // *Studies in Conflict and Terrorism*, 2006, No. 29, pp. 773-796.

⁴⁶ Feldmann, A.E.; Perälä, M. Reassessing the Causes of Nongovernmental Terrorism in Latin America // *Latin American Politics and Society*, 2004, No. 46, pp. 101-132.

⁴⁷ Piazza, J.A.; Walsh, J.I. Physical Integrity rights and Terrorism // *Political Science and Politics*, 2010, No. 43, pp. 411-414.

⁴⁸ Kis-Katos, K.; Liebert, H.; Schulze, G.G. On the Origin of Domestic and International Terrorism //

принимать террористические группы и подвергаться нападениям транснациональных террористических групп⁵⁴. Р. Кортвег отмечает, что государства, обладающие слабыми способностями к качественному управлению, позволяют террористам использовать неконтролируемые районы в качестве безопасных убежищ⁵⁵. Однако, поскольку граждане пользуются большой свободой в демократических странах, террористы могут также найти аналогичные возможности в рамках сильных и стабильных демократий. К. фон Хиппель утверждает, что разрушенные государства не обязательно могут быть серьезной питательной средой для террористов, но они позволяют террористическим группам свободно осуществлять свою незаконную экономическую деятельность из-за наличия развитой «теневой экономики»⁵⁶.

В своем исследовании Р. Ротберг обсуждает характеристики несостоявшихся государств по сравнению с сильными государствами, некоторые из которых связаны с другими коррелятами терроризма⁵⁷. Например, признаки провала государства включают в себя: быстрое ухудшение жизненного уровня населения, коррупцию, подрыв демократических норм, отсутствие независимости судебных органов, блокирование гражданского общества и отдельных групп, которые лишаются прав или дискриминируются. Напротив, сильные государства имеют хорошие показатели ВВП и экономического роста, Индекса человеческого развития ООН, уровня восприятия коррупции и свободы.

Коррупция и терроризм

Коррупция широко цитируется как первопричина терроризма. Террористы не толь-

ко используют коррупцию в своих интересах, но и сотрудничают с организованными преступными группами в торговле наркотиками для финансирования своей деятельности⁵⁸. Регионы, которые стали свидетелями сближения организованной преступности и терроризма, также предоставили террористам безопасные убежища для их деятельности⁵⁹. Что касается государственной коррупции, коррумпированные органы власти часто порождают противоборствующие коалиции, которые могут избрать терроризм в качестве способа вытеснения политических конкурентов или самого коррумпированного режима⁶⁰. В других же исследованиях было обнаружено, что страны с более высокой воспринимаемой коррупцией фактически испытывают меньше террористических атак⁶¹. Коррупция в государственных органах также влияет на другие важные вопросы, такие как замедление или срыв экономического роста.

Религия и терроризм

Религия играет существенную роль в мотивации к террористической деятельности, поскольку многие террористические группы придерживаются экстремистских

⁵⁸ Перенджиев А.Н. Антитеррористическая политика России и ее институты безопасности. – Химки. Издательство: Академия гражданской защиты МЧС России, 2017. – 151 с. [Perendzhiev, A.N. Antiterroristicheskaya politika Rossii i ee instituty bezopasnosti (Antiterrorist Policy of Russia and Its Security Institutions). Himki. Izdatel'stvo: Akademiya grazhdanskoj zashchity MCHS Rossii, 2017. 151 p.]

⁵⁹ Shelley, L. The Unholy Trinity: Transnational Crime, Corruption, and Terrorism // *Brown Journal of World Affairs*, 2004, No. 11, pp. 101-111.

⁶⁰ Каратаев М.В. Коррупция как причина, условие и сопутствующий фактор российского терроризма // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2012. – № 21. – С. 43-52. [Karataev, M.V. Korruptsiya kak prichina, uslovie i sopushtvuyushchij faktor rossijskogo terrorizma (Corruption as a Cause, Condition and Concomitant Factor of Russian Terrorism) // *Nacional'nye interesy: prioritety i bezopasnost'*, 2012, No. 21, pp. 43-52.]

⁶¹ Simpson, M. Terrorism and Corruption // *International Journal of Sociology*, 2014, No. 44, pp. 87-104.

⁵⁴ Piazza, J.A. Draining the Swamp: Democracy Promotion, State Failure, and Terrorism in 19 Middle Eastern Countries // *Studies in Conflict and Terrorism*, 2007, No. 30, pp. 521-539.

⁵⁵ Kortweg, R. Black Holes: On Terrorist Sanctuaries and Governmental Weakness // *Civil Wars*, 2008, No. 10, pp. 60-71.

⁵⁶ Von Hippel, K. The Roots of Terrorism: Probing the Myths // *Political Quarterly*, 2002, No. 73, pp. 25-39

⁵⁷ Rotberg, R.I. Failed States in a World of Terror // *Foreign Affairs*, 2002, No. 81, pp. 127-140.

религиозных и идеологических убеждений. Исследователи утверждают, что связь между религиозным фундаментализмом и политическим экстремизмом может быть найдена в большинстве основных религий⁶². Таким образом, религиозно мотивированный терроризм не ограничивается только исламскими террористическими организациями, но также встречается в радикальных христианских, сикхских и еврейских группах. М. Юргенсмайер делает вывод о том, что, хотя религия – это один из элементов современного терроризма, она не обязательно будет основной причиной конфликта⁶³. Ученый Т. Бьёрго утверждает, что религиозная идеология является промежуточной причиной терроризма, в то время как М. Хан и Э. Азам считают религию самым важным фактором, влияющим на участие людей в террористической деятельности. Исследования показывают, что, когда группы, принадлежащие к меньшинству (религиозному), исключаются из процесса управления страной или регионом, члены этой группы могут чувствовать себя отчужденными и будут более склонны использовать терроризм как средство достижения своих целей⁶⁴. В серии интервью с осужденными террористами и их сторонниками, М. Юргенсмайер показал, что их насильственные действия являются по существу «символическими заявлениями», которые служат воодушевления «отчаявшихся общин». Так, Т. Бьёрго утверждает, что религиозная или этническая дискриминация является основной причиной этнонационалистического терроризма.

Экономические корреляции терроризма

Исследования отмечают противоречивые выводы о связи между экономическими показателями уровня страны и террориз-

мом⁶⁵. Некоторые ученые обнаружили, что быстрая модернизация в форме экономического роста связана с определенными формами терроризма⁶⁶. Другие же не находят никакой связи между экономическим развитием и терроризмом⁶⁷. В некоторых исследованиях было установлено, что появление террористических групп в стране увеличивается по мере увеличения ее ВВП на душу населения⁶⁸. Некоторые считают, что террористическая деятельность выше в странах с более высоким ВВП⁶⁹. В целом существует согласие с тем, что более бедные страны не испытывают больше террористических нападений по сравнению с более богатыми странами. Политолог Д. Пьяцца считает, что страны, в которых существует экономическая дискриминация меньшинств, имеют значительно больше внутренних террористических актов⁷⁰. Некоторые исследователи полагают, что существует косвенная, а не прямая связь между нищетой и терроризмом⁷¹. В исследовании Г. Блэра, посвященном отношению пакистанцев к воинствующему насилию, авторы обнаруживают, что бедные граждане на самом деле гораздо больше не любили экстремистские организации по сравнению с представителями среднего класса⁷². В своей

⁶² Pratt, D. Religion and Terrorism: Christian Fundamentalism and Extremism // *Terrorism and Political Violence*, 2010, No. 22, pp. 438-456.

⁶³ Juergensmeyer, M. *Terror in the Mind of God: The Global Rise of Religious Violence*, Vol. 13. Berkeley, CA: University of California Press. 2003.

⁶⁴ Satana, N.S.; Inman, M.; Birnir, J.K. Religion, Government Coalitions, and Terrorism // *Terrorism and Political Violence*, 2013, No. 25, pp. 29-52.

⁶⁵ Piazza, J.A. Poverty, Minority Economic Discrimination, and Domestic Terrorism // *Journal of Peace Research*, 2011, No. 48, pp. 339-353.

⁶⁶ Choi, S.W.; Luo, S. Economic Sanctions, Poverty, and International Terrorism: An Empirical Analysis // *International Interactions*, 2013, No. 39, pp. 217-245.

⁶⁷ Piazza, J.A. Rooted in Poverty? Terrorism, Poor Economic Development, and Social Cleavages // *Terrorism and Political Violence*, 2006, No. 18, pp. 159-177.

⁶⁸ Kis-Katos, K.; Liebert, H.; Schulze, G.G. On the Origin of Domestic and International Terrorism // *European Journal of Political Economy*, 2011, No. 27(1), P. 17-36.

⁶⁹ Findley, M.G.; Young, J.K. Terrorism, Democracy, and Credible Commitments // *International Studies Quarterly*, 2011, No. 55, pp. 357-378.

⁷⁰ Piazza, J.A. Poverty, Minority Economic Discrimination, and Domestic Terrorism // *Journal of Peace Research*, 2011, No. 48, pp. 339-353.

⁷¹ Krueger, A.B.; Malečková, J. Education, Poverty and Terrorism: Is There a Causal Connection? // *The Journal of Economic Perspectives*, 2003, No. 17, pp. 119-144.

⁷² Blair, G., Christine Fair, C., Malhotra, N., Shapiro,

работе М. Хан и Э. Азам, однако, обнаруживают, что люди из богатых семей с меньшей вероятностью участвуют в террористической деятельности, чем люди из более бедных семей. В отличие от других исследований, они утверждают, что бедность является значительным коррелятом терроризма на индивидуальном уровне.

В целом, предыдущие исследования нашли множество социальных, политических и экономических показателей, связанных с терроризмом. Их выводы предлагают полезное руководство для изучения связей между показателями на страновом уровне и конкретной террористической тактикой, такой как политические убийства и нападения террористов-смертников. Кроме того, противоречивые выводы о том, как каждый показатель связан с терроризмом, подчеркивает необходимость дальнейших исследований, тем самым обеспечивая более полное понимание характера терроризма.

Методология

Поскольку единой всеобъемлющей базы данных, содержащей различные корреляты терроризма на страновом уровне, пока не существует, соответствующие показатели были составлены из разных источников. Многие из упомянутых выше исследований используют аналогичные данные для изучения связи между этими различными условиями и терроризмом. Этот подход является сложным, поскольку многие источники различаются в зависимости от количества предоставленных данных, а также количества охваченных стран. Кроме того, некоторые наборы данных меняют свою методологию и добавляют или удаляют переменные за разные годы. Следовательно, анализы, проводимые в разное время, могут содержать разные переменные. Поскольку это усложняет задачу непрерывного лонгитюдного анализа, в этой статье используется более простой подход. В частности, анализируются четыре двухлетних периода: 1995-1996,

2000-2001, 2005-2006 и 2010-2011 гг. Независимые переменные измеряют следующие условия, связанные с терроризмом: свобода, коррупция, хрупкость государства, права человека, религия, качество управления, экономический рост и внутренние конфликты.

Зависимые переменные – совокупность всех террористических политических убийств и терактов с использованием смертников в течение вышеуказанных двухлетних периодов в 199 странах. Хотя первоначально была предпринята попытка провести анализ за четыре года, были обнаружены ошибки сходимости в некоторых многомерных моделях по причине малого количества наблюдений в зависимых переменных. Так, данные о количестве политических убийств и нападений террористов-смертников были агрегированы за эти двухлетние периоды, в то время как независимые переменные представляют собой показатели, рассчитанные за один год. Например, в модели 1995-1996 годов зависимые переменные (политические убийства и нападения с применением смертников) представляют собой общее количество таких инцидентов, имевших место в период с 1995 по 1996 год, в то время как независимые переменные рассчитаны только за 1995 год. Так, предполагается, что эти показатели на страновом уровне остаются относительно стабильными на протяжении двух лет, поэтому политические, экономические и социальные показатели для страны в 1995 году остаются неизменными в 1996 году. Этот подход не имеет сложностей, связанных с лонгитюдным анализом, что позволяет более четко интерпретировать результаты. Каждый источник данных кратко обсуждается ниже. Важным преимуществом этих источников является то, что каждый из них является наиболее распространенным инструментом сбора данных, основанном на применении единообразных определений и индикаторов для сложных политических, социальных и экономических конструкций.

Зависимая переменная

Как уже отмечалось, зависимыми переменными, используемыми в анализе, являются общее количество политических убийств,

J.N. Poverty and Support for Militant Politics: Evidence from Pakistan // *American Journal of Political Science*, 2013, No. 57, pp. 30-48.

совершенных террористами, и общее количество терактов смертников. Данные составлены на основе *Global Terrorism Database (GTD)*. GTD содержит данные об инцидентах по каждому террористическому акту, совершенному во всем мире с 1970 года. Для целей этой статьи рассматриваются только террористические инциденты, отнесенные к категории политических убийств и нападений с применением смертников. Кодовая книга GTD определяет политическое убийство как:

«Акт, основной задачей которого является убийство одного или нескольких конкретных, значимых личностей. Обычно совершается в отношении, общественно-заметных лиц, например, высокопоставленных военных, правительственных чиновников, знаменитостей и т.д. Не включает нападения на отдельных членов целевой группы. Убийство сотрудника полиции было бы вооруженным нападением, если нет оснований полагать, что нападавшие выделили особо видного офицера для покушения».

GTD рассматривает инцидент как терроризм с использованием смертника, когда «есть доказательства того, что преступник не собирался остаться после нападения живым». Чтобы избежать ошибок сходимости в окончательных регрессионных моделях каждая зависимая переменная представляет собой подсчет атак, агрегированных по четырем отдельным двухгодичным периодам: 1995-1996, 2000-2001, 2005-2006 и 2010-2011 гг.

Тип политического режима

Данные, полученные из базы Freedom House, указывают на уровень свободы или же тип политического режима, существующие в разных странах. Баллы присваиваются каждой стране на основе соблюдения ими политических прав и гражданских свобод. Каждой стране присваивается рейтинг от 1 до 7 для каждой из двух категорий⁷³. Среднее значение этих двух рейтингов определяет, считается ли страна «свободной» (1-2,5),

«частично свободной» (3-5) или «несвободной» (5.5-7).

Права человека

Переменные для прав на личную неприкосновенность и независимость судебных органов получены из набора данных о правах человека *Cingranelli-Richards (CIRI)*. Права на личную неприкосновенность включают «право не подвергаться пыткам, применение смертной казни без длительного расследования, исчезновению или тюремному заключению за политические убеждения»⁷⁴. Судебная власть считается независимой, если она свободна от контроля других источников, таких как другая ветвь власти или военных. Переменная прав на личную неприкосновенность колеблется от 0 (правительство не соблюдает эти права) до 8 (правительство полностью уважает эти права). Переменная, измеряющая независимость судебной системы, колеблется между 0 (судебная система не является независимой) и 2 (полностью независимая судебная система).

Внутренний конфликт

Четыре независимые переменные измеряют внутренний конфликт: основные эпизоды политического насилия в обществе; число беженцев, принимаемых страной; число происходящих из страны беженцев; и число внутренне перемещенных лиц в стране.

Переменная для основных эпизодов политического насилия в обществе получена из базы данных *Major Episodes of Political Violence*, подготовленных Центром за системный мир (*Center for Systemic Peace*). Он содержит данные за период с 1946 по 2013 год и определяет основные эпизоды политического насилия как инциденты, в которых «систематическое и устойчивое использование насилия организованными группами, в результате которого в ходе эпизода погибли

⁷³ Freedom House. Freedom in the World 2015. Methodology. 2015. Режим доступа: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world-2015/methodology#.VNZ9TrDF-n0>

⁷⁴ Cingranelli, D.; Richards, D. The Cingranelli-Richards (CIRI) Human Rights Data Project Coding Manual. Version 5.20.14. Mode of access: www.humanrightsdata.com/p/data-documentation.html

по меньшей мере 500 человек»⁷⁵. Оценка переменной может варьироваться до 40, где более высокий балл указывает на более значительные эпизоды политического насилия в обществе.

Переменные, измеряющие количество беженцев, размещенных в стране, число происходящих из страны беженцев, и количество внутренне перемещенных лиц, составлены получены из базы, составленной Center for Systemic Peace. Данные доступны за период с 1964 по 2008 год.

Качество управления

Показатели эффективности государственного управления, верховенства закона и политической стабильности были получены из набора данных Worldwide Governance Indicators (WGI). Переменная эффективности правительства измеряет восприятие общественностью качества государственных и общественных услуг, а также независимость от политического давления. Переменная для верховенства закона измеряет восприятие уверенности в том, что агенты следуют правилам общества⁷⁶. Политическая стабильность измеряет восприятие стабильности правительства, например, может ли правительство быть свергнуто в результате политического насилия и терроризма. Каждая из этих переменных оценивается от -2,5 (слабое управление) до 2,5 (сильное управление). Двумерный анализ показал, что в течение большинства лет все четыре переменные качества управления измеряли одну и ту же основную конструкцию, указывая на то, что в многомерном анализе необходимо использовать только одну из переменных. Показатель прав на личную неприкосновенность был тесно связан с переменной политической стабильности для большинства моделей, но поскольку обе переменные, по-видимому, измеряют две теоретически

различные концепции, они обе включены в модель 2010-2011 годов.

Коррупция

Для измерения уровня коррупции показатель «контроль над коррупцией» был получен из набора данных WGI за 2000-2001 и 2005-2006 годы. Показатель контроля над коррупцией измеряет восприятие общественностью коррупции в государственном секторе, причем оценки варьируются от -2,5 (слабый контроль правительства над коррупцией) до 2,5 (сильный контроль правительства над коррупцией).

Религия

Независимая переменная, измеряющая религиозное разнообразие, принадлежит проекту *World Religion Project*, который собирает данные о процентной доле населения страны, исповедующего различные религии⁷⁷. Проект содержит данные за каждые пять лет в период с 1945 и по 2010 годы. Индекс религиозного разнообразия был создан в соответствии с индексом фрагментированности Херфиндаля, который использовал метод для создания индекса этнического разнообразия. Индекс колеблется от 0 до 1, где 0 указывает на религиозную однородность, а 1 указывает на то, что страна является религиозно неоднородной.

Экономический рост

Переменной, измеряющей экономический рост в стране, является валовой внутренний продукт (ВВП) на душу населения, полученный из данных Всемирного банка (*World Bank*). Данные о ВВП предоставляются на ежегодной основе с 1960 и измеряются в долларах США. Несмотря на сильную корреляцию между ВВП на душу населения и контролем над показателем коррупции в трех моделях, обе меры остаются в конечном анализе.

⁷⁵ Marshall, M.G. Codebook: Major Episodes of Political Violence and Conflict Regions, 1946-2013 // Center for Systemic Peace. 2014. Mode of access: www.systemicpeace.org

⁷⁶ Kaufmann, D.; Kraay, A.; Mastruzzi, M. The Worldwide Governance Indicators: Methodology and analytical issues // *Hague Journal of the Rule of Law*, 2011, No. 3, pp. 220-246.

⁷⁷ Maoz, Z.; Henderson, E.A. The World Religion Dataset, 1945-2010: Logic, Estimates, and Trends // *International Interactions*, 2013, No. 39, pp. 265-291.

Описательная статистика

Как показано в *Таблице 1*, в период с 1995 по 2014 год было зарегистрировано в общей сложности 6080 террористических политических убийств, причем большинство нападений было совершено лишь в нескольких странах. В каждый из четырех периодов на 20 стран приходится 84% и 99% всех террористических политических убийств.

Важно отметить, что тенденции изменения числа политических убийства и условия на государственном уровне в каждый период времени (1995-1996 годы, 2000-2001 годы, 2005-2006 годы и 2010-2011 годы) в какой-то степени отражают различные мировые события, происходящие в то время. Например, участие США в Ираке и Афганистане, начавшееся в начале 2000-х годов, вероятно, объясняет, почему две страны испытали наибольшее число инцидентов в 2005-2006 и 2010-2011 годах. Аналогичным образом, в периоды 1995-1996 и 2000-2001 годов в Колумбии произошло значительное количество террористических убийств в результате конфликта, связанного с Революционными вооруженными силами Колумбии (ФАРК) и Национальной освободительной армией. Шри-Ланка входит в первую десятку стран, которые испытали наибольшее количество убийств за все периоды, кроме 2010-2011 годов. Это можно объяснить тем, что гражданская война на Шри-Ланке закончилась в 2009 году, когда шри-ланкийские военные победили Тигров освобождения Тамил-Илама. Йемен не входил в число 10 ведущих стран, которые испытывали атаки, до 2010-2011 годов, изменение ситуации может быть объяснено напряженностью между северным и южным Йеменом, которая вновь возникла в 2009 году и протестами 2011 года, вдохновленными восстаниями «Арабской весны» в Тунисе и Египте, и гражданской войны, начавшейся в 2014 году. В период с 1995 по 1996 год Великобритания испытала множество политических убийств, большинство из которых являлись результатом конфликта в Северной Ирландии. После периода 2000-2001 годов, а именно после подписания в 1998 году мирного Соглашения Страстной пятницы, Великобритания не находилась

среди 20 ведущих стран, которые испытали нападения. Испания была одной из десяти ведущих стран, в которой в период 2000-2001 годов произошли политические убийства, но она не вошла в число 20 стран, подвергшихся нападением в любой из последующих периодов. Эти тенденции связаны с деятельностью Баскской сепаратистской группы ЭТА в стране, а также с несколькими заключенными группой соглашениями о прекращении огня. К ним относятся прекращение огня в период с сентября 1998 года по ноябрь 1999 года, девятимесячное прекращение огня начиная с марта 2006 года и постоянное прекращение огня, которое началось в сентябре 2010 года. В России все эти периоды отмечены широко-масштабными операциями и двумя войнами против террористов на Северном-Кавказе. Хотя можно утверждать, что тенденции политических убийств меняются по мере того, как изменяется геополитическая реальность, некоторые страны, такие как Пакистан, Россия и Индия, постоянно сталкиваются с высокой частотой нападений во все четыре периода.

Таблица 2 содержит описательную статистику за каждый год и показывает дисперсию обеих зависимых переменных. Все независимые переменные имеют менее 25% пропущенных наблюдений, что говорит о целесообразности их использования в дальнейшем анализе

Поскольку зависимые переменные представляют собой данные о редких случаях, когда большинство стран сталкивались с нулевым числом нападений, для каждого периода (1995-1996, 2000-2001, 2005-2006 и 2010-2011 годы) была построена отрицательная биномиальная регрессионная модель для определения того, каким образом независимые переменные, измеряющие коренные причины терроризма, связаны с политическими убийствами и суицидальным терроризмом (в общей сложности восемь моделей).

Таблица 1

Список 20 стран, в которых террористические политические убийства происходят более часто

№	1995–1996		2000–2001		2005–2006		2010–2011		Атаки		
	Страна	Атаки	№	Страна	Атаки	№	Страна	Атаки			
1	Пакистан	337	1	Индия	32	1	Ирак	156	1	Ирак	300
2	Алжир	130	2	Колумбия	31	2	Афганистан	38	2	Афганистан	113
3	Колумбия	93	3	Россия	22	3	Шри-Ланка	27	3	Пакистан	86
4	Египет	73	4	Испания	19	4	Таиланд	25	4	Россия	52
5	Индия	45	5	Филиппины	13	5	Алжир	21	5	Йемен	32
6	Гватемала	38	6	Пакистан	12	6	Индия	18	6	Сомали	29
7	Россия	34	7	Шри-Ланка	9	7	Пакистан	12	7	Индия	23
8	Шри-Ланка	33	8	Палестина	7	8	Филиппины	11	8	Филиппины	21
9	Таджикистан	30	9	Югославия	7	9	Колумбия	10	9	Нигерия	9
10	Гаити	26	10	Алжир	6	10	Непал	9	10	Колумбия	8
11	Бангладеш	22	11	Индонезия	6	11	Россия	7	11	Бангладеш	5
12	Великобритания	22	12	Великобритания	5	12	Сомали	5	12	Таиланд	5
13	Франция	21	13	Сомали	4	13	Нигерия	4	13	Иран	4
14	Мексика	21	14	Таджикистан	4	14	Гватемала	3	14	Алжир	2
15	Турция	20	15	Гаити	3	15	Палестина	3	15	Турция	2
16	Филиппины	19	16	Косово	3	16	Бангладеш	2	16	ДР Конго	1
17	Бурунди	14	17	Армения	2	17	Индонезия	2	17	Грузия	1
18	Испания	12	18	Бангладеш	2	18	Йемен	2	18	Германия	1
19	Палестина	11	19	Грузия	2	19	Бурунди	1	19	Греция	1
20	Гондурас	10	20	Греция	2	20	Гвинея	1	20	Индонезия	1

Примечание: в период между 1995 и 2014 годами, во всем мире произошло в общей сложности 6180 террористических политических убийств. На 20 стран приходится 84-99% всех политических убийств, которые произошли в каждый период.

Table 1. List of 20 Countries in which Terrorist Political Assassinations Occur more Frequently

Таблица 2

Описательная статистика

Переменная	1995		2000		2005		2010	
	Значение	Ср. откл.	Значение	Ср. откл.	Значение	Ср. откл.	Значение	Ср. откл.
Террористические политический убийства*	6.08	27.39	1.15	4.07	1.83	11.85	3.53	23.94
Теракты смертников*	0.18	1.31	0.45	2.57	1.89	18.33	1.87	12.47
Индекс свободы в мире	3.64	2.04	3.48	1.99	3.22	1.97	3.30	1.97
Право на личную неприкосновенность**	4.80	2.31	4.52	2.34	5.11	2.22	5.01	2.26
Независимость правосудия	-1.57	14.19	-0.76	11.83	0.69	5.74	0.50	5.67
Политическое насилие	0.76	1.66	0.53	1.50	0.42	1.25	0.37	1.18
Принимаемые беженцы**	95.75	266.75	90.89	285.10	74.50	208.17	-	-
Происходящие из страны беженцы **	90.62	357.98	87.58	431.88	71.95	311.43	-	-
Внутренне перемещенные лица**	129.47	424.87	138.59	453.89	128.48	530.59	-	-
Политическая стабильность	-	-	-0.10	1.01	-0.06	1.00	-0.07	1.00
Верховенство закона	-	-	-0.06	1.00	-0.07	0.99	-0.07	0.99
Качество управления	-	-	-0.06	1.00	-0.07	1.00	-0.06	1.00
Контроль над коррупцией	-	-	-0.05	1.01	-0.07	1.00	-0.06	1.01
Религиозное многообразие	0.33	0.25	0.33	0.24	0.33	0.24	0.33	0.24
ВВП на душу населения	8934.41	15,221.9	10,097.54	17,625.3	8978.01	15,252.7	9928.49	14,791.3

Примечание: *Агрегированные переменные за двухлетний период (1995-1996; 2000-2001; 2005-2006; 2010-2011);

**Количество пропущенных значений варьируются от 19% до 24%

Table 2. Descriptive Statistics

Поскольку зависимые переменные представляют собой данные о редких случаях, когда большинство стран сталкивались с нулевым числом нападений, для каждого периода (1995-1996, 2000-2001, 2005-2006 и 2010-2011 годы) была построена отрицательная биномиальная регрессионная модель для определения того, каким образом независимые переменные, измеряющие коренные причины терроризма, связаны с политическими убийствами и суицидальным терроризмом (в общей сложности восемь моделей). Как видно из Таблицы 2, распределение (дисперсия) зависимых переменных по всем четырем периодам указывает на то, что отрицательная биномиальная регрессия является подходящим аналитическим инструментом. Как отмечалось, анализ первоначально проводился с использованием зависимых переменных, измеренных за один год (1995, 2000, 2005 и 2010 годы), а не за двухгодичный период. Тем не менее, в некоторых моделях обнаружались ошибки из-за низкого количества необходимых наблюдений. Вместо анализа для одного года и для того, чтобы все модели сходились, политические убийства и теракты смертников были объединены в двухлетние периоды. Все независимые переменные измерялись за один год и не представляли собой агрегированные данные. Хотя при использовании панельного анализа можно было бы учитывать данные в течение нескольких лет, все же могли бы возникнуть ошибки модели, происходящие в результате низкой частоты наблюдений в зависимых переменных. Таким образом, более простой анализ, проведенный в этой статье, можно считать выгодным, поскольку в нем избегаются сложности, связанные с панельным анализом.

Результаты

Результаты каждой из отрицательных биномиальных регрессий можно увидеть в *Таблице 3* и *Таблице 4*. Из-за недостающих значений для некоторых переменных окончательный размер выборки варьировался для разных периодов времени. Из первоначальных 199 стран 139 были проанализированы в модели 1995-1996 годов, 144 – в модели 2000-

2001 годов, 148 – в модели на 2005-2006 годы и 158 – в модели 2010-2011 годов. Полученные результаты показывают, что некоторые меры значительно связаны как с террористическими убийствами, так и с терактами с использованием смертников: права на личную неприкосновенность, политическую стабильность и ВВП на душу населения. Они также показывают, что некоторые факторы связаны только с политическими убийствами, а не с нападениями смертников: политическим насилием, внутренне перемещенными лицами и религиозным разнообразием. Атаки смертников связаны с одним фактором на уровне страны, с которым не связаны: число происходящих из страны беженцев.

Что касается факторов, связанных как с политическими убийствами, так и с атаками террористов-смертников, то страны, которые соблюдают права на личную неприкосновенность, значительно реже подвергаются обоим видам нападений в трех из четырех периодов. В 1995-1996 годах каждое дополнительное повышение уровня прав на личную неприкосновенность, наблюдаемое в той или иной стране, было связано с сокращением числа политических убийств на 32% и сокращением числа нападений смертников на 82%. Эти изменения привели к снижению числа политических убийств на 40% и уменьшению атак террористов-смертников на 62% в 2000-2001 годах. Каждое дополнительное увеличение наблюдаемых прав на личную неприкосновенность на одну единицу связано со снижением числа терактов с использованием смертников на 59% в 2005-2006 годах и сокращением числа политических убийств на 50% в 2010-2011 годах. В 2010-2011 годах при каждом дополнительном увеличении политической стабильности на одну единицу вероятность политических убийств в странах была на 96% меньше, а вероятность нападений смертников на 87% меньше. В 2010-2011 годах ВВП на душу населения был положительно связан с террористическими убийствами и атаками смертников, что свидетельствует о том, что нападения увеличиваются по мере роста ВВП страны на душу населения. Однако для обоих типов нападений коэффициенты инцидентов очень близки к 1,00, что

свидетельствует о том, что каждое увеличение единицы ВВП на душу населения связано с очень небольшим увеличением числа

террористических убийств и террористических актов с использованием смертников (примерно 0,001%).

Таблица 3

Террористические политические убийства – отрицательные биномиальная регрессионные модели

Переменная	1995–1996		2000–2001		2005–2006		2010–2011	
	Коэфф. (Ст. ошибка)	IRR	Коэфф. (Ст. ошибка)	IRR	Коэфф. (Ст. ошибка)	IRR	Коэфф. (Ст. ошибка)	IRR
Индекс свободы	0.05 (0.15)	1.05	-0.25 (0.17)	0.78	0.002 (0.31)	1.00	-0.26 (0.29)	0.77
Право на личную неприкосновенность	-0.38 (0.12)**	0.68**	-0.51 (0.12)***	0.60***	-0.26 (0.26)	0.77	-0.69 (0.28)	0.50*
Независимость правосудия	0.43 (0.37)	1.53	0.33 (0.46)	1.40	-0.29 (0.83)	0.75	-0.77 (0.89)	0.46
Политическое насилие	0.50 (0.21)*	1.65*	0.41 (0.16)**	1.51**	0.78 (0.34)*	2.17*	-0.14 (0.25)	0.87
Принимаемые беженцы	0.001 (0.001)	1.00	0.001 (0.001)	1.00	0.002 (0.003)	1.00	–	–
Происходящие из страны беженцы	-0.001 (0.001)	1.00	-0.01 (0.003)^	0.99^	0.003 (0.003)	1.00	–	–
Внутренне перемещенные лица	-0.001 (0.001)*	1.00*	0.000 (0.001)	1.00	0.001 (0.002)	1.00	–	–
Политическая стабильность	–	–	–	–	–	–	-3.19 (0.62)***	0.04***
Контроль над коррупцией	–	–	-0.31 (0.47)	0.73	-0.08 (0.98)	0.92	–	–
Религиозное разнообразие	-2.26 (0.78)**	0.11**	-1.71 (0.84)*	0.18*	-4.44 (1.68)**	0.12**	-1.26 (2.07)	0.28
ВВП на душу населения	3.18E-05 (2.01E-05)	1.00	3.93E-05 (2.99E-05)	1.00	-2.80E-05 (7.69E-05)	1.00	0.00 (4.83E-05)***	1.00***
Константа	2.47 (1.15)*	–	2.27 (1.10)*	–	1.11 (1.98)	–	-0.16 (2.16)	–
Отношение правдоподобия χ^2	66.998***	–	62.19***	–	42.988***	–	74.00***	–
Число наблюдений	$n = 139$	–	$n = 144$	–	$n = 148$	–	$n = 158$	–

Примечание: ^ $p < .10$; * $p < .05$; ** $p < .01$; *** $p < .001$.

Table 3. Terrorist Political Assassinations – Negative Binominal Regression Models

В Таблице 3 показано, что политические убийства положительно связаны с крупными случаями политического насилия и негативно связаны с религиозным разнообразием в трех из четырех периодов (1995-1996 годы; 2000-2001 годы; 2005-2006 годы). Модель 1995-1996 годов показывает, что увеличение числа крупных случаев политического насилия связано с увеличением числа нападений на 65%. В модели для 2000-2001 годов увеличение числа крупных случаев политического насилия связано с повышением вероятности появления политического убийства на 51%, в то время как в модели для 2005-2006 годов каждое повышение числа случаев политического насилия связано с увеличением нападений на 117%. Интересно отметить, что религиозное разнообразие значимо и негативно

связано с политическими убийствами, что указывает на то, что страны с большим религиозным разнообразием менее подвержены нападениям. Результаты, полученные в модели 1995-1996 годов, свидетельствуют о том, что повышение уровня религиозного разнообразия снижает вероятность совершения террористического убийства на 89%. Религиозное разнообразие сокращает число убийств на 82% в 2000-2001 годах и на 88% в 2005-2006 годах. Число внутренне перемещенных лиц в той или иной стране негативно связано с совершением политических убийств, в соответствии с моделью 1995-1996 годов. Для каждого отдельного случая увеличение числа внутренне перемещенных лиц сокращает число политических убийств на весьма незначительную долю (около 0,001%).

Террористические атаки с использованием смертников – отрицательные биномиальная регрессионные модели

Переменная	1995–1996		2000–2001		2005–2006		2010–2011	
	Коэфф. (Ст. ошибка)	IRR	Коэфф. (Ст. ошибка)	IRR	Коэфф. (Ст. ошибка)	IRR	Коэфф. (Ст. ошибка)	IRR
Индекс свободы	-0.87 (0.99)	0.42	-0.37 (0.39)	0.69	0.17 (0.33)	1.19	0.30 (0.27)	1.35
Право на личную неприкосновенность	-1.67 (0.78)*	0.19*	-0.96 (0.41)*	0.38*	-0.90 (0.30)**	0.41**	-0.38 (0.27)	0.69
Независимость правосудия	3.19 (2.21)	24.22	-0.76 (0.94)	0.47	0.39 (0.92)	1.47	-1.13 (0.85)	0.32
Политическое насилие	0.57 (0.61)	1.76	0.61 (0.34)	1.84 ^	0.72 (0.34)	2.05	-0.25 (0.26)	0.78
Принимаемые беженцы	0.002 (0.002)	1.00	9.37 E ⁻⁰⁵ (0.002)	1.00	0.001 (0.003)	1.00	–	–
Происходящие из страны беженцы	0.001 (0.01)	1.00	0.006 (0.006)	1.01	0.008 (0.003)**	1.01**	–	–
Внутренне перемещенные лица	-0.001 (0.001)	1.00	-0.001 (0.001)	1.00	-0.002 (0.001)	1.00	–	–
Политическая стабильность	–	–	–	–	–	–	-2.06 (0.52)***	0.13***
Контроль над коррупцией	–	–	-0.10 (0.94)	0.90	1.00 (1.11)	2.71	–	–
Религиозное разнообразие	-4.93 (5.55)	0.01	0.36 (1.71)	1.43	-3.98 (2.54)	0.02	-2.23 (1.95)	0.11
ВВП на душу населения	0.000 (.0001)	1.00	0.00 (7.90 E ⁻⁰⁵) ^	1.00 ^	5.31 E ⁻⁰⁵ (6.74 E ⁻⁰⁵)	1.00	0.00 (4.71 E ⁻⁰⁵)***	1.00***
Константа	-0.16 (5.53)	–	2.14 (2.35)	–	1.24 (1.81)	–	-2.42 (2.07)	–
Отношение правдоподобия χ^2	108.79***	–	32.538***	–	42.736***	–	53.82***	–
Число наблюдений	n = 139	–	n = 144	–	n = 148	–	n = 158	–

Table 4. Suicide Bombings Terrorist Attacks - Negative Binominal Regression Models

Как видно из Таблицы 4, число беженцев, происходящих из страны, существенно и положительно связано с терактами смертников в период 2005-2006 годов. Это свидетельствует о том, чем большее число беженцев, покинувших страну, связано с большим числом террористических актов с использованием смертников в этой стране. Однако, как и в результатах с ВВП на душу населения, коэффициент инцидентов очень близок к 1,00. Это означает, что для каждого отдельного увеличения числа беженцев, нападения террористов-смертников увеличиваются всего лишь на долю процента. Окончательные результаты по всем регрессионным моделям обобщены в Таблице 5, в которой показаны переменные, имеющие значимую связь как с политическими убийствами, так и с нападениями террористов-смертников, а также направленность этих отношений.

В модели 2000-2001 годов как для политических убийств, так и для терактов с использованием смертников имели некоторые переменные, достигающие предельного значения значимости (при $p < 0,10$). Что касается модели для политического убийства, то число беженцев, происходящих из той или иной страны, было негативно связано с нападениями. Для модели терактов смертников, политическое насилие и ВВП на душу населения были положительно связаны с нападениями. На протяжении всех периодов переменные, измеряющие независимость судебных органов, числа беженцев, принимаемых страной, и контроль над коррупцией, не оказали существенного влияния на общее число политических убийств или нападений террористов-смертников.

Таблица 5

Значимые переменные в итоговых моделях регрессии

Переменные	1995–1996		2000–2001		2005–2006		2010–2011	
	Полит. убийство	Теракт смертника						
Право на личную неприкосновенность	–	–	–	–		–	–	
Политическое насилие	+		+		+			
Происходящие из страны беженцы						+		
Внутренне перемещенные лица	–							
Политическая стабильность							–	–
Религиозное разнообразие	–		–		–			
ВВП на душу населения							+	+

Table 5. Significant Variables in Final Regression Models

Результаты подтверждают, что некоторые из коррелятов терроризма связаны как с политическими убийствами, так и с терактами смертников, в то время как другие уникально связаны с только убийствами, либо только с нападениями террористов-смертников. Кроме того, некоторые факторы не связаны ни с одним типом атак. Это говорит о том, что различные террористические тактики могут вытекать из различных основополагающих проблем.

Для большинства моделей анализ подкрепляет более широкую литературу по терроризму, обнаружив, что страны, которые ценят гражданские права, испытывают меньше террористических политических убийств и нападений с использованием смертников. Страны, которые нарушают гражданские и личные права: использование пыток, применение смертной казни без длительного расследования и лишение свободы своих граждан за политические убеждения, могут создать условия, способствующие терроризму, который, в свою очередь, побуждает террористов к совершению политических убийств или использования смертников. Правительства, совершающие эти злоупотребления, могут также служить целями для лиц, принадлежащих к меньшинствам или экстремистским группам. В результате отдельные лица в этих группах могут обратиться к терроризму и использовать либо тактику политических убийств, либо целе-

направленное использование смертников в качестве средства борьбы с правительством и достижения идеологических целей.

Другим последовательным выводом из моделей 2010-2011 годов является то, как показатель политической стабильности в сфере управления связан с меньшим числом террористических политических убийств и нападений смертников. Государства, страдающие от политической нестабильности, могут позволить террористам действовать в пределах своих границ, поскольку они не располагают возможностями для успешного пресечения террористической деятельности. Поэтому политически стабильные государства с большей вероятностью успешно пресекают террористическую деятельность. Политические убийства, совершенные террористами, и нападения террористов-смертников в политически стабильных государствах могут также не иметь предполагаемых последствий из-за прочности таких государств и их способности эффективно реагировать на нападения.

Хотя было установлено, что увеличение ВВП на душу населения в моделях 2010-2011 годов связано с увеличением числа политических убийств и применения смертников, размер эффекта крайне невелик. Несмотря на это, позитивная взаимосвязь, проявившаяся в этих годах, между ВВП на душу населения и политическими убийствами, а также нападениями смертников может означать,

что террористов привлекает осуществление таких нападений в более богатых странах, поскольку они могут привлечь к себе больше внимания и оказать более сильное влияние на правительство и население.

Неудивительным является вывод о том, каким образом внутренний конфликт внутри страны в форме крупных эпизодов политического насилия связан с увеличением числа политических убийств в три из четырех периодов (1995-1996, 2000-2001 и 2005-2006 годы). Террористы могут совершать убийства должностных лиц в качестве прямого ответа на случаи политического насилия в стране. Поэтому увеличение числа таких случаев может мотивировать террористов на ответные нападения. Террористы могут также истолковывать случаи политического насилия как возможность использовать общественно-заметные убийства как средство изменения или дальнейшей дестабилизации и без того слабого или неэффективного правительства.

Один из заметных выводов, полученных в ходе анализа 1995-1996 годов, заключается в том, что внутренние конфликты в форме увеличения числа внутренне перемещенных лиц в стране связаны с меньшим числом террористических политических убийств. Страны с большим числом внутренне перемещенных лиц могут подвергнуться меньшему числу нападений, поскольку перемещаемые ими лица являются террористами или сочувствующими им, а процесс перемещения может помешать организовать и осуществить убийства. Однако, как и в случае с ВВП на душу населения, число политических убийств террористов сокращается всего на долю процента на каждое увеличение числа внутренне перемещенных лиц.

Другой значимый вывод заключается в том, как большее религиозное разнообразие связано с меньшим количеством политических убийств в большинстве периодов, но не связано с нападениями смертников. Учитывая литературу, в которой рассматривается неотъемлемая роль религии в разжигании терроризма, этот результат является неожиданным. Страны с большим религиозным разнообразием могут испытывать меньше террористических политических убийств,

поскольку они более терпимы к религиозным меньшинствам. Существование в стране многочисленных религиозных групп может свидетельствовать о том, что лица, принадлежащие к этим различным группам, могут быть включены в состав правительства и тем самым мирно сосуществовать, не прибегая к религиозному экстремизму и терроризму для достижения своих целей. Другим объяснением этого вывода могло бы быть то, что религиозное разнообразие способствует организованному терроризму, и, таким образом, террористы в таких странах выбирают крупномасштабные нападения со многими жертвами вместо атак, направленных против отдельных лиц. В странах с меньшим религиозным разнообразием организационный потенциал террористов может быть более слабым, и, таким образом, совершать убийства могут только отдельные радикализованные лица, а не группы. Кроме того, террористические группы, действующие в странах с большим религиозным разнообразием, могут иметь больше потенциальных целей для нападения. Таким образом, им может показаться ненужным планировать сложно-осуществимое политическое убийство, если они могут более легко атаковать своих религиозных врагов с помощью других тактик, таких как взрывы.

Один из выводов, связанных с атаками террористов-смертников, заключается в том, что в период 2005-2006 годов большее число беженцев, происходящих из страны, в значительной степени связано с увеличением числа нападений. Хотя этот вывод связан с весьма незначительным увеличением числа нападений, он может свидетельствовать о том, что беженцы, покидающие такие страны, делают это в результате происходящих беспорядков. Поскольку террористические группы на Ближнем Востоке используют смертников, этот вывод может касаться беженцев, происходящих из таких конфликтных стран, как Ирак или Афганистан. Кроме того, возможно, большее число беженцев, происходящих из страны, в значительной степени связано с большим числом нападений, совершаемых смертниками, а не с политическими убийствами из-за высокой эффективности смертников, по сравнению

с другими формами терроризма. Исследования показали, что нападения смертников гораздо более смертоносны, чем другие виды терроризма, и террористы-смертники способны лучше достигать своих целей⁷⁸. Учитывая смертоносность и эффективность подобных нападений, возможно, террористы в этих странах в первую очередь стремились убить как можно большее число людей, что может быть осуществлено с большей вероятностью, чем политическое убийство значимого лица.

На протяжении всех четырех периодов уровень свободы, независимость судебных органов, число принимаемых страной беженцев, и борьба с коррупцией не оказывали существенного влияния. Эти результаты являются вкладом в предыдущую литературу, в которой подчеркивается необходимость изучения степени развития демократии, существующей в странах, а не только ее наличия. В будущих исследованиях необходимо изучить, как уровень демократии в стране может повлиять на возникновение террористических политических убийств. Возможно, показатель независимость судебной системы не был связан с политическими убийствами, поскольку террористы, действующие в странах со слабыми независимыми судебными органами, предпочитают осуществлять другие виды нападений, которые они находят более эффективными для достижения своих целей, например, взрывы бомб или вооруженные нападения. Внутренний конфликт в форме количества покидающих страну беженцев, возможно, не связан с политическими убийствами, поскольку страны, принимающие большое число беженцев, проявляют большую терпимость к преследуемым группам. В результате этим странам может не хватить напряженности, которая способствует политическим убийствам, совершаемым террористами. Наконец, тот факт, что переменная контроля над коррупцией не имеет существенного отношения к террористическим убийствам в какой-либо модели, не согласуется с мне-

нием, что коррупция прямо способствует терроризму. Этот вывод подтверждает идею о том, что различные террористические тактики, такие как политические убийства, могут происходить из различных коренных проблем. Возможно, террористы не совершают убийств в коррумпированных странах для достижения своих целей, потому что они могут извлечь выгоду из присутствия этой коррупции. Например, они могут использовать коррупцию для получения финансирования и использования своего влияния на правительство. Таким образом, им не нужно убивать правительственных чиновников для достижения своих целей.

Заключение

Были выявлены некоторые коренные причины терроризма, которые однозначно связаны с тактикой политического убийства, в то время как другие были одновременно связаны как с убийствами, так и с нападениями смертников. Это говорит о том, что различные тактики терроризма возникают в различных условиях. Результаты показывают, что права на личную неприкосновенность, политическая стабильность и ВВП на душу населения связаны как с политическими убийствами, так и с нападениями террористов-смертников в определенные периоды.

Результаты также свидетельствуют о том, что крупные случаи политического насилия и число внутренне перемещенных лиц в значительной степени связаны с политическими убийствами в некоторые, но не во все периоды. Кроме того, религиозное разнообразие в значительной степени способствует уменьшению числа жертв террористов в течение большинства периодов времени. Хотя было установлено, что эти переменные не связаны с нападениями смертников, предполагается, что они могут быть уникальными для тактики политического убийства. Таким образом, эти переменные в значительной степени связаны с совершением покушений во всем мире и могут быть истолкованы как корреляты террористических убийств на страновом уровне за указанные периоды. Беженцы, происходящие из страны, однозначно связа-

⁷⁸ Benmelech, E.; Berrebi, C.; Klor, E.F. Economic Conditions and the Quality of Suicide Terrorism // *The Journal of Politics*, 2012, No. 74, pp. 113-128.

ны с нападениями террористов-смертников, но не с политическими убийствами в течение одного периода. Уровень свободы, независимые судебные органы, принимаемые страной беженцы и борьба с коррупцией в значительной степени не связаны с политическими убийствами или нападениями смертников ни в один из периодов.

Дополнительным направлением будущих исследований, являются потенциальные различия, связанные с коррелятами террористических убийств на уровне страны по неофициальным целям (частными лицами) по сравнению с официальными целями (государственными должностными лицами), чтобы определить, существуют ли различия в этих условиях между типами целей. Таким образом, исследование вносит вклад в изучение как политических убийств, так и терроризма, поскольку были проанализированы потенциальные условия на уровне страны, способствующие террористическим убийствам.

Литература:

Каратаев М.В. Коррупция как причина, условие и сопутствующий фактор российского терроризма // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2012. – № 21. – С. 43-52.

Перенджиев А.Н. Антитеррористическая политика России и ее институты безопасности. – Химки. Издательство: Академия гражданской защиты МЧС России, 2017. – 151 с.

Сибиряков И.В. История политического террора в России в начале XX века в отечественной постсоветской историографии // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2010. – № 28 (204). – С. 65-70.

Тарабрина Н.В., Быховец, Ю.В. Террористическая угрозы: теоретико-эмпирическое исследование. – М.: Из-во «Институт психологии РАН», 2014. – 156 с.

Abadie, A. Poverty, Political Freedom, and the Roots of Terrorism (Working Paper No. 10859) / National Bureau of Economic Research. 2004. Mode of access: www.nber.org/papers/w10859

Abbott, P. Accidental Presidents: Death, Assassination, Resignation, and Democratic Succession // *Presidential Studies Quarterly*, 2005, No. 35, pp. 627-645.

Abrahms, M. Why Democracies Make Superior Counter-terrorists // *Security Studies*, 2007, No. 16, pp. 223-253.

Aksay, D., Carter, D.B. Electoral Institutions and the Emergence of Terrorist Groups // *British Journal of Political Science*, 2014, No. 44, pp. 181-204.

Appleton, S. Assassinations // *Public Opinion Quarterly*, 2000, No. 64, pp. 495-522.

Araj, B. Harsh State Repression as a Cause of Suicide Bombing: The Case of the Palestinian-Israeli conflict // *Studies in Conflict and Terrorism*, 2008, No. 31, pp. 284-303.

Benmelech, E.; Berrebi, C.; Klor, E.F. Economic Conditions and the Quality of Suicide Terrorism // *The Journal of Politics*, 2012, No. 74, pp. 113-128.

Ben-Yehuda, N. Gathering Dark Secrets, Hidden and Dirty Information: Some Methodological Notes on Studying Political Assassinations // *Qualitative Sociology*, 1990, No. 13, p. 345.

Bjørge, T. Root causes of terrorism myths, reality, and ways forward. London/New York: Routledge. 2005. Mode of access: <http://public.eblib.com/choice/publicfullrecord.aspx?p=199597>

Blair, G., Christine Fair, C., Malhotra, N., Shapiro, J.N. Poverty and Support for Militant Politics: Evidence from Pakistan // *American Journal of Political Science*, 2013, No. 57, pp. 30-48.

Bogosian, E. Operation Nemesis: The assassination plot that avenged the Armenian genocide. London: Hachette, 2015.

Callaway, R.L.; Harrelson-Stephens, J. Toward a Theory of Terrorism: Human Security as a Determinant of Terrorism // *Studies in Conflict and Terrorism*, 2006, No. 29, pp. 773-796.

Campos, N.F., Gassebner, M. International Terrorism, Domestic Political Instability, and the Escalation Effect // *Economics and Politics*, 2013, No. 25, pp. 27-47.

Choi, S.W.; Luo, S. Economic Sanctions, Poverty, and International Terrorism: An Empirical Analysis // *International Interactions*, 2013, No. 39, pp. 217-245.

Cingranelli, D.; Richards, D. The Cingranelli-Richards (CIRI) Human Rights Data Project Coding Manual. Version 5.20.14. Mode of access: www.humanrightsdata.com/p/data-documentation.html

Clarke, R.V.G., Newman, G.R. Outsmarting the Terrorists. London: Greenwood Publishing Group. 2006.

Crotty, W.S. Presidential Assassinations // *Society*, 1998, No. 35, pp. 99-107.

Ebel-Lam, A.P.; Fabrigar, L.R.; MacDonald, T.K.; Jones, S. Balancing Causes and Consequences: The Magnitude-Matching Principle in Explanations for Complex Social Events // *Basic and Applied Social Psychology*, 2010, No. 32(4), pp. 348-359.

Eubank, W.L.; Weinberg, L.B. Terrorism and Democracy within One Country: The Case of Italy // *Terrorism and Political Violence*, 1997, No. 9, pp. 98-108.

Feldmann, A.E.; Perälä, M. Reassessing the Causes of Nongovernmental Terrorism in Latin America // *Latin American Politics and Society*, 2004, No. 46, pp. 101-132.

Fijuaut, C. Twenty Years ago: The Assassinations of Giovanni Falcone and Paolo Borsellino // *European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice*, 2012, No. 20, pp. 131-136.

Findley, M.G.; Young, J.K. Terrorism, Democracy, and Credible Commitments // *International Studies Quarterly*, 2011, No. 55, pp. 357-378.

Freedman, L.Z. Social Impact of Attack on a President: Its Public Reverberations // *Behavioral Sciences and the Law*, 1984, No. 2, pp. 195-206.

Freilich, J.D.; LaFree, G. Criminology Theory and Terrorism: Introduction to the Special Issue // *Terrorism and Political Violence*, 2015, No. 27, pp. 1-8.

Goldstein, J. On Political Assassinations and Heinous Crimes // *Aggressive Behavior*, 1981, No. 7, pp. 268-270.

Heyman, M.N. A Study of Presidential Assassins // *Behavioral Sciences and the Law*, 1984, No. 2, pp. 131-150.

Howard, T. Failed States and the Spread of Terrorism in Sub-Saharan Africa // *Studies in Conflict and Terrorism*, 2010, No. 33, pp. 960-988.

Hurwitz, L. Contemporary Approaches to Political Stability // *Comparative Politics*, 1973, No. 5, pp. 449-463.

Juergensmeyer, M. Terror in the Mind of God: The Global Rise of Religious Violence, Vol. 13. Berkeley, CA: University of California Press, 2003.

Kaufmann, D.; Kraay, A.; Mastruzzi, M. The Worldwide Governance Indicators: Methodology and analytical issues // *Hague Journal of the Rule of Law*, 2011, No. 3, pp. 220-246.

Kazemzadeh, M.; Eid, G.E. An Analysis of the Assassination of the Lebanese Hezbollah Commander Imad Mughniyah: Hypotheses and consequences // *American Foreign Policy Interests*, 2008, No. 30, pp. 399-413.

Khan, M.M.; Azam, A. Root Causes of Terrorism: An Empirical analysis // *Journal of Interdisciplinary Studies*, 2008, No. 20, pp. 65-86.

Kis-Katos, K.; Liebert, H.; Schulze, G.G. On the Origin of Domestic and International Terrorism // *European Journal of Political Economy*, 2011, No. 27(1), P. 17-36.

Korteweg, R. Black Holes: On Terrorist Sanctuaries and Governmental Weakness // *Civil Wars*, 2008, No. 10, pp. 60-71.

Krueger, A.B.; Malečková, J. Education, Poverty and Terrorism: Is There a Causal Connection? // *The Journal of Economic Perspectives*, 2003, No. 17, pp. 119-144.

Lewis, B. The Assassins. New York: Basic Books, 2008.

Maoz, Z.; Henderson, E.A. The World Religion Dataset, 1945-2010: Logic, Estimates, and Trends // *International Interactions*, 2013, No. 39, pp. 265-291.

Marshall, M.G. Codebook: Major Episodes of Political Violence and Conflict Regions, 1946-2013 // Center for Systemic Peace. 2014. Mode of access: www.systemicpeace.org

Newman, E. Exploring the «Root Causes» of Terrorism // *Studies in Conflict & Terrorism*, 2006, No. 29, pp. 749-772.

Pape, R.A. The Strategic Logic of Suicide Terrorism // *American Political Science Review*, 2003, No. 97, pp. 343-361.

Piazza, J.A. Draining the Swamp: Democracy Promotion, State Failure, and Terrorism in 19 Middle Eastern Countries // *Studies in Conflict and Terrorism*, 2007, No. 30, pp. 521-539.

Piazza, J.A. Poverty, Minority Economic Discrimination, and Domestic Terrorism // *Journal of Peace Research*, 2011, No. 48, pp. 339-353.

Piazza, J.A. Rooted in Poverty? Terrorism, Poor Economic Development, and Social Cleavages // *Terrorism and Political Violence*, 2006, No. 18, pp. 159-177.

Piazza, J.A.; Walsh, J.I. Physical Integrity rights and Terrorism // *Political Science and Politics*, 2010, No. 43, pp. 411-414.

Pratt, D. Religion and Terrorism: Christian Fundamentalism and Extremism // *Terrorism and Political Violence*, 2010, No. 22, pp. 438-456.

Rotberg, R.I. Failed States in a World of Terror // *Foreign Affairs*, 2002, No. 81, pp. 127-140.

Satana, N.S.; Inman, M.; Birnir, J.K. Religion, Government Coalitions, and Terrorism // *Terrorism and Political Violence*, 2013, No. 25, pp. 29-52.

Schwartz, B. Mourning and the Making of a Sacred Symbol: Durkheim and the Lincoln Assassination // *Social Forces*, 1991, No. 70, pp. 343-364.

Shelley, L. The Unholy Trinity: Transnational Crime, Corruption, and Terrorism // *Brown Journal of World Affairs*, 2004, No. 11, pp. 101-111.

Simpson, M. Terrorism and Corruption // *International Journal of Sociology*, 2014, No. 44, pp. 87-104.

Stolnici, C.B.; Buda, O. An Unclear Political Assassination: Barbu Catargiu, 1862 – Historical and Medico-Legal Aspects // *Romanian Journal of Forensic Science*, 2012, No. 79, pp. 907-911.

Subjack, J. Review of the Book “Assassination: A History of Political Murder, by L. Porter” // *International Criminal Justice Review*, 2011, No. 21, pp. 470-472.

Türkmen-Derişoğlu, G. Coming to Terms with a Difficult Past: The Trauma of the Assassination of Hrant Dink and Its Repercussions on Turkish national Identity // *Nations and Nationalism*, 2013, No. 19, pp. 674-692.

Varma, N.K.; Chandiramani, K., Rao, G.P.; Bhave, S.; Kaur, S. Assassination of Indira Gandhi: Impact on Psychiatric Patients // *American Journal of Psychotherapy*, 1989, No. 43, p. 77.

Von Hippel, K. The Roots of Terrorism: Probing the Myths // *Political Quarterly*, 2002, No. 73, pp. 25-39.

Wilkinson, P. The Media and Terrorism: A Reassessment // *Terrorism and Political Violence*, 1997, No. 9(2), pp. 51-64.

Williams, L.K.; Koch, M.T.; Smith, J.M. The Political Consequences of Terrorism: Terror Events, Casualties, and Government Duration // *International Studies Perspectives*, 2013, No. 14, pp. 343-361.

Yitzhak, R. The Assassination of King Abdallah: The First Political Assassination in Jordan: Did it Truly Threaten the Hashemite Kingdom of Jordan? // *Diplomacy and Statecraft*, 2010, No. 21, pp. 68-86.

Zelig, A., Nachson, I. Accurate, Inaccurate and Omitted Details in Collective Emotional Memories: The Case of Itzhak Rabin's Assassination // *Memory*, 2012, V. 20, pp. 742-757.

References:

Abadie, A. Poverty, Political Freedom, and the Roots of Terrorism (Working Paper No. 10859) / National Bureau of Economic Research. 2004. Mode of access: www.nber.org/papers/w10859

Abbott, P. Accidental Presidents: Death, Assassination, Resignation, and Democratic Succession // *Presidential Studies Quarterly*, 2005, No. 35, pp. 627-645.

Abrahms, M. Why Democracies Make Superior Counterterrorists // *Security Studies*, 2007, No. 16, pp. 223-253.

Aksoy, D., Carter, D.B. Electoral Institutions and the Emergence of Terrorist Groups // *British Journal of Political Science*, 2014, No. 44, pp. 181-204.

Appleton, S. Assassinations // *Public Opinion Quarterly*, 2000, No. 64, pp. 495-522.

Araj, B. Harsh State Repression as a Cause of Suicide Bombing: The Case of the Palestinian-Israeli conflict // *Studies in Conflict and Terrorism*, 2008, No. 31, pp. 284-303.

Benmelech, E.; Berrebi, C.; Klor, E.F. Economic Conditions and the Quality of Suicide Terrorism // *The Journal of Politics*, 2012, No. 74, pp. 113-128.

Ben-Yehuda, N. Gathering Dark Secrets, Hidden and Dirty Information: Some Methodological Notes on Studying Political Assassinations // *Qualitative Sociology*, 1990, No. 13, p. 345.

Björge, T. Root causes of terrorism myths, reality, and ways forward. London/New York: Routledge. 2005. Mode

of access: <http://public.eblib.com/choice/publicfullrecord.aspx?p=199597>

Blair, G., Christine Fair, C., Malhotra, N., Shapiro, J.N. Poverty and Support for Militant Politics: Evidence from Pakistan // *American Journal of Political Science*, 2013, No. 57, pp. 30-48.

Bogorian, E. Operation Nemesis: The assassination plot that avenged the Armenian genocide. London: Hachette, 2015.

Callaway, R.L.; Harrelson-Stephens, J. Toward a Theory of Terrorism: Human Security as a Determinant of Terrorism // *Studies in Conflict and Terrorism*, 2006, No. 29, pp. 773-796.

Campos, N.F., Gassebner, M. International Terrorism, Domestic Political Instability, and the Escalation Effect // *Economics and Politics*, 2013, No. 25, pp. 27-47.

Choi, S.W.; Luo, S. Economic Sanctions, Poverty, and International Terrorism: An Empirical Analysis // *International Interactions*, 2013, No. 39, pp. 217-245.

Cingranelli, D.; Richards, D. The Cingranelli-Richards (CIRI) Human Rights Data Project Coding Manual. Version 5.20.14. Mode of access: www.humanrightsdata.com/p/data-documentation.html

Clarke, R.V.G., Newman, G.R. Outsmarting the Terrorists. London: Greenwood Publishing Group, 2006.

Crotty, W.S. Presidential Assassinations // *Society*, 1998, No. 35, pp. 99-107.

Ebel-Lam, A.P.; Fabrigar, L.R.; MacDonald, T.K.; Jones, S. Balancing Causes and Consequences: The Magnitude-Matching Principle in Explanations for Complex Social Events // *Basic and Applied Social Psychology*, 2010, No. 32(4), pp. 348-359.

Eubank, W.L.; Weinberg, L.B. Terrorism and Democracy within One Country: The Case of Italy // *Terrorism and Political Violence*, 1997, No. 9, pp. 98-108.

Feldmann, A.E.; Perälä, M. Reassessing the Causes of Nongovernmental Terrorism in Latin America // *Latin American Politics and Society*, 2004, No. 46, pp. 101-132.

Fijuaut, C. Twenty Years ago: The Assassinations of Giovanni Falcone and Paolo Borsellino // *European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice*, 2012, No. 20, pp. 131-136.

Findley, M.G.; Young, J.K. Terrorism, Democracy, and Credible Commitments // *International Studies Quarterly*, 2011, No. 55, pp. 357-378.

Freedman, L.Z. Social Impact of Attack on a President: Its Public Reverberations // *Behavioral Sciences and the Law*, 1984, No. 2, pp. 195-206.

Freilich, J.D.; LaFree, G. Criminology Theory and Terrorism: Introduction to the Special Issue // *Terrorism and Political Violence*, 2015, No. 27, pp. 1-8.

Goldstein, J. On Political Assassinations and Heinous Crimes // *Aggressive Behavior*, 1981, No. 7, pp. 268-270.

Heyman, M.N. A Study of Presidential Assassins // *Behavioral Sciences and the Law*, 1984, No. 2, pp. 131-150.

Howard, T. Failed States and the Spread of Terrorism in Sub-Saharan Africa // *Studies in Conflict and Terrorism*, 2010, No. 33, pp. 960-988.

Hurwitz, L. Contemporary Approaches to Political Stability // *Comparative Politics*, 1973, No. 5, pp. 449-463.

Juergensmeyer, M. Terror in the Mind of God: The Global Rise of Religious Violence, Vol. 13. Berkeley, CA: University of California Press, 2003.

Karataev, M.V. Korrupciya kak prichina, uslovie i soputstvuyushchij faktor rossijskogo terrorizma

(Corruption as a Cause, Condition and Concomitant Factor of Russian Terrorism) // *Nacional'nye interesy: priorityety i bezopasnost'*, 2012, No. 21, pp. 43-52.

Kaufmann, D.; Kraay, A.; Mastruzzi, M. The Worldwide Governance Indicators: Methodology and analytical issues // *Hague Journal of the Rule of Law*, 2011, No. 3, pp. 220-246.

Kazemzadeh, M.; Eid, G.E. An Analysis of the Assassination of the Lebanese Hezbollah Commander Imad Mughniyah: Hypotheses and consequences // *American Foreign Policy Interests*, 2008, No. 30, pp. 399-413.

Khan, M.M.; Azam, A. Root Causes of Terrorism: An Empirical analysis // *Journal of Interdisciplinary Studies*, 2008, No. 20, pp. 65-86.

Kis-Katos, K.; Liebert, H.; Schulze, G.G. On the Origin of Domestic and International Terrorism // *European Journal of Political Economy*, 2011, No. 27(1), p. 17-36.

Korteweg, R. Black Holes: On Terrorist Sanctuaries and Governmental Weakness // *Civil Wars*, 2008, No. 10, pp. 60-71.

Krueger, A.B.; Malečková, J. Education, Poverty and Terrorism: Is There a Causal Connection? // *The Journal of Economic Perspectives*, 2003, No. 17, pp. 119-144.

Lewis, B. The Assassins. New York: Basic Books, 2008.

Maoz, Z.; Henderson, E.A. The World Religion Dataset, 1945-2010: Logic, Estimates, and Trends // *International Interactions*, 2013, No. 39, pp. 265-291.

Marshall, M.G. Codebook: Major Episodes of Political Violence and Conflict Regions, 1946-2013 // Center for Systemic Peace, 2014. Mode of access: www.systemicpeace.org

Newman, E. Exploring the «Root Causes» of Terrorism // *Studies in Conflict & Terrorism*, 2006, No. 29, pp. 749-772.

Pape, R.A. The Strategic Logic of Suicide Terrorism // *American Political Science Review*, 2003, No. 97, pp. 343-361.

Perendzhiev, A.N. Antiterroristicheskaya politika Rossii i ee instituty bezopasnosti (Antiterrorist Policy of Russia and Its Security Institutions). Himki. Izdatel'stvo: Akademiya grazhdanskoj zashchity MCHS Rossii, 2017. 151 p.

Piazza, J.A. Draining the Swamp: Democracy Promotion, State Failure, and Terrorism in 19 Middle Eastern Countries // *Studies in Conflict and Terrorism*, 2007, No. 30, pp. 521-539.

Piazza, J.A. Poverty, Minority Economic Discrimination, and Domestic Terrorism // *Journal of Peace Research*, 2011, No. 48, pp. 339-353.

Piazza, J.A. Rooted in Poverty? Terrorism, Poor Economic Development, and Social Cleavages // *Terrorism and Political Violence*, 2006, No. 18, pp. 159-177.

Piazza, J.A., Walsh, J.I. Physical Integrity rights and Terrorism // *Political Science and Politics*, 2010, No. 43, pp. 411-414.

Pratt, D. Religion and Terrorism: Christian Fundamentalism and Extremism // *Terrorism and Political Violence*, 2010, No. 22, pp. 438-456.

Rotberg, R.I. Failed States in a World of Terror // *Foreign Affairs*, 2002, No. 81, pp. 127-140.

Satana, N.S.; Inman, M.; Birnir, J.K. Religion, Government Coalitions, and Terrorism // *Terrorism and Political Violence*, 2013, No. 25, pp. 29-52.

Schwartz, B. Mourning and the Making of a Sacred Symbol: Durkheim and the Lincoln Assassination // *Social Forces*, 1991, No. 70, pp. 343-364.

Shelley, L. The Unholy Trinity: Transnational Crime, Corruption, and Terrorism // *Brown Journal of World Affairs*, 2004, No. 11, pp. 101-111.

Sibiryakov, I.V. Istoriya politicheskogo terrora v Rossii v nachale XX veka v otechestvennoj postsovetsoj istoriografii // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Social'no-gumanitarnye nauki*, 2010, No. 28 (204), pp. 65-70.

Simpson, M. Terrorism and Corruption // *International Journal of Sociology*, 2014, No. 44, pp. 87-104.

Stolnici, C.B.; Buda, O. An Unclear Political Assassination: Barbu Catargiu, 1862 – Historical and Medico-Legal Aspects // *Romanian Journal of Forensic Science*, 2012, No. 79, pp. 907-911.

Subjack, J. Review of the Book “Assassination: A History of Political Murder, by L. Porter” // *International Criminal Justice Review*, 2011, No. 21, pp. 470-472.

Türkmen-Derrişoğlu, G. Coming to Terms with a Difficult Past: The Trauma of the Assassination of Hrant Dink and Its Repercussions on Turkish national Identity // *Nations and Nationalism*, 2013, No. 19, pp. 674-692.

Varma, No.K.; Chandiramani, K., Rao, G.P.; Bhave, S.; Kaur, S. Assassination of Indira Gandhi: Impact on Psychiatric Patients // *American Journal of Psychotherapy*, 1989, No. 43, p. 77.

Von Hippel, K. The Roots of Terrorism: Probing the Myths // *Political Quarterly*, 2002, No. 73, pp. 25-39.

Wilkinson, P. The Media and Terrorism: A Reassessment // *Terrorism and Political Violence*, 1997, No. 9(2), pp. 51-64.

Williams, L.K.; Koch, M.T.; Smith, J.M. The Political Consequences of Terrorism: Terror Events, Casualties, and Government Duration // *International Studies Perspectives*, 2013, No. 14, pp. 343-361.

Yitzhak, R. The Assassination of King Abdallah: The First Political Assassination in Jordan: Did it Truly Threaten the Hashemite Kingdom of Jordan? // *Diplomacy and Statecraft*, 2010, No. 21, pp. 68-86.

Zelig, A., Nachson, I. Accurate, Inaccurate and Omitted Details in Collective Emotional Memories: The Case of Itzhak Rabin's Assassination // *Memory*, 2012, V. 20, pp. 742-757.

Тарабрина Н.В., Быховец, Ю.В. Террористическая угрозы: теоретико-эмпирическое исследование. – М.: Тарабрина, Н.В.; Быховец, Ю.В. Террористическая угрозы: теоретико-эмпирическое исследование (Terrorist Threats: Theoretical and Empirical Investigation). Moscow: Iz-vo «Institut psihologii RAN», 2014. 156 p.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10008

COMPARATIVE ANALYSIS OF TERRORIST TACTICS OF POLITICAL ASSASSINATION AND SUICIDE ATTACKS

Andrei V. Novikov

Russian Economic University of Plekhanov,
Moscow, Russia

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 03.03.2018</p> <p><i>Accepted:</i> 09.10.2018</p>	<p>Abstract: The article is devoted to the comparative analysis of terrorist tactics, in particular to the search for macro-causes of the appeal to the political murders of prominent state and public figures. Examined are the political and social-economic conditions related to political murders committed by terrorists, and conditions associated with the attacks of suicide bombers. In the course of the study, a series of negative binomial regression models were constructed for four periods from 1995 to 2011. As a result, some root causes clearly linked to the use of terrorist tactics of political assassinations were identified. The findings indicate that terrorist tactics stem from various underlying problems in the country.</p>
<p>About the author: Researcher, Department of Political Science and Sociology, Russian Economic University of Plekhanov</p> <p>e-mail: Camouflage@yandex.ru</p>	
<p>Key words: terrorism; political murder; suicide terrorism; terrorist tactics; political violence; comparative analysis; regression analysis</p>	

Для цитирования: Новиков А.В. Сравнительный анализ террористической тактики политического убийства и терактов смертников // *Сравнительная политика*. – 2019. – №1 – С. 124-147.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10008

For citation: Novikov, Andrei V. Sravnitelnyi analiz terroristicheskoi taktiki politicheskogo ubiistva i teraktov smertnikov (Comparative Analysis of Terrorist Tactics of Political Assassination and Suicide Attacks) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 1, pp. 124-147.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10008

«ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИЙ МОСТ» ПОД УДАРОМ: ЧЕМ ОБЕРНЕТСЯ КРИЗИС В ОТНОШЕНИЯХ ФРГ И США

Евгения Владимировна Пименова

*Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России,
Москва, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 22 сентября 2018 <i>Принята к печати:</i> 3 декабря 2018</p>	<p>Аннотация: В статье предпринята попытка проанализировать явные и скрытые причины кризиса германо-американских отношений на современном этапе, показаны роль и влияние личной позиции президента США Дональда Трампа в выстраивании диалога с ФРГ. Кроме того, рассмотрены экономические, военные и иные рычаги, которые Вашингтон может использовать в полемике с Берлином для достижения собственных интересов, а также проведено сравнение основных исследовательских подходов к изучению генезиса трансатлантической солидарности.</p>
<p>Об авторе: Младший научный сотрудник, Центр европейских исследований, Институт международных исследований, МГИМО МИД России e-mail: pimminito14@gmail.com</p>	
<p>Ключевые слова: Меркель; Трамп; НАТО; трансатлантическая солидарность; оборонная политика; новые элиты; популизм; бундесвер; внешняя политика</p>	

Тот факт, что Вашингтон и Берлин связывают тесные, практически дружеские отношения, союзнические обязательства и обоюдная приверженность идее трансатлантической солидарности, пару лет назад был аксиомой международной жизни. Но с того момента, как в ноябре 2016 года президентом США был избран консерватор Д. Трамп, в политических и экспертных кругах заговорили о том, что стратегия «трансатлантического моста» переживает глубокий кризис. В этой связи представляется важным выяснить, какие процессы в действительности происходят в отношениях между партнерами по обе стороны Атлантики, чем мотивирована, и к чему в итоге может привести нынешняя турбулентность в диалоге ФРГ и США.

Отметим, что основы всей системы германо-американского взаимодействия складывались с 1945 года. Однако в научных

и экспертных кругах существуют различные мнения относительно их дальнейшей эволюции. Что касается изучения послевоенной истории международных отношений между ФРГ и США в целом, то исследовательские подходы к данному вопросу можно разделить на два базовых направления – скептическое и оптимистическое.

Исследователи, которых можно отнести ко второй группе, полагают, что определяющая роль Вашингтона во внутренних и внешних делах ЕС и Германии приблизительно с середины 50-х гг. XX века (когда ФРГ вступила в НАТО) понемногу снижалась. А крах биполярной системы после распада СССР во многом превратил Европу в равноценного партнера для США. При этом создание ОБСЕ стало действенным механизмом, который вполне можно рассматривать как прообраз альтернативы НАТО. А ЕС при

лидирующей роли Германии стал в условиях глобализации полновесным игроком в мировой торговле, имеющим все возможности сдерживать экономическую гегемонию США. При этом влияние ФРГ в Европе с выходом Британии из состава ЕС будет только усиливаться¹.

Скептики же, в свою очередь, полагают, что фактор системной зависимости ФРГ от США была заложен с самых первых послевоенных лет, и в XXI веке это не сильно изменилось. Германия же де-факто находится «в полномасштабной зависимости от внешнеполитического курса США» и «обладает ограниченными рычагами влияния в международных отношениях»².

При этом ряд исследователей все же предпочитают подходить к изучению германо-американского взаимодействия с более умеренных позиций. С таких позиций «особые отношения» ФРГ и США, трансатлантическая солидарность рассматриваются как константа немецкой внешней политики, причем независимо от партийного состава правительства. Эти векторы, сформировавшиеся после Второй мировой войны и укрепившиеся в эпоху биполярного мира, сохранились и по окончании холодной войны. Последние десять лет канцлерства А. Меркель и вплоть до момента избрания президентом в США Д. Трампа германо-американские отношения переживали период расцвета³. При этом, в рамках такого подхода, Германии отводится роль активного и

влиятельного игрока на европейском треке, который в перспективе может сформировать противовес США. В качестве ключевых пунктов в реализации этой политики называются проекты по созданию независимых от США платежных механизмов, европейских валютных фондов, поддержка и защита национальных производителей⁴.

Сбудутся ли оптимистические прогнозы о лидирующей и самостоятельно роли в Европе и в целом в мировой политике, говорить пока сложно. Однако та ситуация, в которой оказались сегодня немецкие элиты. Не имеет прецедентов в послевоенной истории страны.

«Вот, Ангела! И не говорите, что я никогда Вам ничего не даю!». Эту фразу в раздражении бросив на стол перед немецким канцлером две жевательные конфеты, произнес Д. Трамп во время кулуарной беседы на саммите G7 9 июля в Квебеке⁵. Сделал он это в тот момент, когда А. Меркель и канадский премьер Дж. Трюдо – хозяин встречи – пытались убедить президента США подписать итоговое коммюнике.

Подобную ситуацию на саммите такого уровня еще совсем недавно невозможно было вообразить. Однако теперь ультиматумы и непротокольная риторика, похоже, становятся повседневной реальностью политического процесса между Европейским союзом и Соединенными Штатами.

¹ См., например, Schmidt, S.; Link, W.; Wolf, R. Handbuch zur deutschen Außenpolitik. Wiesbaden, 2007. Pp. 124-127; Janning, J.; Möller, A. Leading from the Center: Germany's New Role in Europe / European Council on Foreign Relations, July 2016. Mode of access: https://www.ecfr.eu/publications/summary/leading_from_the_centre_germanys_role_in_europe_7073

² Леонов Е.С. Истоки формирования германо-американских отношений как партнерства неравных // Вестник МГИМО. – 2015. – № 6(45). – С. 15. [Leonov, E.S. Istoki formirovaniia germmano-amerikanskikh otноshenii kak partnerstva neravnykh // Vestnik MGIMO, 2015, No. 6(45), p. 15.]

³ Германия, 2016 / Доклады Института Европы РАН. – 2017. – № 343. [Germaniia, 2016 / Doklady Instituta Evropy RAN, 2017, № 343.]

⁴ Белов В.Б. Новая парадигма промышленного развития Германии – стратегия «Индустрия 4.0» // Современная Европа. – 2016. – № 5(71). [Belov, V.B. Novaia paradigma promyshlennogo razvitiia Germanii – strategiiia «Industriia 4.0» // Sovremennaiia Evropa, 2016, No. 5(71).]; Камкин А.В. Германское лидерство в Европе: гегемония поневоле / РСМД. Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/germanskoe-liderstvo-v-evrope-gegemoniya-ponevole/> [Kamkin, A.V. Germanskoe liderstvo v Evrope: gegemoniia ponevole / Russian Council on Foreign Affairs. Mode of access: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/germanskoe-liderstvo-v-evrope-gegemoniya-ponevole/>]

⁵ Об этом в эфире канала CBS News рассказал американский политолог, глава Eurasia Group Ян Бреммер Режим доступа: <https://www.cbsnews.com/video/bremmer-trump-threw-starbursts-on-table-told-merkel-dont-say-i-never-give-you-anything/>

Но с того дня, как в Овальный кабинет вошел Дональд Трамп, казалось бы, внешне монолитная конструкция трансатлантического моста перестала казаться незыблемой. Новый президент, выступивший с целым рядом спорных внешнеполитических инициатив (среди них – отказ от участия в Парижском соглашении по климату, коалиционные бомбардировки Сирии совместно с Францией и Великобританией, перенос посольства США из Тель-Авива в Иерусалим, выход из иранской ядерной сделки, повышение ввозных пошлин на европейские алюминий и сталь), заставил политическое и экспертное сообщество заговорить о кризисе или даже эрозии Pax Americana. И главный удар в этом смысле испытывает ось Берлин – Вашингтон как одна из несущих опор трансатлантической солидарности.

С высоких европейских трибун в последнее время все чаще звучат заявления, согласно которым Вашингтон перестает быть надежным партнером. Политики Старого Света все-таки опасаются, что Трамп де-факто объявил Евросоюзу торговую войну и потому Европе настало время полагаться лишь на себя. Об этом в своих публичных выступлениях не раз говорили А. Меркель, председатель Европейской комиссии Ж.-К. Юнкер, выражал свое беспокойство и президент Франции Э. Макрон. В качестве ответа на новые вызовы политики анонсировали амбициозные планы по переустройству и углублению интеграции внутри ЕС, по созданию автономной системы европейской обороны, переориентации экспортных потоков, укреплению внешних границ и, конечно, об общеевропейском решении миграционного кризиса. И, судя по риторике отдельных политиков, Европейский союз из ближайшего союзника становится чуть ли не основным оппонентом Вашингтона.

В этой связи представляется важным проанализировать, действительно ли главный международный партнер отвернулся от ЕС, и у Старого Света появился шанс отстоять больше независимости от США. И действительно ли, в авангарде процесса находится не нашедшая взаимопонимания с Д. Трампом А. Меркель, непреклонный «лидер свободного мира», которую совсем недавно обвиняли в чрезмерной лояльности вашингтонской администрации.

Тактика Трампа

Напряжение по отношению к Д. Трампу в немецких элитах началось еще на старте президентской кампании в США. В Германии его открыто называли правым популистом и непредсказуемым игроком, с которым иметь дело будет крайне сложно. Такая ситуация породила своего рода «когнитивный диссонанс» в истеблишменте. Являясь убежденным трансатлантистом, А. Меркель (как и значительная часть немецких элит) привыкла ориентироваться на ключевые сигналы, транслируемые из Вашингтона. Теперь меседжи оттуда стали не только противоречивыми, но и абсолютно не соответствующими ее собственным воззрениям. Не говоря уже о том, что одиозный и самоуверенный Д. Трамп вызывает у немецкого канцлера – системного политика до мозга костей – попросту личную антипатию. Сегодня в кулуарах европейских столиц, прежде всего в Берлине, уповают на то, что «Трамп – это не навсегда» и после истечения полномочий в 2020 году второй срок для него окажется невозможным.

«Я делаю это не из-за денег. Денег у меня и без того гораздо больше, чем когда-нибудь может понадобиться. Я делаю это из любви к искусству, ведь сделки – это форма искусства. Я люблю заключать сделки, особенно крупные. Это доставляет мне необыкновенное удовольствие»⁶.

Это цитата из автобиографической книги Д. Трампа «Искусство заключать сделки», выпущенной в США в 2004 г., задолго до того как у миллиардера появились президентские амбиции. Однако детальное описание его подходов к бизнесу сегодня проливает свет на то, что именно кроется за внешнеполитическими инициативами президента США, кажущимися порой парадоксальными. Тактика Д. Трампа, которую он многие годы успешно применял в деловых переговорах, заключается в том, что многосторонним форматам он последовательно предпочитает двусторонние договоренности. Именно такой расклад, по его убежде-

⁶ Трамп Д. Искусство заключать сделки. – М., 2013. – С. 6. [Trump, D. Iskusstvo zakliuchat' sdelki. Moscow, 2013. P. 6.]

нию, отличается большей эффективностью и дает больше свободы для маневра и контроля ситуации. Он всеми силами стремится говорить не с ЕС как со структурой, представляющей интересы Старого Света, а с каждой страной по отдельности, буквально навязывая стратегию жестких бизнес-переговоров и предельно завышая «ставки». Стоит вспомнить, как спустя несколько дней после инаугурации в своем первом интервью немецкому таблоиду *Bild* он пригрозил Германии радикальным повышением ввозных пошлин на продукцию автопрома, а также беспощадно раскритиковал миграционную политику А. Меркель⁷.

А вот один из недавних примеров: в СМИ просочилась информация о том, что якобы на одной из встреч с французским лидером в Вашингтоне Трамп даже предложил ему вывести Францию из Евросоюза. Согласно источникам газеты *Washington Post*⁸, в конце апреля, когда Э. Макрон посещал США, Д. Трамп спросил у него: «Почему вы не выйдете из ЕС?». И заметил, что новый двусторонний торговый договор был бы для Парижа значительно выгоднее, чем тот, что есть у ЕС как единой организации.

Несмотря на очевидную провокативность поведения президента США, пока Евросоюзу ничего иного не остается, как принимать предлагаемые правила «игры». Германия и Франция – как два локомотива ЕС – взяли на себя в этом смысле миссию основных переговорщиков. Сперва Э. Макрон, а затем и А. Меркель в ходе поездок в Вашингтон пытались убедить главу Белого дома не повышать пошлины на европейский

экспорт и заверяли его в приверженности союзническим обязательствам в рамках НАТО (в частности, намерению повысить взносы на оборону *минимум* до 2% ВВП, как того ранее ультимативно потребовал Д. Трамп).

Д. Трамп добивается своего – кажущееся единство ЕС, которое европейские элиты пестовали и всеми силами демонстрировали в последние десятилетия, оказалось во многом иллюзией и *wishful thinking*.

Впервые с момента распада СССР единство старой Европы было нарушено войной в Ираке в 2003 г. Именно тогда канцлер ФРГ Г. Шредер заявил, что участвовать в военной операции против Багдада Германия не станет. Сегодня Д. Трампа, по-видимому, весьма раздражает то обстоятельство, что в своих евроатлантических обязательствах Германия отчасти манкирует военными аспектами сотрудничества. Речь идет о непосредственном участии страны в военных операциях. Последний пример – бомбардировки коалицией США (с участием Франции и Великобритании) Сирии в апреле 2018 г. А. Меркель операцию поддержала на словах, назвав верным шагом, но технически ФРГ в боевых действиях никак не участвовала. Правда, в свое время Г. Шредер был гораздо более резок в оценках действий Вашингтона. Но это объяснимо – любой намек на открытый милитаризм для ФРГ – фактически табу⁹.

Бундесвер участвует в натовских миссиях, но это происходит в рутинном плановом порядке, в основном в странах третьего мира и без афиширования для СМИ. Воинские контингенты (после конституционной поправки 1994 г., отменившей запрет на использование армии за пределами страны) присутствуют в Италии, Турции, Сирии, Ираке, на территории частично признанного Косово, в Афганистане и Ливане, а также в нескольких африканских странах. При этом, если речь идет о таких резонансных

⁷ In Stunning Pair Of Interviews, Trump Slams NATO And EU, Threatens BMW With Tax; Prepared To “Cut Ties” With Merkel / zerohedge.com. Mode of access: <https://www.zerohedge.com/news/2017-01-15/stunning-pair-interviews-trump-slams-nato-and-eu-threatens-bmw-tax-ready-cut-ties-me>

⁸ Rogin, J. Trump is Trying to Destabilize the European Union // *Washington Post*, June 28, 2018. Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/opinions/global-opinions/trump-is-trying-to-destabilize-the-european-union/2018/06/28/729cb066-7b10-11e8-aece-4d04c8ac6158_story.html?noredirect=on&utm_term=.335bd59fc3e3

⁹ Наследники победы и поражения. Вторая мировая война в исторической политике стран СНГ и ЕС. Колл. монография. РИСИ. – М., 2015. – С. 269-270. [Nasledniki pobedy i porazheniia. Vtoraiia mirovaia voina v istoricheskoi politike stran SNG i ES. Koll. monografiia. RISI. Moscow, 2015. Pp. 269-270.]

кампаниях, как, к примеру, сирийская или иракская, для германского руководства это может иметь непредсказуемые последствия внутри страны и подорвать реноме за рубежом. Этого не могут не учитывать в Вашингтоне.

Однако все же сегодня в этом вопросе немецкий истеблишмент – в отличие от Шредера – окончательной и непоколебимой позиции пока так и не занял. По информации таблоида *Bild*, Вашингтон продолжает обсуждать с Берлином форматы участия Бундесвера в рамках действий коалиции в Сирии. А в германском министерстве обороны просчитывают возможные сценарии такой операции. Конечно, газету *Bild* с трудом можно отнести к респектабельной деловой прессе, однако данная публикация, как минимум, отражает ту остроту дискуссии, которая развернулась по этому вопросу¹⁰.

В связи с этим представляется, что за бодрой риторикой европейских лидеров о том, что «Европе нужно больше Европы» и она готова взять «свою судьбу в собственные руки», реальных тектонических сдвигов пока не предвидится. И тому есть ряд веских причин.

Экономика и безопасность

Трампа развернул атаку на ЕС и на экономическом фронте. После повышения ввозных пошлин на алюминий и сталь, чему в Евросоюзе отчаянно сопротивлялись, в экспертных и политических кругах заговорили даже о том, что нынешняя американская администрация планирует, ни много ни мало, полномасштабную торговую войну с Европой.

Причем в первую очередь это ставит под удар именно Германию, а также – в несколько меньшей мере – Францию. Эти две европейские страны входят в рейтинг самых крупных производителей стали в мире. Причем Германия занимает (по данным на 2016 г.) седьмое место, Франция – 15.

¹⁰ Moessbauer, K. Regierung prüft Tornado-Einsatz gegen Assad // *Bild*, 9.09.2018. Mode of access: <https://www.bild.de/politik/inland/politik-inland/angst-vor-giftgas-angriffen-auf-idlib-regierung-prueft-tornado-einsatz-57157952.bild.html>

А США – на четвертой позиции¹¹. Протекционистские мотивы Д. Трампа в данном случае абсолютно прозрачны. «Я, как известно, парень очень практичный», – замечал он в упомянутой выше автобиографической книге¹².

При этом реакция Евросоюза на столь неоднозначную внешнеторговую инициативу президента США на деле оказалась более чем сдержанной. ЕС ответил повышением пошлин на арахисовое масло и мотоциклы *Harley-Davidson*, что с натяжкой можно назвать симметричной мерой. Теперь, после того как эти пошлины вступили в действие (с 1 июня 2018 г.), президент США угрожает Евросоюзу повышением экспортных акцизов на автомобили и запчасти вплоть до 20%. По мнению Д. Трампа, положение дел в автомобильной отрасли нельзя назвать справедливым¹³.

На фоне этой риторики Вашингтон вдруг обратился к Берлину с весьма заманчивым предложением устами нового американского посла в Германии Р. Греннела (уже успевшего прославиться рядом не вполне дипломатических высказываний). По данным газеты *Handelsblatt*, посол пообещал руководству крупнейших немецких автомобильных концернов от имени президентской администрации США, что повышения автопошлин не будет, если ФРГ согласится на так называемый «нулевой вариант» – то есть полную взаимную отмену каких-либо акцизов вообще. При этом такая зона *free trade* мыслится, по версии дипломата, в рамках некоего нового соглашения с участием крупнейших стран-автопроизводителей¹⁴.

¹¹ Рейтинг стран – производителей стали (итоги 2016 года) [Countries Ranking of Steel Producers 2016]. Режим доступа: <https://aftershock.news/?q=node/540678&full>

¹² Трамп Д. Искусство заключать сделки. – М., 2013. – С. 29. [Trump, D. *Iskusstvo zakliuchat' sdelki*. Moscow, 2013. P. 29.]

¹³ Trump attackiert nun auch Welthandelsorganisation // *Die Welt*, 4. Juli 2018. Mode of access: https://www.welt.de/print/welt_kompakt/print_wirtschaft/article178712898/Trump-attackiert-nun-auch-Welthandelsorganisation.html

¹⁴ Pakt gegen Autozoelle // *Handelsblatt*, 8. Juli. 2018. Mode of access: <https://www.handelsblatt.com/unternehmen/industrie/handelsstreit-pakt-gegen-autozoelle-ein-unwiderstehliches>

Несмотря на то, что Трамп-бизнесмен питает острую неприязнь к многосторонним сделкам, в данном случае это имеет определенный смысл. Ибо таким образом фактически будет создан глобальный союз государств, имеющих мощные автоконцерны, который будет диктовать собственные правила торговли, ценовую политику – вне зависимости от существующих форматов, таких как, к примеру, ВТО. Пока не ясно, пойдет ли на это немецкое руководство. Однако это явно свидетельствует, что искренняя любовь Д. Трампа к заключению сделок переживает свой «медовый месяц».

И это понятно. Несмотря на бравату лидеров ЕС, пока в обозримом будущем Союз не сможет обеспечить свою безопасность и благосостояние без США. Ведь главный залог экономического развития Европы – международная торговля¹⁵. А США – самый крупный партнер. При этом и перспективы экспансии Китая на европейский рынок тоже нельзя переоценивать – его емкость заметно меньше американского. Кроме того, вся международная торговля пока подразумевает доллар как основную резервную и расчетную валюту, евро так и не удалось заместить его.

Что касается непосредственно Германии, то страна во многом зависит от экспорта в США. Речь идет, прежде всего, о продукции автопрома (*BMW, Mercedes, VW, Daimler*). По экспертным оценкам, автомобильное производство дает стране до двух миллионов рабочих мест и служит главной бюджетообразующей экспортной отраслью.

Эту карту Д. Трамп активно разыгрывает, прицельно увязывая экономику с вопросами безопасности, тем самым фактически вынуждая крупнейшие экономики ЕС по максимуму вкладываться в поддержку собственной безопасности в рамках НАТО. Стоит вспомнить, как в преддверии визита А. Меркель в Вашингтон (когда она расчи-

тывала все же уговорить Д. Трампа не повышать акциз на европейские металлы) новый министр иностранных дел Х. Маас убеждал министров государств-членов НАТО в том, что все суммы будут внесены в полном объеме¹⁶. К слову, госсекретарь США М. Помпео упрекнул главу германской дипломатии, что ФРГ как ведущая экономика ЕС могла бы платить и больше минимального порога¹⁷.

Как ни парадоксально, на фоне заверения своих партнеров по ту сторону Атлантики в абсолютной приверженности союзническим обязательствам в рамках НАТО, в ЕС начали задумываться о создании исключительно европейской системы безопасности и обороны. Стоит вспомнить, что более 20 государств Евросоюза в декабре 2017 г. подписали меморандум о присоединении к Постоянному структурированному сотрудничеству по вопросам обороны – *PESCO*. Документ призван помочь ЕС получить больше военной самостоятельности. О *PESCO* европейские СМИ говорили фактически как о революции в единой оборонной политике ЕС. Но и здесь прорыва не предвидится. Во-первых, сама структура официально призвана стать «взаимодополнением усилий НАТО»¹⁸.

А во-вторых, с 1950-х гг. в тех или иных формах в рамках ЕС появлялись собственные военные структуры, которые существовали лишь формально или же вовсе не выходили за рамки концепций. Уместно вспомнить идею Европейского оборонительного сообщества (ЕОС), предложенную французским премьером Р. Плевеном в 1950 г., Западноевропейский союз, созданный в 1948 г. с целью «организации системы коллективной обороны» и тихо канувший в Лету в 2010-м. Сегодня существуют малочисленные и с очень размы-

¹⁶ Mike Pompeo pocht auf hoeheren Beitrag Deutschlands // *Spiegel Online*, 27. April 2018. Mode of access: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/nato-mike-pompeo-pocht-auf-hoeheren-beitrag-deutschlands-a-1205300.html>

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Notification on Permanent Structured Cooperation (PESCO) to the Council and to the High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy. Annex.1 P. 2. Mode of access: <https://www.consilium.europa.eu/media/31511/171113-pesco-notification.pdf>

angebot/22766850.html?ticket=ST-1340048-5aUo7PPWQ1uXdgdly9rp-ap4

¹⁵ Trotz alledem: Amerika. Vorschläge für eine neue US-Strategie. Op-ed. // *Die Zeit*, Nr. 42/2017, 12 Oktober 2017. Mode of access: <https://www.zeit.de/2017/42/transatlantische-partnerschaft-strategie-usa-deutschland-europa>

тыми функциями, дублирующими натовские миссии – подразделения *Eurocorps* и *EUFOR*. И, судя по всему, еще одной структурой в ряду существующих станет *PESCO*.

Новые элиты

Одной из опор трансатлантического сотрудничества, помимо экономических и военных связей, служит человеческий капитал, а именно – те политические элиты, которые обеспечивают претворение в жизнь всех важных политических инициатив, чему США традиционно уделяют большое внимание. Говоря о немецких элитах необходимо понимать, что германский истеблишмент трансатлантичен по своим убеждениям и глобалистски ориентирован. Это, как отмечают и российские, и немецкие исследователи является следствием той политики, которую США проводили по отношению к ФРГ с 1945 г.¹⁹ Начиная от плана Маршалла, на средства от которого была воссоздана немецкая экономика в том виде, в котором она существует сегодня, и заканчивая тем, что в стране и поныне присутствуют десятки американских военных баз. Кроме того, на некоторых объектах еще с 1950-х гг. хранится ядерное оружие США. Такие военные объекты глубоко интегрированы в региональные экономические и социальные процессы – служат системообразующими предприятиями для близлежащих населенных пунктов, инфраструктура и рабочие места в рамках целых округов завязаны на них.

Вместе с тем, достаточно очевидно, что в последние год-полтора имеет место кризис

¹⁹ Бусыгина И.М. Германский федерализм: История, современное состояние, потенциал реформирования // Материалы международной научно-практической конференции. – Москва: МГИМО. Режим доступа: http://www.fgu-nickolaus.narod.ru/3/TGU/GERMANSKI_FEDERALIZM.doc [Busygina, I.M. Germanskii federalizm: Istoriia, sovremennoe sostoianie, potentsial reformirovaniia // Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. – Moskva: MGIMO. Mode of access: http://www.fgu-nickolaus.narod.ru/3/TGU/GERMANSKI_FEDERALIZM.doc]; Кнопф Г. История триумфов и ошибок первых лиц ФРГ. – М., 2008. – С. 97-99. [Knopp, G. Istoriia triumfov i oshibok pervykh lits FRG. Moscow, 2008. Pp. 97-99.]

старых европейских элит. Европейские левые перестают быть реальной политической оппозицией. Социал-демократы либерализируют собственную повестку. Консервативные силы осуществляют сильный дрейф влево – чего, например, стоит признание партией Христианских демократов легализации гей-браков в Германии. Две главные немецкие партии – столпы политического послевоенного устройства страны, образующие сейчас правящую коалицию – находятся в тяжелом состоянии. Социал-демократы так и не оправились от имиджевых и идеологических ударов, с которыми СДПГ столкнулась после сентябрьских выборов 2017 г. (потеря голосов избирателей, вынужденная отставка М. Шульца, общий идейный вакуум). А ХДС/ХСС раздирают внутренние противоречия. Помимо того, что А. Меркель упрекает в излишней «левизне» и либерализме консервативное крыло христианских демократов, в публичную полемику с канцлером вступил министр внутренних дел, глава ХСС, давний оппонент А. Меркель Х. Зеэхофер. Харизматичный баварец требовал от канцлера решения миграционного вопроса и принципиального сокращения притока беженцев путем возврата к нормам Дублинского соглашения, которое А. Меркель дезавуировала, открыв границы для вынужденных переселенцев с Ближнего Востока в 2015 г.. Дело чуть не кончилось правительственным кризисом, но А. Меркель фактически приняла «миграционный план» Х. Зеэхофера. Правда, на реноме партии и правящей коалиции в целом это отразилось не лучшим образом.

На таком фоне на политическую сцену постепенно выходят «контрмейнстримные» партии, так называемые популисты. Данный тренд с каждым годом набирает силу, правые пришли к власти в Австрии, Чехии, заняли места в парламенте Франции, Бельгии, Нидерландов. В Германии молодая партия «Альтернатива для Германии», созданная в 2013 г., в нынешнем электоральном цикле не просто впервые попала в Бундестаг, а стала главной оппозиционной силой в стране. Очевидно, что эти силы в надолго пришли в европейскую политику.

Этого не могут не принимать во внимание в Вашингтоне. Речь идет об их постепенном включении в процессы трансат-

лантического взаимодействия, в противовес «традиционному» истеблишменту. Стоит вспомнить еще одно недавнее заявление посла США в Германии Р. Греннеля, вызвавшее колоссальный резонанс в ФРГ. В интервью ультраправому американскому изданию он заявил, что намерен поддерживать консервативные течения в Европе, ведь стратегии нынешнего поколения мейнстримных политиков, в особенности левых, оказались попросту провальными²⁰.

Заявление посла может служить явным сигналом о том, что в Вашингтоне задумались, причем всерьез и в долгосрочной перспективе, о «кастинге» новых европейских элит, так как налицо системный кризис традиционных европейских партий, старого европейского политического истеблишмента, с которым США выстраивают работу с 1945 г. Весьма вероятно, что и в дальнейшем, с каждым электоральным циклом, консерваторы и социал-демократы будут все заметнее терять поддержку избирателей практически во всех странах Западной Европы.

* * *

Несмотря на внешне- и внутривнутриполитическую турбулентность по обе стороны Атлантики, ось Берлин – Вашингтон в обозримой перспективе останется основной конструкцией трансатлантического моста. Сложившиеся более 70 лет экономические и военные связи, поколения политиков, сформировавшихся в парадигме трансатлантической солидарности – всё это делает систему чрезвычайно устойчивой в обозримой перспективе к радикальным преобразованиям. У Европы нет альтернативы американскому рынку сбыта, натовскому зонтику и системе сложившихся международных отношений в целом.

Разумеется, «кавалерийский наскок» Д. Трампа на ЕС будет иметь ряд последствий. Один из главных результатов в этом смысле в том, что Европейский союз станет менее консолидированным. Нынешняя адми-

нистрация США предпочитает вести переговоры с каждым государством в отдельности. А это, в свою очередь, еще более затруднит формирование новой альтернативы «зонтику НАТО» и гегемонии США в Европе.

Впрочем, ветераны европейской политики (те же А. Меркель, Ж.-К. Юнкер) всеми силами стремятся разделять инициативы нынешнего американского лидера и наработанную десятилетиями базу трансатлантического партнерства. Судя по всему, они предпочитают исходить из того, что Д. Трамп в Вашингтоне ненадолго.

Несмотря на то что в 2020 г. Д. Трамп, возможно, не будет выдвинут или не избран на второй срок, рассчитывать на то, что «все станет как прежде», вряд ли разумно. Основная борьба разворачивается не по условной линии, разделяющей либеральные и социал-демократические идеи, а между глобалистским и национально-протекционистским дискурсом, ярким приверженцем которого является сам Д. Трамп. И судя по тому, что к власти в Европе упорно пробиваются правые силы, тренд на регионализацию и национализацию политической повестки сохранится в обозримой перспективе. И потому в перспективе не только трансатлантическая конструкция, но и вся конфигурация международных отношений будет подвергаться глубоким изменениям.

Литература:

Белов В.Б. Новая парадигма промышленного развития Германии – стратегия «Индустрия 4.0» // *Современная Европа*. – 2016. – № 5(71).

Бусыгина И.М. Германский федерализм: История, современное состояние, потенциал реформирования // *Материалы международной научно-практической конференции*. – Москва: МГИМО. Режим доступа: http://www.fgu-nickolaus.narod.ru/3/TGU/GERMANSKI_FEDERALIZM.doc

Германия, 2016 / Доклады Института Европы РАН. – 2017. – № 343.

Камкин А.В. Германское лидерство в Европе: гегемония поневоле / РСМД. Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/germanskoeliderstvo-v-evrope-gegemoniya-ponevole/>

Кнопт Г. История триумфов и ошибок первых лиц ФРГ. – М., 2008.

Леонов Е.С. Истоки формирования германо-американских отношений как партнерства неравных // *Вестник МГИМО*. – 2015. – № 6(45).

Наследники победы и поражения. Вторая мировая война в исторической политике стран СНГ и ЕС. Колл. монография. РИСИ. – М., 2015. – С. 269-270.

²⁰ Trump's Right Hand Man in Europe Rick Grenell Wants To 'Empower' European Conservatives. Mode of access: <https://www.breitbart.com/london/2018/06/03/trumps-right-hand-man-in-europe-wants-to-empower-european-anti-establishment-conservatives>

Трам Д. Искусство заключать сделки. – М., 2013.
 Janning, J.; Möller, A. Leading from the Center: Germany's New Role in Europe / European Council on Foreign Relations, July 2016. Mode of access: https://www.ecfr.eu/publications/summary/leading_from_the_centre_germanys_role_in_europe_7073

Schmidt, S.; Link, W.; Wolf, R. Handbuch zur deutschen Außenpolitik. Wiesbaden, 2007. Pp. 124-127.

References:

Belov, V.B. Novaia paradigma promyshlennogo razvitiia Germanii – strategiia «Industriia 4.0» // *Sovremennaia Evropa*, 2016, No. 5(71).

Busygina, I.M. Germanskii federalizm: Istoriiia, sovremennoe sostoiianie, potentsial reformirovaniia // Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. – Moskva: MGIMO. Mode of access: http://www.fgu-nickolaus.narod.ru/3/TGU/GERMANSKI_FEDERALIZM.doc

Germaniia, 2016 / Doklady Instituta Evropy RAN, 2017, № 343.

Janning, J.; Möller, A. Leading from the Center: Germany's New Role in Europe / European Council on Foreign Relations, July 2016. Mode of access: https://www.ecfr.eu/publications/summary/leading_from_the_centre_germanys_role_in_europe_7073

Kamkin, A.V. Germanskoe liderstvo v Evrope: gegemoniia ponevole / Russian Council on Foreign Affairs. Mode of access: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/germanskoe-liderstvo-v-evrope-gegemoniia-ponevole>

Knopp, G. Istoriiia triumfov i oshibok pervykh lits FRG. Moscow, 2008.

Leonov, E.S. Istoki formirovaniia germano-amerikanskikh otnoshenii kak partnerstva neravnykh // *Vestnik MGIMO*, 2015, No. 6(45).

Nasledniki pobedy i porazheniia. Vtoraia mirovaia voina v istoricheskoi politike stran SNG i ES. Koll.monografiia. RISI. Moscow, 2015.

Schmidt, S.; Link, W.; Wolf, R. Handbuch zur deutschen Außenpolitik. Wiesbaden, 2007. Pp. 124-127.

Trump, D. Iskusstvo zakliuchat' sdelki (Art of Making a Deal). Moscow, 2013.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10009

THE TRANSATLANTIC BRIDGE FACING THE CHALLENGE: HOW CAN THE USA AND GERMANY OVERCOME THE BILATERAL CRISIS

Evgenia V. Pimenova

MGIMO University, Moscow, Russia

<p>Article history: <i>Received:</i> 22.09.2018 <i>Accepted:</i> 03.12.2018</p>	<p>Abstract:The article is focused on the analysis of the evident and hidden reasons of the deep political crisis between USA and Germany. The role of the Donald Trump's personality is considered as an important factor influencing the dialogue between Berlin and Washington. At the same time the article is providing arguments as to why USA is deliberately keeping Germany under pressure by using diverse economical, political and military instruments. This article also compares the mainstream scientific approaches towards the analysis of the "transatlantic solidarity".</p>
<p>About the author: Junior Research Fellow, Center for European Studies, Institute for International Studies, MGIMO University e-mail: piminito14@gmail.com</p>	
<p>Key words: Merkel; Trump; NATO; transatlantic solidarity; defense policy; new establishment; populism; Bundeswehr; international relations</p>	

Для цитирования: Пименова Е.В. «Трансатлантический мост» под ударом: чем обернется кризис в отношениях ФРГ и США. – 2019. – № 1. – С. 148-156.

For citation: Pimenova, Evgenia V. «Transatlanticheskii most» pod udarom: chem obernetsia krizis v otnosheniakh FRG i SSHA (The Transatlantic Bridge Facing the Challenge: How Can the USA and Germany Overcome the Bilateral Crisis) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 1, pp. 148-156.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10009

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10009

POLITICAL ASPECTS OF THE CIVIL SOCIETY AND RULE OF LAW FORMATION IN CONTEMPORARY AZERBAIJAN

Gunay Kurbanali Melikli

*Institute of Philosophy of the National Academy
of Sciences of Azerbaijan,
Baku, Azerbaijan*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 29.05.2017</p> <p><i>Accepted:</i> 27.04.2018</p>	<p>Abstract: The political aspects of the formation of the civil society and the rule of law in modern Azerbaijan coincide with the general trends in the development of globalization and political processes in the modern world. The nature of the civil society formation in Azerbaijan is inseparably linked with the regional political processes. In particular, the analysis of internal political and regional processes, conducted on the basis of consideration of the legal framework and political structures of the country, the main stages of post-Soviet development, and tendencies in the development of civil society, which are mainly manifested through such forms of social life as the activities of non-governmental organizations, civic engagement, corruption and bureaucracy, authoritarianism in various echelons of power, showed that the civil society in Azerbaijan had not yet met the advanced standards of open society and democratic development. The formation of the rule of law is hampered by the regional contradictions, in particular, the Nagorno-Karabakh conflict, as well as high legal illiteracy of the population, the traditions-bound nature of the social structure, elements of corruption and authoritarianism in management at certain levels.</p>
<p>About the author: PhD in Political Sciences, Department of Modern Philosophy of Politics, Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Azerbaijan</p> <p>e-mail: q.abbasova@mail.ru</p>	
<p>Key words: Azerbaijan; civil society; rule of law; regional policy; political priorities; international political forces; social capital</p>	

Introduction

Modern political processes are actively forming the civil society institutions. It is believed that “Modern civil societies, it is argued, can only flourish in the form of a modern state that has undergone a process of internal differentiation in the direction of a power.”¹ This is clearly seen in the case of many developed countries. Similar processes are also taking place in countries that have relatively recently gained sovereignty and the relative independence of political development: “The dissolution of Soviet power in Eastern Europe and the demolition of the Communist Party

has an unprecedented political situation.”² This list of countries also includes the Republic of Azerbaijan, located in the South Caucasus which has relatively recently acquired the possibility of sovereign development, after the collapse of the USSR.

It is important to analyze how some elements, the embryos of the civil society under the conditions of the totalitarian regime, influenced the formation of new political conditions for social development, as well as the creation of a foundation for its further development. To do this, it is necessary to clarify the very concept of the civil society, which has been constantly examined and tested in scientific

¹ Peruzzotti, Enrique. Civil Society and the Modern Constitutional Complex: The Argentine Experience // *Constellations. An International Journal for Critical and Democratic Theory*, 1997, Vol. 4, Iss. 1, pp. 94-104.

² Hirst, Paul. The State, Civil Society and the Collapse of Soviet Communism // *Economy and Society*, 1991, Vol. 20, Iss. 2, pp. 217-242.

circles since the time of Hegel.³ We agree with the opinion of the author “that is better able to take into account the entire range of civil society actors, by placing less emphasis on organizational forms and a stronger focus on the functions and roles of informal associations, movements, and instances of collective citizen action.”⁴

At the same time, it is necessary to define the conceptual framework of the notion of the civil society, inside which we will review the specific problem of the development of this form of society in a particular country. The next important task for obtaining meaningful results on the research topic is to define the notion of the rule of law. As shown by numerous studies, strengthening the country’s legal basis positively affects the pace and quality of development of the civil society.

The current strategy of the Azerbaijani government is primarily aimed at building the civil society’s capacity, participation of its representatives in social activities, as well as in political dialogue in order to strengthen the country’s sovereignty and its foreign policy positions. At the same time, despite all the efforts, the activities of the authorities do not always have a proper impact on the capacity of the civil society organizations to provide services and engage in dialogue on various internal policy issues in key areas. We believe that it’s necessary to strengthen the process of establishing of the basic programs for the development of the civil society institutions in the local context so that the formation of the strong partnerships is prioritized. It is in this way that the country’s civil organizations can take an active part in the successful construction of an independent and democratic state.

Methods

The supposed analysis of the political aspects of the civil society and the rule of law formation in Azerbaijan includes the

³ Kumar, Krishan. Civil Society: An Inquiry into the Usefulness of an Historical Term // *The British Journal of Sociology*, 1993, Vol. 44, No. 3, pp. 375-395.

⁴ Jussi, Laine. Debating Civil Society: Contested Conceptualizations and Development Trajectories // *International Journal of Not-for-Profit Law*, 2014, Vol. 16, No. 1.

consideration of the establishment of civil society institutions and the rule of law in Azerbaijan, as well as the concepts of the formation and development of a democratic society, models of political development of developing countries in the context of globalization.

On the basis of a systemic approach, taking into account such general civilization processes as turnover in foreign exchange. The world is also a more prosperous place than ever before. As the speed, size and integration of the global economy increases, the global community has become smaller and more interconnected. Travel, the Internet and multi-media advances make information more accessible to more people, faster than ever before. Global concerns such as human rights, the environment and the crime of bringing together citizens from diverse backgrounds to work together for a common purpose. As a result, civil society has grown and become more globalized in its membership and agenda,⁵ we will try to determine the main trends of these processes in Azerbaijan. It needs to be kept in mind that basic notions, including that of the civil society are not defined clearly. It’s considered that “civil society is nothing if not independent. If the legal framework and/or its application places improper impediments on free exercise of the rights of association, expression, and assembly, civil society has to operate outside the law.”⁶

For many centuries the idea of civil society has been discussed by the scientific community. Its main indicators are the well-developed relations between people in the economic, political, legal and cultural spheres outside the competence of the state, but in interaction with it. We will review the main trends in the formation of the main indicators of the civil society and the rule of law in modern Azerbaijan, as a sovereign country, which has gone through a complex path towards independence. We will specifically focus on the problem of formation

⁵ Shabbir, G. Cheema, Linda Maguire. Democracy, Governance and Development: A. Conceptual Framework / UN. Mode of access: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/un/unpan005781.pdf>

⁶ Fries, Richard. The Legal Environment of Civil Society / *The Global Civil Society Yearbook 2003*, Centre for the Study of Global Governance, London.

of the civil society, depending on the level of development of the rule of law on the example of the Republic of Azerbaijan.

Results

Environment of the formation and development of the civil society in Azerbaijan. The breakdown in social relations that occurred as a result of the collapse of the USSR became the basis for the formation of new political structures and a political system based on the priority of private property and democratic values. All this contributed to the expansion of the individualism frames, its spirit inherent in capitalist society, the breakdown of traditional foundations in society, the debunking of former spiritual values and the formation of new stereotypes and approaches in assessing current events.

This meant the possibility of new approaches to the development of such important social institutions as the family (the number of divorces increased, the age of both males and females entering into marriage and the number of children born out of wedlock increased, as well as the number of people living in civil marriage,⁷ religion (the growth of interest, especially among young people, towards religion, the formation of the social stratum of religious youth, the growth of the number of religious organizations that have the status of a legal entity), art and literature (the emergence of new trends and forms of art, new ways of creative self-expression, directions of literary development, everything that is connected with postmodern trend).

Further, it is necessary to mention the improvement of the management system, especially of the local self-government at the regional level, activation of citizens' participation in governance through the impact on the press and other mass media, social networks, changes in the nature of people's social activity, both socially and individually. The formation of motivation, self-esteem, value orientations has become more individual and conscious.

We also need to review the socio-political factors of the civil society foundations formation

in Azerbaijan. As it is known, after gaining the independence in 1991, "the political structures faced the task of forming a policy of national development to ensure the vital interests of an independent state, including the creation of a mechanism for ensuring national security, the formation of new values and principles of socio-economic, political and moral foundations of the society. Since 1993, under the leadership of President Heydar Aliyev, there began the formation of a new policy of national development and security, where both foreign policy and internal political factors of development were taken into account."⁸

The political and economic development of the country depends on the state of the modern international security system, the nature of the main characteristics of the international, regional and national level of national development and the country's security policy. It is clear that one of the main tasks of Azerbaijan's foreign policy strategy is to ensure national, regional and international security, and to protect the rights of a sovereign state and national interests. The country is located in the intersection of transport and communication lines of Europe and Asia, and is rich in energy resources.

Geopolitically, the location of the country is very important. That is why this region is under the constant attention of the world's leading countries, primarily Russia. The control over this region allows Russia to keep other Eurasian areas in its sphere of influence. One of the problems that the country is experiencing is the need to restore the territorial integrity of the country, the resolution of the Armenian-Azerbaijani conflict, the Nagorno-Karabakh conflict, ensuring the security of borders and territorial integrity.

All this naturally impacts the nature and state of development of both the rule of law and the civil society. The state of war, in which the country has been for more than 25 years, does not provide an opportunity to achieve a higher level of development of democratic values and social activity of people, which would ensure the next stage of the social capital formation. It is known that "the post-conflict state needs

⁷ AZ Statistics. Mode of access: <https://www.stat.gov.az/>

⁸ Hasanov, A. The Policy of National Development and Security of the Republic of Azerbaijan. Baku: Zarbadi LTD. MMC, 2014. 672 p.

an authoritative and capable public security establishment.” But building up the police (and probably some kind of conventional armed forces) is in tension with the goal of empowering and privileging civilian political players. The new state must have an internal monopoly on the means of violence, but this must not be built properly, with mechanisms and norms of civilian supremacy. It takes time to build the norms of deference to civil control and respect for human rights and the rule of law, yet it is precisely what the reviving state does not have. It is namely these processes that Azerbaijan experienced and is experiencing now.

It is clear that “inadequate understanding of the local context-including such vital issues as political leaders and alliances, historical trends and grievances, religious, ethnic and sub-ethnic divisions, the sources of legal and illicit revenue, and the structure and loyalties of private militias – can be crippling.”⁹ Unlike a number of countries in other regions, Azerbaijan has strategic advantages, which lead to the peculiarities of its strategic position and political development. In general, “the adoption of a new Constitution in 1995 reflecting democratic norms and the establishment of a multi-party system, the holding of the first parliamentary elections, the establishment of a democratic parliament, the harmonization of national legislation with European standards, the building of a society of political pluralism, the creation of non-governmental structures, independent press, mechanisms of state regulation and censorship over the media”¹⁰ contributed to the creation of the necessary prerequisites for the formation of the civil society.

Social indicators of civil society in Azerbaijan. The most important one is the existence of private property. This form of ownership began to be actively formed after the gain of sovereignty. To date, the privatization process has come to an end; large, medium and

⁹ Promoting Democracy in Post-Conflict and Failed States: Lessons and Challenges Prepared for the National Policy Forum on Terrorism, Security, and America’s Purpose September 6-7 Washington, DC By Larry Diamond. Mode of access: <https://web.stanford.edu/>

¹⁰ Hasanov, A. The Policy of National Development and Security of the Republic of Azerbaijan. Baku: Zarbadi LTD. MMC, 2014. 672 p.

small owners are represented in the country. The ratio of public and private property is approximately the same: from year to year the ratio of economically active population working in different sectors, that is government and non-government, changes annually in favor of the private sector: thus, the number of economically active population in the public sector decreased by 3 thousand people from 2016 to 2017, but in the private sector it increased by 100 thousand people. This process is also largely stimulated by investments in the economy, including foreign ones. Now the country has 9.898.000 people, including 78 cities, 261 settlements, 1720 villages and 4248 urban settlements. The expected average life expectancy in principle goes along the developing line: from year to year the life expectancy increases.¹¹ At the same time, the opportunities in the non-oil sectors, which include agriculture, infrastructure, many forms of industrial development, etc., have not yet been realized. This is reflected in the standard of living, the involvement of human potential. It is no coincidence that young people mainly seek to get education abroad or, in general, to find the opportunity to work and live in the more developed countries.

The conditions for the existence and successful development of the civil society include the competition of its constituent structures and various groups of people, freely formed public opinion and pluralism, as well as the full provision of human rights and freedoms. Naturally, in a democratic state, the pluralism of public opinion presumes taking into account the point of view of people standing in opposition to the ruling power. Such an opportunity is created on the basis of a multi-party system and freedom of the media. In Azerbaijan, the culture of relations between the ruling authorities and the opposition is not high enough. This level will be achieved upon improvement of the education system and high civil activity of the population. All this rests on legal support, that is, abidance by the law. Here, too, there are a number of unresolved problems, as evidenced by the statements of the opposition (Rule of law means that governmental powers are restricted by certain standards, which includes

¹¹ Azerbaijan: Facts and Figures 2018. A Brief Collection. Baku: 2018.

that citizens are allowed mechanisms to hold government accountable, such as through the media and civil society. These freedoms are greatly restricted in Azerbaijan).¹²

The country is taking comprehensive measures to ensure conditions for the further development of the rule of law and civil society. In particular, the document "Azerbaijan 2020: Look into the Future"¹³ has been approved. It includes the social, economic, legal and spiritual and cultural aspects, which require great joint efforts of both government and non-government structures. Measures are being taken to formulate and implement a socially oriented policy aimed at raising the standard of living of the population, overcoming poverty, increasing the socio-political activity of citizens and the level of their legal culture.

There are two other parameters, the development of which accelerates the process of the civil society formation. This is the existence of democracy in the social sphere, the legal protection of citizens, as well as a certain level of civil culture. It is a rather complicated process. For the formation of these factors, a more general basis is needed, connected with the development of science and culture. The events of recent decades in Azerbaijan (the collapse of the USSR, the acquisition of sovereignty, the problem of the reconstruction of the economy and agriculture in the conditions of the Karabakh conflict, etc.) have adversely affected the country's science sector and continue to affect it: priority areas related to the economy, are studied mainly at the applied level, for which there is also insufficient funding.¹⁴

The development of science is directly connected with the education system, which still has a lot of pending issues of reforming, material and scientific and technical base.

¹² The Rule of Law and Civil Society in Azerbaijan. Thursday, November 05, 2015 Cannon House Office Building, Washington, DC, United States / CSCE. Mode of access: <https://www.csce.gov/international-impact/events/rule-law-and-civil-society-azerbaijan-0>

¹³ "Azerbaijan 2020: Look into the Future" / Concept of Development. Mode of access: <https://president.az/articles/3689>

¹⁴ Shiriyev, Zaur. Betwixt and between: the Reality of Russian Soft-Power in Azerbaijan. Mode of access: <https://ge.boell.org/en/2017/10/16/>

The level of teaching in secondary and higher educational institutions, the organization of the educational process as a whole is still lagging behind the indicators of the leading countries of the world. Apparently, among the cultural institutions, it is science and education that are most affected by the international integration processes; the latter, in turn, regularly regulate the development of almost all socio-cultural entities, to the best of their abilities (which are still rather limited).

An essential element of culture is the Islamic religion; it has for hundreds of years regulated (with the help of the Sharia) the relationship of people with each other and their attitude to the world. So far, religious ideals are an important part of the worldview and mentality of Azerbaijanis. However, these ideals and their practical applications in the form of Shariah norms are more popular in the countryside; in the city, religious rituals and customs are more of a conditional and formal character.

A significant part of the religious followers are elderly people, mostly women. The values associated with religious faith reflect the ideas of unity and development in the world; believers support these ideas, propagate and popularize them. Ironically, the deepening of secularization, especially in connection with globalization, has sharpened public attention to the problems of religion. Obviously, this is due to the process of the formation of civil society, the development of rights and freedoms, including freedom of conscience.

Finally, there are two more conditions for the full development of civil society: a multi-layer economy and a large share of the middle class society. In this direction, the work is quite successful. With the development of the non-oil sector, the multi-layer economy is becoming ever wider. As for the middle class, as the standard of living grows, so does the number of its representatives. Thus, according to the statistics for the country, the gross domestic product is steadily growing, as well as its volume per capita.¹⁵

All this created the necessary prerequisites for the domestic relations to be adapted to

¹⁵ AZ Statistics. Mode of access: <https://www.stat.gov.az/>

European standards, as a result of which it became possible for Azerbaijan to join the Council of Europe in 2001, and subsequently integrate into international democratic institutions.

Socio-political foundations of the rule of law formation in Azerbaijan. This, we believe, includes the following measures: the adoption of the new Constitution in 1995 containing democratic norms and the principle of multi-party system, the holding of new parliamentary elections on the basis of the Constitution and the establishment of a democratic parliament, bringing national legislation in line with European standards, political pluralism, the creation of non-governmental structures, independent press, the elimination of mechanisms of state regulation and censorship over the media. All this contributed to the creation of the foundations of a market economy, a civil society based on free competition, and, of course, the foundations of the rule of law.

A rule of law exists on the basis of observance of national interests. This concept includes continuity in the implementation of foreign and domestic policies, consideration of geographical and geopolitical position, preservation of national and historical traditions, etc. The priority should be put on the the urgent socio-economic and political-legal reforms.¹⁶

It should be noted that the reforms in the system of state administration are conducted permanently. The institution of civil servants has been created and is being improved. The legislative basis for the functioning of all levels of government is being improved. The state of war in which the country has been for already a quarter of a century is affecting the limitation of rights and freedoms: since the state of war itself already has a restriction on the rights of people to move, expression of freedom of speech and other rights, there is a threat of development of authoritarianism, etc.

Strengthening of the legal basis for state development will also contribute to the

expansion of the possibility of independent use of natural resources, their development and application. It primarily concerns the hydrocarbon and energy resources.¹⁷

An important element in the realization of citizens' rights and freedoms is the fight against corruption. A number of anti-corruption reforms are being implemented in the country, which lay the foundation for healthy competition and compliance with legislation. This is evidenced by the data of international monitoring, in particular, one of the conclusions is the following: "The report urges Azerbaijan to strengthen its central body for the prevention of corruption and implement comprehensive, evidence-based anti-corruption policy, addressing high corruption risks sectors."¹⁸

Discussions

The formation of the rule of law and civil society is quite complex in any society, including Azerbaijan, which has a complex historical past and geopolitical position. The process of the formation of an independent state is burdened by an international conflict connected with the territorial claims of neighboring Armenia, the intervention of a number of leading states in the internal affairs of the country. The development of economic structures also has its contradictions. This is an accelerated development of the oil sector, associated with the sale of crude oil and natural gas, and their transportation to neighboring countries. The problem of the development of other branches of industry, agriculture, and infrastructure has not yet been fully solved. The correlation between the public and private sectors has not yet reached the necessary balance that could ensure prosperity and civil peace.

There are a number of issues to improve the management and training of professional staff. The analysis shows that "Azerbaijan still does not have clear and comprehensive conflict

¹⁶ Civil society in Azerbaijan: Challenges and Opportunities in Transition Civic Society Index Report for Azerbaijan An International Action-Research Project Coordinated by CIVICUS: World Alliance for Citizen Participation. Written By: Rajab Sattarov, Tair Faradov and Ilham Mamedzade Baku, December 2007 International Center for Social Research (ICSR).

¹⁷ Hasanov, A. The Policy of National Development and Security of the Republic of Azerbaijan. Baku: Zarbadi LTD. MMC, 2014. 672 p.

¹⁸ Anti-Corruption Reforms in Azerbaijan. 4th Round of Monitoring of the Istanbul Anti-Corruption Action Plan / OECD. Mode of access: www.oecd.org

of interest rules for civil servants and effective mechanisms for their implementation. A draft law on anti-corruption reforms.”¹⁹

There are also pending problems related to the improvement of the relationships between different political interests, in particular, between the opposition (in its various manifestations) and the ruling power. The level of development of education and science also does not allow to form civil culture and civic activity at a sufficiently high level. The level of legal culture of the population is low.

Conclusions

Azerbaijan is situated in a region of great geopolitical and strategic importance. This, as well as the objective situation in the republic over the past decades, leaves its imprint on the formation of the civil society institutions, and management structures based on the rule of law and legislation. There are certain prerequisites for the formation of civil society: these include the improvement of the environment for the broad participation of stakeholders in overcoming corruption, strong political will, the growth of skills and capabilities of professional personnel in the management of the country, the increased participation of citizens in political and social initiatives to establish non-governmental organizations, coordination of their activities with state bodies and international structures.

At the same time, there is a need to stimulate work on the further development of civil society. To this end, it is necessary to use the capabilities of certain managerial structures, in particular, the Council of State Support of Non-Governmental Organizations under the President of the Republic of Azerbaijan, which was established by the Decree of the President of the Republic of Azerbaijan as of December 13, 2007. As it is known, this Council forms a new model of relations, modernizes the institutions of civil society, promotes the growth of civil initiative, encourages the activities of NGOs in the field of protecting national interests, finances the programs and projects important for the development of the state and society.

¹⁹ Ibid.

In addition, it is important to reform entrepreneurial activities to improve the investment climate in the country, to encourage medium and small businesses. This will help improve people’s livelihoods, social activity and civic initiatives of people. An important role is played by the democratization of public life, the improvement of self-government and the increase of civil and political culture of citizens, which will contribute to the strengthening of social solidarity of people. It is important to promote the universal and mental values, strengthening their ideological basis. All this should happen against the background of favorable foreign policy conditions, first of all, the resolution of the long-standing Nagorno-Karabakh conflict.

References:

- “Azerbaijan 2020: Look into the Future” / Concept of Development. Mode of access: <https://president.az/articles/3689>
- Anti-Corruption Reforms in Azerbaijan. 4th Round of Monitoring of the Istanbul Anti-Corruption Action Plan / OECD. Mode of access: www.oecd.org
- Azerbaijan: Facts and Figures 2018. A Brief Collection. Baku: 2018.
- Civil society in Azerbaijan: Challenges and Opportunities in Transition Civicus Civil Society Index Report for Azerbaijan An International Action-Research Project Coordinated by CIVICUS: World Alliance for Citizen Participation. Written By: Rajab Sattarov, Tair Faradov and Ilham Mamed-zade Baku, December 2007 International Center for Social Research (ICSR).
- Fries, Richard. The Legal Environment of Civil Society / The Global Civil Society Yearbook 2003, Centre for the Study of Global Governance, London.
- Hasanov, A. The Policy of National Development and Security of the Republic of Azerbaijan. Baku: Zarbadi LTD. MMC, 2014. 672 p.
- Hirst, Paul. The State, Civil Society and the Collapse of Soviet Communism // *Economy and Society*, 1991, Vol. 20, Iss. 2, pp. 217-242.
- Jussi, Laine. Debating Civil Society: Contested Conceptualizations and Development Trajectories // *International Journal of Not-for-Profit Law*, 2014, Vol. 16, No.1.
- Kumar, Krishan. Civil Society: An Inquiry into the Usefulness of an Historical Term // *The British Journal of Sociology*, 1993, Vol. 44, No. 3, pp. 375-395.
- Mehdiyev, R. Ideas for Civil Society. Baku: “Azerbaijani Newspaper”, 2006.
- Peruzzotti, Enrique. Civil Society and the Modern Constitutional Complex: The Argentine Experience // *Constellations. An International Journal for Critical and Democratic Theory*, 1997, Vol. 4, Iss. 1, pp. 94-104.
- Promoting Democracy in Post-Conflict and Failed States: Lessons and Challenges Prepared for the National Policy Forum on Terrorism, Security, and America’s Purpose September 6-7 Washington, DC By Larry Diamond. Mode of access: <https://web.stanford.edu/>

Shabbir, G. Cheema, Linda Maguire. Democracy, Governance and Development: A. Conceptual Framework / UN. Mode of access: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/un/unpan005781.pdf>

Shiriyev, Zaur. Betwixt and between: the Reality of Russian Soft-Power in Azerbaijan. Mode of access: <https://ge.boell.org/en/2017/10/16/>

The Rule of Law and Civil Society in Azerbaijan. Thursday, November 05, 2015 Cannon House Office Building, Washington, DC, United States / CSCE. Mode of access: <https://www.csce.gov/international-impact/events/rule-law-and-civil-society-azerbaijan-0>

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10010

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА В СОВРЕМЕННОМ АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Гюнай Курбанали Меликли

*Национальная академия наук Азербайджана,
Баку, Азербайджан*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 26 июля 2018 <i>Принята к печати:</i> 5 декабря 2018</p>	<p>Аннотация: Политические аспекты формирования гражданского общества и верховенства права в современном Азербайджане совпадают с общими тенденциями в развитии глобализации и политических процессов в современном мире. Характер формирования гражданского общества в Азербайджане неразрывно связан с региональными политическими процессами. В частности, анализ внутренних политических и региональных процессов, проводимых на основе рассмотрения правовой базы и политических структур страны, основных этапов постсоветского развития и тенденций развития гражданского общества, которые в основном проявленные в таких формах общественной жизни, как деятельность неправительственных организаций, гражданское участие, коррупция и бюрократия, авторитаризм в различных эшелонах власти, показали, что гражданское общество в Азербайджане еще не достигло передовых стандартов открытого общества и демократического развития, Формированию верховенства закона препятствуют региональные противоречия, в частности, нагорно-карабахский конфликт, а также высокая правовая неграмотность населения, связанный с традициями характер социальной структуры, элементы коррупции и авторитаризма в управлении на отдельных уровнях.</p>
<p>Об авторе: к.полит.н., научный сотрудник, кафедра современной философии политики, Институт философии, Национальная академия наук Азербайджана e-mail: q.abbasova@mail.ru</p>	
<p>Ключевые слова: Азербайджан; гражданское общество; верховенство закона; региональная политика; политические приоритеты; международные политические силы; социальный капитал</p>	

Для цитирования: Melikli, Gunay K. Political Aspects of the Civil Society and Rule of Law Formation in Contemporary Azerbaijan // *Сравнительная политика.* – 2019. – № 1. – С. 157-164.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10010

For citation: Melikli, Gunay K. Political Aspects of the Civil Society and Rule of Law Formation in Contemporary Azerbaijan// *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 1, pp. 157-164.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10010

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ И ПОЛИТИКА

Рецензия на книгу: Ceron, Andrea. Social Media and Political Accountability Bridging the Gap between Citizens and Politicians. London: Palgrave Macmillan, 2017. 236 p.

Гульнур Рафаэлевна Суфиянова

к.ист.наук, доцент, Институт социально-гуманитарных наук, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

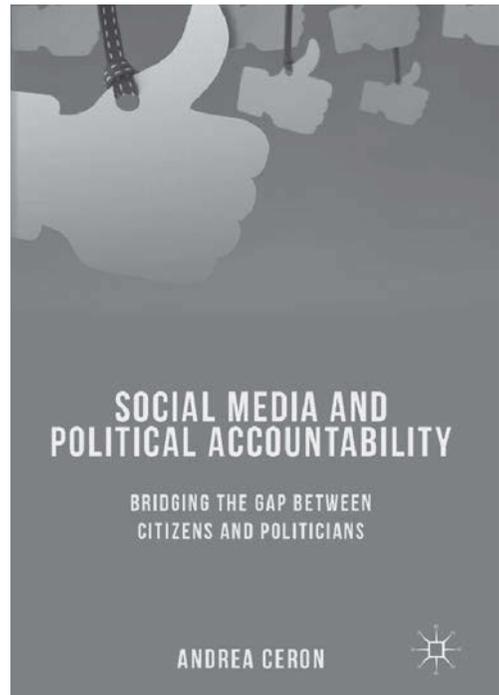
Екатерина Олеговна Зудова,

ассистент, Институт социально-гуманитарных наук, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

Рост количества пользователей всемирной сети, стремительное распространение новых медиа, а также превращение интернет-пространства в площадку для активных политических интеракций открывает новые возможности для исследований. Социальные сети генерируют цифровые данные, и такие данные могут быть информативны с точки зрения изучения предпочтений и поведения политических акторов и рядовых граждан.

Зачастую социальные сети изучаются в контексте избирательных кампаний, в то время как повседневная практика использования Интернета политическими акторами остается без должного внимания исследователей. Монография профессора департамента социальных и политических наук Миланского Университета «Социальные медиа и политическая подотчетность. Преодоление разрыва между гражданами и политиками» Андреа Черона¹ восполняет этот пробел. Его исследование иллюстрирует, как платформы социальных сетей позволяют нам понимать повседневную политику, внутрипартийную и межпартийную конкуренцию, процесс кадровых назначений и оценивать степень, в которой они могут способствовать подотчетности политиков, прозрачности процесса принятия политических решений.

¹ Ceron, Andrea. Social Media and Political Accountability Bridging the Gap between Citizens and Politicians. London: Palgrave Macmillan, 2017. 236 p.

Анализируя несколько ключевых эпизодов политической жизни Италии 2012-2016 гг. (предварительные выборы левоцентристской коалиции «Италия. Общее благо» за право выдвижения единой кандидатуры на пост премьер-министра, реформы правительства Маттео Ренци, президентские выборы 2013 г., обсуждение и принятие закона о «Гражданских союзах», реформа системы образования) автор показывает какое влияние имеют социальные сети на действия политиков, а также демонстрирует какие возможности открывает перед исследователями текстовый анализ сообщений в *Twitter* и *Facebook*.

Монография состоит из 9 глав и заключения. В главе 1 излагаются методологические и теоретические рамки исследования, приводится обзор мнений о значении соцсетей в политической жизни общества. В частности, автор говорит о роли социальных медиа в качестве «зеркала», позволяющего гражданам получать дополнительную информацию для оценки работы правительства и отслеживать факты превышения его членами своих полномочий. Кроме того, соцсети предоставляют возможность выражения «активного общественного мнения», способного оказывать (успешно или безуспешно) давление на правительство и выбранных

представителей. Являясь соавтором монографии «*Politics and Big Data*»², А. Черон подчеркивает важность анализа социальных медиа как способа мониторинга общественных настроений. Повседневная оценка эволюции мнения рядовых граждан позволяет наблюдателям и ученым отслеживать тенденции в общественном мнении гораздо быстрее, чем традиционные опросы и подчеркивает, что пример Италии демонстрирует, насколько может оказаться более точным «анализ настроений».

В главе 2 автор раскрывает методы исследования и дает пояснение, почему предметом его изучения стало влияние социальных медиа-площадок на политический процесс современной Италии. В последние годы в Италии отмечается резкий рост активности политических деятелей в Интернет-пространстве. Это связано, в первую очередь, с омоложением политического контингента. В 2013 г. две крупнейшие партии Италии сменили лидеров: секретарем Демократической партии стал 38-летний М. Ренци, высшим руководителем «Лиги севера» – 40-летний М. Салвини. Кроме того, после смены высшего руководства Демократической партии средний возраст ее аппарата снизился с 54 до 47 лет. Итальянский парламент претерпел аналогичную трансформацию. В 2013 г. средний возраст членов Палаты депутатов составил 45 лет. Большую роль здесь сыграла успешная выборная кампания широко использовавшего возможности Интернета «Движения пяти звезд» (M5s), 2/3 представителей которого моложе 40 лет. Итальянские политики нового поколения стали более открытыми в социальных сетях и чаще склонны выражать свою позицию в Интернет-пространстве.

В главе 3 А. Черон рассматривает зачастую остающиеся без внимания исследователей вопросы: возможности использования результатов текстового анализа высказываний политиков в интернет-пространстве для изучения внутрипартийного идеологического размежевания, партийных расколов. Проанализировав записи, комментарии партийных лидеров Демократической партии Италии в соцсетях (*Facebook*, *Twitter*), Черон выделил более 10 фракций внутри партии, предсказав возможный выход некоторых партийных функционеров и образования ими самостоятельных организаций, что мы и можем

наблюдать: в феврале 2017 г. в результате непреодолимых разногласий внутри Демократической партии часть её членов заявили об основании собственной организации левого толка «Демократы и прогрессисты», которая будет представлять альтернативу правым и популистам и отстаивать традиционные ценности левого крыла³. Методика исследования А. Черона вполне применима для понимания динамики партийных систем, для которых характерно сильное внутривнутрипартийное размежевание и наличие популистских партий в других странах (например, Великобритании, Германии и Франции).

В главе 4 автор анализирует текстовые сообщения, опубликованные на профилях в *Twitter* и *Facebook* членами Демократической партии, для определения их согласия/несогласия с позицией партийного руководства, и определения степени влияния приверженности партийной линии на возможность получения портфеля в Совете министров. А. Черон приходит к выводу, что в Совет министров смогли пройти только политики с преимущественно центристскими взглядами. Члены Демократической партии с более близкими партийной идеологии убеждениями утратили лидерство, что негативно сказалось на их политической карьере.

Автор достаточно критично оценивает степень влияния пользователей соцсетей на процесс принятия политических решений: так, голосование за кандидатуру Марини на пост президента Итальянской республики и дебаты по законопроекту о Гражданских союзах показали отсутствие реакции на волю пользователей. В то же время Черон подчеркивает важность данных социальных медиа: анализ социальных сетей может стать дополнительным инструментом для оценки общественного настроения, предоставляя возможность по-настоящему понять нестабильное поведение граждан, чье краткосрочное настроение непредсказуемо и варьируется в зависимости от ежедневных событий и вводит понятие «демократия настроений». Преимущество соцсетей, по мнению автора, заключается также в том, что они дают представления о реальных политических и идеологических предпочтениях политиков, так высказывания в блогах, в *Twitter* и *Facebook* зачастую являются непреднамеренными, спонтанными и иногда импульсивными

² *Politics and Big Data: Nowcasting and Forecasting Elections with Social Media* / Andrea Ceron, Luigi Curini and Stefano M. Iacus. New York, NY : Routledge, 2017.

³ Вышедшие из правящей Демпартии Италии политики объявили о создании собственной партии. Режим доступа: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4050742><http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4050742>

утверждениями. Такие заявления отражают истинные предпочтения политических субъектов и позволяют прогнозировать поведения политиков (в том числе и в парламентских фракциях).

Далее автор пытается ответить на вопрос – влияют ли пользователи социальных сетей на принимаемые правительством решения. В данном случае ученый отмечает позицию М. Ренци касательно необходимости повышения роли онлайн-коммуникаций и усиления мониторинга общественного мнения в социальных сетях. В 2013-2014 гг. около 20% итальянских пользователей выражали посредством Интернет социальную и политическую позицию, 10% были напрямую вовлечены в онлайн-дебаты, консультации или онлайн-голосование. Более 8 млн человек (28,5% пользователей Интернет) использовали онлайн-ресурсы для коммуникации с публичной властью.

Социальные сети, по убеждению Андреа Черона предоставляют политикам открытый ресурс для мониторинга общественного мнения в ходе формирования и реализации внутренней политики на разных этапах. Они позволяют отслеживать возникающее недовольство общества и реагировать на него посредством политических решений. Реформы кабинета М. Ренци (реформа школьного образования, трудовая реформа и введение налогового бонуса 80 евро) активно вовлекали онлайн-аудиторию в обсуждение законопроектов. Однако анализ формирования мнений касательно данных политических решений, проведенный А. Чероном, показал преимущественно негативное отношение итальянского населения к реформам, что подтвердилось не только онлайн-дебатами и активной критикой в соцсетях, но и непосредственной протестной мобилизацией населения через социальные сети и внутривнутрипартийными расколами в парламенте. Однако в конечном итоге итальянские власти так и не учли эти данные.

Андреа Черон задает теоретически важные и оригинальные вопросы и отвечает на них с помощью убедительных исследований, проведенных с использованием самых современных методов. Монография, несомненно, полезна и для теоретиков, и для практиков, интересующихся сравнительной политологией, вопросами партийной организации, внутривнутрипартийной политики, анализом социальных сетей и политических коммуникаций.

Литература:

Ceron, Andrea. *Social Media and Political Accountability Bridging the Gap between Citizens and Politicians*. London: Palgrave Macmillan, 2017. 236 p.

Politics and Big Data: Nowcasting and Forecasting Elections with Social Media / Andrea Ceron, Luigi Curini and Stefano M. Iacus. New York, NY : Routledge, 2017.

References:

Ceron, Andrea. *Social Media and Political Accountability Bridging the Gap between Citizens and Politicians*. London: Palgrave Macmillan, 2017. 236 p.

Politics and Big Data: Nowcasting and Forecasting Elections with Social Media / Andrea Ceron, Luigi Curini and Stefano M. Iacus. New York, NY : Routledge, 2017.

SOCIAL NETWORKS AND POLITICS

Book Review: Ceron, Andrea. Social Media and Political Accountability Bridging the Gap between Citizens and Politicians. London: Palgrave Macmillan, 2017. 236 p.

Gulnur R. Sufiyanova

*Candidate of History, Associate Professor,
Institute of Social and Humanitarian Studies,
State University of Tyumen*

Ekaterina O. Zudova

*Teaching Assistant,
Institute of Social and Humanitarian Studies,
State University of Tyumen*

НОВЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ – КАКИЕ ОНИ?

Обсуждаем книгу: Новые международные отношения: основные тенденции и вызовы для России / под ред. А.В. Лукина. – М.: Международные отношения, 2018. – 590 с.

Алексей Дмитриевич Воскресенский

д.полит.н., PhD, профессор,

директор Центра комплексного

китаеведения и региональных проектов,

МГИМО МИД России

Исследование «Новые международные отношения: основные тенденции и вызовы для России» под редакцией профессора А.В. Лукина подготовлено и издано на Факультете мировой экономики и политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» при участии международного дискуссионного клуба «Валдай», Совета по внешней и оборонной политике, а также журнала «Россия в глобальной политике». Ряд авторов книги работают также в МГИМО Университете МИД РФ. Как обозначено в описании этой фундаментальной книги и ее предисловии, – это исследовательская монография, которая предназначена для широкого круга читателей, в первую очередь для политологов, международников, востоковедов, историков, т.е. для широких кругов интеллектуальной общественности, но и одновременно для исследовательского сообщества, а также для студентов. Среди авторов – известные ученые и политики: декан факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ С.А. Караганов, член Совета Федерации Федерального Собрания РФ В.П. Лукин, руководитель департамента международных отношений этого факультета А.В. Лукин, главный редактор журнала «Россия в глобальной политике» председатель президиума неправительственной организации «Совет по внешней и оборонной политике» Ф.А. Лукьянов, руководитель департамента мировой экономики НИУ ВШЭ советник руководителя Аналитического центра при Правительстве РФ Л.М. Григорьев, член-корреспондент РАН В.М. Давыдов, заведующий кафедрой востоковедения МГИМО Д.В. Стрельцов, чрезвычайный и полномочный посол В.И. Денисов и др.

Центральными вопросами исследования, по мнению ответственного редактора и автора предисловия доктора исторических наук, D. Phil

(Оксфордский университет) А.В. Лукина, являются изучение особенностей эволюции пост-биполярной системы международных отношений и стремление России осмыслить и переосмыслить свое место в этой системе. Авторы выясняют, какой характер носит современная архитектура международных отношений, в каком направлении она меняется, какими научными терминами она может быть описана в процессе ее отхода от униполярности, является ли она полицентричной или же переходный период к полицентричности пока не закончился. В книге довольно подробно исследованы национальные интересы России, а также условия, при которых она может превратиться в самостоятельный центр силы в современных международных отношениях.

Монографическое исследование состоит из двух взаимосвязанных частей. Первый раздел книги посвящен ключевым проблемам формирования нового мирового порядка в системе обозначенных в названии монографии новых международных отношений. В нем также исследована роль России в процессе формирования нового мирового порядка. Открывается первый раздел подробным исследованием международных тенденций и их влияния на российскую внешнюю политику (С.А. Караганов), далее ответственный редактор книги А.В. Лукин рассуждает о том, будет ли пост-биполярный мир ознаменован рождением нового мирового порядка, или мир погрузится в хаос. От этих рассуждений авторы переходят к анализу поиска Россией своей внешнеполитической идентичности (В.П. Лукин). В этом же разделе далее исследуется эволюция подходов к национальной безопасности России (М.В. Братерский) и место России в системе мировых экономических связей (Л.М. Григорьев). Далее анализируются отдельные наиболее важные направления современного мирополитического развития и место России в системе мирополитических связей в этой связи на мировом энергетическом рынке (А.А. Кудрин), в глобальных миграционных, экологических, информационных процессах (авторы соответственно темам – С.Ф. Иванов, И.А. Макаров, Е.С. Зиновьева), исследуется также мировая тенденция интеграции и сепаратизма в современном мире (И.В. Кривушин).

Второй раздел книги посвящен анализу основных направлений внешней политики России, ее стратегии и тактики в основных мировых регионах, а также особенностям ее отношений с ведущими акторами мировой политики. В этом

разделе исследованы российско-американские и российско-китайские отношения (авторы соответственно темам – В.И. Батюк и А.В. Лукин), а также проблемы взаимоотношений России и Европейского Союза (Т.В. Бордачев), России, Украины и Белоруссии (А.И. Суздальцев), России и Центральной Азии (И.Д. Звягельская), России и Южной Азии (С.И. Лунев), России и АСЕАН (Е.А. Канаев), России и Японии (Д.В. Стрельцов), России и Корейского полуострова (В.И. Денисов), России и Латинской Америки (В.М. Давыдов), России и Африки (И.Ф. Филатова).

Основными достоинствами книги является широкий охват проблематики, представленной видением ситуации в мире когортой известных ученых и политиков, хорошая профессиональная проработка проблем, дискуссионность в освещении многих вопросов при сохранении научности и основного фокуса исследования. В принципе, на настоящий момент в России трудно найти аналогичное исследование по современной внешней политике, в котором бы были с такой широтой охвачены основные актуальные дискуссионные проблемы современной системы международных отношений в том разрезе, в котором они обсуждаются большинством отечественных СМИ и которое было бы так репрезентативно представлено в основных книжных магазинах страны. Исключением могло бы быть исследование Российской Ассоциации политической науки (РАПН) «Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития»¹, поскольку оно как раз концентрируется на глобальных политических проблемах структурного, но не обязательно внешнеполитического характера, но эта книга не получила такую известность, как обсуждаемое исследование, хотя в ее написании приняли участие не менее именитые авторы.

¹ Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. – М.: Издательство «Аспект-Пресс», 2015. [Politieskaia nauka pered vyzovami globalnogo i regionalnogo razvitiia (Political science facing the challenges of global and regional development) / Ed by. O.V. Gaman-Golutvinoi. Moscow: «Aspekt-Press», 2015.]; Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. 2-е стереотипное издание. – М.: Издательство «Аспект-Пресс», 2016. [Politieskaia nauka pered vyzovami globalnogo i regionalnogo razvitiia (Political science facing the challenges of global and regional development) / Ed by. O.V. Gaman-Golutvinoi, 2nd ed. Moscow: «Aspekt-Press», 2016.]

Вне сомнения, книга «Новые международные отношения: основные тенденции и вызовы для России» может быть важным подспорьем в современном образовательном процессе, прежде всего в вузах, где читаются широкие общеобразовательные курсы по современной внешней политике России. Интересна книга будет и для исследователей международной проблематики, как отражающая взгляды одной из влиятельных исследовательских групп в российском внешнеполитическом сообществе, подкрепленные и политической, и административной составляющей. По крайней мере, один автор обсуждаемой книги занимал пост министерского уровня, один – действующий советник Аналитического центра при Правительстве РФ, один – член-корреспондент РАН, четверо работали в организациях разной принадлежности, но внешнеполитического профиля, из них трое в ранге посла, десять являются профессорами по должности или имеют научные звания профессора. С этой точки зрения достоинства рецензируемого исследования бесспорны, а охват им профессиональной читательской аудитории широк.

В тоже время книга поднимает много дискуссионных вопросов, по которым исследовательское сообщество России пока не сформировало консенсусную позицию, а научная сторона обсуждаемого издания не свободна от некоторых недостатков. Справедливости ради следует отметить, что это, по-видимому, объясняется нацеленностью книги на слишком широкую аудиторию – то, что хорошо и остро дискуссионно для студентов, у исследовательского и профессионального сообщества может вызывать вопросы или требовать более углубленного рассмотрения, в том числе через призму других парадигм исследования международной проблематики. Не случайно поэтому, на наш взгляд, что научное обоснование композиции книги опущено в ее предисловии, а основное внимание сконцентрировано на аналитическом описании проблематики глав. Другой пример – статья «Интеграция и сепаратизм в современном мире» (И.В. Кривушин) является важной теоретической статьей, но равноценные этой статье другие теоретические главы на темы трансформации современного мира, в которых были исследовались процессы интеграции, регионализации, дифференциации и фрагментации мировой системы отсутствуют, эта важная проблематика «вписана» в разных местах в конкретику повествования довольно лапидарным образом, по-видимому, вызванным ориентацией авторского коллектива на запро-

сы и уровень широкого круга читателей как они его понимают. Если бы все упомянутые темы и их практическая составляющая для внешней политики России были бы помещены в одну главу пусть и обзорного плана, то общая теоретическая составляющая книги была бы существенно усилена, а позиции авторов выглядели бы более монолитными и цельными. Таким образом, возможно, прояснился бы более четко новый характер международных отношений, необходимость анализа которого вынесена в заглавие книги. Освещение многих других вопросов тогда выглядело бы, возможно, более взвешенно и необязательно в таком апологетическом ключе по отношению к силовой составляющей международных отношений, как это представлено в исследовании в рамках наличествующей композиции и основной концепции. Конечно, в учебных программах в любом случае в дополнение к этой книге будут рекомендованы и другие работы, в том числе и научная литература, опубликованная коллективами исследователей ИМЭМО, МГИМО и других университетских центров международных отношений России, однако отношение авторов обсуждаемой книги к мирополитическим вопросам структурного характера также хотелось бы видеть в более развернутом и фундированном виде.

Проблемам глобализации авторы также не уделили серьезного аналитического внимания ни в положительном, ни в отрицательном смысле, что было бы логично в зависимости от их исследовательских предпочтений. Важным представляется отметить это потому, что новый характер международных отношений некоторыми исследователями объясняется, в том числе и через концепцию «схлопывания» глобализационной составляющей мировых процессов. Контекст отношения авторов к глобализации можно понять из фрагментов отдельных глав. В тоже время, в обществе востребована необходимость непредвзятой оценки степени глобализации современного мирового общества и предлагаемых альтернатив с точки зрения прогнозирования наиболее благоприятного и/или наиболее вероятного хода развития мировых событий. Несмотря на отсутствие в целом единого понимания характера новых мировых процессов, причиной которого служит продолжающийся переходный период в международных отношениях, какая-либо развернутая отсылка к пониманию состояния умов международного и отечественного аналитического сообщества по этому вопросу была бы желательна, поскольку без этого трудно обосновать

существо нового характера международных отношений. В этой связи понятно, почему статья об интеграции и сепаратизме помещена в книге на последнем месте в первом разделе, но это решение в контексте высказанных соображений не имеет все же содержательного обоснования, а сделано по нашему мнению, вынужденно, поскольку другого места для этой важной главы в книге найти просто невозможно.

В силу вышеуказанных причин характер исследования международной проблематики в книге получился неравномерным. Впрочем, это также отражает степень остроты полемики научно-аналитического сообщества. Так, некоторые главы первого раздела имеют международно-теоретический характер, другие – исторический даже с «историсофским» оттенком, в то время как третьи представляют собой произведение скорее журналистского жанра. Неравнозначны также главы книги и по размерам, использованной номенклатуре методов, исторической фундированности и взвешенности аргументов. «Сносочный» аппарат фундаментальных глав первого раздела ориентирован скорее на широкую публику, в том числе и студентов, чем на исследовательское сообщество, но для студентов было бы целесообразным список научной литературы сделать более цельным и «утилитарным». В книге много сноска на работы самих авторов статей, что неплохо, поскольку значительная часть из них отсылает к изданиям, известным широкой публике (например, к журналу «Россия в глобальной политике»). Много ссылок в книге на классические работы известных иностранных авторов «старшего поколения» и «журналистской» направленности (Ч. Купчан, Э. Хаас, У. Липпман, З. Бжезинский и др.), но мало работ современных профессиональных исследователей международных проблем, пусть и менее именитых, чем перечисленные авторы, но концентрирующихся на теоретических исследованиях нового структурного характера мировых процессов, новых мировых и региональных тенденций и процессов становления региональных порядков. Понятно, что лапидарность «сносочного» аппарата объясняется необходимостью для российского научно-аналитического сообщества, в том числе, по-видимому, и авторов данной книги, ориентироваться на максимально широкую аудиторию и, как сейчас говорится, «обеспечивать широкий выхлоп» в ущерб образовательной или какой-либо другой, в том числе иногда и научной, составляющей. Вызвано это, возможно, неким новым общим пренебрежением к «скупным» и

«длинным» фундированным научным изданиям классического монографического плана. Однако «гамбургского счета» все же никто не отменял, конъюнктурные соображения рано или поздно отойдут на второй план, а последствия упрощения сложных проблем для умов молодого поколения исследователей в ущерб глубине и комплексности анализа, возможно, уже нельзя будет исправить.

В общем, современные международные отношения в книге предстают по большей части в виде поиска нового баланса между центрами сил. Невольно вспоминается уже классическое исследование одного из авторов книги профессора В.П. Лукина о центрах силы в международных отношениях². Все другие международные процессы, не связанные непосредственно с переконструкцией или реформативизмом центров сил, тактично обойдены, либо убраны на далекую периферию исследования. Конечно, это придает книге концептуально более цельный характер, но и одновременно иллюстрирует тот факт, что современные международные отношения по своему характеру существенно сложнее, чем их отражение в одной, пусть даже и очень хорошей, книге. Хотя авторы довольно много пишут о складывающейся полицентричной системе международных отношений, полицентричность они видят, прежде всего, и в основном только с точки зрения геополитического или военного противостояния разных центров силы или их геополитических взаимодействий конфликтного характера, в то время как в современной науке о международных отношениях полицентричность оценивается, по крайней мере, с трех-четырёх различных методологических позиций и соответствующих им исследовательских подходов и может рассматриваться в том числе и через призму проблематики лидерства и самоорганизации мировой системы³. Одновременно только полицентричностью новый характер международных отношений явно не исчерпывается. Так не менее влиятельным и требующим отражения при разговоре о новом характере международных отноше-

ний является подход новой «региональной многоуровневости» («*regional multiplexity*») и новых региональных порядков, без понимания и оценки которых невозможно сшить внешнюю политику страны не только в Восточной, Юго-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе, но и конструируя отношения с Евросоюзом. Дискуссии по вопросам региональных уровней международных отношений, сочетаемости / не сочетаемости региональных порядков, трансрегионализма и интеррегионализма и других такого рода вопросов, «привязанных» к региональному уровню международных отношений, стали сегодня одними из самых обсуждаемых в сравнении с вопросами военно-политических противостояний, балансов центров военно-политической мощи и разного рода военно-экономических противостояний⁴. В книге, конечно, есть рассуждения об интеграции вообще в мире и в Европейском Союзе в частности, но обойдена концепция «Большой Евразии» в интерпретации президента РФ В.В. Путина и когорты уже многочисленных исследователей этого вопроса⁵. Почти ничего не говорится о Евразийском экономическом пространстве, не высказано отношение к идее сопряжения Евразийского экономического союза и китайского трансрегионального мега-проекта «один пояс, один путь». Конечно, это проблематика носит дискуссионный характер, но книга названа «Новые международные отношения» и поэтому отсутствие этих тем делает исследование уязвимым для критики. В отношении этих моментов профессиональному читателю также хотелось бы

² Лукин. В.П. «Центры силы». Концепции и реальность. – М.: Наука, 1983. [Lukin. V.P. «Tsentry sily». Kontseptsiia i realnost («Centers of Power.» Concepts and Reality). Moscow: Nauka, 1983.]

³ Темников Д.М. Лидерство и самоорганизация в мировой системе. – М.: Аспект-Пресс, 2011. [Temnikov D.M. Liderstvo i samoorganizatsiia v mirovoi sisteme (Leadership and Self-Organization in the World System). Moscow: Aspekt-Press, 2011.]

⁴ Acharya, Amitav. Constructing Global Order. Cambridge, UK, N.Y.: Cambridge University Press, 2018; Практика зарубежного регионоведения и мировой политики. – М.: Инфра-М/Магистр, 2015-2018. [Praktika zarubezhnogo regionovedeniia i mirovoi politiki (Practice of World Regional Studies and World Politics). Moscow: Infra-m/Magistr, 2015-2018.]; Лагутина М.Л. Мир регионов в мировой политической системе XXI века. – СПб: Издательство политехнического университета, 2016. [Lagutina M.L. Mir regionov v mirovoi politicheskoi sisteme XXI veka (World of Regions in the World Political System of the 21st Century). St. Petersburg: Izdatelstvo politekhicheskogo universiteta, 2016.]; Buzan, Barry & Weaver, Ole. Regions and Powers. Cambridge, UK & N.Y.: Cambridge University Press, 2003, 2004.

⁵ См., к примеру: Тренин Д.В. Россия и мир в XXI в. – М.: Эксмо, 2015. [Trenin D.V. Rossiia i mir v XXI v (Russia and the World in the XXI Century). Moscow: Eksmo, 2015.]

большей ясности. Если раньше, говоря о новом характере международных отношений исследователи в основном акцентировали внимание на политической динамике и политическом измерении глобальных проблем и их преимущественно политическом характере, а теперь акцентируют внимание в основном на последствиях подъема Китая, новой гонке вооружений и военных противостояниях, на более жесткой позиции России и американских санкциях, то достаточно ли этого для научного обоснования формулировки «новые международные отношения»? Если же имеется в виду складывающийся новый миропорядок, то он пока находится только в стадии становления и не ясно к какому результирующему основанию «прирулит». Акцент на национализме в некоторых его современных формах в международных отношениях также уже носит по большей части откровенно деструктивный характер и поэтому не может продолжаться бесконечно. К примеру, за деконструкцией американским президентом Д. Трампом торговых союзов, нацеленных на восстановление политики «America first», вполне возможно последует возрождение американского гегемонизма и унилатерализма, и новый, возможно, более успешный виток построения американоцентричных Трансатлантических и Транстихоокеанских союзов и партнерств. Если же имеется в виду все же проблематика новых формирующихся региональных порядков⁶ как результирующая составляющая переходного периода, то этой проблематике в книге не уделено практически никакого внимания, поскольку сделана попытка «прописать» внешнюю политику России «по странам», там, где это возможно, а в других случаях принять во внимание целый ряд различных уровней и профилей, из которых главные из упомянутых в книге – макрорегиональный / субрегиональный, регионально-страновой, проблемный / функциональный – лежат в разных методологических плоскостях, но которые аналитически в теоретическом разделе книги не соединены и, соответственно, не представлены в виде какого-либо цельного видения авторским коллективом и более того – контрастируют с общим акцентом на проблематику перебалансировки центров силы. Именно поэтому начальные международно-политические главы первого раздела, в которых превалирует акцент на анализе силовой политики и делается акцент в сторону

силовой составляющей международных отношений, так контрастируют с главами по экономической, энергетической и экологической проблематике.

Показателен в этом смысле анализ экономической проблематики в статье Л.М. Григорьева, где он пишет «В заключении мы должны вернуться к географии и нынешнему «месту» страны в системе мирохозяйственных связей. Оно во многом схоже с тем, которое Россия имела на протяжении очень долгого времени» (с. 133). Видный экономист делает вывод, что «специфическая особенность потенциала страны может рассматриваться как часть определения фактического «места» страны не только в мировой политике, но и в мирохозяйственных отношениях» (там же), т.е. фактически речь идет о необходимости учета экономического потенциала страны в мировой политике. Мысль, естественно, совершенно правильная, но этот вывод, однако, частично противоречит выводам начальных глав теоретического раздела и заставляет задавать читателя вопрос: а в чем же тогда заключаются эти новые международные отношения в структурном плане, если место нашей страны в системе мирохозяйственных связей все так схоже с прошлым? Достаточно ли в этих новых международных отношениях только восстановления Россией военно-политического потенциала советского периода? Впрочем, Россия его никогда и не теряла, что понимали все профессионалы в области проблематики международной безопасности. Значит ли это тогда, что профессиональному обществу и студентам следует искать другие, дополнительные объяснения «структурным аспектам» новых международных отношений, помимо чисто силовых, а политикам в реальной жизни конструировать другие, не только силовые, инструменты обеспечения российского влияния в этом новом мире с его новым характером международных отношений? Или можно ограничиться констатацией того факта, что у России есть новые, невиданные ранее, типы оружия стратегического сдерживания, которыми другие страны еще не обладают, некоторые никогда и не будут обладать, а сам факт наличия этого оружия у России автоматически делает страну более современной и благополучной?

Ответ на этот вопрос хотелось бы найти во втором разделе книги особенно потому, что проблема «структуры международных отношений» обозначена в названии главы во второй части книги. В этой главе ее автор А.В. Лукин продолжает развивать концепцию тоталитарности идеологии демократизма в США, Европе и на Западе

⁶ Acharya, Amitav. *Constructing Global Order*. Cambridge, UK, N.Y.: Cambridge University Press, 2018, см., к примеру, главу 6 «Regionalism and the Making of Global Order».

в целом в противовес обозначенного им истинного демократизма изменившейся по сравнению с Советским Союзом России. Эта проблематика уже затрагивалась как в статье ответственного редактора в первом разделе исследования, так и в его ранней статье, опубликованной в журнале «Сравнительная политика», на которую он ссылается в обсуждаемой книге. Кстати, в «сносочном» аппарате книги названия источников, к сожалению, зачастую указаны неточно. Так, цитируемый журнал назван «Сравнительная политика и геополитика», что не соответствует его настоящему названию и может затруднить поиск для читателя этой важной и интересной статьи, а для самого автора – уменьшить его научную цитируемость.

Концепция тоталитарности западной демократической идеологии в отличие от истинно демократического характера современной России требует, к слову, по-видимому какого-то более рафинированного и детального разъяснения, поскольку в такой схематичной интерпретации это приводит к явному «черно-белому» изображению современных мировых процессов и ссылок на одну, пусть даже и очень хорошую, опубликованную ответственным редактором книги статью для этого явно не достаточно. Опыт недавнего советского прошлого показывает, что разоблачительный потенциал идеологической тоталитарности Запада, может быть существенно углублен и расширен другими многими убедительными примерами.

После прочтения этой главы в дополнение к первому разделу книги у читателя складывается впечатление, что новые международные отношения и новая их структура объясняются в дополнение к превалированию акцентов на силовых компонентах балансирования между центрами силы, также и идеологическим тоталитаризмом Запада, вызванным упадком США, экономическим подъемом Китая и тесным сближением между Китаем и Россией (с. 312-313). Однако в ситуации пусть пока и нестабильного, но весьма существенного экономического роста в США, результирующего в появлении сомнений у ряда экономистов в верности прогноза о том, что китайская экономика станет первой в мире по объему к 2020 г., сохранения положения КНР как второй торговой державы мира не смотря на черты явного изоляционизма в политике президента Д. Трампа, параллельном замедлении экономического роста в Китае, неясности окончательных долгосрочных инновационных перспектив китайской экономики, что уже неоднократно было отмечено как в

зарубежной, так и в отечественной литературе (к примеру, в прогностических исследованиях авторов ИМЭМО РАН)⁷, вопрос о новой международной структуре и новом характере, или тем более о новых международных отношениях в целом, требует дополнительных разъяснений, а их «новый» характер должен получить, по крайней мере, хотя бы для аналитического сообщества, какое-то более комплексное и логичное объяснение, тем более, что конкурирующие объяснения уже появляются в современной исследовательской литературе по международной проблематике⁸ и им надо бы дать оценку. Несомненно, что взвешенные комплексные объяснения важны для прогнозирования эволюции системы международных отношений и выработки практической внешней политики России на долгосрочную перспективу. Просто обоснование и даже оправдание существующего положения вещей не дает надежды на лучшее будущее и придает российской внешней политике реактивный, а не конструктивно-наступательный характер.

Наличествуя в этом разделе и композиционные просчеты. Так все главы построены по принципу анализа взаимоотношений России с конкретными странами, т.е. по принципу «двусторонности» в отношениях – Россия и США (российско-американские отношения), Россия и Китай (российско-китайские отношения), Россия и Япония (российско-японские отношения). Однако ряд глав имеет другую структуру, отраженную в их названиях (к примеру «Россия, Украина, Белоруссия»). Содержание ряда глав связано с региональной проблематикой, о которой, кстати, почти ничего не говорится в теоретической части

⁷ Россия и мир 2012. Экономика и внешняя политика. Рук. проекта А.А. Дынкин, В.Г. Барановский. – М.: ИМЭМО РАН, 2011. [Rossiia i mir 2012. Ekonomika i vneshniaia politika (Russia and the World 2012. Economy and Foreign Policy). A.A. Dynkin, V.G. Baranovskii. Moscow: IMEMO RAN, 2011.]; Россия в полицентричном мире. Под ред. А.А. Дынкина, Н.И. Ивановой. – М.: Весь Мир, 2011. [Rossiia v politsentrichnom mire (Russia in the Polycentric World). A.A. Dynkin, N.I. Ivanova. Moscow: Ves Mir, 2011.]; Стратегический глобальный прогноз 2030. Под ред. А.А. Дынкина. М.: Магистр, 2011. [Strategicheskii globalnyi prognoz 2030 (Strategic Global Forecast 2030). A.A. Dynkin. Moscow: magistr, 2011.]

⁸ См., к примеру: Acharya, Amitav. Constructing Global Order. Cambridge, UK, N.Y.: Cambridge University Press, 2018.

книги – «Россия в Центральной Азии», «Россия и проблемы Корейского полуострова», «Россия и латиноамериканское направление международных отношений РФ», «Россия и Африка Южнее Сахары». При этом статья «Россия и страны Южной Азии» (С.И. Лунев) структурирована «по странам» в тех разделах, которые касаются Индии и Пакистана с вынесением отдельно раздела о региональной безопасности, которая не рассматривается ни с теоретической, ни с какой другой стороны в других главах. Также С.И. Луневым написан отдельный раздел о региональных/субрегиональных интеграционных группировках в регионе (СААРК), при этом в книге более никакие азиатские интеграционные группировки подробно не рассматриваются. В тоже время в главе о взаимоотношениях России и АСЕАН говорится о «евразийском измерении отношений», поскольку именно эта проблема вынесена в заглавие статьи ее автором Е.А. Канаевым («Формирующееся евразийское измерение отношений России с АСЕАН»), а в самой главе сделан акцент на процессе формирования «социокультурного сообщества АСЕАН» (с. 484-485), по-видимому, как новой характеристики азиатских интеграционных процессов, возможно, в дополнение, а возможно и в противовес европейским. В статье Е.А. Канаева хорошо прописана история и структура формирования этого «социокультурного сообщества» и не постулируется априори необходимость только лишь акцента на двусторонних отношениях. Похожий, но иной акцент в главе «Ближний Восток: на переломе эпох» (автор А.Г. Аксененко), где сначала описывается роль и место региона в современном мире, революционные перемены в нем, а далее, весьма сжато (2-3 стр. текста) – интересы России в регионе, но при этом почти не затрагиваются проблемы внешнеполитических аспектов двусторонних отношений во внешнеполитической деятельности России и ее позиций по острым внешнеполитическим проблемам региона, хотя именно это является основной темой книги.

Конечно, читатель ожидает, что часть из упомянутых проблем может быть «сведена» вместе в заключение к книге о дальнейших перспективах эволюции современных международных проблем с обозначением этой проблематики как дискуссионной, но заканчивается книга развернутой библиографией работ по проблеме, которая отсылает к дополнительной литературе, но не подводит итог обсуждаемым вопросам. В библиографии, тем не менее, отсутствует целый ряд значимых отечественных

и зарубежных работ по международной проблематике, в частности, прогностические коллективные и авторские исследования ИМЭМО РАН, МГИМО, ИДВ РАН, Института Востоковедения РАН. В качестве конкретного примера: присутствует книга Б.Н. Кузика и Т.Л. Шаумян о российско-индийских отношениях, но отсутствует книга того же Б.Н. Кузика в соавторстве с М.Л. Титаренко о российско-китайских отношениях и др.⁹, знакомство с которой расширило бы понимание читателями, особенно студентами, некоторых из обозначенных вопросов.

Таким образом, обсуждаемая книга является интересным, фундаментальным и серьезным исследованием. Очень хорошо, что она не просто напечатана, а широко представлена на прилавках российских книжных магазинов. Книга вне сомнения может быть важным подспорьем в современном образовательном процессе, прежде всего в вузах, где читаются общие курсы по современной внешней политике России. Важна она и для политического и внешнеполитического сообществ России, поскольку позволяет вести квалифицированную дискуссию по многим важным вопросам внешнеполитического и внешнеэкономического развития. Книга носит дискуссионный характер, одновременно отмечена явными авторскими политическими пристрастиями и антипатиями, которые в целом все же носят академический характер и не подрывают ее общего научного характера. В то же время заточенность на одном методологическом и теоретическом подходе, нацеленность на максимально широкую аудиторию в ущерб глубине исследовательской компоненты ослабляют общее сильное впечатление для профессионального сообщества и приводят к тому, что многие важные вопросы современных международных отношений в контексте разработки и проведения внешней политики России

⁹ Кузык Б.Н., Шаумян Т.Л. Индия – Россия: стратегия партнерства в XXI в. – М.: Институт экономических стратегий, Институт востоковедения РАН, 2009. [Kuzyk, B.N., Shaumian, T.L. India – Russia: strategiiia partnerstva v XXI v (India – Russia: Partnership Strategy in the 21st Century). Moscow: Institut ekonomicheskikh strategii, Institut vostokovedeniia RAN, 2009.]; Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай – Россия – 2050: стратегия соразвития. – М.: Институт экономических стратегий, 2006. [Kuzyk, B.N., Titarenko, M.L. Kitai – Rossiia – 2050: Strategiiia sorazvitiia (China – Russia – 2050: Co-development Strategy). Moscow: Institut ekonomicheskikh strategii, 2006.]

оказались незаслуженно обойденными. Справедливости ради, правда, надо отметить, что при этом существенно повышается пропагандистский и идеологический эффект исследования. Поэтому в целом уже сам факт появления такого важного дискуссионного исследования, несомненно, даст плодотворные результаты при формировании практических идеологических аспектов российской внешней политики, а НИУ ВШЭ – возможность закрепиться в качестве одного из новых российских ведущих центров современных международных отношений.

Литература:

Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай – Россия – 2050: стратегия соразвития. – М.: Институт экономических стратегий, 2006.

Кузык Б.Н., Шаумян Т.Л. Индия – Россия: стратегия партнерства в XXI в. – М.: Институт экономических стратегий, Институт востоковедения РАН, 2009.

Лагутина М.Л. Мир регионов в мировой политической системе XXI века. – СПб: Издательство политехнического университета, 2016.

Лукин В.П. «Центры силы». Концепции и реальность. – М.: Наука, 1983.

Новые международные отношения: основные тенденции и вызовы для России / под ред. А.В. Лукина. – М.: Международные отношения, 2018. – 590 с.

Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. – М.: Издательство «Аспект-Пресс», 2015.

Практика зарубежного регионоведения и мировой политики. – М.: Инфра-М/Магистр, 2015–2018.

Россия в полицентричном мире. Под ред. А.А. Дынкина, Н.И. Ивановой. – М.: Весь Мир, 2011.

Россия и мир 2012. Экономика и внешняя политика. Рук. проекта А.А. Дынкин, В.Г. Барановский. – М.: ИМЭМО РАН, 2011.

Стратегический глобальный прогноз 2030. Под ред. А.А. Дынкина. М.: Магистр, 2011.

Темников Д.М. Лидерство и самоорганизация в мировой системе. – М.: Аспект-Пресс, 2011.

Тренин Д.В. Россия и мир в XXI в. – М.: Эксмо, 2015. Acharya, Amitav. Constructing Global Order. Cambridge, UK, N.Y.: Cambridge University Press, 2018.

Buzan, Barry & Weaver, Ole. Regions and Powers. Cambridge, UK & N.Y.: Cambridge University Press, 2003, 2004.

References:

Acharya, Amitav. Constructing Global Order. Cambridge, UK, N.Y.: Cambridge University Press, 2018.

Buzan, Barry & Weaver, Ole. Regions and Powers. Cambridge, UK & N.Y.: Cambridge University Press, 2003, 2004.

Kuzyk, B.N., Shaumian, T.L. India – Rossiia: strategiiia partnerstva v XXI v (India – Russia: Partnership Strategy in the 21st Century). Moscow: Institut ekonomicheskikh strategii, Institut vostokovedeniia RAN, 2009.

Kuzyk, B.N., Titarenko, M.L. Kitai – Rossiia – 2050: Strategiiia sorazvitiia (China – Russia – 2050: Co-development Strategy). Moscow: Institut ekonomicheskikh strategii, 2006.

Лагутина, М.Л. Мир регионов в мировой политической системе XXI века (World of Regions in the World Political System of the 21st Century). St. Petersburg: Izdatelstvo politekhnicheskogo universiteta, 2016.

Лукин, В.П. «Тsentры силы». Kontseptsii i realnost (“Centers of Power.” Concepts and Reality). Moscow: Nauka, 1983.

Novye mezhdunarodnye otnosheniia: osnovnye tendentsii i vyzovy dlia Rossii (New International Relations: Main Trends and Challenges for Russia) / ed. A.V. Lukin. Moscow: International Relations, 2018. 590 p.

Politicheskaiia nauka pered vyzovami globalnogo i regionalnogo razvitiia (Political science facing the challenges of global and regional development) / Ed by. O.V. Gaman-Golutvinoi. Moscow: «Aspekt-Press», 2015.

Praktika zarubezhnogo regionovedeniia i mirovoi politiki (Practice of World Regional Studies and World Politics). Moscow: Infra-m/Magistr, 2015–2018.

Rossiia i mir 2012. Ekonomika i vneshniaia politika (Russia and the World 2012. Economy and Foreign Policy). A.A. Dynkin, V.G. Baranovskii. Moscow: IMEMO RAN, 2011.

Rossiia v politsentrichnom mire (Russia in the Polycentric World). A.A. Dynkin, N.I. Ivanova. Moscow: Ves Mir, 2011.

Strategicheskii globalnyi prognoz 2030 (Strategic Global Forecast 2030). A.A. Dynkin. Moscow: magistr, 2011.

Temnikov, D.M. Liderstvo i samoorganizatsiia v mirovoi sisteme (Leadership and Self-Organization in the World System). Moscow: Aspekt-Press, 2011.

Trenin, D.V. Rossiia i mir v XXI v (Russia and the World in the XXI Century). Moscow: Eksmo, 2015.

NEW INTERNATIONAL RELATIONS – WHAT ARE THEY?

Discussing the book: New International Relations: Main Trends and Challenges for Russia / ed. A.V. Lukin. Moscow: International Relations, 2018. 590 p. (in Russian)

Alexei D. Voskressenski

Dr of Political Science, PhD, Professor, Director of the Centre for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects, MGIMO University

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ПОЛИТИКЕ КИТАЯ В АЗИИ (г. Пуатье, Франция)

29 августа – 1 сентября в зале конгрессов французского технополиса «Футюрскоп», расположенного в окрестностях г. Пуатье, прошла международная конференция и политические дебаты, посвященные политике Китая в Азии и вариантам ответа на нее в разных регионах мира. В работе конференции принял участие главный редактор журнала «Сравнительная политика» профессор А.Д. Воскресенский.

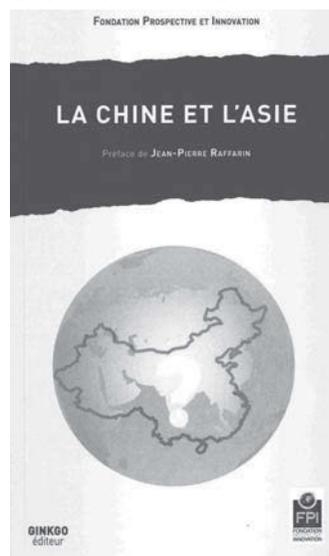
Конференцию открыл бывший премьер-министр и председатель Комиссии по международным делам и обороне, специальный представитель правительства Франции по отношениям с Китаем Жан-Пьер Раффарен и сенатор Департамента Вьенн Алан Фуше.

В первой части конференции, посвященной сравнительному анализу политики различных держав в Азии, с докладами выступили доктор Алис Экман (Французский институт международных отношений), профессор А.Д. Воскресенский (директор Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО), посол Австралии во Франции Бернан Берне, бывший госсекретарь Министерства иностранных дел Индии посол Канван Сибал. Во второй, посвященной политике великих держав в Азии, – профессор Бертран Бади (Сьянс По), сенатор Кристиан Камбон (председатель Комиссии Сената Франции по международным делам и обороне), посол Франции в России Сильви Берман, директор Китайского департамента Европейской служ-

бы внешних действий Кристоф Мане. В третьей части, посвященной китайскому проекту «Один пояс – один путь» и международным последствиям его осуществления, – профессор и посол Мишель Фуше (Дом наук о человеке), заместитель директора исследовательской группы Родий Агата Кратц, председатель франко-китайской Ассоциации сотрудничества в области электротехники Эрве Машно, посол Туниса в Китае и Индии Мохаммад Басли. Дебаты между участниками конференции провел Жан-Пьер Раффарен.

По результатам конференции была издана книга «Китай и Азия» в престижном французском издательстве «Гинко Едитер», ответственный редактор книги – бывший премьер-министр Франции Жан-Пьер Раффарен. Среди соавторов

книги – посол Франции в России Сильви Берман и главный редактор журнала «Сравнительная политика» профессор А.Д. Воскресенский.

НИШАНЬСКИЙ ФОРУМ МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

26–27 сентября в Цюйфу (Китай, провинция Шаньдун) на родине Конфуция состоялся V Нишаньский форум мировых цивилизаций. Участниками форума стали свыше 260 китайских и зарубежных ученых, занимающихся исследованиями конфуцианства, китайской и мировой культуры, религии, антропологии, социологии.

Главной темой форума стало взаимное влияние цивилизаций и поиск общего будущего в развитии человечества. На торжественной церемонии открытия выступили заместитель председателя Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей Чжан Чуньянь, секретарь партийной организации провинции Шаньдун Лю Цзяи, заместитель главы МИД КНР Ван Чао, заместитель министра образования КНР Сунь Яо, заместитель министра культуры и туризма КНР Ли Цюнь, американский философ и теолог Джон Кобб, руководитель Школы китайской традиционной культуры Университета Цинхуа Чэнь Лай.

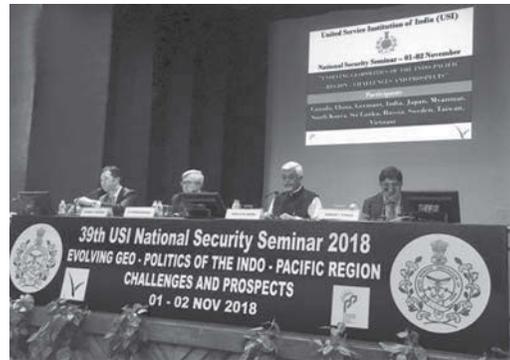
Важное место на форуме занимали темы соотношения инициативы «Один пояс, один путь» и создания сообщества судьбы человечества, ответственности на новую эпоху развития человеческой цивилизации, защиты культурного наследия. Главный научный сотрудник Центра комплексного Китаеведения и региональных проектов МГИМО профессор РАН А.В.Ломанов участвовал в работе секции «Философский диалог между культурами», проходившей в формате диалога между исследователями.

По итогам мероприятия было обнародовано заявление председателя V Нишаньского форума мировых цивилизаций, в котором были подчеркнуты идеи важности сохранения многообразия цивилизаций в современном мире, расширения взаимодействия и взаимопроникновения между цивилизациями.

*Центр комплексного
Китаеведения и региональных проектов,
МГИМО МИД России*

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ИЗМЕНЯЮЩАЯСЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ИНДО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ» В ИНДИЙСКОМ ИНСТИТУТЕ ОБЪЕДИНЕННЫХ РОДОВ ВОЙСК

1–2 ноября в Индийском институте объединенных родов войск состоялась очередная ежегодная конференция на тему «Изменяющаяся геополитическая ситуация в Индо-Тихоокеанском регионе: вызовы и перспективы».

Индийский институт объединенных родов войск – одно из старейших образовательных и научных учреждений Индии. Институт был основан в 1870 г. для развития военно-стратегических исследований. С 1871 г. институт издает собственный журнал, публикация которого не прекращалась даже в периоды двух мировых войн.

В настоящее время директором института является генерал-лейтенант П.К.Сингх. Открывая конференцию, он отметил, что ее задачей является поиск синтетических подходов к тому, как могло бы быть организовано сотрудничество различных игроков на пространстве Индо-Тихоокеанского региона. В рамках инаугурационной сессии перед собравшимися выступили генерал Бипин Рават и посол Австралии в Индии Хариндер Сидху. В начале работы второго дня конференции состоялось выступление вице-адмирала Прадипа Чаухана. Конференционные дискуссии были организованы в рамках четырех сессий, посвященных политическим, стратегическим и экономическим аспектам ситуации в Индо-Тихоокеанском регионе.

Директор Центра комплексного Китаеведения и региональных проектов МГИМО профессор А.Д.Воскресенский выступил в качестве сопредседателя второй сессии конференции «Экономические вызовы и перспективы экономического развития Индо-Тихоокеанского региона» вместе с профессором экономики Санджая Бару, бывшим советником премьер-министра Индии Манмохана

Сингха (2004-2008), директором по геоэкономике Лондонского института стратегических исследований (2011-2016), директором Арбитража и члена Консультативного Совета Национальной Безопасности Индии. Профессор А.Д.Воскресенский также сделал заключительное выступление на сессии «Уроки истории и взаимосвязь экономических и стратегических новаций в анализе возвышения Китая и его влияния на ситуацию в Индо-Тихоокеанском регионе».

Эксперт Центра АСЕАН МГИМО доцент Е.В.Колдунова выступила с докладом в рамках третьей сессии. Ее выступление было посвящено анализу противоречий в подходах к определению Индо-Тихоокеанского региона, характерных для США, Австралии, Индии, Японии и АСЕАН, которые на данном этапе препятствуют выработке какого-либо единого понимания возможных форматов экономического сотрудничества. Отдельно в рамках доклада была рассмотрена роль АСЕАН в конструировании Индо-Тихоокеанского региона, а также политические и экономические вызовы, с которыми сталкивается Ассоциация в результате продвижения концепции Индо-Пасифики.

*Центр комплексного
китаеведения и региональных проектов
Центр АСЕАН,
МГИМО МИД России*

МГИМО-УНИВЕРСИТЕТ И ЖУРНАЛ «СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА» РАЗВИВАЮТ НАУЧНОЕ И КУЛЬТУРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО С АВСТРАЛИЕЙ

С 25 по 28 ноября 2018 г. директор Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО, основатель и главный редактор журнала «Сравнительная политика» профессор А.Д. Воскресенский находился в научной командировке по приглашению Австралийского Национального Университета (АНУ). 26 ноября профессор А.Д. Воскресенский посетил Госдепартамент иностранных дел и торговли Австралии, где состоялся обмен мнениями по проблемам международных отношений и региональной безопасности в АТР. Австралийская сторона была представлена заместителем Госсекретаря и начальником Управления по делам Европы и Латинской Америки Кевином Макги, директором Отдела Восточной Европы и Западных Балкан Дэвидом Льюисом, заместителем директора Отдела Северной, Центральной и Восточной Европы Маком Баерсом и др. дипломатами. В ходе обмена мнениями был затронут широкий круг вопросов, связанных с подъемом Китая, изменениями в региональной системе безопасности, субрегиональных структур АТР, роли АСЕАН и др. 27 ноября 2018 г. состоялась встреча профессора А.Д. Воскресенского с Председателем академического совета АНУ, деканом по международным делам Колледжа общественных наук, директором Центра европейских исследований профессором Жаклин Ло, а также прошел неформальный круглый стол с заместителем директора Центра профессором Анной-Мари Элайя и исследовательским составом. В ходе встреч профессора и научные сотрудники обменялись мнениями по различным сторонам академической деятельности университетов АНУ и МГИМО, включая образовательные вопросы и возможные направления научного сотрудничества. 28 ноября профессор А.Д. Воскресенский принял участие в круглом столе Колледжа национальной безопасности АНУ, на котором были обсуждены вопро-

сы региональных структур безопасности в Азии и АТР, роли Китая, а также возможных вариантов эволюции Азиатско-Тихоокеанского региона (Индо-Пасифики). Австралийская сторона была представлена главой Колледжа профессором Рори Медкалфом, академическим директором профессором Мэтью Сассексом, профессором Ричардом Ригби, открывшим в 2017 г. в МГИМО программу публичных лекций им. Г. Ригби, и др. 28 декабря профессор А.Д. Воскресенский прочитал в АНУ открытую лекцию “China Rise and Regional Security”, собравшую широкую аудиторию профессорско-преподавательского состава и студентов АНУ, Университетов Канберры и Южного Уэльса, исследователей Австралийского Института международных отношений, представителей посольств России, Франции, Венгрии, Польши, Украины, а также заинтересованной общественности. Лекция завершилась сессией вопросов и ответов, а также оживленной дискуссией. На всех мероприятиях участникам представлялся журнал «Сравнительная политика».

29 ноября 2018 г. в рамках визита в Австралию профессор А.Д. Воскресенский прочел публичную лекцию “Региональная безопасность в АТР – взгляд из Москвы» в Королевском Технологическом Университете Мельбурна (RMIT). RMIT является одним из трех старейших вузов Австралии, крупнейшим национальным высшим образовательным учреждением и первым, разработавшим свою международную стратегию образования с азиатскими партнерами как по академическим, так и по профессиональным программам обучения. Публичная лекция прошла с большим успехом, вызвала вопросы и оживленную дискуссию. 30 ноября состоялась встреча профессора А.Д. Воскресенского с президентом (Chancellor) АНУ профессором Гаретом Эвансом, высшим должностным лицом АНУ. Профессор Эванс – известная публичная фигура мировой политической и общественной жизни, занимал различные министерские посты, включая пост министра иностранных дел Австралии. Будучи одним из основателей АТЭС и АРФ, он возглавлял международные комиссии по проблемам суверенитета, разоружения и считается одним из ста выдающихся глобальных мыслителей современности. В ходе беседы произошел оживленный обмен мнениями по проблемам глобальной и региональной безопасности, роли Австралии, Китая и России в мировых делах, а также по вопросам международного научного сотрудничества. Профессора обменялись авторскими экземплярами своих книг - ответным по-

дарком на бестселлер Гарета Эванса “Incorrigible Optimist” была монография А.Д. Воскресенского “Non-Western International Relations Theories”.

30 ноября 2018 г. профессор А.Д. Воскресенский в качестве почетного гостя посетил открытие совместной выставки австралийских художников китайского происхождения Фухуна и Эко. Выставка проходила при поддержке Китайско-австралийского фонда культуры и искусства, она была открыта вступительным словом на китайском языке профессора Королевского технологического университета Мельбурна Чэнь Гошэн. Выставка посвящена различным сторонам жизни китайской диаспоры Мельбурна, представленной в западной и восточной технике исполнения. Сочетание разных техник и стилей приводит к гармоничному синтезу восточного и западного в своеобразной оригинальной манере, присущей только австралийским художникам китайского происхождения. Выставка собрала представителей австралийского художественного мира, художников, писателей и поэтов китайского происхождения, а также интеллигенции и ученого сословия Мельбурна, она сопровождалась оживленным обменом идеями и мнениями на китайском языке.

НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ

La Chine et L'Asie. Preface de Jean-Pierre Raffarin. Paris: Ginko Editeur, 2018

Книга «Китай и Азия», выпущенная французским издательством Ginko Editeur, является коллективной монографией, посвященной проблемам взаимоотношения Китая и Азии и выпущенной по результатам международной конференции в г. Пуатье (Франция) в сентябре 2018 г. о взаимоотношениях Китая, ЕС, России, США в Азии. В работе конференции и в качестве соавторов – участников коллективной монографии приняли участие среди других исследователей и политиков посол Франции в России доктор Сильви Бирман и директор Центра комплексного Китаеведения и региональных проектов МГИМО профессор А.Д. Воскресенский. Вступление и Предисловие к книге написано бывшим премьер-министром Франции и президентом инновационного научно-исследовательского фонда Футюроскоп Жан-Пьером Раффареном.

Книга состоит из четырех глав. В *первой главе* «Азия, Китай, перекрестное восприятие» анализируется новое место Китая в мире и констатируется факт неудовлетворенности Китая существующей региональной структуризацией, отражающей западное видение системы региональных альянсов в прошлую эпоху западного доминирования. В ответ на это несоответствие азиатских региональных конфигураций своей новой региональной и глобальной роли Китай начал структурировать неформальный «клуб друзей», основными из которых являются Россия и Пакистан. Кроме этого была создана Шанхайская группа, которая послужила основой для создания Шанхайской организации сотрудничества. Дальнейшее развитие международных и региональных событий привело к образованию сфер напряженности в пространственно-территориальном (Тайвань, о-ва в Южно-Китайском море) и геополитическом (подъем Китая, Индии, изменение старых и образование новых региональных структур) измерениях. В этой главе отдельно рассмотрена эволюция российско-китайских отношений и варианты их структурообразующей региональной роли, а также рассматриваются роль и место Австралии и Индии в новой геоструктуре Азиатско-Тихоокеанских взаимоотношений.

Во *второй главе* книги «Какова роль великих держав?» рассматривается и переосмыляется роль великих держав в Азии. Выделяется эпоха супердержав (*surpuissance*), экстрадержав (*extra-puissance*) и контрдержав (*contre-puissance*), констатируется изменение структур мирополитического взаимодействия и постулируется изменение роли Китая по сравнению с мировыми и региональными конфигурациями и местом в них великих держав прошлого и развитие вне этой логики прошлого. Также отмечается новая роль американского руководства, которая отличается нестабильностью, непредсказуемостью и волюнтаризмом на международной арене. В *третьей главе* «Пятилетняя история Шелковых путей» анализируются предварительные итоги и современное состояние китайских трансрегиональных проектов «Шелковый путь» и «Морской Шелковый путь» и показывается как трансрегиональные коммуникационные коридоры, в том числе и китайские проекты, могут способствовать экономическому развитию Евразии. В *четвертой главе* книги анализируется китайское и французское видение развития Евразии и отмечается необходимость мультилатерализма как платформы взаимодействия и консенсусного согласования различных национальных интересов на пространстве Евразии. Автор второго параграфа *четвертой главы* книги, посвященный французскому видению эволюции международных отношений в Евразии, месту в этом процессе НАТО и китайских проектов «один пояс, один путь», а также направлений развития франко-китайских отношений – министр по делам Европы и иностранных дел Жан-Ив ЛеДриан.

В *заключении* к книге подводятся итоги дискуссий международного коллектива и выявляются новые проблемы, которые предстоит решать совместно на пространстве Евразии европейским державам, России, странам Центральной Азии и Китаю.

Книга рассчитана на широкую аудиторию и позволяет донести сложнейшие геополитические и геостратегические вопросы современных международных отношений Евразии до широкой аудитории франкофонного мира.

ЖУРНАЛ
«ЦЕННОСТИ И СМЫСЛЫ»
2018, № 5 (57)
<http://tsennosti.instet.ru>

Журнал включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов ВАК, рекомендуемых для публикации научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук; в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и размещен на платформе Научной электронной библиотеки eLibrary.ru; в российские и международные базы данных, в том числе: OCLC Worldcat, BASE, ROAR, RePEc, OpenAIRE, Соционет, EBSCO A-to-Z, EBSCO Discovery Service.

*Тематический выпуск журнала,
посвященный Образовательному форуму
«Учебник в современной информационно-образовательной среде».*

*Организатор — ФГБНУ
«Институт стратегии развития образования РАО»
11–12 октября 2018 г.*

СОДЕРЖАНИЕ

М.А. Лукацкий, М.И. Макаров, Ю.Г. Куровская. Как разобраться в том, что современный учебник сообщает школьнику о мире и человеке

Б.А. Ланин. Читательский канон и литературное образование в современной школе

Е.С. Романичева. Современный учебник литературы: на что ориентироваться сегодня? (К столетию со дня рождения Г.И.Беленького)

Е.Л. Ерохина. Жанровый кластер современного учебника литературы

Л.Н. Алексахина, Н.И. Ворожейкина. Визуальные источники в современных учебниках истории как объект познавательной деятельности школьников

А.Ю. Лазебникова, О.А. Французова. Учебник обществознания: этапы, факторы и направления обновления

Т.В. Коваль, И.А. Лобанов. Функциональное взаимодействие школьного учебника и массмедиа

Д.Н. Кожевников. Современные особенности использования средств модельной наглядности в процессе обучения

М.З. Биболетова, Н.Н. Трубанева. Роль учебно-методического комплекта по иностранному языку в моделировании современной информационнообразовательной среды

М.А. Лытаева, Н.В.Базина, А.М. Ионова. Второй иностранный язык в средней школе: осознанная необходимость

А.А. Колесников. Методика разработки современного учебного пособия для иноязычного профориентационного курса по выбору

О.В. Хорохордина. Лингвистические основания и методические принципы современного учебника по русскому языку как иностранному для продвинутого этапа обучения

О.А. Рызде. Организация самостоятельной работы на основе средств обучения

А.Ф. Галимуллина, В.Ю.Меликсетян. Роль школьного учебника литературы при изучении рассказа В.Г. Распутина «Уроки французского» с использованием интерактивных методов обучения

К.А. Габеева. Развитие умения монологической речи на английском языке: этапы работы

Л.Ю. Устинова. Скрайбинг на уроках литературы: создание визуального концепта

ПАРТНЕРЫ

DEUTSCHE WELLE

Deutsche Welle («Немецкая волна») – немецкая международная телерадиокомпания, ориентированная на зарубежных зрителей и слушателей. Помимо теле- и радиовещания «Немецкая волна» поддерживает сайт на 30 языках и имеет собственную академию. Штаб-квартира расположена в Бонне, основная студия – в Берлине. Является одной из компаний ARD. В *Deutsche Welle* работает около 3000 сотрудников и фрилансеров из 60 стран. «Немецкая волна» существует с 3 мая 1953 года.

Подробнее: www.dw.com

HIPSIR

Call for January 2019 Applications

Is now accepting applications for MA degree in peace studies and international relations. Candidates should apply by 30th November 2018 for January 2019 intake and 30th April 2019 for August 2019 intake.

Application forms are available online at:
www.hipsir.hekima.ac.ke

Hekima Institute of Peace Studies and International Relations (HIPSIR) offers MA degree in Peace Studies and International Relations. HIPSIR also offers accredited certificate courses in conflict analysis, transitional justice, human rights and good governance; peacebuilding, conflict resolution and reconciliation; Catholic Social Teaching; refugee, migration and peacebuilding; leadership and management, among others.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

При направлении материалов в журнал просим Вас соблюдать следующие требования.

Редакционный совет и редакция журнала рассматривают *авторские рукописи оригинального характера, содержащие результаты исследований, не публиковавшиеся ранее и не принятые к публикации другими журналами, основанные на методах сравнительно-политического и сравнительно-исторического анализа*. К публикации принимаются статьи (20000–75000 печатных знаков со всеми сносками и пробелами), рецензии на недавно вышедшие научные издания (до 25000 знаков), а также заметки о важнейших событиях в мире политической науки (до 15000 знаков). Рукописи должны быть отредактированы и соответствовать научному стилю речи.

Материалы необходимо присылать на сайт www.comparativepolitics.org с обязательной регистрацией на сайте и копией на электронную почту sravnitpolit@mail.ru, или представить в редакцию на электронном носителе (119454, Москва, пр-т Вернадского 76, МГИМО МИД России).

Внимание! В редакционный цикл включаются рукописи, соответствующие всем требованиям к содержанию и комплектности:

Правила оформления статьи:

- формат doc, docx; А4, интервал – 1,5;
- размер шрифта – 14;
- ссылки постраничные: шрифт – 12, интервал – 1;
- в конце статьи – полный список литературы в алфавитном порядке на русском и английском языке (с транслитерацией и переводом);
 - поля: слева – 3 см, сверху, справа и снизу – 2 см;
 - все таблицы, графики, схемы, рисунки должны редактироваться в Microsoft Word, быть пронумерованы, озаглавлены, иметь перевод названия на английский язык и ссылки в тексте;

Комплектность статьи:

- заглавие статьи на русском языке прописными (заглавными) буквами (должно быть коротким, отражать суть исследовательской проблемы);
 - фамилия, имя, отчество автора(ов);
 - резюме статьи на русском языке (200-250 слов);
 - ключевые слова (7-12 слов на русском языке);
 - основной текст статьи;
 - информация об авторе (ФИО полностью, научные звания, должность, место работы (с указанием почтового адреса), научная специализация, e-mail);
 - заглавие статьи на английском языке прописными (заглавными) буквами;
 - имя фамилия (английская транскрипция);

– abstract (резюме на английском языке, 200-250 слов);

- key words (7-12 слов на английском языке);
- about the author (на английском языке: ФИО, научные звания, должность, место работы и почтовый адрес, научная специализация, e-mail);
- иные материалы – по согласованию с редакцией.

В редакцию необходимо направлять два файла статьи – один, содержащий всю информацию об авторе (см. выше), один – без идентификации автора для анонимного рецензирования экспертами в данной области.

Принятие статьи к рассмотрению не означает гарантии ее публикации, поскольку она проходит этап рецензирования и редактирования. Редакция оставляет за собой право на редактирование и сокращение материалов.

Правила оформления ссылок:

Библиографические данные литературы в сносках оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1 и ГОСТ 7.82.

Русскоязычная литература обязательно должна быть транслитерирована латиницей с переводом названия на английский язык. Примеры и требования оформления литературы смотрите на сайте журнала: <https://www.comparativepolitics.org/jour/about/submissions#authorGuidelines>

Транслитерировать можно автоматически с помощью сайта translit.ru; режим транслитерации следует выбрать LC (Library of Congress).

Статьи аспирантов принимаются при наличии рецензии или рекомендации соответствующих кафедр вузов, отделов, секторов научно-исследовательских учреждений либо научного руководителя.

При несоблюдении перечисленных требований присланные материалы не рассматриваются.

GUIDE FOR THE AUTHORS

Submissions should comply with the following requirements.

Editorial Board and Editorial Council consider *original research works from all subfields of Political Science based on a method of political or historical comparison on the strict condition that they have not been published yet or accepted for publication in other journals*. The journal publishes different types of manuscripts: a) articles (20000–75000 typographical units including footnotes and whitespaces); b) book reviews (up to 25000 typographical units); c) notes on significant events in Political Science (up to 15000 typographical units). Manuscripts must be properly edited and written in an academic style.

Works must be submitted to the journal's website www.comparativepolitics.org with e-mail copy (sravnitpolit@mail.ru), or delivered to the Editorial office in hard and electronic copies (76, Prospect Vernadskogo, MGIMO-University, Moscow, 119454, Russia).

Working with your texts, please, proceed from the following format parameters:

- doc, .docx; A-4 format, interval – 1,5;
- font size – 14;
- footnotes: font size – 12, interval – 1;
- Literature List / References in alphabet order;
- margins: left – 3 см, upper, lower and right – 2 см;
- tables, charts, diagrams, pictures should be edited in Microsoft Word, have numbers, titles and references in the text.

Please, verify the compliance of materials with the following structure of an article:

- Title in English in capital letters (should be short and reflect the research problem);
 - Surname and author(s) initials;
 - Abstract (in English, 200-250 words);
 - Key words (in English, 7-12 words);
- Main body of the text;
- About the author (in English) (name, surname, academic ranks, position, institution/affiliation and its address, research field, e-mail);
 - Title in Russian in capital letters;
 - Surname and author(s) initials (Russian transcription);
 - Abstract (in Russian, 200-250 words);

- Key words (in Russian, 7-12 words);
- About the author (in Russian) (name, surname, academic ranks, position, institution/affiliation and its address, research field, e-mail);
- Other materials – by agreement with the Editorial office.

Please, send two files of an article – one containing an article and information about the authors, another – without information about the authors for anonymous peer reviewing by experts in a respective field.

Accepting an article the Editorial Board and Council reserve the right to edit and to reduce a text as well as to reject publishing after peer reviewing and editing.

Footnotes requirements:

Footnotes in Russian should follow Russian national standards ГОСТ (GOST) 7.1 and ГОСТ (GOST) 7.82, in English – “Scopus” journals requirements. Russian titles of articles and books are transliterated in Latin letters and translated into English. Literature guide is available at journal web-site:

<https://www.comparativepolitics.org/jour/about/submissions#authorGuidelines>

One can transliterate automatically using www.translit.ru website and choosing “LC” (Library of Congress) transliteration regime.

Articles of PhD students are accepted with recommendation letter from their university, departments and, research institutions or academic advisor.

Submissions which violate these requirements will be rejected.